21 103/679

Книгоиздательство „Свободный Трудъ“.

И 103/679

Къ 25-ти лѣтію

1881-1906 г.г.

ДѢЛО 1-го МАРТА 1881 г.

Процессъ Желябова, Перовской и др.

(Правительственный отчетъ).

Со статьей и примѣчаніями

Льва Дейча.

ЦѢНА 75 к.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
ф. 30-3276
С

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская № 31.
1906 г.

Александръ Даниловичъ
Алферовъ.
Москва, Лубянская, [illegible] 19 п. д. 21.

2007237434

ЗАСѢДАНІЕ ОСОБАГО ПРИСУТСТВІЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ДѢЛЪ О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

Дѣло объ убійствѣ императора Александра II-го, совершенномъ 1-го марта 1881 года.

Составъ присутствія: первоприсутствующій сенаторъ Е. Я. Фуксъ; присутствовали сенаторы: Н. Н. Биппенъ, Н. С. Писаревъ, И. Н. Орловъ, А. И. Синицынъ и А. В. Бѣлостоцкій; сословные представители: предводители дворянства: с.-петербургскій губернскій,— графъ А. А. Бобринскій, и петергофскій уѣздный,— баронъ М. Н. Корфъ, московскій городской голова Третьяковъ и волостной старшина Москов. волости, С.-Петербургской губ. и уѣзда А. Гелькеръ, при оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ. Обвинялъ исполняющій обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго

сената, товарищъ прокурора с.-петербургской судебной палаты Н. В. Муравьевъ. Защитники подсудимыхъ, присяжные повѣренные: Унковскій—Рысакова, Хартулари—крестьянина Тимоѳея Михайлова, Герке 1-й—мѣщанки Геси Гельфманъ, Герардъ—сына священника Николая Кибальчича и Кедринъ—дворянки Софьи Перовской. Подсудимый, крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ защитника имѣть не пожелалъ.

Засѣданіе 26-го марта 1881 года.

Засѣданіе открыто въ 11 часовъ дня объявленіемъ первоприсутствующаго о подлежащемъ разсмотрѣнію особаго присутствія дѣлѣ о подсудимыхъ: Рысаковѣ, Михайловѣ, Гельфманъ, Перовской, Кибальчичѣ и Желябовѣ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Затѣмъ были введены подсудимые, которые заняли на скамьѣ подсудимыхъ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Рысаковъ, 2) Михайловъ, 3) Гельфманъ, 4) Кибальчичъ, 5) Перовская и 6) Желябовъ. По распоряженію первоприсутствующаго, оберъ-секретарь прочелъ предложенія г. министра юстиціи особому присутствію, изъ коихъ видно, что по высочайшему его императорскаго величества повѣленію, испрошенному на основаніи 2-го пункта 1,031-й ст. уст. уг. суд. (по пр . 1879 г.), настоящее дѣло отнесено къ вѣдѣнію особаго присутствія правительствующаго сената.

Первоприсутствующій. Во исполненіе сего высочайшаго повѣленія, особое присутствіе правительствующаго сената приступаетъ къ разсмотрѣнію означеннаго дѣла. Подсудимый Рысаковъ, объявите ваше званіе, имя, отчество и фамилію.

Подсудимый Рысаковъ. Мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ Рысаковъ.

Вопросъ. Сколько вамъ лѣтъ?—Отвѣтъ 19.—В. Ка-

кого вѣроисповѣданія?—О. Православнаго;—В. Гдѣ проживали послѣднее время?—О. Въ Петербургѣ, на Пескахъ и на Петербургской сторонѣ. В. Получили копіи съ обвинительнаго акта?—О. Получилъ.

На тѣ-же вопросы, обращенные къ остальнымъ подсудимымъ, они отвѣчали:

Михайловъ — крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гавриловка, Тимоѳей Михайловъ, 21-го года, православный, занимался котельными работами, жилъ на Пескахъ, копіи съ обвинительнаго акта получилъ.

Гельфманъ—мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, проживала по Телѣжной улицѣ, занималась революціонными дѣлами, 26-ти лѣтъ, копіи съ обвинительнаго акта получила.

Кибальчичъ—сынъ священника Николай Кибальчичъ, православный, жилъ по Лиговкѣ, № 83-й, занимался отчасти литературой, 27-ми лѣтъ, копіи съ обвинительнаго акта получилъ.

Перовская—дворянка Софья Перовская 27-ми лѣтъ, жила по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, занималась революціонными дѣлами.

Желябовъ. Я получилъ документъ...

Первоприс. Прежде объясните суду ваше званіе, имя и фамилію.

Подс. Желябовъ. Крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ. Я получилъ документъ, относящійся къ этому дѣлу. По нѣкоторымъ признакамъ я сомнѣваюсь, чтобы онъ исходилъ отъ того учрежденія, которое въ немъ значится, и прошу удостовѣрить подлинность этого документа. Документъ за нумеромъ неизвѣстнымъ, по-

лученъ мною безъ 20-ти минутъ въ 11 часовъ сегодня. Онъ озаглавленъ: «объявленіе отъ исполняющаго обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената». Подписанъ: Плеве. Сравнивая его съ постановленіемъ особаго присутствія правительствующаго сената въ распорядительномъ засѣданіи 22-го марта, я нахожу большую разницу. Не говоря о томъ, что первый документъ не имѣетъ нумера, въ немъ не сказано, изъ кого состояло особое присутствіе сената и постановленіе его подписано-ли кѣмъ-нибудь, или нѣтъ. Между тѣмъ, этотъ документъ отвѣчаетъ на заявленіе, имѣющее по дѣлу крайне серьезное значеніе, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію. Я 25-го числа, подалъ въ особое присутствіе изъ крѣпости заявленіе о неподсудности моего дѣла особому присутствію сената, какъ суду коронному, такъ какъ признаю правительство одною изъ заинтересованныхъ сторонъ въ этомъ дѣлѣ и полагаю, что судьею между нами, партіей революціонеровъ, и правительствомъ, можетъ быть только одинъ—всенародный судъ, или черезъ непосредственное голосованіе народа, или въ лицѣ его законныхъ представителей, избранныхъ правильно въ учредительное собраніе. Полагая, что настоящая форма суда лично къ намъ непримѣнима, я заявлялъ о томъ, что, по справедливости и по духу даже нашихъ русскихъ законовъ, наше дѣло подлежитъ разсмотрѣнію суда присяжныхъ засѣдателей, какъ представляющихъ собою общественную совѣсть, и просилъ на это заявленіе отвѣта. Я получилъ это объявленіе и прошу удостовѣрить, дѣйствительно-ли это есть постановленіе особаго присутствія правительствующаго сената въ распорядительномъ его засѣданіи.

Первоприс. Я сейчасъ разрѣшу ваше сомнѣніе.

Г. оберъ-секретарь, прочтите опредѣленіе присутствія, состоявшагося въ распорядительномъ засѣданіи сегодня.

Оберъ-секретарь прочелъ слѣдующее: 1881 года, марта 26-го дня, въ распорядительномъ засѣданіи особаго присутствія, по указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ слушали: заявленіе подсудимаго Желябова о неподсудности его дѣла особому присутствію по передачѣ дѣла на разсмотрѣніе суда присяжныхъ засѣдателей. Заявленіе это онъ основываетъ на томъ, что дѣйствія, за которыя онъ преданъ суду, направлены противъ правительства, что правительство есть заинтересованная сторона, что особое присутствіе, состоящее изъ правительственныхъ чиновниковъ, не можетъ разсматривать это дѣло и оно должно подлежать разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей, какъ суда представителей общественной совѣсти. Выслушавъ это заявленіе и заключеніе исполняющаго обязанности прокурора, особое присутствіе находитъ, что отводъ о неподсудности дѣла, за силою 2-го п. 1,031-й ст. уст. угол. суд., 2-й части XV-го т. свод. закон., по продолженію 1879 года, и 600-й ст. того-же устава, лишенъ всякаго основанія и не подлежитъ удовлетворенію, а потому опредѣляетъ: заявленіе Желябова оставить безъ послѣдствій, о чемъ ему и объявить.

Желябовъ. Я этимъ объясненіемъ удовлетворенъ.

Первоприс. Опредѣленіе это подписано всѣми членами присутствія.

Желябовъ. Я удовлетворенъ.

Первоприс. Теперь я приглашаю васъ отвѣтить на мои вопросы: сколько вамъ лѣтъ?

Подс. Желябовъ. 30 лѣтъ. В.—Вѣры православной?—О. Крещенъ въ православіи, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса Христа признаю. Эта

сущность ученія среди моихъ нравственныхъ побужденій занимаетъ почетное мѣсто. Я вѣрю въ истину и справедливость этого вѣроученія и торжественно признаю, что вѣра безъ дѣла мертва есть, и что всякій истинный христіанинъ долженъ бороться за правду, за права угнетенныхъ и слабыхъ, и если нужно, то за нихъ и пострадать: такова моя вѣра.—В. Гдѣ вы проживали въ послѣднее время и чѣмъ занимались?—О. Въ послѣднее время я жилъ въ первой ротѣ Измайловскаго полка и вообще жилъ тамъ, гдѣ требовало дѣло, указанное мнѣ Исполнительнымъ Комитетомъ. Служилъ я дѣлу освобожденія народа. Это мое единственное занятіе, которому я много лѣтъ служу всѣмъ моимъ существомъ.—В. Получили копіи съ обвинительнаго акта?—О. Получилъ копіи съ трехъ обвинительныхъ актовъ, въ томъ числѣ одну съ дополнительнаго обвинительнаго акта.

Первоприс. Вторую копію вы получили взамѣнъ первой. Г. судебной приставъ, всѣ лица вызванныя явились?

Судебный приставъ. Имѣю честь доложить, что не явилось четверо: полковникъ Дворжицкій, ротмистръ Кулебякинъ, городовой Денисовъ и сынъ купца Гольденбергъ.

Оберъ-секретарь доложилъ особому присутствію причины неявки означенныхъ свидѣтелей, а именно: первые трое по медицинскимъ удостовѣреніямъ не могли явиться вслѣдствіе болѣзни отъ ранъ и поврежденій, а Гольденбергъ за смертью.

Первоприс. Прошу заключенія г. прокурора.

Исп. д. об.-прокурора Муравьевъ. Принимая во вниманіе, что свидѣтели Дворжицкій, Кулебякинъ и Денисовъ не явились въ судъ вслѣдствіе законно-удосто-

вѣреннаго болѣзненнаго состоянія, и руководствуясь 4-мъ пункт. 388-й ст. уст. уг. суд., я полагалъ-бы неявку ихъ признать законною. Затѣмъ, признавая эти показанія имѣющими въ дѣлѣ существенное значеніе и, на основаніи 626-й ст. уст. уг. суд. подлежащими прочтенію по ходатайству сторонъ, я отсутствіе ихъ не считаю препятствіемъ къ слушанію дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я имѣю сдѣлать заявленіе, касающееся умершаго Гольденберга. Обвинительная власть указала свидѣтеля Гольденберга въ спискѣ, приложенномъ къ обвинительному акту, и тѣмъ самымъ заявила о своемъ предположеніи воспользоваться на судѣ показаніемъ этого свидѣтеля посредствомъ его прочтенія, на основаніи 626-й ст. уст. уг. суд., разъясненной рѣшеніями правительствующаго сената. Руководствуясь этими рѣшеніями, именно: 1869 года № 137, того-же года № 831 затѣмъ 1874 года № 456, я, въ настоящее время, имѣю честь заявить, что показаніе Гольденберга, имѣющее значеніе свидѣтельскаго показанія по отношенію къ другимъ подсудимымъ, должно быть прочитано на судебномъ слѣдствіи, и подъ условіемъ этого прочтенія обвинительная власть считаетъ возможнымъ продолжать судебное слѣдствіе.

Первоприс. Что можетъ заявить защита по вопросу о продолженіи засѣданія.

Прис. пов. Уиковскій. Я съ своей стороны полагаю, что неявка четырехъ свидѣтелей не можетъ служить препятствіемъ къ продолженію дѣла и также не вижу никакой причины къ неудовлетворенію ходатайства г. прокурора.

Прис. пов. Хартулари. Я присоединяюсь.

Прис. пов. Герке. 1-й Я тоже.

Прис. пов. Герардъ. Я не вижу препятствія къ слушанію дѣла, но что касается показанія умершаго Гольденберга, то, въ свое время, когда явится моментъ для прочтенія его показанія, я прошу предоставить мнѣ слово о возможности или невозможности чтенія этого показанія.

Первоприс. Не признаете-ли вы возможнымъ сдѣлать это заявленіе теперь-же?

Прис. пов. Герардъ. Я полагаю, что чтеніе показанія Гольденберга съ формальной стороны не можетъ быть допущено въ настоящемъ засѣданіи. Я это основываю на слѣдующемъ соображеніи. Правительствующій сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ многократно разъяснялъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. прокуроръ, что показанія умершихъ сообвиняемыхъ могутъ читаться какъ показанія свидѣтелей, но Гольденбергъ никогда не былъ сообвиняемымъ съ настоящими подсудимыми. Онъ судился по совершенно другому дѣлу и въ преступленіи 1-го марта Гольденбергъ не обвиняется. Онъ не былъ привлекаемъ ни въ качествѣ свидѣтеля, ни въ качествѣ обвиняемаго. Поэтому чтеніе его показанія, съ формальной стороны, не можетъ быть допущено и не можетъ оправдываться ни закономъ, ни рѣшеніями кассаціоннаго сената.

Прис. пов. Кедринъ. Я присоединяюсь къ только что высказанному заявленію.

Прокур. Въ объясненіяхъ г. защитника подсудимаго Кибальчича, очевидно, есть недоразумѣніе. Дѣйствительно, Гольденбергъ не былъ преданъ суду и за смертью не могъ привлекаться къ дѣлу о преступленіи 1-го марта. Но подсудимый Желябовъ, одинъ изъ настоящихъ подсудимыхъ, подлежалъ привлеченію къ суду и не былъ

привлеченъ только за перозысканіемъ по тому-же дѣлу, по которому былъ привлеченъ, въ качествѣ обвиняемаго при своей жизни, Гольденбергъ. Поэтому Гольденбергъ и Желябовъ являются обвиняемыми по одному и тому-же дѣлу. Въ числѣ обвиненій, падающихъ на Желябова, есть обвиненіе въ приготовленіи взрыва на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ, подъ городомъ Александровскомъ, падающее также и на Гольденберга. Въ виду изложенныхъ фактовъ, обвиненіе продолжаетъ настаивать на прочтеніи показанія Гольденберга.

Прис. пов. Герардъ. Въ такомъ случаѣ, особое присутствіе можетъ изъ показанія Гольденберга ограничиться прочтеніемъ только тѣхъ частей, которыя касаются виновности Желябова и Гольденберга относительно взрыва подъ Александровскомъ.

Первоприс. Г. прокуроръ, вы просите прочесть все показаніе Гольденберга или только выдержки, относящіяся до Желябова?

Прок. На основаніи рѣшенія сената по дѣлу Багрянцова, на представителя стороны, требующей прочтенія показанія такого свидѣтеля, какъ Гольденбергъ, возложена обязанность точно указать, въ свое время, чтенія какихъ именно частей онъ желаетъ; эту обязанность и исполнитъ обвинительная власть. Она имѣетъ въ виду воспользоваться не всѣмъ показаніемъ Гольденберга, а лишь извѣстными частями, касающимися Желябова, Перовской и Кибальчича.

Желябовъ. Я имѣю сдѣлать заявленіе. Мое заявленіе касается вызова или, правильнѣе сказать, ссылки г. прокурора на показаніе Гольденберга. Я въ русскихъ законахъ не силенъ и потому становлюсь подъ защиту суда въ отношеніи толкованія закона. На мою просьбу

вызвать свидѣтелями Кошурникова и Колоткевича, особое присутствіе отвѣчало (читаетъ): «Особое присутствіе правительствующаго сената, останавливаясь на ходатайствѣ Желябова о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей Кошурникова и Колоткевича, находитъ, что по общему смыслу законовъ, относящихся до свидѣтелей, къ числу ихъ не могутъ быть отнесены такія лица, которыя совмѣстно преслѣдуются за одно и то-же дѣяніе; что цѣль допроса свидѣтелей состоитъ въ успѣшномъ разъясненіи обстоятельствъ дѣла въ интересахъ истины, а такъ какъ отъ лицъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ подсудимыми за одно и то-же преступленіе, нельзя ожидать безпристрастныхъ, согласныхъ съ истиною показаній, и законъ разрѣшаетъ свидѣтелямъ не отвѣчать и т. д.: то Кошурникова и Колоткевича не вызывать. Обвиняемый Гольденбергъ находится въ томъ-же положеніи, какъ Кошурниковъ и Колоткевичъ, т.-е. состоитъ обвиняемымъ по одному со мною дѣлу. Спрашивается: духъ русскаго закона, распространяющійся на Кошурникова и Колоткевича, не долженъ-ли распространяться и на Гольденберга, смерть котораго, т. е. причина его неявки, не удостовѣрена пока, и я прошу удостовѣрить: дѣйствительно-ли Гольденбергъ умеръ и какія есть на это данныя. Причины неявки Дворжицкаго и другихъ свидѣтелей удостовѣрены медицинскими свидѣтельствами, и я желалъ бы знать, какія имѣются доказательства, что Гольденбергъ дѣйствительно умеръ.

Особое присутствіе удалилось для совѣщанія.

По возобновленіи засѣданія, первоприсутствующій объявилъ слѣдующее: Особое присутствіе, по выслушаніи доклада оберъ-секретаря, заключенія прокурора и заявленій защиты и подсудимаго Желябова, постановило съ-

дующее опредѣленіе: признавая причину неявки свидѣтелей Дворжицкаго, Кулебякина и Денисова законною, отвѣтственности ихъ не подвергать; судебное засѣданіе, не смотря на неявку свидѣтелей, продолжать и показанія ихъ, согласно 626-й ст. уст. угол. суд., прочесть въ свое время. Что касается до заявленія подсудимаго Желябова и защитниковъ другихъ подсудимыхъ относительно непрочтенія показанія Гольденберга, о смерти коего имѣется удостовѣреніе въ приложенномъ къ дѣлу производствѣ о 16-ти лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, то, въ виду имѣющихся по сему предмету кассаціонныхъ рѣшеній, особое присутствіе признаетъ, что Гольденбергъ одинъ изъ обвиняемыхъ по упомянутому выше преступленію, оговорившій при жизни своихъ соучастниковъ и не допрашиваемый, по содержанію его оговора, за смертью, находится въ иномъ положеніи, нежели лица, указанныя Желябовымъ, такъ какъ послѣднія являются сообвиняемыми съ нимъ по дѣлу, еще въ отношеніи ихъ неоконченному, посему и постановляетъ: показаніе Гольденберга въ частяхъ, относящихся до подсудимыхъ по настоящему дѣлу, прочесть. Затѣмъ, по распоряженію первоприсутствующаго, оберъ-секретарь прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

которымъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ: тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ; крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Львова Перовская, 27 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гавриловка, Тимоѳей Михайловъ, 21 года, и мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, 26 лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

I.

1-го марта 1881 г., въ воскресенье, во второмъ часу пополудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, противъ сада Михайловскаго дворца, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ его императорское величество государь императоръ Александръ Николаевичъ. Неслыханное по гнусности своей и бѣдственнымъ послѣдствіямъ преступленіе это и сопровождавшее его причиненіе смерти и поранеій многимъ лицамъ совершены были посредствомъ двухъ, произведшихъ взрывы, метательныхъ снарядовъ.

Обстоятельства злодѣянія, изслѣдованнаго дознаніемъ въ порядкѣ, установленномъ въ 1 главѣ 2 разд. 3 книги уст. угол. суд., 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 г., по

продолж. 1879 г., а въ нѣкоторыхъ частяхъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, были выяснены какъ осмотрами мѣста и вещественныхъ доказательствъ преступленія, такъ и показаніями нижепоименованныхъ свидѣтелей-очевидцевъ: полицеймейстера 1-го отдѣленія полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха, ротмистра терскаго казачьяго эскадрона собственнаго его императорскаго величества конвоя Кулебякина, конвойныхъ казаковъ: унтеръ-офицера Козьмы Мачиева и рядовыхъ Михея Луценко и Петра Кузменко, адъютанта с.-петербургской крѣпостной артиллеріи штабсъ-капитана Кюстера, офицеровъ кадроваго батальона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитановъ: Новикова и Франка, подпоручика Рудыковскаго, лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка поручика графа Гендрикова и 139 моршанскаго пѣхотнаго полка подпоручика Митрофана Крахоткина, камеръ-пажа Косцинскаго, младшаго медицинскаго фельдшера лейбъ-гвардіи павловскаго полка Василія Горохова, рядовыхъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Ивана Евченко и Платона Макарова, городоваго 3-го участка Александро-Невской части Василія Несговорова, отставнаго рядоваго Петра Павлова и крестьянина Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, дер. Пятигорки, Михаила Назарова.

Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ бозѣ почившій государь императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты государя императора, на разстояніи 2 саженей отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полицеймейстеръ кол-

ковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженъ 50 отъ угла Инженерной улицы, ровно въ 2¼ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ-бы вѣромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то-же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ государя императора, доложилъ его величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію государя, свидѣтель проводилъ его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился, уже окруженный толпою народа, задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу его величество, спросилъ: «что съ государемъ?» на что государь императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ 10-ти до Рысакова, изволилъ сказать: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ!...» указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ-же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услыхавъ слова государя, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава-ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ, онъ-ли стрѣлялъ, его императорское величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова, кто онъ такой, на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по напра-

вленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ его, раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣгу и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась -пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и государь императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ-же лежала шинель государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ государемъ императоромъ, полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли и услыхавъ едва внятно произнесенныя слова государя: «Помоги», вскочилъ и подбѣжалъ къ нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: «Холодно, холодно». Тогда, приподнявъ государя, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера Павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подосиѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову страдальца. Наклонившись къ своему августѣйшему брату, великій князь спросилъ, слышитъли его величество, на что государь императоръ тихо

отвѣчалъ: «Слышу»; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ государь себя чувствуетъ, государь императоръ изволилъ сказать. «Скорѣе... во дворецъ», а затѣмъ, какъ-бы въ отвѣтъ на услышанное имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести его въ ближайшій домъ для подачи первоначальной помощи, его императорское величество произнесъ: «Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть...». То были послѣдніе, слышанные свидѣтелями, слова умирающаго монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему его величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулябкинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Кузменко и Луценко, повезъ государя императора въ Зимній дворецъ.

Неисповѣдимыя велѣнія промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того-же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ государь былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ-же день, въ 3 часа 35 мин. пополудни, въ бозѣ почилъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ при дознаніи, оказывается, что изъ свиты государя императора при взрывахъ было болѣе или менѣе опасно ранено 9 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже скончался, а изъ числа чиновъ полиціи и посторонннихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ преступленія, ранено 11, изъ которыхъ двое (въ томъ числѣ 14-ти лѣтній крестьянскій мальчикъ Николай Максимовъ) умерли черезъ нѣсколько часовъ.

По соображеніи данныхъ, обнаруженныхъ осмотромъ мѣстности преступленія и оказавшихся на ней предметовъ, спрошенные въ качествѣ экспертовъ: командиръ

гальванической учебной роты полковникъ Лисовскій, командиръ 1-го военно-телеграфнаго парка подполковникъ Шахъ-Назаровъ и капитанъ 4-го сапернаго батальона Родивановскій пришли къ заключенію, что по внѣшнему виду и свойствамъ вышеозначенныхъ предметовъ, взрывы были произведены двумя бронзовыми снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки, причемъ зарядъ каждаго состоялъ приблизительно изъ 5 фунтовъ ударнаго состава и взрывчатаго вещества, повидимому, нитроглицерина.

Метательный снарядъ, причинившій первый взрывъ, какъ установлено единогласными свидѣтельскими показаніями, былъ брошенъ подъ карету государя императора именно Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Свидѣтели Назаровъ и Гороховъ видѣли Рысакова, передъ самымъ проѣздомъ государя, тихо шедшимъ по панели канала на встрѣчу императорской каретѣ, причемъ Гороховъ замѣтилъ у него въ рукахъ что-то круглое, въ родѣ тарелки, завернутое въ бѣлый платокъ, а Назаровъ удостовѣрилъ, что, поровнявшись съ каретой государя, Рысаковъ бросилъ подъ лошадей что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга, и побѣжалъ, но былъ задержанъ бросившимися на него свидѣтелями. По словамъ Назарова, Рысаковъ, по задержаніи его, казался спокойнымъ и даже смѣялся, а по объясненію свидѣтелей Горохова, Несговорова и Макарова, доставившихъ Рысакова въ управленіе градоначальника, онъ просилъ ихъ оградить его отъ разъяреннаго народа, за исполненіе чего благодарилъ ихъ.

Что-же касается до виновника втораго взрыва, то крестьянинъ Петръ Павловъ показалъ, что когда государь, отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то неизвѣстный человѣкъ, стоявшій бо-

комъ и приклонившись къ рѣшеткѣ, выждалъ приближеніе государя императора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ и, приподнявъ руки вверхъ, бросилъ что то на панель, отчего и послѣдовалъ второй взрывъ.

Не смотря на отсутствіе прямыхъ указаній на личность упомянутаго виновника втораго взрыва, при производствѣ дознанія были собраны данныя, приводящія съ полною вѣроятностью къ заключенію о томъ, что означенный взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ пострадавшихъ отъ него-же, неизвѣстнымъ человѣкомъ, который былъ поднятъ на мѣстѣ преступленія и доставленъ въ безсознательномъ состояніи въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, гдѣ и умеръ, спустя 8 часовъ, придя нѣсколько въ себя и отвѣтивъ передъ смертью на вопросъ о своемъ имени и званіи: «не знаю».

По судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа этого неизвѣстнаго человѣка, на тѣлѣ его и преимущественно на передней части тѣла, въ томъ числѣ, въ особенности, на правой рукѣ, оказалось множество пораненій, причиненныхъ, по мнѣнію врачей-экспертовъ, при взрывѣ, который, по характеру поврежденій, въ связи съ свойствами взрывчатаго вещества, долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи отъ умершаго, не далѣе какъ на три шага.

II.

При производствѣ совокупнаго разслѣдованія по дѣламъ о предшествовавшихъ покушеніяхъ на жизнь священной особы нынѣ въ бозѣ почившаго государя императора 2-го апрѣля, 18-го и 19-го ноября 1879 и 5-го февраля 1880 г., были обнаружены данныя, послѣдовательный рядъ которыхъ приводилъ къ предположенію о задуманномъ и уже готовящемся въ средѣ, извѣстныхъ по прежнимъ дѣламъ, преступныхъ дѣятелей, новомъ, такомъ-же, посягательствѣ, а при возникновеніи настоящаго дѣла выяснились указанія на принадлежавшихъ къ той средѣ истинныхъ защитниковъ и руководителей 1-го марта 1881 года. Изъ имѣющихся въ настоящемъ дѣлѣ свѣдѣній объ означенныхъ данныхъ, составляющихъ предметъ еще производящагося, но уже близкаго къ окончанію, особаго дознанія видно, что въ ноябрѣ 1880 г. былъ арестованъ дворянинъ Александръ Михайловъ, проживавшій подъ фамиліею Поливанова, при обыскѣ у котораго найденъ динамитъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о его преступной дѣятельности. Вслѣдъ за тѣмъ, при дальнѣйшихъ розыскахъ, были обнаружены двѣ, занимаемыя членами партіи, квартиры, изъ которыхъ въ первой, по Большой Подъяческой улицѣ, д. № 11, помѣщалась тайная типографія. Посѣтители этихъ квартиръ, проживавшіе подъ чужими именами и по подложнымъ видамъ на жительство, были задержаны одинъ за другимъ, причемъ въ числѣ ихъ оказались, извѣстные по прежнимъ розыскамъ и процессамъ, агитаторы Фриденсонъ (Агаческуловъ), Баранниковъ, (онъ-же Кошурниковъ и Алафузовъ) и Колоткевичъ (Петровъ)

Затѣмъ результаты изслѣдованія привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль, проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ, дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригони и крестьянинъ Таврической губ., Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь его императорскаго величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 г. близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27-го февраля сего года одновременно съ Тригони, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

По обнаруженіи мѣстожительства Желябова, проживавшаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновою Войновою, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ д. № 17—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Златовскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ бозѣ почивающій государь императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфектъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфектъ и одной изъ-подъ сахару) черняго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

По заключенію эксперта, завѣдующаго химическою лабораторіей михайловской артиллерійской академіи и училища, генералъ-маіора Ѳедорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны

тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Федорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день ареста, 28-го февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ.

Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и розыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь священной особы государя императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 г., близъ Москвы, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 г., по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ «Исполнительнаго Комитета» и 14 экземпляровъ отъ «Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли».

Дознаніемъ выяснено, что, въ іюнѣ 1880 г., Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ и еще неразысканною, выбыла изъ д. № 32—4, Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кварт. № 23 д. № 17 -18, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Славянскаго.

Изъ показаній свидѣтелей: старшаго дворника дома

№ 17—18, крест. Харитона Пѣтушкова, его подручнаго дворника, запаснаго рядоваго Григорія Аѳанасьева, и содержательницы мелочной лавочки въ томъ-же домѣ, крестьянки Ирины Аѳанасьевой, называвшіеся Слатвинскимъ (Желябовъ) и Войновою (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писемъ не получали, прислуги не имѣли, такъ что Войнова (Перовская) сама покупала провизію и готовила кушанье. 27-го февраля она вышла изъ квартиры вмѣстѣ съ Слатвинскимъ (Желябовымъ), который уже болѣе не возвращался: Войнова-же (Перовская) вернулась вечеромъ и провела ночь дома. 28-го февраля она два раза, черезъ задній ходъ, приходила въ лавочку Аѳанасьевой, причемъ въ первый разъ купила коленкору, а во второй тесьмы, говоря, что покупаетъ это для платья. Въ оба свои прихода въ лавочку она выходила изъ нея чистымъ входомъ прямо на улицу, причемъ, послѣ вторичнаго ея появленія у Аѳанасьевой, около 9 часовъ вечера, Войнову (Перовскую) уже въ домѣ не видѣли, и 1-го марта, по пріѣздѣ должностныхъ лицъ для производства обыска въ квартирѣ Желябова, квартира эта оказалась пустою.

III.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая «конспиративная» квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5-й сдѣланъ былъ,

въ ночь на 3-е марта, впезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу окровавленнымъ только-что, повидимому, застрѣлившагося человѣка. По заключенію приглашеннаго, для подачи медицинской помощи, врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ-же вскорѣ умеръ. По осмотрѣ домовой книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5-й, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлившагося человѣка, проживавшаго подъ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго пѣхотнаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣлившагося роднаго брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который 1878 г. выѣхалъ изъ г. Москвы неизвѣстно куда, причемъ съ тѣхъ поръ родные никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

Женщина, задержанная въ «конспиративной» квар-

тирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко Навроцкимъ, застрѣлившійся передъ обыскомъ былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 гг., принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ, совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Ивановымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 г. за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875., вмѣстѣ съ Морозовымъ, возвратился въ Россію, причемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимаціонной картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2-мъ отд. ст. 250-й улож. о наказ. съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября—23-го января 1877—78 гг., онъ подлежалъ наказанію указанному въ 3-й степ. 31-й ст. улож. о наказ., причемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства смягчающія, въ числѣ другихъ и его, Саблина, юную въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и, между прочимъ, долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ монаршимъ милосердіемъ о вмѣ-

нія ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало высочайшее его императорскаго величества имя въ бозѣ почившаго государя императора соизволеніе.

По обыску въ «конспиративной» квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1-го марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, представляютъ нижеслѣдующіе предметы: 1) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генералъ-майора Ѳедорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сюрьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу, посредствомъ стопина, воспламененіе, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студня съ камфорой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины, въ какомъ-бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащія для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетовая соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сюрьмой; 7) рисунокъ

карандашемъ на оборотѣ транспаранта какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, не имѣющій, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ г. С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго дворца и съ слабыми карандашными-же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу, и 9) сдѣланный карандашемъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличеніи его съ планомъ гор. С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

IV.

По указаніямъ, сдѣланнымъ обвиняемымъ Рысаковымъ, была обнаружена квартира, въ которой обвиняемая Гельфманъ проживала до переѣзда своего въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ. Квартира эта помѣщалась подъ № 25. въ д. $^{27}/_{1}$ по Троицкому переулку, причемъ Гельфманъ жила въ ней подъ именемъ Елизаветы Андреевой Николаевой ,вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, проживавшимъ подъ именемъ московскаго мѣщанина Андрея Иванова Николаева, котораго она выдавала за своего мужа.

Осмотромъ домовой книги означеннаго дома № $^{27}_{1}$,

также показаніемъ дворника сто—отставнаго рядоваго Усмана Булатова удостовѣрено, что Николаевы записаны переѣхавшими въ этотъ домъ 15-го сентября 1880 г. изъ Петергофа, а выбывшими 17-го февраля 1881 г. въ Москву. По словамъ Булатова, Николаева (Гельфманъ), жившая съ мужемъ очень скромно и уединенно, посила куда-то изъ своей квартиры картонные листы. Человѣкъ называвшійся Николаевымъ, выбылъ изъ квартиры на нѣсколько дней раньше Гельфманъ, причемъ отмѣтился выбывшимъ въ Москву. Вскорѣ и Гельфманъ, заявивъ, что мужъ ея умираетъ въ Москвѣ и что она ѣдетъ къ нему, продала свою мебель и съ однимъ чемоданомъ выѣхала изъ квартиры.

3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска въ д. № 5-й, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждаго, кто придетъ въ обыскашую квартиру—явился молодой человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во 2-й этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго—«куда онъ идетъ?»- неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12-й, каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ квар. № 5-й, гдѣ и задержанъ. Когда-же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ, а помощнику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слуцкому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопро-

тивлснія, связанный неизвѣстный человѣкъ былъ доставленъ въ управленіе с.-петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоѳеемъ Михайловымъ.

Изложенное удостовѣряется показаніями прикомандированнаго къ 1-му участку Александро-Невской части, коллежскаго ассесора Рейнгольдта, помощника пристава Слуцкаго, околоточнаго надзирателя Зезюкина, городовыхъ Ивана Шлыкова, Ефима Денисова и дворника Мирона Сергѣева, а также протоколами обыска у Тимоѳея Михайлова и судебно-медицинскаго освидѣтельствованія Слуцкаго.

При обыскѣ у Тимоѳея Михайлова былъ найденъ печатный экземпляръ высочайшаго манифеста отъ 1-го марта 1881 года о восшествіи на всероссійскій престолъ его императорскаго величества императора Александра III-го; на оборотѣ этой бумаги оказались написанными карандашемъ адресы трехъ пунктовъ въ г. С.-Петербургѣ, съ означеніемъ при каждомъ извѣстныхъ часовъ и, между прочимъ, съ указаніемъ кондитерской Исакова, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой, и съ отмѣткою противъ этой записи о 4-хъ часахъ.

Вслѣдствіе такого указанія, въ означенной кондитерской, въ 4-мъ часу пополудни 3-го марта, были приведены въ извѣстность всѣ лица, оказавшіяся въ ней въ этотъ часъ, причемъ былъ задержанъ сынъ священника Иванъ Григорьевъ Орловъ, назвавшійся мѣщаниномъ Козыревымъ, имѣвшій при себѣ чужой видъ на жительство на это послѣднее имя, а также небольшой кинжалъ. У него-же, по обыску, кромѣ противоправительственныхъ изданій и рукописей, указывающихъ на его преступную

агитаціонную дѣятельность въ народѣ, оказалось два исписанныхъ листа бумаги, въ которыхъ говорится о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и рабочихъ.

Листы эти, по собственному признанію Тимоѳея Михайлова, оказались писанными его рукою.

О задержанномъ при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ сынѣ священника Орловѣ, заявившемъ при допросѣ о принадлежности своей къ «соціально-революціонной партіи», возбуждено и производится особое отъ настоящаго дѣла дознаніе.

V.

4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома $\frac{56}{8}$ (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки, въ подвальномъ этажѣ того-же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобызевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею, Еленою Ѳедоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причемъ, по приглашеніи на мѣсто судебнаго слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генералъ-майора Ѳедорова, военнаго инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той-же

роты штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ нею помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, неимѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь-же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая-же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ-то: буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы. Въ отверстіи оказалась стклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали), для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ-же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ проводы оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генералъ-майора Ѳедорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2\frac{1}{2}$ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ до-

махъ были-бы вышиблены оконныя рамы и могли-бы обвалиться печи и потолки. Что-же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобызева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлереи.

Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобызевыми наняли лавку въ д. графа Мепгденъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1,200 р. въ годъ, и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и вѣжности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду. Кобызевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простого торговца; кромѣ того, часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобызева подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28-го февраля 1881 г., по распоряженію градоначальника, мѣстною полиціею, при участіи техника генералъ-маіоръ Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ, подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, причемъ, однако-же, по удостовѣренію свидѣтелей Мровинскаго, пристава 1 уч. Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобызевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобызевы поочередно уходили изъ дому, а 3-го марта Кобызевъ ушелъ утромъ, жена-же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались.

Изложенное удостовѣряется, кромѣ показаній Мровинскаго, Теглева и Самойлова, еще показаніями посѣщав-

ихъ лавку Кобызевыхъ: управляющаго домовъ графа Менгдена, Георгія Петерсена, дворниковъ Никифора Ульянова и Павла Андреева, околодочнаго надзирателя Исаія Дмитріева, старшаго помощника пристава Лерешанда, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Ѳедора Новикова и содержателя живописно-лакировальной мастерской Ивана Шмидта.

Паспортъ, по которому проживали Кобызевы, оказался подложнымъ, а настоящій Евдокимъ Андреевъ Кобызевъ—безвыѣздно проживающимъ въ г. Воронежѣ.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что, до переѣзда своего въ лавку на Малой Садовой, Кобызевы, съ 22-го ноября 1880 г., проживали въ д. № 75, на углу Невскаго проспекта и Новой улицы, въ меблированныхъ комнатахъ Аѳанасьева, гдѣ дочь хозяина, Екатерина Аѳанасьева, видѣла у нихъ на столѣ сторублевые кредитные билеты, которыя они, уходя, оставляли неприбранными.

По показаніямъ дворниковъ Никифора Самойлова и Никифора Ульянова, въ лавку Кобызевыхъ ходили люди, казавшіеся подозрительными. Такъ, свидѣтель Самойловъ замѣтилъ, что двое изъ этихъ людей, проходившихъ мимо него 27-го февраля, закрывали свои лица воротниками. Узнавъ отъ Самойлова о приходѣ къ Кобызевымъ одного изъ этихъ людей, молодого человѣка, высокаго роста, съ усами, безъ бороды, околодочный надзиратель Исаія Дмитріевъ прослѣдилъ его отъ лавки Кобызевыхъ до угла Невскаго и Малой Садовой, гдѣ означенный человѣкъ нанялъ извозчика, такъ называемаго «лихача» на Вознесенскій проспектъ за 1 рубль. По словамъ этого извозчика, крестьянина Ѳедора Гордина, неизвѣстный, дорогой, измѣнилъ цѣль своей поѣздки и приказалъ ѣхать въ

Измайловскій полкъ, гдѣ, на углу 1-й роты и Тарасова переулка, остановилъ извощика по срединѣ улицы, сошелъ, бросилъ ему 3 р. 20 к., повернулъ въ переулокъ сзади саней и скрылся.

По предъявленіи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу дворникамъ Никифору Самойлову и Никифору Ульянову, они признали въ Андреѣ Желябовѣ, первый—положительно, а второй—по сходству, одного изъ людей, приходившихъ къ Кобызевымъ 27-го февраля.

По предъявленіи обвиняемаго Тимоѳея Михайлова околодочному надзирателю Исаію Дмитріеву и извощику Ѳедору Гордину, они признали въ немъ большое сходство съ тѣмъ вышеупомянутымъ человѣкомъ, который, 26-го февраля, выйдя изъ лавки Кобызевыхъ, нанялъ Гордина на Вознесенскій проспектъ, а затѣмъ сошелъ въ Измайловскомъ полку.

При производствѣ упомянутаго выше обыска въ квартирѣ Желябова и начатаго еще утромъ 1-го марта осмотра всего при этомъ обыскѣ найденнаго, между предметами, находившимися у Желябова, оказались 4 куска сыру, изъ которыхъ два круга русскаго зеленаго сыра съ клеймомъ «С. А. С.», одинъ кругъ русскаго голландскаго сыра и одинъ русскаго честера. По сличеніи чрезъ экспертовъ этихъ сыровъ съ найденными въ лавкѣ Кобызева, они оказались совершенно тождественными между собою, причемъ въ лавкѣ были и сыры съ клеймами «С. А. С.».

VI.

По задержаніи и привлеченіи къ настоящему дознанію, въ качествѣ обвиняемыхъ, Николая Рысакова, Андрея

Желябова, Софіи Перовской, Геси Гельфманъ и Тимофея Михайлова, означеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что между названными лицами, соединенными другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, существовали близкія отношенія и постоянныя оживленныя сношенія, непосредственно предшествовавшія злодѣянію и несомнѣнно свидѣтельствующія о принадлежности ихъ къ одному и тому-же тайному сообществу, которое, замысливъ это злодѣяніе, привело его въ исполненіе.

Признаки такового сообщества усматриваются, независимо отъ изложенныхъ ниже показаній обвиняемыхъ, въ слѣдующихъ данныхъ настоящаго дознанія.

Вслѣдъ за арестомъ обвиняемаго Рысакова были обнаружены двѣ квартиры его: въ первой изъ нихъ, на углу 9-й улицы Песковъ и Мытнинской, въ д. № 32—44, кв. № 17, онъ нанималъ комнату подъ именемъ витебскаго мѣщанина Макара Егорова Глазова, у коллежскаго регистратора Ермолина, представивъ и паспортъ на означенное имя; во второй квартирѣ, на углу 5-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта, въ д. № 6—14, кв. 18, онъ проживалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, нанимая комнату у вдовы надворнаго совѣтника Ксеніи Холодковской. Въ первой изъ означенныхъ квартиръ, кромѣ разныхъ рукописей противоправительственнаго содержанія, были найдены; 1) №№ 2-й и 3-й «Народной Воли»; 2) рукопись, подъ заглавіемъ «Объяснительная записка къ программѣ рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли»; 3) печатный экземпляръ самой программы, и 4) рукопись, подъ заглавіемъ: «Задачи боевой рабочей организаціи», содержащая воззваніе къ «товарищамъ», которые

приглашаются вести борьбу съ правительствомъ путемъ открытыхъ насильственныхъ дѣйствій

Изъ показаній хозяекъ квартиръ, въ которыхъ проживалъ Рысаковъ, Ксеніи Холодковской и Прасковьи Ермолиной, видно, что у первой изъ нихъ онъ жилъ до 31-го января сего года, причемъ къ нему ходилъ лишь одинъ молодой человѣкъ, котораго онъ называлъ своимъ товарищемъ-студентомъ. Во время проживанія Рысакова у Ермолиной, его посѣщали по вечерамъ, вмѣстѣ и порознь, 6-ть человѣкъ его знакомыхъ, съ которыми онъ и уходилъ вмѣстѣ, возвращаясь поздно ночью.

3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ д. № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6-ти экземпляровъ «Рабочей Газеты», напечатанныхъ въ «летучей типографіи «Народной Воли и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова «Программы рабочихъ членовъ партіи», оказалось еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 руб. съ надписью внизу «отчетъ Федора» и 2) платокъ съ мѣткою «П. П. Р.».

По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, она признала въ немъ своего жильца Ельникова.

Изъ показанія Смѣлковой видно, что Ельниковъ переѣхалъ къ Артамоновой 15-го января 1881 г. и велъ

весьма уединенную жизнь, принимая лишь по вечерамъ гостей: 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ, изъ которыхъ одинъ мужчина, высокій и черный, приходилъ обыкновенно вмѣстѣ съ женщиною съ большимъ лбомъ, называвшеюся его женою. Въ ночь на 26-е февраля Ельниковъ первый разъ не ночевалъ дома; 26-го числа вечеромъ пришли къ нему упомянутые мужчина съ женщиной и, кромѣ того, еще другой свѣтлорусый его знакомый, причемъ пробыли у него до 12 час. ночи; 27-го и 28-го февраля Ельникова дома не было, а 1-го марта онъ всталъ раньше обыкновеннаго, въ 8 часовъ утра, быстро одѣлся и ушелъ, послѣ чего уже не возвращался.

По предъявленіи Смѣлковой обвиняемыхъ Рысакова, Желябова, Софьи Перовской и Геси Гельфманъ, свидѣтельница признала въ нихъ лицъ, приходившихъ къ Ельникову, и въ частности: въ Рысаковѣ - свѣтлорусаго человѣка, нерѣдко приходившаго съ высокимъ, черномъ мужчиною и его спутницей и бывшаго у Ельникова съ ними-же 26-го февраля, въ Желябовѣ человѣка, приходившаго къ Ельникову не менѣе 3-хъ разъ, въ Перовской упомянутую спутницу высокаго чернаго мужчины: въ Гельфманъ --женщину, три раза не заставшую Ельникова дома и въ послѣдній разъ оставившую ему записку.

По предъявленіи свидѣтельницѣ трупа Николая Саблина, проживавшаго въ домѣ №-5-й по Телѣжной улицѣ, подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившагося предъ обыскомъ въ ночь на 3-е марта, Смѣлкова признала въ немъ высокаго, чернаго мужчину, часто приходившаго къ Ельникову вмѣстѣ съ упомянутою женщиною съ большимъ лбомъ.

По предъявленіи того-же трупа Саблина свидѣтель-

ницѣ Ермолиной, она признала въ немъ сходство съ однимъ изъ шести лицъ, посѣщавшихъ Рысакова въ ея квартирѣ.

Сверхъ упомянутыхъ уже выше предметовъ, найденныхъ по обыскамъ у Желябова, у Саблина и Гельфманъ, въ домѣ № 5-й, по Тележной улицѣ, и у Перовской, у нихъ, между прочимъ, оказались:

У Желябова, кромѣ нумеровъ «Земли и Воли» и Народной Воли»: 1) нѣсколько прокламацій, въ томъ числѣ отъ «Исполнительнаго Комитета» по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года, 2) гектографированная «Программа дѣйствій великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ», съ объяснительною запиской, и 3) шестнадцать экземпляровъ фотографическихъ группъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ.

У Саблина и Гельфманъ—1) печатная прокламація отъ «Исполнительнаго Комитета», съ надписью внизу: «Исполнительный Комитетъ. 1-го марта 1881 года. Типографіи Народной Воли. 2-го марта 1881 года», по поводу преступленія 1-го марта, въ которой о немъ объявляется, какъ о совершившемся уже событіи, съ изложеніемъ его причинъ и требованій, предъявляемыхъ такъ называемою «соціально-революціонною партіею» къ будущему: 2) многія революціонныя періодическія изданія и брошюры на русскомъ языкѣ; 3) два револьвера съ принадлежностями и кастетъ; 4) кусокъ грифеля, съ вырѣзанною на немъ печатью московскаго генералъ-губернатора, и 5) записка безъ адреса, подписи и числа, на небольшомъ клочкѣ бумаги, относящаяся, повидимому, до организаціи преступной дѣятельности «партіи». Въ запискѣ этой говорится о добываніи и присылкѣ револьверовъ, кинжаловъ, паспортовъ, печатей мѣщанскаго

старосты, о дѣйствіи силою и, между прочимъ, значится: «дѣло пошло какъ по маслу, нужна-бы женщина, еврейка, для неинтеллигентной роли, попросите отъ меня Гесю, не возьметея-ли она за это; если нѣтъ, то тогда пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ».

У Перовской—1) печатная программа «Исполнительнаго комитета»; 2) два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли»; 3) 17 экземпляровъ «приложенія къ № 2-му Рабочей Газеты»; 4) рукопись подъ заглавіемъ: Подготовительная работа партіи», содержаніе которой, послѣ введенія, трактующаго объ общихъ приготовленіяхъ къ возстанію, излагается по отдѣламъ со слѣдующими заглавіями: А) центральная организація, Б) организаціи мѣстныя и спеціальныя, В) городскіе рабочіе, Г) войско, Д) интеллигенція и молодежь и Е) Европа; 5) листки бумаги съ цифрами (повидимому, шифромъ) и разными замѣтками противоправительственнаго направленія; 6) записная книжка съ разными чертежами и замѣтками, представляющими какъ-бы условные слова и знаки.

Кинжалъ, бывшій при Рысаковѣ на мѣстѣ преступленія и полученный имъ, по его показанію, отъ Желябова, по внѣшнему своему виду, имѣющимся на немъ знакамъ и выдѣлкѣ, оказался совершенно тождественнымъ съ кинжалами, отобранными: 1) у называющаго себя харьковскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковенко, арестованнаго въ Петербургѣ въ день задержанія Тригони и Желябова и обвиняемаго по дѣлу объ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, такъ называемыхъ «террористахъ» и 2) у вышеупомянутаго сына священника Орлова, задержаннаго 3 марта въ кондитерской Исакова, по одному изъ адресовъ, найденныхъ у обвиняемаго Тимоѳея Михайлова.

VII.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, показанія, данныя при разслѣдованіи настоящаго дѣла Рысаковымъ, представляя, кромѣ полнаго его сознанія, еще и важныя разоблаченія, вполнѣ освѣщаютъ планъ, обстановку и самое совершеніе убійства 1-го марта 1881 года.

Показанія эти, пространно и подробно изложенныя Рысаковымъ собственноручно при девяти послѣдовательныхъ допросахъ и въ поданномъ имъ особомъ заявленіи, касаются, по своему содержанію, нижеслѣдующихъ главныхъ предметовъ.

1) Вступленіе въ соціально-революціонную партію и отношеніе къ ней.

Сочувствіе къ соціально-революціонному движенію явилось у Рысакова еще до поступленія его въ горный институтъ, т. е. до сентября 187$^{8}/_{9}$ г., но до января 1881 г. участія въ активной дѣятельности партіи «Народной Воли» онъ не принималъ. Съ начала учебнаго 18$^{80}/_{81}$ года Рысаковъ возымѣлъ мысль вступить въ революціонную рабочую организацію, такъ какъ сознавалъ невозможность достигнуть какихъ-либо результатовъ при единоличномъ дѣйствіи. Въ это-же время, на квартирѣ студента Урысновича, Рысаковъ познакомился съ Желябовымъ, называвшимся «Захаромъ», знакомство съ которымъ дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою дѣятельность среди рабочихъ. Въ виду успѣшнаго сближенія Рысакова съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, въ январѣ 1881 г. Же-

лябовъ привелъ Рысакова въ 7-ю роту Измайловскаго полка, въ квартиру, занятую, по словамъ Желябова, легальными людьми, и тамъ познакомилъ его съ какимъ-то человѣкомъ, который предложилъ ему вступить въ партію членовъ рабочей организаціи. Человѣкъ этотъ доставилъ Рысакову свѣдѣнія о цѣляхъ, составѣ и средствахъ партіи и, между прочимъ, обѣщалъ ему матеріальную помощь въ размѣрѣ 30 руб. въ мѣсяцъ.

Сближаясь съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, Рысаковъ старался организовать рабочіе кружки, возбуждая ихъ къ открытому возстанію съ цѣлью экономическаго и политическаго переворота. Какъ членъ организаціи, Рысаковъ бывалъ на собраніяхъ агитаціонной группы, и раза два или три эти собранія происходили у него. На этихъ сборищахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Желябовымъ, обсуждались вопросы чисто специальные и агитаціонные, а о террористическихъ предпріятіяхъ говорилось только какъ о способѣ къ оживленію рабочаго движенія и къ охраненію партіи отъ шпіоновъ, но разсужденія эти носили на себѣ характеръ общій принципіальный, и личности для исполненія предпріятій еще не намѣчались.

Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній «Народной Воли» и считая ее не знаменемъ, а партіей, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что такъ какъ народъ не подготовленный къ открытому возстанію, можетъ выйти изъ своего пассивнаго положенія только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ смѣлый и рѣшительный предводитель, какими прежде были самозванцы, то роль эта должно быть выполнена партіей «Народной Воли». Въ составъ рабочей организаціи входили: а) агитаціонная группа для пропаганды и руководства движеніемъ, и о) образовав-

шаяся среди рабочихъ въ февралѣ 1881 года, по иниціативѣ Желябова, боевая дружина рабочихъ или террористическій отдѣлъ для охраненія движенія и рабочихъ отъ шпіоновъ. Агитаціонная группа относилась къ Исполнительному Комитету, какъ подгруппа къ группѣ. Къ агитаціонной группѣ принадлежали, кромѣ него, Рысакова, Желябова и Перовской,—человѣкъ называвшійся «Инвалидомъ», и человѣкъ, извѣстный ему, Рысакову, подъ названіемъ «Михаила Ивановича» или «Котика», котораго онъ призналъ въ предъявленномъ ему трупѣ неизвѣстнаго, умершаго въ придворномъ госпиталѣ и проживавшаго подъ именемъ Ельникова въ д. № 59, по Симбирской улицѣ. Террористическій-же отдѣлъ состоялъ всего изъ 5—6 человѣкъ, а именно: изъ него, Рысакова, Желябова и Михаила Ивановича», какого-то изъ «интеллигентныхъ» и, кажется, Тимоося Михайлова.

2. Организація и совершеніе убійства 1-го марта, по словамъ Рысакова, не должны были явиться и въ дѣйствительности не были прямымъ дѣломъ «террористическаго» отдѣла рабочихъ. Исходя отъ Исполнительнаго Комитета, это преступленіе было лишь предложено «Комитетомъ» рабочей боевой дружинѣ, причемъ онъ, Рысаковъ, даже думалъ сначала, что самое посягательство будетъ совершено кѣмъ-либо изъ членовъ «Комитета».

Рѣчь о цареубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Тронцкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ «кликнулъ кличъ», или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое по-

кушеніе на жизнь государя императора, рѣшенное «Исполнительнымъ Комитетомъ». Послѣ этихъ собраній, состоялось еще одно, въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ, въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе Рысаковъ согласился, приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія, съ кружкомъ лицъ, устраивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру на Тележной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія цареубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его Рысакова, еще «Михаилъ Ивановичъ» и Тимоѳей Михайловъ, а также, повидимому, и человѣкъ, называвшійся «Михайломъ», съ которымъ, незадолго передъ тѣмъ, его познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Сверхъ названныхъ лицъ, на «конспиративной квартирѣ» появилась и Перовская, съ которой Желябовъ возвратился его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, причемъ Рысаковъ принялъ тогда-же участіе, вмѣстѣ съ «Михаломъ Ивановичемъ», въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами государя императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Тележной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ», Тимоѳей Михайловъ и «Михаилъ». Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человѣка, признаннаго имъ въ предъявленномъ

ему трупѣ Саблина. На первое-же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли «техникомъ» и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля онъ, Рысаковъ, «техникъ», Тимоѳей Михайловъ и «Михаилъ Ивановичъ» ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который, однако-же, не пришелъ, причемъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, «то значитъ занятъ». На другой день, 1-го марта, въ 9-ть часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, Михаилъ Ивановичъ и Михаилъ . Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ съ снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ: она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что, несмотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли изготовить предположеннаго прежде количества снарядовъ. «Можетъ-быть и еще принесутъ , сказала Перовская, нужно довольствоваться малымъ.. Затѣмъ явился техникъ и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія покушенія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ го-

сударя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а «Михаилъ» на углу Невскаго Проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Большой Итальянской, близъ Манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытныя, и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ: здѣсь могли стать «Михаилъ Ивановичъ» и Тимофей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, государя «уже ждутъ», всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ-же, если-бы государь императоръ не послѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и, здѣсь ждать возвращенія государя въ Зимній дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія имъ Михайловскаго дворца. Когда-же оказалось, что государь императоръ послѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платокъ подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему на встрѣчу императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ-же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи «Михаила Ивановича».

3) Стараясь объяснить причины, побудившія его рѣшиться на цареубійство, Рысаковъ показалъ, что партія «Народной Воли» считаетъ терроръ

однимъ изъ средствъ предпринятой ею политической борьбы, во 1-хъ) для охраненія революціоннаго движенія: во 2-хъ) для того, чтобы доказать народу силу и тѣмъ высоко держать свое знамя и доставить ему обаяніе»; въ 3-хъ) какъ отвѣтъ на строгія репрессивныя мѣры правительства. Этими-же соображеніями обусловливалась и рѣшимость партіи стремиться къ цареубійству. Не раздѣляя ихъ въ цѣломъ ихъ составѣ и не сочувствуя террору вообще, какъ постоянному средству борьбы, онъ, Рысаковъ, однако-же, видѣлъ въ терроръ и въ особенности въ посягательствѣ на жизнь нынѣ, въ бозѣ почившаго монарха, въ данное время, единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ общаго натянутаго и тягостнаго положенія, единственное средство создать новыя удобнѣйшія условія жизни и дѣятельности соціалиста, какъ дѣятеля во имя блага народа. «Соціалистъ», заявляетъ обвиняемый, «если образно выразиться, носитъ свое право въ дулѣ револьвера». Въ частности, съ своей собственной точки зрѣнія, онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ удачномъ цареубійствѣ средство 1) прекращенія вообще террора, уже не нужнаго при новомъ строѣ: 2) свободнаго развитія мирной соціалистической пропаганды; 3) устраненія экономическихъ причинъ, могущихъ вызвать кровавый деревенскій аграрный терроръ, направленный противъ ближайшихъ враговъ крестьянства или безформенный народный бунтъ, недоступный руководству партіи и притомъ столь страшный по своимъ послѣдствіямъ, что, по подлиннымъ словамъ Рысакова, даже «мы, закоренѣлые злодѣи, и тѣ испугались его», и наконецъ 4) устраненія непримиримо-враждебнаго отношенія верховной власти къ соціалистамъ. Въ силу всего этого, онъ, по справедливому выраженію Желябова, дѣй-

ствительно рвался на цареубійство. Такимъ образомъ, онъ, Рысаковъ, выступивъ, по предложенію Желябова, добровольцемъ для совершенія посягательства на жизнь государя императора, въ сущности совершенно расходился со всею партіею во взглядахъ на значеніе и цѣли этого дѣянія, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ вызвать, при измѣнившихся условіяхъ внутренней политической жизни всей страны, переходъ отъ несочувственной ему исключительно политической борьбы къ болѣе согласной съ его убѣжденіями мирной экономической борьбѣ за истинныя, чуждыя посторонней примѣси, соціалистическія начала. Поэтому, давая Желябову согласіе на преступленіе 1-го марта, онъ поступалъ не какъ слѣпое орудіе, а, по его выраженію, «по чистой совѣсти и побужденіямъ своей души и сердца».

Въ разъясненіе прошедшей жизни и личной обстановки Рысакова дознаніемъ обнаружены нѣкоторыя характеристическія данныя, а именно:

Сынъ управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губ., Рысаковъ родился 2-го мая 1861 г., а въ 1874 г. поступилъ въ Череповецкое реальное училище, гдѣ успѣшно окончилъ курсъ въ 1878 г. и затѣмъ поступилъ въ горный институтъ, отъ котораго, по крайней бѣдности, неоднократно получалъ единовременныя пособія въ 30—50 руб., въ томъ числѣ деньги для внесенія платы за слушаніе лекцій и на практическія занятія. Кромѣ того, онъ получалъ еще изъ конторы Громова по 30 руб. въ мѣсяцъ за счетъ своего отца. Въ декабрѣ 1879 г., по арестованіи государственнаго преступника Степана Ширяева, Рысаковъ, съ товарищемъ своимъ Коновкинымъ, явился на квартиру Ширяева требовать выдачи оставшихся послѣ него вещей,

вслѣдствіе чего и былъ задержанъ, причемъ оказалось, что передъ этимъ Рысаковъ жилъ на одной квартирѣ съ обвиняемою по одному съ Шпяревымъ дѣлу, Анною Долгоруковою. Въ декабрѣ 1880 года былъ произведенъ обыскъ у заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности рабочаго Ивана Гаврилова, у котораго проживалъ и Рысаковъ. Это обстоятельство, по объясненію Рысакова, и побудило его, во избѣжаніе ареста, перейти на такъ называемое «нелегальное» положеніе, т. е. проживать по чужому паспорту на имя Глазова. Съ того-же времени, приблизительно съ января 1881 года, онъ окончательно примкнулъ къ «соціально-революціонной партіи» и сталъ чрезъ Желябова получать содержаніе изъ ея фонда по 30 руб. въ мѣсяцъ. За недѣлю до перехода его на нелегальное положеніе, Желябовъ, заявивъ ему о крайней недостаточности средствъ «соціально-революціонной партіи», просилъ его достать денегъ, вслѣдствіе чего Рысаковъ, подъ предлогомъ практическихъ занятій, взялъ у кассира Громова свое содержаніе за 3 мѣсяца впередъ, изъ котораго и передалъ Желябову около 50 руб.

По отзывамъ свидѣтелей, знавшихъ Рысакова въ Череповецкомъ реальномъ училищѣ и въ горномъ институтѣ, онъ учился усердно и велъ весьма скромную жизнь.

По показанію свидѣтельницы Ермолиной, Рысаковъ, обыкновенно вставшій послѣ ночныхъ отлучекъ весьма поздно, 1-го марта всталъ рано и, въ противоположность своей всегдашней угрюмости, казался особенно веселымъ и разговорчивымъ. На вопросъ Ермолиной, куда онъ собрался такъ рано, Рысаковъ, уходя, отвѣчалъ: «служба», а на замѣчаніе ея, что сегодня воскресенье и нигдѣ присутствія нѣтъ, обвиняемый сказалъ, что онъ идетъ въ гости и что это — «все равно служба».

Обвиняемый Андрей Ивановичъ Желябовъ, признавая фактическую сторону приписываемыхъ ему преступныхъ дѣяній и сообщая нѣкоторыя подробности объ организаціи «соціально-революціонной партіи объяснилъ, что служитъ дѣлу народнаго освобожденія и принадлежитъ къ партіи «Народной Воли», которая считаетъ уничтоженіе правителей однимъ изъ средствъ активной борьбы для достиженія своихъ цѣлей. Состоя агентомъ третьей степени при «Исполнительномъ Комитетѣ», т. е. пользуясь его полнымъ довѣріемъ, онъ получилъ отъ «Комитета» порученіе организовать посягательство на жизнь государя императора. Для этой цѣли изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ, партіи, которыхъ въ распоряженіи «Комитета» имѣется нѣсколько, и въ томъ числѣ боевая рабочая дружина, были вызваны «добровольцы». Изъ числа отвѣтившихъ на этотъ призывъ 47 человѣкъ, онъ, Желябовъ, выбралъ наболѣе, по его мнѣнію, пригодныхъ, въ томъ числѣ и Рысакова, котораго онъ считалъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ революціонному дѣлу дѣятелей, по которому, однако-же, онъ, Желябовъ, отводилъ лишь мѣсто пособника, для выправки изъ него самостоятельнаго бойца на будущее время. Не сообщая объ этомъ Рысакову, обвиняемый заставлялъ его переживать самыя серьезныя ожиданія. Тѣмъ не менѣе, вліяніе его, Желябова, подъ которымъ въ извѣстной степени находился Рысаковъ, не исключало его самобытнаго развитія и таковой-же дѣятельности. Для совершенія цареубійства были избраны метательные снаряды. Тимофей Михайловъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Что-же касается до него, Желябова, то арестъ помѣшалъ ему принять физическое участіе въ посягательствѣ на жизнь государя императора, нравственное-же его участіе было полное.

2-го марта обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, «пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта», объясняетъ, «что онъ многократно покушался на жизнь ныне въ бозѣ почившаго государя императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1 марта лишь по «случайности». Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, «за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, «ветерана революціи», предпочтетъ «внѣшнюю законность внутренней справедливости», во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій, обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ, Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность «въ высшей степени развитую и геніальную», оказывается, что Желябовъ въ 1872 г. былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и, по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

Обвиняемая Софія Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1 марта 1881 г., показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 г. на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 г. оставила роди-

тельскій домъ и, послѣ нѣкотораго подготовленія, сдѣлалась народной учительницей, а въ 1872 г., примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи. Въ 1878 г. она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губ., но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 г., подъ фамиліею Волиовой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своей знакомой, настоящей фамиліи которой она назвать не можетъ и которая проживала подъ фамиліею Сиповичъ. Въ сентябрѣ, къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ партіи «Народной Воли» и агентъ Исполнительнаго Комитета», она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она, вмѣстѣ съ другими лицами, слѣдила за обычными выѣздами государя императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой былъ застрѣлившійся въ ней человѣкъ

(Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По сильности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго накануѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большого количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ участникамъ по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ утромъ назначнаго дня. Здѣсь-же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ, найденномъ по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ, планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣе составленному плану, отправивъ на условленныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ государемъ императоромъ. Увидавъ, что его величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и такимъ образомъ благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія

на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ таковаго для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ, она находилась на противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась.

Что-же касается до мотивовъ своей дѣятельности въ составѣ партіи Народной Воли», то Перовская дала слѣдующее объясненіе: стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, члены партіи, съ цѣлью пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознаніе гражданскихъ правъ, стали селиться въ разныхъ мѣстностяхъ среди народа для пропаганды. Когда же правительство отвѣтило на это рядомъ репрессивныхъ мѣръ и тѣмъ сдѣлало такую постановку дѣятельности невозможною, «партія», послѣ долгаго колебанія, была вынуждена перейти къ политической борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ, какъ главнаго препятствія къ достиженію цѣлей «партіи». Большинство партіи не сочуствовало этой борьбѣ, порицало ее, но она, тѣмъ не менѣе, была предпринята и притомъ, главобразомъ, посредствомъ «террористическихъ фактовъ». Упорство-же въ покушеніяхъ на жизнь въ бозѣ почившаго государя императора было вызвано убѣжденіемъ, что усопшій государь никогда не измѣнитъ «ни своего отношенія къ партіи», ни своей внутренней политики.

Кромѣ вышеприведенныхъ, самою обвиняемою Перовскою сообщенныхъ свѣдѣній о ея прошломъ, изъ дѣла

видно: 1) что въ 1871 г. Софья Перовская, бывшая тогда 18 лѣтъ отъ роду, привлекалась къ дознанію о Николаѣ Гончаровѣ и тайномъ кружкѣ, въ составъ котораго входили, кромѣ Гончарова, обвинявшіеся впослѣдствіи въ государственныхъ преступленіяхъ Натансонъ, Чудновскій, Чайковскій и др., 2) что по дѣлу о пропагандѣ въ имперіи Перовская привлекалась къ суду по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному кружку «Чайковцевъ», образовавшемуся въ 1873 г., но была оправдана.

Обвиняемая Геся Мирвоа Гельфманъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, первоначально отказалось дать какія-либо объясненія какъ по содержанію предъявленныхъ къ ней обвиненій, такъ и вообще по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, а затѣмъ на допросѣ 12-го марта сего года, по признаніи ея свидѣтелемъ Усманомъ Булатовымъ заличность, жившую въ д. № $^{27}/_{1}$, по Троицкому переулку, подъ именемъ Николаевой, показала, что она дѣйствительно жила въ этой квартирѣ, которая была «конспиративною», съ человѣкомъ, называвшимся ея мужемъ Андреемъ Николаевымъ; настоящаго же имени его она сказать не желаетъ. Здѣсь бывали у нихъ Желябовъ, Перовская и человѣкъ, умершій 1-го марта въ придворномъ госпиталѣ, извѣстный ей Гельфманъ, подъ именемъ «Михаила Ивановича» или «Котика». Здѣсь же, у Гельфманъ и ея сожителя, помѣщалась тайная типографія «Рабочей Газеты», 1-й нумеръ которой, а также «Программа рабочихъ членовъ партіи» и были ими напечатаны, причемъ она, Гельфманъ, исполняла обязанности наборщицы. «Рабочую Газету» она сама раздавала между рабочими. Желябовъ былъ сотрудникомъ этой газеты, печатаніе которой у нихъ въ квартирѣ

прекратилось недѣли за двѣ до переѣзда обвиняемой изъ Троицкаго переулка, когда всѣ принадлежности типографіи были куда-то увезены отъ нихъ. Послѣ того какъ называвшійся мужемъ ея Николаевымъ былъ, по выраженію Гельфманъ, «отозванъ по дѣлу», она, вмѣстѣ съ Саблинымъ, который подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго назывался также ея мужемъ, переѣхала въ д. № 5-й по Телѣжной улицѣ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Геся Гельфманъ была осуждена въ 1877 г. по дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія въ губерніяхъ Московской и другихъ и приговорена особымъ присутствіемъ правительствующаго сената за принадлежность къ преступному тайному сообществу, по лишеніи особенныхъ правъ и преимуществъ, къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 2 года. Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію, причемъ срокъ содержанія Гельфманъ въ рабочемъ домѣ истекъ 7-го мая 1879 г.

Обвиняемый Тимоѳей Михайловъ, отказываясь отвѣчать на большую часть предложенныхъ ему вопросовъ, между прочимъ и на вопросы о предметахъ обвиненія, призналъ свою принадлежность какъ въ той части «русской соціально-революціонной партіи», которая придерживается террористическаго направленія, такъ, въ частности, и къ «боевой рабочей дружинѣ», имѣющей, по его словамъ, цѣлью охранять рабочихъ отъ ихъ враговъ, напр., шпіоновъ, а также подвергать избіенію не любимыхъ рабочими мастеровъ. Дружину эту обвиняемый называетъ «терроромъ». 3-го марта, онъ пришелъ въ домъ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, по приглашенію своего товарища, назвать котораго не желаетъ. Все, что въ показаніяхъ Рысакова относится до него, Михайлова, онъ

признаетъ ложью. Предъ задержаніемъ своимъ онъ проживалъ на углу Дегтярной и 5-й улицъ Песковъ, въ домѣ № $^{33}/_{11}$, подъ именемъ и по паспорту черниговскаго мѣщанина Сергѣя Лапина.

По собраннымъ при дознаніи свѣдѣніямъ, Тимоѳей Михайловъ, по прозвищу Махровъ, ремесломъ котельщикъ, прибылъ въ С.-Петербургъ съ родины лѣтъ 6 тому назадъ и затѣмъ работалъ по разнымъ заводахъ, причемъ, по удостовѣренію сына дьячка Александра Бѣличева, работавшаго вмѣстѣ съ Михайловымъ на заводѣ Фридланда, Михайловъ уже года $1^1/_2$ тому назадъ, повидимому, принадлежалъ къ тайному сообществу или кружку рабочихъ, въ которомъ читались запрещенныя брошюры и газета «Земля и Воля». По показанію брата Тимоѳея Михайлова, Григорія Михайлова, онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, въ началѣ февраля на заводѣ, бывшемъ Макферсона, гдѣ Тимоѳей Михайловъ проработалъ всего $1^1/_2$ дня, и затѣмъ, взявъ свой паспортъ ушелъ, послѣ чего братъ его уже болѣе не видѣлъ.

VIII.

Сверхъ вышеизложенныхъ предметовъ настоящаго дѣла, на обвиняемыхъ Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую падаетъ еще обвиненіе въ участіи, вмѣстѣ съ другими лицами, на перваго—въ покушеніи на жизнь священной особы его императорскаго величества, произведенномъ 18-го ноября 1879 года, близъ Александровска, Екатеринославской губерніи, а на вторую—въ такомъ же покушеніи, совершенномъ 19-го

того-же ноября, близъ г. Москвы, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги.

1. Къ изобличенію Желябова въ вышеуказанномъ преступленіи служатъ слѣдующія данныя дознанія:

Привлеченный къ дознанію по обвиненію въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Крапоткина, совершенномъ 9-го февраля 1879 года въ гор. Харьковѣ, и въ покушеніи на жизнь государя императора, совершенномъ 2-го апрѣля 1879 года, сынъ купца Григорій Гольденбергъ, нынѣ умершій, въ показаніи своемъ, данномъ въ маѣ 1880 года, между прочимъ, объяснилъ, что во второй половинѣ іюня мѣсяца 1879 года, въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, состоялся общій съѣздъ дѣятелей соціально-революціонной партіи въ Россіи, для пересмотра программы народнической партіи и совѣщанія о мѣрахъ противодѣйствія строгимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ числѣ лицъ, собравшихся въ Липецкѣ, въ количествѣ около 15 человѣкъ, на съѣздѣ этомъ былъ крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, проживавшій въ то время подъ именемъ Черняевскаго. Совѣщанія Липецкаго Съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣлый рядъ покушеній на жизнь государя императора и, между прочимъ,—произвести взрывъ полотна желѣзной дороги близъ гор. Александровска, Екатеринославской губерніи, во время слѣдованія императорскаго поѣзда изъ Крыма. По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года, въ г. Харьковъ прибыли: нѣкто Кошуриковъ и Андрей Пресняковъ (нынѣ казненный) которые привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита и проволоку для употребленія ихъ при взрывѣ близъ г. Александровска; въ то же время, въ городѣ Харьковѣ устраивались сходки для обсужденія вопроса о способѣ

осуществленія этого посягательства на жизнь государя императора. Здѣсь Гольденбергъ и Желябовъ (подъ именемъ Борисова), доказывая на сходкахъ необходимость террористическаго образа дѣйствій, подготовляли все нужное для приведенія въ исполненіе своего умысла.

Изъ числа, участвовавшихъ на сходкахъ—Желябову, Якимовой(тоже Баска)и нынѣосужденнымъТихонову и Окладскому было поручено произвести взрывъ подъ императорскимъ поѣздомъ въ г. Александровскѣ, куда Желябовъ послѣ этогои отправился, подъ именемъ купца Черемисова. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1879 года, какъ удостовѣрили спрошенные при дознаніи свидѣтели: мѣщане Тимоѳей и Марья Бовенко, въ г. Александровскъ пріѣхалъ молодой человѣкъ, назвавшійся ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ и сталъ хлопотать объ отводѣ емуучастказемли для устройство кожевеннаго завода. Получивъ разрѣшеніе думы на устройства этого завода, онъ выбралъ себѣ участокъ земли близъ полотна желѣзной дороги, но въ отводѣ этого участка ему было отказано, послѣ чего онъ указалъ другой участокъ, вблизи селенія Вознесенки, въ сторонѣ, противоположной отъ желѣзной дороги. Въ концѣ октября мѣсяца, Черемисовъ (Желябовъ) поселился въ домѣ мѣщанъ Бовенко съ какою-то женщиною, которую онъ называлъ своею женою: съ этого времени у него стали появляться новыя лица, изъ коихъ двое оставались и жили у него—одинъ около мѣсяца, а другой нѣсколько дней; постоянно говоря съ своими хозяевыми и сосѣдями о своемъ намѣреніи устроить кожевенный заводъ, онъ однако-же, не принималъ никакихъ мѣръ къ его устройству; въ половинѣ ноября мѣсяца, выѣхала изъ г. Александровска женщина, называвшая себя женою Черемисова, а въ двадцатыхъ числахъ ноября уѣхали оттуда—Черемисовъ и находившіяся съ нимъ въ сношеніяхъ два лица; при этомъ Черемисовъ наскоро продалъ имѣв-

шихся у него лошадей и телѣгу и оставилъ въ домѣ Бовенко всю мебель. По справкѣ въ ярославской мѣщанской управѣ, паспортъ, предъявленный Черемисовымъ въ александровскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи оказался подложнымъ.

Указанные Гольденбергомъ, какъ бывшіе, кромѣ Желябова, участниками злодѣйскаго покушенія на жизнь государя императора въ г. Александровскѣ, Андрей Пресняковъ, Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій сознались въ этомъ преступленіи и были осуждены за это приговоромъ с-петербургскаго военно-окружнаго суда, состоявшимся въ октябрѣ 1880 года; Якимова-же осталась неразысканною. Изъ показаній упомянутыхъ осужденныхъ, а также изъ протокола осмотра мѣста закладки имъ динамитной мины видно, что два мѣдные цилиндра съ динамитомъ и другія приспособленія для работъ по устройству взрыва были заблаговременно привезены кѣмъ-то изъ злоумышленниковъ въ г. Александровскъ, въ квартиру Бовенко. Въ теченіи двухъ ночей производилась работа по укладкѣ проволоки отъ грунтовой дороги, идущей отъ гор. Александровска въ окрестныя селенія, къ полотну желѣзной дороги, на четвертой верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой, затѣмъ послѣдовала самая закладка двухъ цилиндровъ подъ шпалы, гдѣ они были уложены одинъ отъ другаго на разстояніи 34-хъ саженъ; проволока, проложенная отъ проѣзжей дороги до обрыва, спускалась въ оврагъ и затѣмъ, поднимаясь на насыпь желѣзнодорожнаго пути, вышиною въ 11 саженъ, соединялась тамъ съ заложенными подъ шпалы цилиндрами, а отъ нихъ шла къ ближайшему цинковому листу, который сообщался со вторымъ листомъ, уложеннымъ въ 7 саженяхъ отъ проѣзжей дороги и, въ

свою очередь, соединявшимся проволокою съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ въ моментъ предшествовавшаго взрыва. 16-го ноября, Пресняковъ, поселившійся въ гор. Симферополѣ, для полученія свѣдѣній о времени выѣзда государя императора изъ Крыма, пріѣхалъ въ г. Александровскъ и сообщилъ своимъ единомышленникамъ, что государь императоръ прослѣдуетъ чрезъ гор. Александровскъ 18-го числа того-же мѣсяца. Въ этотъ послѣдній день, часовъ въ 9 утра, Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Пресняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены минныя проволоки, и здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли концы проволоки, передалъ ихъ Желябову; когда императорскій поѣздъ вышелъ со станціи, и нѣсколько вагоновъ его прошли уже надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была заложена мина, по сигналу Окладскаго: «жарь»,— Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но, по неизвѣстной причинѣ, взрыва не произошло, и императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно мимо злоумышленниковъ. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ, по указанію осужденнаго Тихонова, подъ шпалами, экспертъ генералъ-майоръ Ѳедоровъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженныя магнезіальнымъ динамитомъ и снабженныя электрическими запалами, причемъ одинъ цилиндръ сполна наполненъ динамитомъ, а другой—только до половины. Спроженный въ качествѣ обвиняемаго, по задержаніи его 27-го февраля въ Петербургѣ, Желябовъ объяснилъ, что, какъ членъ соціально-революціонной партіи, онъ для осуществленія идеи уничтоженія правителей и по порученію Исполнительнаго Комитета, организовалъ покушеніе близъ г. Александровска и принималъ въ осуществленіи его непосредственное участіе.

2) Обстоятельства покушенія 19-го ноября 1879 г. на линіи Московско-Курской желѣзной дороги представляются, какъ выяснено дознаніемъ, въ слѣдующемъ общемъ видѣ:

19-го ноября 1879 г., въ одиннадцатомъ часу вечера, на третьей верстѣ отъ московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ императорскою свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ возѣ почившаго государя императора. По удостовѣренію управляющаго Московско-Курской желѣзной дороги и помощника начальника первой дистанціи Потемкина, входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ перевернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни постороннія лица не понесли никакихъ повреждепій.

При осмотрѣ мѣста взрыва было обнаружено, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20-ти саженяхъ отъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго, незадолго передъ тѣмъ, личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ; изъ нижняго этажа этого дома была выведена, имѣвшая видъ трехгранной призмы, галлерея, размѣромъ 0,37 сажен. въ основаніи и 0,5 саж. въ высоту, обшитая въ основаніи и по бокамъ досками: при осмотрѣ упомянутаго дома оказалось, что взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ

спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоемъ земли, шли отъ батареи по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плинтусамъ во второй этажъ, гдѣ они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, заложенной на глубинѣ около двухъ саженей подъ рельсами. Около батареи, въ сараѣ, имѣлось отверстіе, черезъ которое можно было удобно наблюдать за желѣзнодорожнымъ путемъ.

По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, причемъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не мѣнѣе чѣмъ двумя, а скорѣе и большимъ числомъ лицъ: самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Допрошенными при дознаніи свидѣтелями: Анной Трофимовой, вдовой купца Матреной Суровцевой, крестьяниномъ Алексѣемъ Морозовымъ, мѣщанкой Александрой Кузьминой, Василіемъ Кононовымъ, Ириной и Иваномъ Сѣдоковыми, удостовѣрено, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 г. съ женщиною именовавшеюся его женою; первоначально онъ поселился въ домѣ Кузьмина, у Чистыхъ прудовъ, въ Кривомъ переулкѣ, а 13 сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мѣщанина Кононова, при посредничествѣ мѣщанки Трофимовой; 19 сентября, онъ переѣхалъ въ этотъ домъ и, удаливъ оттуда жильцовъ, подъ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ

того окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери-же заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ, вмѣстѣ съ жившею съ нимъ женщиною, до взрыва императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись.

Дознаніемъ обнаружено, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывающійся въ настоящее время за границей. Проживавшая-же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была признана свидѣтельницею Марьею Соловьевой въ предъявленномъ ей фотографическомъ снимкѣ обвиняемой Софьей Львовой Перовской.

По предъявленіи того-же снимка свидѣтельницамъ: Ириѣ Сѣдоковой, Аниѣ Трофимовой и Екатериѣ Григорьевой, онѣ показали, что изображенная на этомъ снимкѣ личность очень похожа на женщину, называвшую себя женою Сухорукова.

Участіе Перовской въ устройствѣ подкопа и взрыва подъ полотномъ Московско-Курской желѣзной дороги выяснилось, главнымъ образомъ, изъ показаній обвинявшагося въ государственныхъ преступленіяхъ, нынѣ умершаго сына купца Григорія Гольденберга, который, по задержаніи его 14-го ноября 1879 г. на станціи желѣзной дороги «Елизаветградъ», призналъ себя виновнымъ въ приготовленіяхъ къ означенному взрыву и указалъ своихъ соучастниковъ въ этомъ посягательствѣ на жизнь государя императора. По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 г. въ городъ Харьковъ пріѣхалъ участвовавшій въ Липецкомъ Съѣздѣ и нынѣ осужденный государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ и,

сообщая о подробностяхъ покушенія, предположеннаго въ Москвѣ, объяснилъ, что тамъ на имя Сухорукова куплень уже домъ, изъ котораго ведется галлерея подъ полотно желѣзной дороги, при участіи Гартмана, студентовъ Гриники и Арончика, Александра Михайлова и Софіи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновой, женою Сухорукова. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Гольденбергъ пріѣхалъ въ Москву и, присоединившись къ кружку названныхъ лицъ, принималъ участіе въ работахъ по устройству подкопа; въ то время между ними уже было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова Ширяевъ и Перовская, а а остальные участники должны были выѣхать оттуда наканунѣ прибытія въ Москву императорскаго поѣзда: Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда, а Ширяеву сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовской, которая очень гордилась возложеннымъ на нее порученіемъ.

Ширяевъ, задержанный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 г. въ Петербургѣ, подтвердилъ сущность приведенныхъ выше объясненій Гольденберга и добавилъ, что, передъ самымъ проѣздомъ государя императора, состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, причемъ, вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросѣ при дознаніи по настоящему дѣлу объяснила, что, дѣйствительно, осенью 1879 г., она, подъ именемъ жены Сухорукова — Марины Семеновой, поселилась, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, въ домѣ, купленномъ имъ въ Москвѣ, въ Рогожской части, и проживала тамъ во все время веденія подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги:

19-го ноября она вышла изъ дома около 10-ти часовъ вечера, а въ моментъ взрыва находилась дома, съ цѣлью отвлечь подозрѣнія полиціи, если-бы послѣднія явилась къ нимъ въ это время; въ сараѣ-же, въ моментъ взрыва, для соединенія батареи, было другое лицо, имени котораго она назвать не желаетъ.

IX.

Изложенныя обстоятельства совершеннаго 1-го марта сего года покушенія на жизнь государя императора несомнѣнно указываютъ на непосредственную и тѣсную связь его съ рядомъ покушеній на таковое-же, совершенныхъ въ послѣднее время тайнымъ сообществомъ лицъ, именующихъ себя членами «русской соціально-революціонной партіи». Сформировавшаяся около лѣта 1879 года, какъ обнаружено при разслѣдованіи и разсмотрѣніи въ ноябрѣ 1880 г. въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ дѣла объ осужденныхъ имъ государственныхъ преступникахъ, въ такъ называемую «террористическую фракцію», она поставила себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя путемъ политической борьбы, вѣрнѣйшимъ средствомъ которой, по ея воззрѣніямъ, должны были служить повторяемыя, въ случаѣ неудачи, покушенія на цареубійство. Плодами такой рѣшимости явились послѣдовательныя покушенія на жизнь его императорскаго величества 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, 19-го того-же ноября близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги, и, наконецъ, 5-го февраля

1880 г., посредствомъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ исполнительнаго комитета, появлявшихся послѣ каждаго изъ этихъ покушеній, революціонеры не только провозглашали совершеніе ихъ отъ имени своей, такъ называемой партіи, но и заявили о твердомъ намѣреніи своемъ продолжать дѣло крови, бунта и цареубійства.

Преступленіе 1-го марта было новымъ звеномъ въ кровавой цѣпи «русской соціально-революціонной партіи». Въ этомъ съ очевидностью убѣждаютъ какъ совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, такъ и содержаніе двухъ упомянутыхъ выше прокламацій по поводу 1-го марта 1881 г.: 1) «Отъ исполнительнаго комитета», отъ 1-го марта, и 2) Отъ рабочихъ членовъ партіи «Народная Воля», отъ 2-го марта, напечатанныхъ, какъ значится въ нихъ, первая—2-го марта въ типографіи «Народной Воли», а вторая—3-го марта въ «Летучей типографіи» того-же названія. Въ обоихъ листкахъ заявляется, что преступленіе совершено соціально-революціонной партіей, «двумя агентами исполнительнаго комитета» по его постановленію, какъ значится въ первомъ листкѣ, или вообще «соціалистами», какъ выражено во второмъ. Затѣмъ, въ прокламаціяхъ, изъ которыхъ первая изложена весьма сбивчиво и неясно, а вторая представляетъ очевидную поддѣлку подъ простонародный языкъ, о цареубійствѣ, говорится, какъ о средствѣ для достиженія цѣлей партіи, заключающихся, насколько можно убѣдиться изъ прокламаціи, въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго государственнаго, общественнаго и экономическаго строя.

На основаніи вышеизложеннаго, тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19-ти лѣтъ, крестьянинъ

Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30-ти лѣтъ, дворянка Софья Львова Перовская, 27-ми лѣтъ, крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гавриловка, Тимофей Михайловъ, 21-го года, и мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, 26-ти лѣтъ, обвиняются:

Во I) въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя русской соціально-революціонной партіей: и имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь его императорскаго величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій властямъ.

Во II) въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, согласились между собою и съ другими лицами лишить жизни его императорское величество государя императора, во исполненіе какового умысла: а) изъ подвальной лавки въ домѣ гр. Менгдена № 56 -8, по Малой Садовой, завѣдомо для названныхъ обвиняемыхъ, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеннымъ въ немъ аппаратомъ для взрыва динамита при проѣздѣ государя императора, и б) 1-го марта 1881 года, при проѣздѣ его императорскаго величества по набережной Екатерининскаго канала, Рысаковъ бросилъ метательный взрывчатый снарядъ подъ императорскую карету, послѣдствіемъ чего было взрывъ, послѣ котораго произошелъ другой такой-же, произведенный съ тою-же цѣлью дру-

гимъ соучастникомъ означеннаго сообщества и причинивній государю императору тяжкія поранения, повлекшія за собою кончину государя; причемъ, при составленіи упомянутаго покушенія и приготовленіяхъ къ нему, Желябовъ, умысливъ таковое, согласилъ на него Рысакова и управлялъ приготовительными дѣйствіями: Перовская, по задержаніи Желябова 27-го февраля, руководила не только тѣми-же дѣйствіями но и самымъ совершеніемъ убійства: Тимофей Михайловъ участвовалъ въ означенныхъ, совокупными силами совершенныхъ, приготовительныхъ дѣйствіяхъ и, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія преступленія для принятія въ немъ участія, а Гельфманъ завѣдывала, въ качествѣ хозяйки, такъ называемыми «конспиративными квартирами, въ которыхъ происходили совѣщанія и производились приготовленія къ нему. Преступленія эти предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и249 улож. о нак. угол. и исправит., изд. 1866 года.

Кромѣ того, III) Андрей Желябовъ обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому-же названному сообществу, 18-го ноября 1879 г. близъ гор. Александровска, Екатеринославской губ., вмѣстѣ съ другими лицами, съ цѣлью лишить жизни нынѣ умершаго государя, устроилъ подъ полотномъ желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ находился государь, и, при проходѣ означеннаго поѣзда, сомкнулъ проведенныя чрезъ мину проводники гальваническаго тока, причемъ, однако-же, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ Желябова, взрыва не послѣдовало,—и

IV) Софья Перовская обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому-же сообществу и съ тою же цѣлью лишенія жизни скончавшагося государя, при-

нимала, вмѣстѣ съ другими лицами, непосредственное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги близъ г. Москвы при прохожденіи Императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія, 19-го ноября 1879 г., наблюдала за приближеніемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ, однако-же, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемой независѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ. Преступленія эти по отношенію къ Желябову и Перовской предусмотрѣны ст. 241 улож. о наказ.

Наконецъ V) Тимофей Михайловъ обвиняется въ томъ, что 3-го марта 1881 г., при задержаніи его въ квартирѣ № 5 дома № 5 по Телѣжной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ 6-ть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузію помощнику участковаго пристава Слуцкому. Преступленіе это предусмотрено 2 отд. ст. 1459 улож. о нак., по продолж. 1876 г.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ, отъ 6 и 13-го сего марта и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. уг. суд., 1 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 г., поименованные выше Николай Ивановъ Рысаковъ, Андрей Ивановъ Желябовъ, Софья Львова Перовская, Тимофей Михайловъ и Геся Мирова Гельфманъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей.

Дополнительный обвинительный актъ, которымъ предаются суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, 27-ми лѣтъ, обвиняемый въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241-ю и 249-ю улож. о наказ.

17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Лиговкѣ, въ домѣ № 83-й, квартира № 1-й, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1-го марта 1881 года преступленія, жертвою котораго палъ императоръ Александръ Николаевичъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

I.

По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое, въ конспиративной квартирѣ, по Тележной улицѣ, въ домѣ № 5-й давало техническія наставленія объ устройствѣ

и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ нимъ, «Михаиломъ Ивановичемъ» и Тимоѳеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а утромъ, 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется ему, Рысакову, еще два таковыхъ-же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь государя императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежду на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, считалъ «больше шансовъ» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознавшись въ приписываемомъ ему участіи въ дѣлѣ 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 г. въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой онъ и составилъ себѣ соціалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году, за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генерала-адъютанта Мезенцова, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 года, не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 г., онъ предложилъ, чрезъ казненнаго нынѣ Квятковскаго, свои

услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 год, липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упомянается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтя необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось, у себя въ комнатѣ, добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество, такъ и динамитъ, домашними средствами.

Въ декабрѣ 1879 года послѣ покушенія на жизнь скончавшагося государя близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ такому-же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Рѣшившись во что-бы то ни стало совершить удачное посягательство на жизнь государя, партія составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ, съ одной стороны, было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, по-

средствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны —нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложеніи этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ узналъ лишь незадолго до 1-го марта, причемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запалъ для заряда мины. Что-же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно —объяснить не желаетъ. Подтверждая общія показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба-же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и «Михаиломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1-го марта главное мѣсто отводилось мнѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, причемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два-же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время

проѣзда государя въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ, въ одномъ изъ нихъ, объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица-техника, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ д. № 83-й, по Лиговкѣ, у него, кромѣ рубашки и замѣтокъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра подъ заглавіемъ «Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремуче-кислой ртутью малаго и большого сопротивленія..

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти и изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 году Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ», въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказалось два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ

о годарственныхъ преступленіяхъ, Кильбачичъ, приговоромъ особаго присутствія, состоявшемся 1-го 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4-го отд. ст. 251-й улож., къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По пріѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83-й по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 года по Забалканскому проспекту, въ № 10-й, въ «Сарапинской гостинницѣ»; 2) лѣтомъ того-же года, по Подольской улицѣ, д. № 11-й, вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою; 3) осенью 1880 года, по Невскому проспекту, дому № 124-й, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Марфою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою по Лиговкѣ Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, причемъ по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника, крестьянина Ѳедора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ.

При производствѣ еще неоконченнаго дознанія о дворянинѣ Александрѣ Михайловѣ и др., собраны, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ; 1) что въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 11-й, по Подольской улицѣ, помѣщалась тайная типографія: и 2) что, посѣщая въ теченіе первой половины 1880 года другую конспиративную квартиру, по Подъяческой улицѣ, въ домѣ № 37-й, Кибальчичъ занимался въ ней приготовленіемъ динамита. Это послѣднее обстоятельство не отвергается и самимъ Кибальчичемъ.

II.

Привлеченный, въ качествѣ обвиняемаго, къ дознанію о 16-ти лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ купца Григорій Гольденбергъ (нынѣ умершій), между прочимъ, показалъ, что во исполненіе рѣшенія, состоявшагося на липецкомъ съѣздѣ Соціально-революціонной партіи, въ іюнѣ 1879 года были предприняты приготовленія къ взрыву императорскаго поѣзда близъ города Одессы и близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи: въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ, находился сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, участіе котораго, по словамъ Гольденберга, заключалось въ слѣдующемъ: 9-го ноября 1879 года Гольденбергъ отправился изъ Москвы въ городъ Одессу за динамитомъ для взрыва на московско-курской желѣзной дорогѣ; на станціи Елизаветградъ онъ встрѣтилъ Кибальчича, ѣхавшаго изъ города Одессы, причемъ этотъ послѣдній объяснилъ, что онъ везетъ въ городъ Александровскъ проволоку къ Желябову и что онъ проживалъ передъ этимъ въ городѣ Одессѣ подъ именемъ Ивапицкаго; Гольденбергъ сообщилъ Кибальчичу, что ѣдетъ въ Одессу за динамитомъ, на что Кибальчичъ заявилъ ему, что въ Одессѣ быть можетъ, уже успѣли заложить динамитъ подъ рельсы; вслѣдствіе этого Гольденбергъ рѣшилъ, что ѣхать въ Одессу за динамитомъ безполезно и послалъ по этому поводу, по соглашенію съ Кибальчичемъ, телеграмму Колоткевичу, распоряжавшемуся одесскими приготовленіями.

Дознаніемъ обнаружено, что 11-го ноября 1879 г.

дѣйствительно была послана со станціи Елисаветградъ, харьково-николаевской желѣзной дороги, телеграмма, адресованная въ Одессу Михаилу Ѳедорову Сидоренко (подъ именемъ котораго проживалъ тамъ Колоткевичъ), слѣдующаго содержанія: «Не посылайте напрасно вина, подождите моего повѣреннаго, завтра утромъ пріѣдетъ— Максимовъ», причемъ, по показанію Гольденберга, подъ виномъ слѣдовало разумѣть динамитъ.

Допрошенный, въ качествѣ обвиняемаго, Кибальчичъ объяснилъ, что, проживая въ 1879 году въ городѣ Одессѣ, по Екатерининской улицѣ, въ домѣ № 66-й, подъ именемъ Максима Петрова Иваницкаго, онъ зналъ о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь государя императора, предпринятыхъ осенью въ 1879 году, и принималъ активное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву императорскаго поѣзда близъ города Одессы, причемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва; такъ, съ этою цѣлью, онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно, онъ купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя; вслѣдъ затѣмъ онъ узналъ, что государь императоръ, на обратномъ пути изъ Крыма, не поѣдетъ черезъ городъ Одессу, и потому счелъ полезнымъ отвезти одну изъ спиралей въ городъ Александровскъ, гдѣ она была въ неудовлетворительномъ видѣ: исполняя это послѣднее рѣшеніе, онъ поѣхалъ въ городъ Александровскъ и по дорогѣ встрѣтился съ Гольденбергомъ.

Показаніе обвиняемаго Кибальчича о пріобрѣтеніи въ городѣ Одессѣ матеріаловъ, необходимыхъ для взрывовъ, подтверждается показаніями свидѣтелей: Людвига Левенталя, Самуила Левенсона и Давида Розенталя.

При осмотрѣ домовой книги въ домѣ № 66-й, по Екатерининской улицѣ города Одессы, оказалось, что въ квартирѣ № 22-й дѣйствительно проживалъ въ этомъ домѣ, въ 1879 г., коллежскій регистраторъ Максимъ Петровъ Иваницкій съ женою Елисаветой, по аттестату херсонско-бессарабскаго губернскаго управленія государственными имуществами, отъ 24-го марта 1876 года, за № 5729-мъ.

На основаніи вышеизложеннаго сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ обвиняется:

I. Въ принадлежности къ тайному сообществу, именующему себя соціально-революціонною партіей, имѣющей цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь императора, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, и вооруженныхъ сопротивленій властямъ, т. е. въ преступленіи, предусмотренномъ въ 249-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ изд. 1876 года.

II. Въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, онъ согласился съ другими лицами лишить жизни его императорское величество, нынѣ въ Бозѣ почившаго государя Императора, во исполненіе каковаго умысла:

1) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 18-го ноября 1879 года, полотна желѣзной дороги при проходѣ императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею

Иванову Желябову, необходимой, для совершенія этого преступленія, спирали Румкорфа.

2) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ-же 1879 году, таковаго-же взрыва на одесской желѣзной дорогѣ, близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ и, между прочимъ, посредствомъ пріобрѣтенія и приспособленія спиралей Румкорфа. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 242-ю улож. о нак. 1866 года.

3) Изобрѣлъ, изготовилъ и приспособилъ четыре метательные снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было, 1-го марта 1881 г., злодѣйское посягательство на жизнь его императорскаго величества государя императора Александра Николаевича, причемъ однимъ изъ означенныхъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій его величеству тяжкія поврежденія, отъ которыхъ, того-же 1-го марта, государь императоръ въ бозѣ почилъ. Преступленіе это предусмотрено, ст. 241-ю улож. о нак., изд. 1866 г.

По перечисленнымъ обвиненіямъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го и 13-го марта и ст. 1,032-й, 1,052-й уст. уг. суд., 2-й ч. XV-го т. св. зак., изд. 1876 года, по прод. 1879 года, Николай Ивановъ Кибальчичъ предается суду особаго присутствія правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ марта 21-го дня 1881 года въ С.-Петербургѣ.

— —

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, вы обвиняетесь, во-первыхъ, въ томъ, что принадлежали къ тайному сообществу, называвшему себя русской соціально-револю-

ціонной партіей, имѣющею цѣлью ниспровергнуть существующій въ Россійской имперіи государственный и общественный строй путемъ насильственнаго переворота и предпринявшей для достиженія этой цѣли рядъ посягательствъ на жизнь его императорскаго величества государя императора Александра Николаевича, рядъ убійствъ и покушеній на убійства должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ, и, во-вторыхъ, въ томъ, что, принадлежа къ этому сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, вошли въ соглашеніе съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго соглашенія, завѣдомо для васъ: а) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгденъ, по Малой Садовой улицѣ, былъ устроенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ зарядомъ для взрыва полотна улицы при проѣздѣ государя императора, и б) 1-го марта, при проѣздѣ его императорскаго величества государя императора Александра Николаевича по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательные взрывчатые снаряда—одинъ вами, а другой вашимъ сообщникомъ, причемъ послѣдствіемъ одного изъ взрывовъ, произведеннаго собственно вами, было причиненіе тяжкихъ поврежденій разнымъ лицамъ, а послѣдствіемъ другого взрыва, произведеннаго вашимъ сообщникомъ, причиненіе государю императору тяжкихъ поврежденій, повлекшихъ за собой кончину его императорскаго величества. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Рысаковъ. Виновность свою въ принадлежности къ той соціально-революціонной партіи, признаки которой описаны въ предложенномъ мнѣ вопросѣ, я отрицаю. Я себя членомъ этой партіи «Народной Воли», въ

полномъ смыслѣ слова, не считаю, а въ преступленіи 1-го марта я себя признаю виновнымъ.

Первоприс. Въ виду сознанія вашего въ совершеніи преступленія 1-го марта, я приглашаю васъ разъяснить суду то различіе, которое вы дѣлаете между партіей, къ которой считаете себя принадлежащимъ, и той партіей, отъ принадлежности къ которой вы отказываетесь.

Подс. Рысаковъ. Я долженъ объяснить, что соціально-революціонному движенію, которое началось въ Россіи, сколько извѣстно, съ семидесятыхъ годовъ, я сочувствую. При этомъ я долженъ замѣтить, что есть двѣ партіи: партія «Народной Воли» и партія «Чернаго Передѣла». Я отрицаю вполнѣ свою принадлежность къ партіи «Народной Воли» и полагаю, что къ ней можетъ примкнуть тотъ, кто имѣетъ за собой какое-либо революціонное прошлое, за мной-же этого революціоннаго прошлаго до настоящаго времени не имѣлось. Я, какъ соціалистъ, имѣю отличное отъ партіи «Народной Воли» воззрѣніе. По моему взгляду, чистый соціалистъ-революціонеръ долженъ воздерживаться отъ революціонной борьбы, и я скорѣе принадлежу къ партіи «Чернаго Передѣла».

На замѣчаніе первоприсутствующаго, что онъ уклоняется отъ вопроса и предложенія, не входя въ оцѣнку теорій названныхъ партій, Рысаковъ, говоря крайне тихо и невнятно, заявилъ: «Во время каникулъ я имѣлъ случай убѣдиться въ несчастіи народа, происходившемъ отъ разныхъ бѣдствій, какъ-то: сибирской язвы, истребленія хлѣба жучкомъ и т. д. Въ это время я познакомился съ членомъ партіи Желябовымъ, который обѣщалъ мнѣ содѣйствіе къ тому, чтобы я могъ имѣть болѣе широкое поле дѣятельности въ средѣ рабочаго народа, и ввелъ меня въ агитаціонную группу. Сколько мнѣ извѣстно, Желя-

бовъ организовалъ террористическій отдѣлъ и впослѣдствіи сообщилъ мнѣ, что исполнительный комитетъ замышляетъ новое покушеніе на жизнь государя императора. Сначала общія разсужденія объ этомъ велись у меня, на квартирѣ Ермолиной, а потомъ собирались въ Троицкомъ переулкѣ разъ или два, гдѣ Желябовъ кликнулъ кличъ. Затѣмъ Желябовъ пригласилъ на квартиру въ Тележную улицу, которая была устроена исключительно для совѣщаній по сему предмету и называлась конспиративной квартирой. Здѣсь велись разговоры уже болѣе точно и тутъ-же Кибальчичъ читалъ лекціи по устройству снарядовъ и приспособленій къ нимъ. На этой квартирѣ опытовъ не производилось, чтобы не привлечь вниманія, сжигался только сталинъ. Когда кто-нибудь приходилъ въ квартиру, то отворяли хозяева и проводили пріходившихъ въ угловую комнату; тутъ никакихъ приспособленій къ снарядамъ, никакихъ метательныхъ снарядовъ не было, кромѣ вещей, принесенныхъ «техникомъ». Самая проба снарядовъ была сдѣлана за Смольнымъ монастыремъ, въ пустынномъ мѣстѣ. Послѣ этой пробы, въ воскресенье, 1-го марта, мы собрались на квартирѣ въ Тележной улицѣ. Утромъ, часовъ въ 9 -10, Перовская принесла снаряды и начертила планъ дѣйствія: снарядовъ было четыре. Этотъ планъ дѣйствія состоялъ въ томъ, что четверо изъ участниковъ должны были находиться во время проѣзда государя императора въ трехъ различныхъ мѣстахъ, но при этомъ Перовская не объяснила всѣхъ подробностей. Если-бы взрыва на Малой Садовой не произошло, то намъ надо было идти на Михайловскую улицу и на Екатерининскій каналъ. При этомъ я долженъ сказать, что о подкопѣ на Малой Садовой и о другихъ приготовленіяхъ я не зналъ, такъ

какъ меня не считали возможнымъ посвятить въ эти подробности. Когда я встрѣтился на улицѣ съ Перовской, то она подала мнѣ условный знакъ, сморкаясь въ платокъ, что означало, что мнѣ нужно идти на Екатерининскій каналъ. Здѣсь я встрѣтилъ карету государя императора и бросилъ снарядъ. Что касается до приписываемыхъ мнѣ въ обвинительномъ актѣ словъ: «еще слава-ли Богу», то я не помню, говорилъ-ли это, и если сказалъ, то совершенно несознательно». Въ заключеніе, отвѣчая на вопросы первоприсутствующаго, Рысаковъ подтвердилъ прежнія объясненія о предшествовавшихъ событію 1-го марта совѣщаніяхъ въ Троицкомъ переулкѣ и Тележной улицѣ, а также объ отношеніи къ преступленіямъ Гельфманъ и Михайлова.

На предложенный за симъ первоприсутствующимъ подсудимому Тимофею Михайлову вопросъ объ его виновности, согласно выводамъ обвинительнаго акта, Михайловъ отвѣчалъ: «Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что принадлежу къ «Русской Соціально-революціонной Партіи», которая принадлежитъ къ террористическому направленію. Но все остальное я отрицаю. Я подтверждаю лишь, что принадлежу къ той партіи, которая защищаетъ среду рабочихъ, потому что я и самъ человѣкъ рабочій, и признаю, что я сопротивлялся властямъ, чтобы не отдавать себя даромъ. Въ этомъ я признаю себя виновнымъ: а что было на Садовой и 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ, въ этомъ я не признаю себя виновнымъ, потому, я признаю все показаніе Рысакова ложнымъ. Ну, а теперича, что меня побудило къ этой Соціально-революціонной Партіи принадлежать, то я хотѣлъ коснуться моей біографіи, т. е. разсказать мою жизнь». Далѣе подсудимый сталъ излагать обстоятельства своей

жизни съ малыхъ лѣтъ съ подробностями, по поводу которыхъ первоприсутствующій ему замѣтилъ, что онѣ къ дѣлу не относятся, и когда Михайловъ заявилъ, что онъ, познакомившись на общественныхъ сходкахъ съ потребностями крестьянъ, узналъ, сколько съ крестьянъ требуется всѣхъ расходовъ, то первоприсутствующій вновь указалъ ему, что онъ опять уклоняется отъ существа дѣла и говоритъ вещи, которыя для суда не имѣютъ значенія. Затѣмъ первоприсутствующій сталъ предлагать подсудимому вопросы.

Первоприс. Когда вы работали въ Петербургѣ, то сколько заработывали? Подс. Михайловъ. Я получалъ въ день 70—60 к., получалъ и 30 копеекъ. Первопр. А съ тѣхъ поръ, какъ вы перестали работать, вы чѣмъ жили? Подс. Михайловъ. Я жилъ безъ работы только одинъ мѣсяцъ, и получалъ помощь отъ своего знакомаго—Желябова. Я видѣлъ, что трудъ рабочаго поглощается капиталистомъ, который эксплоатируетъ рабочаго человѣка. Я не зналъ какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, я думалъ, что неужели рабочій человѣкъ долженъ всегда существовать такъ, какъ существуетъ теперь. Когда я познакомился съ соціальнымъ ученіемъ, я принялъ его сторону. Что меня побудило быть террористомъ, это то, что когда я развивалъ своихъ рабочихъ товарищей, предлагалъ дѣлать забастовки на заводахъ, группировалъ ихъ въ артели для того, чтобы они работали не на однихъ капиталистовъ, за мной поставили шпіоновъ. Вотъ тогда я отказался отъ заводской работы и заявилъ Желябову, что я буду террористомъ: онъ меня прикомандировалъ къ группѣ, которая принадлежитъ къ Соціально-революціонной Партіи, къ боевой дружинѣ, которая защищаетъ ра-

бочаго человѣка. Къ ней я дѣйствительно принадлежу.

Сенаторъ Писаревъ. Вы сказали, что принадлежите къ террористическому отдѣлу революціонной партіи. Какія средства были у этого террористическаго отдѣла?

Подс. Михайловъ. Средствами было убіеніе шпіоновъ и избіеніе нелюбимыхъ рабочими мастеровъ, потому что я находилъ, что эти мастера предаютъ своихъ товарищей, какъ Іуда предалъ Спасителя, и которые эксплоатируютъ рабочаго человѣка больше всего.

Сенаторъ Писаревъ. Такимъ образомъ, вы не имѣли въ виду ни правительства, ни власти, вы только желали защитить рабочихъ?

Подс. Михайловъ. Да, защитить рабочихъ. Я желалъ сгруппировать рабочихъ въ артели и ассоціаціи.

Первоприсутствующій. Подсудимая Гельфманъ, вы обвиняетесь въ томъ, что принадлежали къ тому-же тайному сообществу, которое называется соціально-революціонной партіей, цѣли которой я описалъ въ предыдущихъ вопросахъ, и для достиженія этихъ цѣлей вы приняли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, во исполненіе какого умысла вы завѣдывали въ качествѣ хозяйки конспиративными квартирами, которыя были устроены для надобностей сообщества, и, согласившись на преступленіе 1-го марта, допускали на своей квартирѣ совѣщанія, причемъ вамъ было извѣстно о проведеніи подкопа по Малой Садовой. Признаете-ли вы себя въ томъ виновною?

Подс. Гельфманъ. Я признаю себя виновной въ томъ, что по своимъ убѣжденіямъ принадлежу къ

соціально-революціонной партіи, принимала участіе въ этой партіи и раздѣляю программу партіи «Народной Воли», была хозяйкой конспиративной квартиры, на которой происходили собранія, но на этихъ собраніяхъ я не участвовала и не принимала активнаго участія въ совершеніи преступленій 1-го марта. При этомъ считаю долгомъ заявить, что у меня на квартирѣ, какъ на собраніяхъ, бывшихъ до 1-го марта, такъ и утромъ 1-го марта, Тимофей Михайловъ не былъ.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія

Предсѣдатель. Подсудимый Кибальчичъ, вы обвиняетесь въ томъ, что, принадлежа къ партіи тайнаго сообщества, называемой соціально-революціонной партіей, которую я описалъ въ первомъ вопросѣ, и дѣйствуя для достиженія ея цѣлей, вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго умысла: 1) вы принимали участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 19-го ноября 1879 года, полотна желѣзной дороги близъ города Александровска, при проходѣ поѣзда, на которомъ слѣдовалъ государь императоръ, причемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что необходимую для производства этого взрыва спираль Румкорфа вы доставили одному изъ главныхъ участниковъ этого преступленія, Андрею Желябову; 2) принимали участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ-же 1879 году, такового-же взрыва полотна на одесской желѣзной дорогѣ, по которой предполагался проѣздъ госу-

даря императора, причемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что вы хранили у себя всѣ нужные для совершенія этого преступленія снаряды и пріобрѣли и приспособили снаряды Румкорфа: 3) изобрѣли, изготовили и приспособили четыре метательныхъ снаряда, изъ которыхъ два были употреблены въ дѣло и однимъ изъ нихъ былъ произведенъ взрывъ, причинившій его величеству тяжкія поврежденія, за которыми послѣдовала кончина государя императора. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Кибальчичъ. Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, я позволю себѣ опредѣлить тѣ главныя задачи, которыя ставитъ себѣ та партія, къ которой я себя причисляю.

Первоприс. Для суда представляютъ дѣйствительный интересъ только ваши убѣжденія и задачи.

Тогда подс. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленія тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли», и причины, которыя по мнѣнію его, заставили лицъ соціалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ, онъ сказалъ: въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я-бы осуществилъ свою задачу, если-бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если-бы не тотъ арестъ, если-бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я-бы ушелъ въ народъ и былъ-бы до сихъ поръ

тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были, отчасти, культурнаго характера, отчасти соціалистическаго, а именно поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если-бы обстоятельства сложились иначе, если-бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что-ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись-бы теперь въ цареубійствѣ, а были-бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ-бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій и т. д. Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприс. подтвердить таковыя, показалъ: «Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я прочиталъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою

и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушеніе мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда снарядовъ, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовлять динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ и гдѣ и какія люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также, чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа».

Первопрес. Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Подс. Кибальчичъ. Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ мнѣ на Малой Садовой. Я не при-

ималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными и техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во-первыхъ, достигнуть предположенной цѣли, а во-вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились-бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

Первоприс. По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальчичъ. Я не зналъ, что буду имѣть этотъ случай, поэтому я и коснулся теперь. Итакъ, относительно устройства мины, найма помѣщенія, назначенія туда людей, и т. д.—въ этомъ я не принималъ участія. Но за нѣсколько дней я узналъ, какой способъ предполагается и гдѣ, узналъ также и время—1-е марта. Относительно метательныхъ снарядовъ я долженъ замѣтить еще слѣдующее: я, вмѣстѣ съ другими лицами, былъ на опытѣ и затѣмъ, какъ выражается Рысаковъ, читалъ лекціи по устройству снарядовъ. Я, дѣйствительно, дѣлалъ указанія и, дѣйствительно, былъ на опытѣ, но считаю нужнымъ заявить, что той личности, которая называется Тимоѳеемъ Михайловымъ, не было ни на опытахъ, ни на чтеніи этихъ лекцій. Вообще, я его ни разу не видалъ въ квартирѣ Гельфманъ.

Закончивъ допросъ Кибальчича, первоприсутствующій обратился къ подсудимой Перовской съ вопросомъ: приз-

пастъ-ли она себя виновной по предъявленнымъ къ ней обвиненіямъ?

На это подсудимая Перовская отвѣчала: «Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ «исполнительнаго комитета». Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія «Народной Воли» отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія-бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни, Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что, по порученію «исполнительнаго комитета», какъ его агентъ, принимала участіе и въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879 г., и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года. Относительно участвующихъ лицъ въ послѣднемъ событіи я могу заявить одно: Гельфманъ, какъ хозяйка конспиративной квартиры, какъ членъ партіи «Народной Воли», вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Она занималась только распространеніемъ ея программы. Поэтому она не участвовала въ совѣщаніяхъ, которыя собирались для террористическихъ попытокъ, точно также, вообще, не знала о ходѣ террористической дѣятельности. Относительно подсудимаго Михайлова, я должна сказать, что онъ точно также не принималъ участія въ террористической дѣятельности партіи, не готовился въ метальщики и не былъ 1-го марта на квартирѣ, гдѣ собственно рѣшался планъ дѣйствій. Слѣдовательно, въ этомъ фактѣ онъ не принималъ никакого участія.

Первоприс. Въ виду вашего сознанія, я приглашаю васъ изложить подробнѣе ваше фактическое участіе какъ во взрывѣ 19-го ноября, такъ и въ преступленіи 1-го марта.

Подс. Перовская. Я могу только повторить свои показанія.

Первоприс. Вы подтверждаете ваши показанія въ томъ видѣ, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ?

Подс. Перовская. Да, за исключеніемъ только той части показанія, гдѣ говорится о томъ, какъ я объясняла, какимъ образомъ партія «Народная Воля» пришла къ террористической дѣятельности.

Первоприс. Нѣтъ, я говорю относительно фактической части.

Подс. Перовская. Фактическую часть я вполнѣ подтверждаю.

Подс. Желябовъ, на предложенный ему первоприсутствующимъ по выводамъ обвинительнаго акта вопросъ о виновности отвѣчалъ: «Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли», и эта принадлежность является слѣдствіемъ моихъ убѣжденій. Въ организаторскомъ-же отношеніи я состою агентомъ «исполнительнаго комитета». Такъ какъ убѣжденія партіи, ея цѣли и средства достаточно подробно изложены моими товарищами Кибальчичемъ и Перовскою, то я остановлюсь, главнымъ образомъ, на второй половинѣ моихъ объясненій—на организаціи. Я долго былъ въ народѣ, работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ подсудимый Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти».

Первоприс. Я долженъ предупредить васъ, что я

не могу допустить въ вашихъ объясненіяхъ такихъ выраженій, которыя полны неуваженія къ существующему порядку управленія и къ власти, закономъ установленной. Вы можете высказать ваши убѣжденія, несогласныя съ закономъ, но высказывайте ихъ въ такой формѣ, которая дала-бы возможность васъ выслушать.

Подс. Желябовъ. Я это признаю. Какъ человѣкъ, изъ народа вышедшій, для народа работавшій, я такъ понималъ выгоду отъ политической борьбы.

Первоприсут. Для суда не нужно знать теоріи; суду нужно знать ваши личныя отношенія къ дѣлу, личныя отношенія къ той партіи, къ которой вы принадлежите. Вы, напримѣръ, говоря объ организаціи, совершенно правильно замѣтили, что для опредѣленія роли каждаго изъ обвиняемыхъ можетъ имѣть значеніе разъясненіе организаціи, и вотъ въ этихъ предѣлахъ судъ выслушаетъ ваше объясненіе. Теоретическія-же воззрѣнія не могутъ быть предметомъ объясненій на судѣ.

Подс. Желябовъ. Совершенно вѣрно: я могъ-бы держаться въ такихъ рамкахъ и къ нимъ возвращусь.— Затѣмъ подсудимый вошелъ въ подробныя объясненія существующей будто-бы организаціи тайнаго общества, основанной на подчиненіи младшихъ кружковъ старшимъ, сходящимся въ центральный. Послѣ чего Желябовъ продолжалъ: «Перехожу къ моей роли въ настоящемъ дѣлѣ. Я нѣсколько разъ участвовалъ въ подобныхъ предпріятіяхъ и заслужилъ довѣріе центра—исполнительнаго комитета, и вотъ на этомъ основаніи мнѣ въ этомъ предпріятіи была отведена роль организатора одной изъ частей предпріятія. Предпріятіе это распадается на подкопъ и на нападеніе съ метательными снарядами, и вотъ нападеніе съ метательными снарядами «исполнительнымъ коми-

тетомъ» поручено было организовать мнѣ, причемъ «исполнительный комитетъ» указалъ мнѣ, что добровольцевъ, изъявившихъ согласіе идти на самопожертвованіе, лишь-бы цѣль была достигнута, было всего 47 человѣкъ: изъ нихъ 19, обусловливавшихъ свое участіе вмѣстѣ съ опытнымъ въ такомъ дѣлѣ человѣкомъ, остальные-же выразили безусловное согласіе. Изъ этой категоріи лицъ мнѣ было предоставлено выбрать себѣ сотоварищей и дѣйствовать съ ними съ метательными снарядами, чѣмъ я и занялся, руководствуясь соображеніями не наибольшей ихъ пригодности, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ,—я къ этому еще возвращусь,—а другими соображеніями.

Первопрес. Считаю необходимымъ васъ предупредить, дабы не было усложненія дѣла: вы не должны теперь предъявлять объясненія по существу обвинительнаго акта, на это будетъ цѣлое судебное слѣдствіе.

Подс. Желябовъ. Я не буду возражать противъ обвинительнаго акта. Чтобы поскорѣе кончить съ этимъ вопросомъ, я скажу, что я подобралъ нужное количество лицъ и замѣчу здѣсь, что количество было уже намѣчено «исполнительнымъ комитетомъ», а моя обязанность состояла въ томъ, чтобы выбрать изъ числа этихъ лицъ сотоварищей и представить объ этомъ комитету на утвержденіе. Когда было утверждено, я вмѣстѣ съ этими лицами приступилъ къ исполненію. Я для нападенія съ метательными снарядами пригласилъ къ себѣ единственно Рысакова, отношенія-же мои къ Михайлову я выяснію впослѣдствіи, теперь-же я утверждаю, что Михайловъ, если, по словамъ Рысакова, и имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ дѣлу, то дѣлалъ это безъ моего вѣдома, послѣ моего ареста и, во всякомъ случаѣ, это такой шагъ,

который въ организаторскомъ отношеніи считается преступленіемъ. Теперь о подкопѣ. Совершенно вѣрно сказалъ Рысаковъ, что онъ ничего не зналъ о подкопѣ: это такъ и должно быть, потому что подкопъ велся, въ интересахъ осторожности, совершенно отдѣльно отъ нападенія съ метательными снарядами. Собственно нападавшіе могли знать о подкопѣ, могли участвовать въ немъ, но только въ томъ случаѣ, если группа, ведшая подкопъ, оказывала имъ довѣріе,—это ихъ частное соглашеніе. Скажу отъ себя, что Рысакова изъ участниковъ подкопа, которыхъ я не стану называть, никто не зналъ, оставляя на мою отвѣтственность привлеченіе того или другаго дѣятеля, въ качествѣ металыщика, они-бы, конечно, никогда не допустили, чтобы неизвѣстный человѣкъ принялъ участіе въ подкопѣ. Если это можно сказать относительно Рысакова, то то-же самое относится и еще съ большимъ основаніемъ къ Михайлову, который о подкопѣ не могъ знать ровно ничего: это было-бы младенчествомъ въ революціонномъ веденіи дѣла, а мы уже кое-что пережили. Для того, чтобы мой отвѣтъ на обвиненіе, изложенное въ обвинительномъ актѣ, былъ опредѣленнѣе, я теперь возвращусь къ самой формулировкѣ обвинительнаго акта. Я не признаю себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному сообществу, состоящему изъ шести человѣкъ и нѣсколькихъ другихъ, такъ какъ сообщества здѣсь нѣтъ. Здѣсь подборъ лицъ совершенно случайный, производившійся по мѣрѣ ареста лицъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ принимали самое дѣятельное участіе и играли видную роль въ революціонныхъ дѣлахъ по различнымъ отраслямъ, но они не составляютъ сообщества по данному предпріятію. Михаловъ этому

дѣлу—человѣкъ совершенно постороннiй. Рысаковъ свои отношенiя къ организацiи опредѣлилъ вѣрно: онъ состоялъ членомъ агитацiонной рабочей группы, которая относилась къ «исполнительному комитету», какъ его развѣтвленiе, какъ одна изъ отраслей. Данные обвиняемые обвиняются въ устройствѣ подкопа на Малой Садовой.

Первопрес. Я предложилъ вамъ вопросъ о васъ, и вы высказали свой взглядъ на организацiю и отношенiя ваши къ этой организацiи: этимъ вамъ и слѣдуетъ ограничиться.

Подс. Желябовъ. Если я и отклоняюсь, то это потому, что, во-первыхъ, объясненiя подсудимыхъ касались частiю теоретической стороны и, во-вторыхъ, потому, что, говоря шестымъ, я не могу безъ повторенiя быть систематическимъ въ изложенiи. Мои отношенiя къ подкопу были таковы: я зналъ о немъ и принималъ участiе какъ черноработчiй, рылъ землю, но участiе мое кончилось въ ночь со вторника на среду, и это я докажу показанiями свидѣтелей, и такъ какъ я былъ черноработчимъ, то, конечно, я зналъ о подкопѣ, зналъ лицъ, производящихъ его, и т. д.

Первопрес. А въ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Моя роль тамъ была такая: въ Харьковѣ были сдѣланы кое-какiя подготовительныя работы, но предпрiятiе было рѣшено не такъ, какъ показываетъ Гольденбергъ, а исполнительнымъ комитетомъ» 26-го августа въ Петербургѣ. Для этого рѣшены были желѣзно-дорожныя предпрiятiя отъ Симферополя на Харьковъ, отъ Харькова на сѣверъ къ Петербургу и на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Выборъ мѣста и всѣ остальные подробности плана не могли быть рѣшены 26-го ав-

густа, но распредѣленіе лицъ было сдѣлано тогда-же. Я — южанинъ, знаю хорошо мѣстныя условія, и, по нѣкоторымъ еще другимъ соображеніямъ, я хотѣлъ дѣйствовать на югѣ и просилъ, чтобы мнѣ отвели мѣсто въ южныхъ предпріятіяхъ. Въ нихъ я и былъ участникомъ. Такъ, въ Александровскомъ, когда оказалась невозможность нападеній въ Крыму, я осматривалъ желѣзно-дорожный путь отъ Симферополя, намѣтилъ пунктъ подъ Александровскомъ, и изъ Харькова извѣстилъ объ этомъ «исполнительный комитетъ», спрашивая: могу-ли я разсчитывать на средства, а также и на участіе. Мнѣ отвѣчали, что участники есть и что я могу, не стѣсняясь средствами, начинать. Для цѣли организовать предпріятіе, я отправился въ Харьковъ, гдѣ, кромѣ меня, находились Колоткевичъ и еще нѣкоторые другіе члены партіи, о которыхъ вы услышите на послѣдующемъ судѣ. Мы должны были обсудить предпріятіе коллегіально. Письмо мое въ Петербургъ было выраженіемъ не только моихъ личныхъ предположеній, но также и ихъ. Отвѣтъ «исполнительнаго комитета» былъ обсужденъ нами также коллективно. Затѣмъ «исполнительный комитетъ» ассигновалъ средства, назначилъ агентовъ, и я съ ними вмѣстѣ, а также при содѣйствіи новыхъ лицъ, «исполнительному комитету» неизвѣстныхъ и привлеченныхъ на мой страхъ, таковы были Окладскій и Яковъ Тихоновъ, отправились устраивать покушеніе подъ Александровскомъ. До этихъ поръ я въ Александровскѣ никогда не былъ. По полученіи отвѣта отъ «исполнительнаго комитета», чтобы начинать, я пріѣхалъ 1-го октября въ Александровскъ изъ Харькова. День былъ ярмарочный. Въ дознаніи есть показаніе свидѣтеля Сагайдака, который указываетъ обстоятельство моего

пріѣзда, но, вѣроятно, онъ не вызывался въ судъ, потому что это свѣдѣніе не интересно, поэтому и я его не опасаюсь, а скажу только, что, явившись въ городъ съ предположеніемъ устроить кожевенный, либо мыловаренный заводъ, или макаронную фабрику, я дѣлалъ это просто какъ предлогъ, въ дѣйствительности-же я пріѣхалъ чтобы зондировать почву. Изъ разговора со свидѣтелемъ я узналъ, что кожевенный заводъ будетъ тамъ умѣстенъ, и я на другой-же день подалъ въ управу заявленіе о желаніи устроить заводъ и просилъ объ отводѣ подъ него земли на аренду. Объ этомъ состоялось постановленіе городской думы. Въ промежутокъ этого времени я съѣздилъ въ Харьковъ и вмѣстѣ съ остальными участниками, прибывшими туда я устроился въ квартирѣ Бовенко. Это было 7-го октября. Я выѣхалъ оттуда 23-го октября, и за все это время велъ подготовительныя работы, и устройство кожевеннаго завода ничуть не прекращалось. Затѣмъ обстоятельство закладки мины подъ Александровскомъ фактически изложено совершенно вѣрно въ обвинительномъ актѣ, и я также подтверждаю это... Можетъ быть, для суда важно, чтобы я подтвердилъ, что утромъ 18-го ноября, я, вмѣстѣ съ другими участниками, выѣхалъ на повозкѣ къ мѣсту, гдѣ была заложена мина—это громадный овраг: по отвѣсу 11 сажень, по откосу больше; вотъ въ этомъ мѣстѣ было заложено два снаряда по такому разсчету, чтобы они обхватывали цѣлый поѣздъ. Намъ извѣстно было, сколько вагоновъ должно быть въ царскомъ поѣздѣ, и обѣ эти мины захватывали собою поѣздъ опредѣленнаго количества вагоновъ. Итакъ, утромъ, 18-го ноября, получивъ ранѣе извѣщеніе отъ Нрѣснякова о томъ, что царскій поѣздъ выѣдетъ такого-то числа, или, правильнѣе ска-

зать, не получивъ извѣщенія, такъ какъ, по предшествовавшему уговору, неполученіе извѣстія должно было означать, что измѣнній нѣтъ, т. е. что поѣздъ выѣзжаетъ въ день, который былъ извѣстенъ намъ ранѣе,— это я указываю потому, что мнѣ придется еще сказать, что Ирѣзникова въ Александровскѣ не было. Такъ вотъ, 18-го ноября, судя по признакамъ, мы не сомнѣвались, что поѣздъ проѣдетъ въ опредѣленный часъ, и мы стояли на мѣстѣ, и хотя внѣшніе признаки поѣзда заставляли сомнѣваться, чтобы это былъ поѣздъ царскій, тѣмъ не менѣе подъ поѣздомъ были сомкнуты батареи согласно тому, какъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Я замкнулъ батарею, т. е., соединилъ токи, но взрыва не послѣдовало. Оттуда мы отправились для кое-какихъ опытовъ, чтобы распознать причину невзрыва. Спустя нѣкоторое время, мы вынули проводники, а снаряды оставили подъ рельсами, такъ какъ наши техники давали ручательства, что, по меньшей мѣрѣ, впродолженіе двухъ лѣтъ, взрыва не послѣдуетъ. Въ то время начались уже заморозки, выпалъ снѣгъ, производить раскопку не было возможности, снаряды-же могли намъ пригодиться весной — по всему этому мы ихъ и оставили. Въ обвинительномъ актѣ совершенно вѣрно сказано, согласно показанію Бовенко, что раньше уѣхала моя хозяйка, затѣмъ другіе участники, наконецъ, 23-го ноября, выѣхалъ и я изъ Александровска. Вотъ всѣ мои отношенія къ александровскому предпріятію. Больше я ничего не имѣю сказать.

Первоприс. Г. судебный приставъ, пригласите свидѣтелей.

Тов. прокур. Муравьевъ. Нѣкоторыя изъ показаній, только что данныхъ подсудимыми, имѣютъ зна-

ченіе полнаго сознанія, и въ виду ихъ не предстоитъ необходимости въ провѣркѣ всѣхъ доказательствъ, которыми прежде обвинительная власть предполагала воспользоваться. Дабы обсудить вліяніе, которое эти показанія должны оказать на ходъ судебнаго слѣдствія, мнѣ было-бы желательно имѣть въ распоряженіи приблизительно четверть часа времени, чтобы предъявить свое заключеніе особому присутствію правительствующаго сената и о предоставленіи мнѣ этого времени я ходатайствую.

Первоприсутствующій объявилъ перерывъ засѣданія на четверть часа.

По возобновленіи засѣданія.

Прокуроръ. Вызывавшіеся по настоящему дѣлу свидѣтели, по содержанію данныхъ ими при изслѣдованіи этого дѣла показаній, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: изъ нихъ одна относится къ удостовѣренію самаго событія злодѣянія 1-го марта: ко второй относятся свидѣтели, вызванные для удостовѣренія извѣстныхъ обстоятельствъ, служащихъ, по мнѣнію обвиненія, къ изобличенію подсудимыхъ. Въ показаніяхъ, данныхъ подсудимыми, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ значеніе сознанія, фактическая сторона событія 1-го марта не отрицается, и нѣтъ указанія подсудимыхъ на то, чтобы обвинительный актъ въ этомъ отношеніи былъ изложенъ невѣрно. Это даетъ мнѣ основаніе предполагать, что по отношенію къ событію преступленія 1-го марта между сторонами можетъ состояться соглашеніе по предмету исключенія изъ состава свидѣтелей, кромѣ одного, кото-

раго я потомъ назову, всѣхъ тѣхъ, показаніями которыхъ удостовѣряется событіе 1-го марта. Итакъ, если противною стороною будетъ признано, что событіе преступленія изложено въ обвинительномъ актѣ съ фактической стороны вѣрно и согласно съ показаніями свидѣтелей, данными при изслѣдованіи этого дѣла, и если вслѣдствіе этого мнѣ, какъ представителю обвинительной власти, будетъ разрѣшено въ моей рѣчи излагать это событіе въ этихъ указанныхъ мной предѣлахъ, то подъ этимъ условіемъ я отказываюсь отъ допроса всѣхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ событіе за исключеніемъ свидѣтеля, отставнаго рядоваго Павлова, котораго прошу допросить: что касается до второй группы свидѣтелей, то въ виду сознанія подсудимыхъ, признавая, что многія обстоятельства вполнѣ выяснены и не нуждаются въ дальнѣйшемъ разъясненіи, я нахожу возможнымъ отказаться отъ допроса значительнаго количества свидѣтелей и укажу на тѣхъ, которыхъ прошу допросить. Кромѣ Павлова, я прошу допросить слѣдующихъ свидѣтелей: Ермолину, Бека, Холодковскую, Смѣлкову, Самойлова, Ульянова, Дмитріева, Гордина, Артамонова, Даровскую, Пѣтушкова, Афанасьева, Кулаковскую, Широкова и Булатова, а затѣмъ желаю воспользоваться показаніемъ Гольденберга, и впослѣдствіи буду просить прочесть извѣстныя части его показанія. Затѣмъ, въ виду показанія подсудимаго Желябова, я отказываюсь отъ допроса двухъ послѣднихъ экспертовъ, Прохорова и Шарапова. Остальныхъ девять экспертовъ прошу спросить; затѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ свидѣтелей отказываюсь.

Прис. пов. Уиковскій. Я долженъ заявить суду, что подсудимый Рысаковъ согласенъ на то, чтобы требованіе г. прокурора было удовлетворено, но я, какъ за-

щитникъ, нахожу нужнымъ спросить еще, сверхъ указанныхъ г. прокуроромъ свидѣтелей, рядовыхъ: Макарова и Евченко, фельдшера Горохова и городоваго Несговорова, потому что подсудимому всего 19 лѣтъ, и ему приписываются такія дѣйствія, въ которыхъ онъ сознанія не заявлялъ, а именно будто-бы онъ смѣялся при задержаніи и сказалъ: «еще слава-ли Богу»...

Прис. пов. Халтулари. Мнѣ кажется, что ходатайство г. прокурора подлежало-бы безусловному удовлетворенію, и едва-ли стороны встрѣтили-бы къ тому препятствіе, если-бы факты преступленія и даже отдѣльные факты, предшествовавшіе ему и послѣдовавшіе за нимъ, не выяснились свидѣтельскими показаніями. Разсмотримъ относящуюся къ ходатайству г. прокурора 681-ю ст. устава уголовнаго судопроизводства, разъясненную правительствующимъ сенатомъ по дѣлу Матарова. Такъ какъ дѣло лишь отчасти выяснилось допросомъ обвиняемыхъ, и оказалось, что безусловнаго сознанія не существуетъ, что есть нѣкоторыя видоизмѣненія фактической стороны дѣла, есть показанія подсудимыхъ, которыя могутъ быть провѣрены свидѣтельскими показаніями, то для разрѣшенія вопроса достаточно обратиться къ указанному мной рѣшенію сената, въ которомъ говорится, что при сознаніи только нѣкоторыхъ подсудимыхъ не можетъ быть и возбужденъ вопросъ о непроизводствѣ судебнаго слѣдствія. Въ доказательство этого положенія я могу сослаться на весьма вѣское обстоятельство: въ числѣ свидѣтелей, устраненія которыхъ желаетъ г. прокуроръ въ видахъ сокращенія судебнаго слѣдствія, является Ермолина, показаніе которой весьма важно.

Первоприс. Г. прокуроръ заявилъ ходатайство о спросѣ этой свидѣтельницы.

Прис. пов. Хартуларн. Въ такомъ случаѣ я беру назадъ... Затѣмъ свидѣтель Гординъ.

Первоприс. Г. прокуроръ желаетъ и его спросить. При разрѣшеніи возбужденнаго вами вопроса, особое присутствіе признаетъ необходимымъ имѣть отъ васъ категорическій отвѣтъ: согласны-ли вы на удовлетвореніе ходатайства г. прокурора, или нѣтъ?

Прис. пов. Хартуларн. Я не могу категорически заявить согласіе и предоставляю разрѣшить этотъ вопросъ самому особому присутствію.

Прис. пов. Герке. Я считаю существеннымъ показаніе Рейнгольда и Нормана. Затѣмъ я ничего не имѣю противъ ходатайства г. прокурора.

Прис. пов. Герардъ. Я вовсе не желаю допроса свидѣтелей.

Прис. пов. Кедринъ. Я согласенъ, чтобы изъ свидѣтелей были допрошены только тѣ, которые указаны г. прокуроромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я позволю себѣ возобновить мое ходатайство о допросѣ вызваннаго мною свидѣтеля.

Первоприс. Этотъ вопросъ будетъ подлежать обсужденію особаго присутствія и завтра вы получите отвѣтъ.

Подс. Желябовъ. Я не ожидалъ такого заявленія со стороны г. прокурора, т. е. отвода свидѣтелей, а потому теперь затрудняюсь сказать, какія свидѣтельскія показанія имѣютъ существенное значеніе. Весьма возможно, что, отвѣчая на такую новую комбинацію, я просмотрю нѣкоторыхъ свидѣтелей, которыхъ раньше находилъ нужнымъ спросить.

Первоприс. Не находите-ли вы необходимымъ,

чтобы вамъ было предоставлено нѣкоторое время для обсужденія этого вопроса?

Подс. Желябовъ. Я хотѣлъ-бы спросить свидѣтеля Коха, затѣмъ Макарова, Евченко и Назарова. Мнѣ они нужны для того, чтобы удостовѣрить, что толпа была разъярена и Кохъ оборонялъ Рысакова. Если подсудимые, въ томъ числѣ и я, не коснулись изложенія фактической стороны событія, то потому, что считали себя не въ правѣ этого касаться. Я коснулся-бы, можетъ быть, весьма многаго, но я не зналъ своего права, поэтому нельзя ссылаться на наше умолчаніе, какъ на полное соглашеніе съ изложеніемъ фактической стороны дѣла въ обвинительномъ актѣ. Такъ, на 2-й страницѣ сказано, что метательный снарядъ былъ брошенъ сзади, хотя это опровергается свидѣтелемъ Павловымъ.

Первоприс. Какое ваше заявленіе относительно размѣровъ производства судебнаго слѣдствія?

Подс. Желябовъ. Кромѣ указанныхъ мною, я прошу еще спросить Рейнгольда, Самойлова и Ульянова.

Первоприс. Что вы имѣете заявить по поводу указанія г. прокурора относительно производства судебнаго слѣдствія о покушеніи на взрывъ подъ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Для упрощенія дѣла я согласенъ не спрашивать Баженко и его жену.

Первоприс. Другіе подсудимые не имѣютъ-ли чего по этому вопросу?

Подсудимые ничего не заявили.

Первоприс. Не имѣютъ-ли подсудимые что-нибудь возразить по вопросу о непроизводствѣ судебнаго слѣдствія по предмету взрыва подъ Москвой?

Подсудимые ничего не имѣютъ.

Затѣмъ г. прокуроръ просилъ еще спросить свидѣ-

теля Рудыковскаго, а подсудимый Желябовъ, Кюстера.

Послѣ совѣщанія, первоприсутствующій объявилъ, что особое присутствіе, въ виду сдѣланныхъ сторонами заявленій, признаетъ возможнымъ не производить судебнаго слѣдствія по обвиненію подсудимыхъ Желябова—въ покушеніи ко взрыву подъ Александровскомъ, Перовской—въ производствѣ взрыва подъ Москвой и Кибальчича въ приготовленіи ко взрыву подъ Одессой, а также отстранятъ изъ числа экспертовъ гг. Прохорова и Шарапова и нѣсколькихъ свидѣтелей.

Послѣ этого были приглашены свидѣтели и эксперты въ залу засѣданія, опрошены и приведены къ присягѣ, за исключеніемъ свидѣтеля Михайлова, роднаго брата подсудимаго, вызваннаго по просьбѣ послѣдняго. На объясненіе г. первоприсутствующаго, что свидѣтель, по закону, какъ братъ подсудимаго, имѣетъ право отказаться отъ своего показанія, Михайловъ заявилъ, что онъ можетъ показать, о чемъ его спросятъ. Напомнивъ всѣмъ свидѣтелямъ и экспертамъ святость присяги и отвѣтственность за ложное показаніе, г. первоприсутствующій объявилъ перерывъ для обѣда на два часа.

По возобновленіи засѣданія, въ 8 часовъ вечера, первоприсутствующій, съ согласія сторонъ, предложилъ экспертамъ остаться въ залѣ и внимательно прослушать все слѣдствіе, чтобы дать потомъ заключеніе. Свидѣтелямъ, которыхъ не предлагалось спросить въ настоящее засѣданіе, было разрѣшено удалиться изъ засѣданія суда. Послѣ этого, судъ приступилъ къ допросу оставленныхъ свидѣтелей, при чемъ каждому первоприсутствующій передъ допросомъ напоминалъ о данной имъ присягѣ.

Введенъ свидѣтель Фролъ Сергѣевъ, лейбъ-кучеръ усопшаго государя императора, который показалъ: «Когда

я подалъ карету къ подъѣзду Зимняго дворца, покойный государь вышелъ и сказалъ: «Въ Михаиловскій манежъ, черезъ Невскій мостъ». Какъ прежде ѣздили, такъ и въ этотъ разъ тою-же дорогой поѣхали. Изъ манежа государь приказалъ ѣхать въ Михайловскій дворецъ. Вмѣстѣ съ государемъ сѣлъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Изъ Михайловскаго дворца государь вышелъ одинъ и приказалъ мнѣ: «Домой и той-же дорогой». Когда я поѣхалъ на Екатерининскую канаву, то пустилъ лошадей очень шибко. Вдругъ я услышалъ взрывъ сзади. Передъ этимъ я ничего особеннаго не замѣтилъ; народу не видѣлъ, государь сказалъ: «стой». Вышелъ изъ лѣвой дверцы и пошелъ назадъ, а я повернулъ лошадей и подъѣхалъ ближе къ публикѣ. Потомъ второй взрывъ сдѣлался, и вскорѣ подносили къ каретѣ государя императора. Тутъ, кто—говорить нельзя вести въ каретѣ, кто говоритъ—надо на извозчикѣ, я хорошенько не помню. Ужъ потомъ мнѣ велѣли отъѣзжать прочь. Я отъѣхалъ и погналъ лошадей домой. Когда пріѣхалъ, то говорю начальнику, что въ государя императора выстрѣлили и ранили ноги. Не помню, что въ то время я говорилъ. Потомъ начальникъ пріѣхалъ обратно изъ дворца и сказалъ, что государь скончался».

Свид. капитанъ Кохъ показалъ, что когда государь изволилъ выѣхать изъ дворца великой княгини Екатерины Михайловны, въ 2 часа 30 минутъ, то карета направилась по Инженерной улицѣ и повернула направо по Екатерининскому каналу. Карету сопровождали: конвой, полицеймейстеръ Дворжицкій и свидѣтель, ѣхавшій вилотную съ Дворжицкимъ. Когда государь изволилъ доѣхать до половины протяженія Михайловскаго сада, раздался взрывъ». Я, продолжалъ свидѣтель, выскочилъ изъ

ганей и побѣжалъ по направленію къ экипажу его величества и увидѣлъ, что государь выходитъ изъ кареты съ правой стороны и наклонился къ одному изъ раненыхъ. Въ то-же время, я увидѣлъ бѣгущаго мнѣ на встрѣчу неизвѣстнаго человѣка, котораго я остановилъ, не помню одинъ или съ кѣмъ-нибудь еще. Затѣмъ я вижу, что государь императоръ въ сопровожденіи Дворжицкаго и еще нѣсколько лицъ приближается къ преступнику. У преступника, пока государь подходилъ къ нему, успѣли отобрать револьверъ и кинжалъ въ чехлѣ. Въ промежутокъ времени, какъ былъ задержанъ неизвѣстный и пока приближался государь, я успѣлъ спросить преступника: кто онъ такой, и онъ назвалъ себя мѣщанномъ Грязновымъ. Когда-же я его спросилъ: онъ-ли произвелъ взрывъ? онъ отвѣтилъ: «Я, ваше благородіе», государь, подойдя изволилъ спросить: «этотъ?» Я назвалъ фамилію преступника. Государь произнесъ: «хорошо», и повернулся назадъ. За нимъ слѣдовалъ полковникъ Дворжицкій и нѣсколько другихъ лицъ, а часть людей остались при преступникѣ. Покойный государь императоръ отошелъ не болѣе шести или семи шаговъ, какъ раздался снова страшный взрывъ, отъ котораго я потерялъ память. Черезъ нѣсколько секундъ очнувшись, я подбѣжалъ къ экипажу государя и спросилъ кучера Фрола: «гдѣ императоръ?» Фролъ сказалъ что онъ раненъ, и указалъ по направленію, гдѣ находился государь. Я подбѣжалъ и увидѣлъ государя императора на рукахъ у казаковъ, безъ шапки, раненаго, съ окровавленными ногами. Когда я замѣтилъ, что государь императоръ опасно раненъ, я бросился къ преступнику, увидѣлъ, что его держатъ четверо, и потомъ пошелъ къ Театральному мосту. Не помню, кто-то меня взялъ и привелъ къ

графу Лорисъ-Меликову. Отъ сильной головной боли я хорошо не могъ помнить и отчетливо созпавать подробностей.

Прок. Государь императоръ, какъ вы говорили, изволилъ наклонится надъ однимъ изъ раненыхъ. Не былъ-ли это раненый мальчикъ?

Свид. Кохъ. Не могу припомнить.

Прок. Вы видѣли, что государь императоръ наклонился надъ раненымъ?

Свид. Да, видѣлъ, и потомъ онъ поднялся и пошелъ.

Прок. Сколько всего было раненыхъ при первомъ взрывѣ?

Свид. Помню двухъ казаковъ.

Первоприс. Подсудимые я не могу предлагать вамъ послѣ каждаго свидѣтельскаго показанія и вообще послѣ каждаго доказательства, предъявленнаго на судѣ, дѣлать ваши замѣчанія, и заявляю, что это ваше право и что вы можете заявлять мнѣ о своемъ желаніи дать объясненіе по всякому доказательству.

Подс. Желябовъ. Я просилъ-бы объяснить мнѣ маленькую формальность: долженъ-ли я стоять или сидѣть, дѣлая заявленіе?

Первоприс. Обращаясь къ суду, вы должны давать объясненія стоя.

Затѣмъ, на предложенные вопросы свидѣт. Кохъ объяснилъ: когда я убѣдился, что преступникъ въ рукахъ народа, и увидѣлъ государя въ такомъ состояніи, то побѣжалъ къ мосту, гдѣ увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ держатъ какого-то господина въ золотыхъ очкахъ и, повидимому, народъ хотѣлъ съ нимъ расправиться. Тогда

я его отвелъ отъ толпы и приказалъ передать въ руки полиціи.

Прис. пов. Уиковскій. Не помните-ли, свидѣтель, Рысаковъ самъ разстегнулся и показалъ кинжалъ?

Свид. Кохъ. Нѣтъ, я приказалъ его обыскать; изъ бокового кармана пальто у него вынули револьверъ, а затѣмъ съ груди кинжалъ въ чехлѣ. Ни того, ни другого онъ не могъ вынуть самъ, такъ какъ его держали за руки.

Подсудим. Рысаковъ. Я солдатамъ объяснилъ, что у меня есть револьверъ и кинжалъ, который висѣлъ на ремнѣ; его взяли у меня у градоначальника.

Свид. Кохъ. Я помню, что былъ кинжалъ въ чемъ-то, но кто передалъ кинжалъ и револьверъ полицеймейстеру Дворжицкому—не знаю.

Свидѣтелю предъявленъ кинжалъ, который по осмотрѣ онъ призналъ за отобранный у Рысакова.

Подсудимый Рысаковъ призналъ этотъ кинжалъ за тотъ, который у него былъ 1-го марта.

Подс. Желябовъ. На дознаніи есть показаніе, что свидѣтель обнажилъ саблю.

Первоприс. (свидѣтелю). Что заставило васъ обнажить саблю?

Свид. Кохъ. Въ первый моментъ я обнажилъ саблю, предполагая, что народъ будетъ рвать преступника, но затѣмъ я тотчасъ-же вложилъ ее въ ножны.

Прис. пов. Уиковскій. Кромѣ тѣхъ словъ Рысакова, о которыхъ вы упомянали, вы ничего болѣе отъ него не слыхали?

Свид. Кохъ. Онъ сказалъ только: «я, ваше благородіе, произвелъ взрывъ», и затѣмъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ.

Прок. На основаніи 626-й ст. уст. угол. суд. и

состоявшагося опредѣленія особаго присутствія, имѣю честь ходатайствовать о прочтеніи показанія полковника Дворжицкаго, неявившагося на судъ по законной причинѣ.

Прочитано слѣдующее показаніе полковника Дворжицкаго: «Вчера, 1-го марта, около 2-хъ часовъ пополудни, государь императоръ выѣхалъ въ каретѣ изъ Михайловскаго дворца и поѣхалъ по Инженерной улицѣ, гдѣ при поворотѣ направо по набережной Екатерининскаго канала обогналъ взводъ 8-го флотскаго экипажа, который отдалъ государю честь съ барабаннымъ боемъ. Я ѣхалъ вслѣдъ за каретою государя въ разстояніи не болѣе двухъ саженъ, позади двухъ конвоировъ-казаковъ. Кучеръ государя ѣхалъ очень тихо. На разстояніи около 50-ти саженъ отъ угла Инженерной улицы, въ то время, какъ съ лѣвой стороны у рѣшетки набережной шелъ какой-то человѣкъ, а съ другой — шелъ солдатъ, подъ каретой государя раздался ужасный взрывъ, распространившійся какъ-бы вѣромъ. Я въ это время стоялъ въ своихъ саняхъ и отъ взрыва упалъ на кучера, такъ какъ лошади мои, взвившись на дыбы, моментально остановились. Оглянувшись, инстинктивно, назадъ, я увидѣлъ солдата, хватавшихъ какого-то человѣка. Бросившись къ каретѣ государя, я отворилъ дверцу его величеству и заявилъ, что преступникъ задержанъ, а затѣмъ предложилъ государю взять мои сани и прослѣдовать во дворецъ. Но государь изволилъ пожелать прежде посмотрѣть на задержаннаго и, въ сопровожденіи меня, по тротуару около рѣшетки канала направился назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ находился преступникъ, схваченный въ разстояніи шаговъ 18—20-ти отъ остановившагося экипажа. Подойдя къ задержанному, около котораго уже стояла толпа народа, я опередилъ государя, и, подойдя къ задержанному,

вынулъ у него изъ-за борта на лѣвую сторону застегнутаго пальто—револьверъ, а одинъ изъ солдатъ въ то-же время вынулъ изъ боковаго наружнаго кармана пальто небольшой кинжалъ съ позолотою. Государь императоръ, подойдя къ нему, изволилъ спросить, кто онъ такой, причемъ задержанный отвѣтилъ: «Мѣщанинъ», назвалъ свою фамилію, но какую именно—я теперь не упомню. Государь, стоявшій на панели канала и говорившій съ преступникомъ, въ полъ-оборота повернулся и, сдѣлавъ два шага по направленію къ экипажу, обратился ко мнѣ съ приказаніемъ показать ему мѣсто взрыва. Въ это время толпа народа находилась на набережной около преступника. На всемъ-же пространствѣ по ширинѣ улицы и ближе къ экипажу я никого не замѣтилъ. Затѣмъ, получивъ приказаніе государя, я сдѣлалъ не болѣе двухъ шаговъ къ мѣсту взрыва, государь-же остановился на панели. Въ это время раздался вторичный взрывъ, повидимому, около правой ноги государя, т. е. со стороны улицы. Я услышалъ оглушительный звукъ взрыва. Меня точно обдало кипяткомъ, и я получилъ такой толчокъ въ спину, что, сдѣлавъ невольно шага два впередъ, упалъ на руки. Падая, я замѣтилъ какую-то женщину въ черномъ бурнусѣ, бросившуюся бѣжать къ Театральному мостику. Въ это-же время я услышалъ за собою голосъ государя, сказавшаго, кажется, слово: «помогите». Вскочивъ и обернувшись, я подбѣжалъ къ нему. Онъ находился въ полусидящемъ положеніи на тротуарѣ канала, спиною къ толпѣ народа и къ задержанному, а лицомъ къ Театральному мостику. Схвативъ государя подъ руки, въ предположеніи, что онъ только раненъ, я увидѣлъ, что обѣ его ноги были обнажены: кровь сильно струилась и тѣло висѣло кусками. Тогда, опустивъ ти-

жело дышавшаго и бывшаго безъ сознанія государя, я крикнулъ о помощи. Когда нѣсколько подбѣжавшихъ и, повидимому, раненыхъ взрывомъ лишь подняли государя и понесли по направленію къ каретѣ, подъѣхалъ его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ, и такъ какъ въ карету, поврежденную уже первымъ взрывомъ, положить государя императора было нельзя, его помѣстили въ мои сани, въ которыя сѣлъ его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ и еще какой-то офицеръ. Затѣмъ я, какъ израненный, ослабѣлъ, со мною сдѣлалось дурно, и я былъ отправленъ домой».

Свид. Козьменко, рядовой терскаго эскадрона конвоя его величества, показалъ: «Мы шли изъ Исаакіевскаго собора. Не доходя моста, услыхали выстрѣлъ и побѣжали. Какой-то голосъ сказалъ, что стрѣляютъ въ государя императора. Когда я вскочилъ на мостикъ, вижу карету и на козлахъ сидитъ кучеръ. Такъ какъ я его зналъ, то спросилъ: «Фролъ Сергѣевичъ, гдѣ государь императоръ?» Онъ указалъ рукой на панель. Я побѣжалъ, государь былъ окруженъ, но кѣмъ- не помню. Я сказалъ: ваше императорское величество, вы здоровы? Они ничего не сказали. Я побѣгъ къ преступнику, у котораго солдаты при мнѣ взяли кинжалъ и револьверъ. Я обратно вернулся, но когда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, раздался взрывъ и меня откинуло. Я вскочилъ и побѣгъ до государя императора. Его держали казаки. Подошелъ и я, и сказалъ: ваше императорское величество, позвольте вашу руку. Онъ поднялъ правую руку и положилъ мнѣ на плечо. Мы подняли его величество и стали сходить съ панели. Въ это время подъѣхалъ его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ и кинулся

къ намъ. Когда увидѣли они, то прослезились и приказали: «Несите за мной къ каретѣ». Когда подисели, то я сказалъ, что въ карету нельзя положить, и просилъ позволить намъ нести его величество. Послѣ этого подали сани, въ которыя мы посадили государя. Мы поддерживали его величество съ боковъ, а ротмистръ Кулебякинъ сталъ спиной къ кучеру и поддерживалъ ноги государя. Потомъ еще какой-то солдатикъ стоялъ сзади саней. Какой-то офицеръ снялъ фуражку, а я снялъ каску съ его величества и надѣлъ эту фуражку, и этотъ-же офицеръ далъ шинель. Я держалъ руку передъ глазами государя, что-бы не закидывало снѣгомъ. Дорогой, его величество спросили ротмистра Кулебякина: «ты раненъ?» Г. ротмистръ молчитъ, государь въ другой разъ спросили, и я сказалъ г. ротмистру, что его изволитъ спрашивать государь. Тогда онъ отвѣтилъ его величеству: «обо мнѣ нѣтъ словъ, я легко раненъ», и самъ заплакалъ. Потомъ его величество болѣе ничего не говорили. Когда пріѣхали во дворецъ, то мы внесли его въ покои и положили на койку».

Свящ. Луценко, рядовой терскаго эскадрона конвоя его величества, объяснивъ, что плохо слышитъ вслѣдствіе полученнаго 1-го марта поврежденія головы, показалъ: Ѣхали мы изъ Михайловскаго дворца и повернули по Екатерининскому каналу. Встрѣчался народъ и отдавалъ честь. Нельзя было замѣтить какого-нибудь дурного человѣка. По каналу народу было немного. Встрѣтился мальчикъ съ санками, на которыхъ была корзина. Мы проводили его глазами, и я не успѣлъ повернуться, какъ сдѣлался взрывъ. Я глянулъ въ карету и увидалъ, что его величество наклонились и потомъ вынили изъ кареты и понли. Я повернулъ лошадь, соскочилъ съ нея и по-

бѣжалъ къ государю императору. Они подходили къ преступнику. Я не слыхалъ, что онъ отвѣчалъ. Когда государь отвернулся отъ преступника, то черезъ нѣсколько шаговъ раздался новый взрывъ подъ ногами самого государя. Тутъ я не припомню, кто ухватилъ его подъ руки. Я съ лѣвой стороны подскочилъ, и мы подняли его на руки, и казакъ Козьменко, тутъ-же подскочилъ и командиръ нашъ. Шагнули шагъ, и его высочество Михаилъ Николаевичъ подбѣжалъ. У него сильно слезы полились. Въ карету нельзя было посадить. Ноги были сильно разбиты. Тогда подали сани полковника Дворжицкаго, мы посадили государя. Я съ лѣвой стороны, Козьменко съ правой, и сзади не помню кто, а ротмистръ Кулебякинъ держалъ ноги государя. Когда мы выѣхали на мостикъ, его величество изволили спросить г. Кулебякина: «ты раненъ», а онъ ничего не говоритъ. Государь повторилъ: «ты раненъ», и ротмистръ отвѣтилъ: «объ насъ словъ нѣтъ. Васъ, государь, жаль». На это его величество ничего не отвѣтили. Привозимъ къ собственному его величества подъѣзду, приподняли и понесли во дворецъ. Отворили одну дверь, а другую нельзя отворить было и ее сломали. Съ нами слѣдовалъ его высочество Михаилъ Николаевичъ, и у него сильно слезы текли изъ глазъ. Принесли въ комнату, гдѣ государь императоръ постоянно занимался, и положили на кровать. Его высочество Михаилъ Николаевичъ сказалъ намъ: «идите, ребята»: тогда и у насъ сильно полились слезы, и не знаемъ, какъ мы и вышли изъ дворца».

Свид. Гороховъ, младшій фельдшеръ лейбъ-гвардіи павловскаго полка, показалъ: «я былъ уволенъ въ отпускъ въ воскресенье, 1-го марта. Около 2-хъ часовъ, проходя, я увидалъ, что на Театральномъ мосту поли-

цейскій офицеръ и двое околодочныхъ. Съ моста я пошелъ къ Невскому по набережной Екатерининскаго канала и обогналъ какого-то молодого человѣка въ пальто, который что-то несъ въ узелкѣ. Пройдя шаговъ 15, я увидѣлъ появившуюся изъ Инженерной улицы карету, окруженную конвойными казаками. Я сталъ во фронтъ нѣсколько ранѣе, чѣмъ положено; я стоялъ близъ канавы, а тотъ человѣкъ ближе къ панели. Когда я отдалъ честь и хотѣлъ повернуться къ Невскому, услышалъ оглушительный выстрѣлъ. Я обернулся и увидѣлъ человѣка, котораго обогналъ, и который побѣжалъ, а за нимъ городовой. Какъ только онъ поровнялся со мной, кажется, городовой попалъ ему на ногу, и онъ сейчасъ-же упалъ, опершись на руки. Въ это время, я подскочилъ и схватилъ его за руки. Тутъ подбѣжали двое преображенскихъ солдатъ и офицеръ, личность котораго я не замѣтилъ, съ желтымъ или краснымъ околышемъ. Когда задержали этого человѣка, государь императоръ вышли изъ кареты съ лѣвыхъ дверей и направились къ намъ. Подойдя, государь императоръ спросили: «Это тотъ, который бросилъ?» Мы отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ: «Такъ точно, ваше императорское величество». У преступника торчала ручка отъ револьвера изъ-за пазухи. Солдаты стали вынимать, а государь императоръ велѣли передать офицеру. Послѣ взрыва я замѣтилъ, какъ два казака свалились: одинъ свалился, а другой или свалился, или слѣзалъ - хорошенько не замѣтилъ. Затѣмъ, когда отобрали револьверъ, его величество пошли къ каретѣ и офицеры съ нимъ. Въ этотъ моментъ изъ публики выдѣлился какой-то молодой человѣкъ, личность, котораго я хорошо не замѣтилъ, и увидѣлъ, что или отъ этого человѣка, или со стороны канавы мелькнуло что-то въ ногъ

государя императора, отъ чего послѣдовалъ сильный выстрѣлъ, который всѣхъ подкосилъ, и государь упалъ, и этотъ человѣкъ упалъ, и всѣ окружающіе упали. Потомъ началось общее смятеніе. Когда послѣдовалъ второй взрывъ, публика бросилась назадъ и на тѣхъ, которые бѣжали прочь, накидывались встрѣчные съ кулаками, такъ что если одинъ ударитъ, то на него удары сыпались десятками и сотнями, такъ что образовались кучки, словомъ, была страшная суматоха. Слышны были крики: кто говорилъ со стороны канавы, кто со стороны сада. Тутъ подбѣжали солдаты флотскіе и стали ломать ворота сада. Нѣкоторые изъ публики забрались на заборъ и говорили, что въ саду нѣтъ слѣдовъ. Мы стояли и держали преступника. Кто говоритъ, ведите его въ канцелярію, кто въ участокъ. Мы держали его въ полусогнутомъ, полусидячемъ положеніи. Потомъ повели его къ Театральному мосту, гдѣ нашли извощика, на котораго и посадили преступника. Я сѣлъ справа, преображенецъ слѣва, а городовой и другой преображенецъ стали къ извощику спиной и держали за руки. Въ то время когда мы вели преступника до извощика, многіе изъ публики накидывались на него и били кулаками и сзади и спереди. Онъ просилъ насъ не давать бить. Потомъ привезли въ градоначальнику, гдѣ преступника обыскали.

Прокур. Взгляните на скамью подсудимыхъ, не признаете-ли изъ числа ихъ того, котораго задержали?

Свид. Гороховъ (указывая на Рысакова). Вотъ этотъ.

Прокур. Какой формы узелокъ вы видѣли у него въ рукахъ, не найдете-ли подобнаго изъ числа вещественныхъ доказательствъ.

Горохов̀ъ указалъ на цилиндръ, завернутый въ бумагу.

Прокур. Вы сказали, что передъ вторымъ взрывомъ изъ толпы выдѣлился какой-то человѣкъ: вы не видали—онъ бросилъ снарядъ?

Свид. Горохов̀ъ. Нѣтъ, не видалъ. Видѣлъ только что-то промелькнуло.

Прис. пов. Уиковскій. Подсудимый Рысаковъ говорилъ какія-нибудь слова, кромѣ тѣхъ о которыхъ вы сказали?

Свид. Горохов̀ъ. Когда мы спросили кто онъ, то онъ сказалъ, что мѣщанинъ, и еще просилъ, чтобы мы не давали его бить. Потомъ еще, когда раздался второй взрывъ и государь императоръ упалъ, то одинъ изъ преображенцевъ ударилъ преступника въ голову и сказалъ: «что вы дѣлаете?» На это преступникъ отвѣтилъ: «послѣ узнаете, такъ какъ вы люди темные».

Подс. Желябов̀ъ. Не помнитъ-ли свидѣтель наружности того человѣка, который выступилъ изъ толпы?

Свид. Горохов̀ъ. Нѣтъ, это было мгновенно, черезъ секунду всѣ и упали.

Подс. Желябов̀ъ. Не было-ли передъ вторымъ взрывомъ, послѣ того, какъ государь повернулся отъ Рысакова къ своей каретѣ, движенія вокругъ, такъ что одни или впередъ, другіе назадъ?

Свид. Горохов̀ъ. Тутъ нѣкоторые рвались видѣть, что за происшествіе, тутъ вообще было такое волненіе, изъ котораго я ничего не могъ понять.

Подс. Желябов̀ъ. Какое мѣсто занималъ этотъ выдѣлившійся изъ толпы человѣкъ: между государемъ и свидѣтелемъ, или государь былъ между этимъ человѣкомъ и свидѣтелемъ?

Свид. Гороховъ. Государь императоръ шелъ отъ насъ и на встрѣчу ему толпа людей, и когда они подходили къ ней, то и выдѣлился человѣкъ, такъ что его величество были между мной и имъ.

Свидѣт. Несговоровъ, городовой, показалъ: «когда государь императоръ изволили проѣзжать въ Михайловскій манежъ по Екатерининскому каналу, то я занималъ постъ отъ Театральнаго моста до Инженерной улицы. Изъ Михайловскаго дворца государь императоръ изволили слѣдовать обратно этимъ-же путемъ. Когда карета стала равняться со мной, я отдалъ честь. Его величество проѣхалъ нѣсколько саженей, какъ вдругъ случился взрывъ неизвѣстно откуда. Смотрю — бежатъ двое военныхъ и кто-то кричитъ: «держи, держи». На встрѣчу мнѣ бѣжитъ человѣкъ въ дыму, и когда замѣтилъ меня, то бросился на панель, а я побѣжалъ за нимъ. Такъ какъ было скользко, то ужъ не знаю, его-ли ноги поскользнулись, или я наступилъ, но онъ упалъ, а я на него. Онъ ухватилъ меня за портупею и оторвалъ. Тутъ подскочили солдаты и стала подбѣгать публика и свалились на насъ. Когда мы подняли этого человѣка на ноги, народъ кричитъ: «дайте его, мы его разорвемъ». Я спросилъ преступника: «есть-ли при тебѣ что?» — а онъ сказалъ, что ничего нѣтъ. Мы-же нашли въ боковомъ его карманѣ револьверъ, который былъ переданъ полковнику Дворжицкому. Тутъ государь императоръ изволили подойти на нѣсколько шаговъ и спросили: «задержали преступника?» Мы отвѣчали: «такъ точно, ваше величество». Затѣмъ, государь императоръ пошелъ обратнымъ путемъ, и тутъ случился другой взрывъ. Государя убили, а другихъ ранили. Мы держали преступника и потомъ довели до Театральнаго моста. Пу-

блика нападала на насъ, потому взяли извощика и привезли въ сыскное отдѣленіе, гдѣ его обыскали.

Прис. пов. Уиковскій. Вы первый задержали преступника?

Свид. Несговоровъ. Такъ точно.

Прис. пов. Уиковскій. Что онъ говорилъ?

Свид. Несговоровъ. Онъ говорилъ: «Не бейте меня, оставьте.»

Подс. Желябовъ. Послѣ свидѣтеля, по его словамъ, находился отъ Театральнаго моста до Инженерной улицы. Я желалъ-бы знать, видѣлъ ли онъ, передъ проѣздомъ государя, въ этомъ мѣстѣ публику и много-ли людей было?

Первоприс. Видѣли вы, свидѣтель, чтобы предъ проѣздомъ государя въ предѣлахъ вашего поста проходили люди?

Свид. Несговоровъ. Публика проходила.

Первоприс. Вы обращали на нее вниманіе?

Свид. Несговоровъ. Такъ точно.

Первоприс. Не обращали-ли вы вниманія на то, кто проходилъ и не казался-ли вамъ кто-нибудь подозрительнымъ?

Свид. Несговоровъ. Нѣтъ, не видѣлъ.

Первоир. Не видѣли-ли какого-нибудь человѣка или двухъ съ узелками?

Свид. Несговоровъ. Нѣтъ, никто не проходилъ.

Свид. Назаровъ. (мостовой сторожъ конно-желѣзной дороги) показалъ: 1-го марта, когда государь императоръ ѣхалъ изъ манежа по Инженерной улицѣ, я работалъ по Екатерининскому каналу, ухабы сравнивалъ. Увидавъ карету государя, я поставилъ кирку, и государь проѣхалъ мимо; я снялъ шапку. Вижу, идетъ неизвѣстный мужчина и кинулъ подъ карету какъ-будто

комъ снѣга. Я подумалъ, что это онъ кидаетъ, вдругъ сдѣлался взрывъ, и человѣкъ побѣжалъ. Я какъ стоялъ въ рукавицахъ, такъ его схватилъ и повалился на панель. Ко мнѣ подбѣжали два офицера, два солдата преображенскихъ и потомъ еще измайловскіе, потомъ городовой или солдатъ, и набралось много публики. У задержаннаго вынули револьверъ. Государь императоръ подошелъ къ намъ въ толпу и спросилъ: «этотъ стрѣлялъ?» Мы отвѣтили: «такъ точно, ваше императорское величество». Затѣмъ, государь императоръ повернулся назадъ, отошелъ шаговъ десять, какъ произошелъ взрывъ сильный, такъ что меня даже прочь откинуло отъ преступника. Я поднялся и вернулся назадъ къ преступнику, а его уже держатъ. Тогда я подошелъ къ государю императору. У него лицо было въ крови. Привели его подъ руки къ каретѣ, но онъ не могъ сѣсть. Я больше ничего не видалъ.

Прок. Посмотрите на подсудимыхъ: не можете-ли въ числѣ ихъ признать того, который бросилъ подъ карету комъ снѣга?

Свид. Назаровъ. (указывая на Рысакова) Вотъ, первый сидитъ.

Прокур. Когда его задержали, онъ спокоенъ былъ?

Свидѣт. Назаровъ. Совсѣмъ спокоенъ, веселый какъ есть, смѣялся даже.

Прис. пов. Уиковскій. Говорилъ онъ что-нибудь?

Свид. Назаровъ. Тогда ничего не говорилъ.

Прис. пов. Уиковскій. Вы первый его задержали?

Свид. Назаровъ. Я первый, а городовой уже послѣ.

Свид. Макаровъ (рядовой лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) показалъ: Мы ходили на работу и въ 2 часа или домой по Екатерининскому каналу. Около

сада мы услышали топотъ лошадей и увидали карету государя. Мы стали во фронтъ, и тутъ послѣдовалъ первый взрывъ. Казаки упали. Мы кинулись за преступникомъ и схватили его. Карета остановилась, и его величество изволили выйти, подошли къ преступнику и спросили: «этотъ самый стрѣлялъ?». Мы отвѣчали: «точно такъ, ваше императорское величество». Мы держали его уже четверо. Потомъ у него нашли револьверъ, который полковникъ Дворжицкій взялъ, и кинжалъ. Тутъ еще какой-то генералъ былъ—не знаю. Тогда государь императоръ отошелъ отъ преступника шаговъ шесть, тутъ сдѣлался второй взрывъ, а этотъ человѣкъ, котораго мы держали, говоритъ: «не бойтесь помирать, все равно, когда ни убьютъ». Государь императоръ упалъ. Преступникъ проговорилъ: «хоть убить не убили, но все-же ранили». Государь императоръ не могъ подняться самъ на ноги, и кто его поднялъ—я не знаю.

Прок. Кому преступникъ сказалъ то, что вы сейчасъ говорили?

Свид. Макаровъ. Намъ. Мы испугались, а онъ, увидѣвъ, что лицо государя въ крови, говоритъ: «убить не убили, а поранили».

Подс. Рысаковъ. Я государя императора и не видалъ послѣ того, какъ онъ отошелъ отъ меня.

Свид. Евченко (рядовой лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) показалъ: Когда мы проходили съ товарищемъ по Екатерининскому каналу и дошли до Михайловскаго сада, то изъ Инженерной улицы выѣхала карета государя императора. Мы стали во фронтъ и отдали честь. Какъ только лошади стали равняться съ нами, съ противоположной стороны отъ канавы послѣдовалъ взрывъ подъ каретой, но карета проскочила такъ, что

взрывъ повредилъ только лѣвый уголъ и ранилъ казака. Преступникъ бросился бѣжать, а мы за нимъ и схватили его около перилъ канала. Потомъ уже вытащили револьверъ. Государь императоръ вышелъ изъ кареты, пошелъ къ преступнику и спросилъ: «Это тотъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ?» Мы сказали: «Точно такъ, ваше императорское величество». Тутъ подбѣжалъ полковникъ Дворжицкій, взялъ револьверъ и кинжалъ. Государь повернулся и прошелъ шаговъ 10-ть, какъ послѣдовалъ второй выстрѣлъ. Въ этой суматохѣ я не видалъ, откуда сдѣлался второй взрывъ. Государь императоръ упалъ и полковникъ Дворжицкій также упалъ. Государя подняли, посадили на сани и увезли. Мы вели преступника на Театральный мостъ, гдѣ подали извощика и отправили его въ полицію.

Прис. пов. Унковскій. Преступникъ говорилъ что-нибудь?

Свид. Евченко. Онъ сказалъ: «Ну, хоть не убили, а все-же ранили, не промахнулись».

Свид. Крахоткинъ, (подпоручикъ 139-го пѣхотнаго моршанскаго полка), показалъ, что онъ ѣхалъ по каналу къ Театральному мосту и услышалъ, что по направленію экипажа, сопровождаемаго казаками, вдругъ раздался взрывъ. Свидѣтель соскочилъ съ извощика и побѣжалъ къ мѣсту взрыва. Тутъ онъ услышавъ крики: «держи, держи», вмѣстѣ съ другими окружилъ Рысакова, котораго прижали къ чугунной рѣшеткѣ канала. Онъ сначала говорилъ: «Не я стрѣлялъ, не я». «Затѣмъ, продолжалъ свидѣтель, я побѣжалъ къ каретѣ государя императора, который направился къ преступнику. Подойдя на нѣсколько шаговъ, государь спросилъ: «Это онъ?» Затѣмъ, полковникъ Дворжицкій что-то сталъ док-

гадывать его величеству и показалъ на что-то по направленію къ преступнику. Въ то время пришелъ взводъ морскихъ нижнихъ чиновъ и сталъ около канала. Я сошелъ на дорогѣ. Потомъ произошелъ взрывъ, и я потерялъ сознаніе. Очнулся на противоположной сторонѣ, головой къ забору сада Михайловскаго дворца. Когда я всталъ, проходила какая-то дама и говоритъ, что государь убитъ. Я кинулся къ тому мѣсту. Потомъ не помню: меня увезли. Получилъ разрывъ барабанной перепонки и сильную контузію. Чувствую постоянный шумъ въ головѣ.

Свид. Коссинскій (камеръ-пажъ) показалъ: 1-го марта, около 2-хъ часовъ дня, я ѣхалъ съ товарищемъ моимъ по Большой Конюшенной улицѣ и повернулъ на набережную Екатерининскаго канала. Изъ Инженерной улицы показалась карета государя. Черезъ нѣсколько времени раздался страшный выстрѣлъ, и мы видѣли, какъ карета остановилась. Кромѣ того, намъ показалось, что нѣсколько конвойныхъ упало. Тогда мы соскочили съ саней, перебѣжали каналъ по льду и поднялись на противоположную сторону въ тотъ моментъ, когда карета стояла, и государь уже вышелъ. Мы пошли рядомъ съ его величествомъ по дорогѣ, а онъ отправился по панели по направленію къ Невскому, гдѣ былъ задержанъ преступникъ. Государь спросилъ: «Тотъ-ли это человѣкъ, который произвелъ взрывъ?» и получилъ утвердительный отвѣтъ. Потомъ кто-то сказалъ, что онъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ. Государь направился назадъ къ Лѣтнему саду. Въ это время къ нему подошелъ полковникъ Дворжицкій. Мы съ товарищемъ на нѣсколько шаговъ отстали. Между нами и его величествомъ собралось нѣсколько человѣкъ народа. Прошли

не болѣе 20-ти шаговъ, какъ раздался второй взрывъ, которымъ меня отбросило по направленію къ Невскому и оглушило. Вмѣстѣ съ другими упалъ и я, и далѣе ничего не помню. Меня встрѣтилъ товарищъ и отвезъ въ корпусъ. Лѣвымъ ухомъ теперь не слышу и была обожжена лѣвая сторона лица.

Свид. Павловъ (отставной рядовой) показалъ: Я шелъ съ работы. Дохожу до Малаго Конюшеннаго моста и сдѣлался выстрѣлъ, но не ружейный, а больше. Военные офицеры ѣхали и вдругъ остановились и побѣжали влѣво черезъ Малый Конюшенный мостъ и черезъ Театральный. Я за ними также побѣжалъ туда. На набережной я увидѣлъ: карета стоитъ и кучеръ одинъ сидитъ. Карета была разбившись. Смотрю, государь императоръ идутъ на встрѣчу мнѣ возлѣ рѣшетки. Съ правой стороны идетъ полковникъ Дворжицкій. Я только-что хотѣлъ сойти съ панели и вижу стоитъ человѣкъ, облокотившись на рѣшетку, и вдругъ, онъ что-то бросилъ прямо подъ ноги его величеству. Раздался взрывъ, и я упалъ. Когда всталъ, видѣлъ какъ поднимали государя императора, потомъ его понесли на проспектъ. Съ меня фуражка слетѣла, и когда государя императора отнесли, я нашелъ свою фуражку и пошелъ обратно.

Прок. Государь императоръ поровнялся съ этимъ человѣкомъ, который что-то бросилъ?

Свид. Павловъ. Немного не дошелъ.

Прок. Онъ лицомъ къ лицу стоялъ?

Свид. Павловъ. Да, стоялъ облокотившись на рѣшетку.

Прок. Вы разсмотрѣли лицо этого человѣка?

Свид. Павловъ. Нѣтъ, онъ задомъ ко мнѣ стоялъ.

Прок. Какого онъ былъ роста?

Свид. Павловъ. Повыше моего (повыше средняго роста). Одѣтъ былъ въ теплое пальто. Какая была шапка—не замѣтилъ.

Свид. штабсъ-капитанъ Франкъ. Послѣ развода я проѣзжалъ около Михайловскаго театра и когда объѣзжалъ его, то видѣлъ на углу, что меня обогналъ царскій конюхъ. При поворотѣ на набережную Екатерининскаго канала мы ѣхали шагомъ, и въ это время раздался сильный выстрѣлъ. Конюхъ погналъ лошадей, а вслѣдъ за нимъ и я. По слуху, я могъ заключить, что взрывъ произошелъ на пути слѣдованія государя императора. Не доѣзжая до мѣста, гдѣ находился государь императоръ, я остановился у кучки народа, въ числѣ котораго былъ и капитанъ Кохъ. Онъ стоялъ около молодого человѣка, котораго держали солдаты. отнимать у него кинжалъ и револьверъ. Въ это время раздался говоръ, что государь идетъ, и дѣйствительно въ нѣсколькихъ шагахъ появился государь императоръ, который шелъ по панели и остановился около насъ. Тутъ-же былъ и полковникъ Дворжицкій. Ему были переданы кинжалъ и револьверъ, которые онъ показалъ его величеству. Что при этомъ говорилъ Дворжицкій – я не припомню, не помню, что онъ предлагалъ государю императору сѣсть въ карету и ѣхать обратно во дворецъ. Не успѣлъ государь отойти отъ насъ на 20 шаговъ, какъ раздался второй выстрѣлъ,—я рванулся впередъ и, подбѣжавъ къ мѣсту, увидѣлъ, что государь императоръ находится на мостовой въ полулежачемъ положеніи. опершись на рѣшетку и безъ шинели; ноги его были въ ужасномъ видѣ. Въ то-же время поднимался около него и полковникъ Дворжицкій. Не помню, кажется, я помогъ

Дворжицкому встать, и первое слово его было: «экипажъ»: вблизи находилась карета государя императора, она оборачивала съ мѣста, а сани проѣзжали къ мосту. Я и еще кто-то побѣжалъ за санями Дворжицкаго. Я вернулъ лошадей и возвратился къ тому мѣсту, по которому несли государя императора. Его уложили въ сани и повезли.

Свид. подпоручикъ Рудыковскій. Послѣ развода, я подъѣхалъ къ Театральному мосту, и когда услышалъ взрывъ, я бросился бѣжать по направленію звука, и затѣмъ увидѣлъ остановившуюся карету государя императора, по другую сторону которой собралась толпа, державшая преступника. Шагахъ въ десяти отъ этого мѣста, около рѣшетки канала, я съ однимъ офицеромъ почти набѣжалъ на государя императора, не подозрѣвая, что это идетъ его величество, и спросилъ: что съ государемъ? Его величество сиялъ фуражку, перекрестился и сказалъ: «я слава Богу, а вотъ... — указывая на казака и мальчика. На эти слова преступникъ обернулся, озираясь кругомъ, и сказалъ: «еще слава-ли Богу?» Государь императоръ подошелъ, остановился шагахъ въ двухъ отъ преступника и спросилъ его: «ты кто такой?» Изъ толпы кто-то отвѣтилъ, что мѣщанинъ Грязновъ. Въ это время я слышалъ крики, что стрѣляли изъ-за забора, и бросился посмотрѣть, нѣтъ-ли чего за заборомъ Михайловскаго дворца. Тутъ подходила команда солдатъ, которымъ я скомандовалъ: «за мной» и приказалъ выламывать ворота прикладами, что и было исполнено. Потомъ я приказалъ имъ осмотрѣть садъ. Все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, и я сейчасъ-же опять отошелъ къ рѣшеткѣ канала и былъ уже шагахъ въ десяти отъ полковника Дворжиц-

каго, какъ вдругъ въ эту минуту раздался другой трескъ, поднялась масса дыма, такъ что я рѣшительно не помню, что такое произошло. Я бросился еще впередъ, и когда дымъ сталъ расходиться, то увидѣлъ, что государь императоръ упалъ на мостовую, а около него лежало нѣсколько человѣкъ. Всѣ стояли, не зная, что случилось. Въ это-же время подбѣжалъ штабсъ-капитанъ Новиковъ и еще нѣсколько человѣкъ, и тутъ, когда дымъ совершенно исчезъ, мы увидѣли то страшное положеніе, въ которомъ были ноги его величества. Мы хотѣли внести государя императора куда-нибудь, чтобъ оказать ему медицинское пособіе. Но въ это время подъѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, и Новиковъ спросилъ его высочество, нельзя-ли внести государя въ ближайшій домъ. Государь императоръ, услышавъ эти слова, изволилъ произнести: «Во дворецъ, тамъ хочу умереть». Мы крикнули сани полицмейстера Дворжицкаго, потому что онѣ широкіе и въ нихъ удобно было помѣстить государя императора, и тутъ штабсъ-капитанъ Франкъ побѣжалъ за ними. Когда сани подъѣхали, мы положили въ нихъ государя, накрыли и повезли. Что было дальше— я не знаю.

Тов. прок. Кто упалъ отъ перваго взрыва?

Свид. Рудыковскій. Казакъ и мальчикъ, но къ нимъ я не подходилъ. Мальчикъ валялся, визжалъ, и я заключилъ, что онъ пострадавшій.

Прис. пов. Унковскій. Вы хорошо помните, что Рысаковъ сказалъ: «Еще слава-ли Богу?»

Свид. Рудыковскій. Государь императоръ сказалъ: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, а вотъ...»—причемъ указалъ рукою въ сторону, и я въ это время видѣлъ, какъ Рысаковъ, приподнявши голову, сказалъ эти слова.

Свид. штабсъ-капитанъ Новиковъ. 1-го марта, по окончаніи развода, спустя четверть часа, когда государь императоръ уѣхалъ изъ манежа, я пошелъ вмѣстѣ съ тремя товарищами по Большой Садовой улицѣ и затѣмъ по Невскому. Когда мы дошли до Казанскаго моста, мы услышали взрывъ по направленію Екатерининскаго канала, къ сторонѣ Театральнаго моста, и я бросился къ тому мѣсту. Когда я приближался къ мѣсту взрыва, то видѣлъ суетящуюся толпу въ сѣрыхъ и черныхъ шинеляхъ и тутъ-же замѣтилъ, что здѣсь были и солдаты. Не добѣжавъ до мѣста около 35-ти шаговъ, я услышалъ другой взрывъ и бросился къ мѣсту этого второго взрыва. Въ это время я видѣлъ, что трое или четверо солдатъ держали какого-то статскаго человѣка безъ фуражки, блондина. Пробѣжавъ мимо него, я подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ государь императоръ. Лицо его величества и голова были въ крови, ноги тоже окровавлены и изувѣчены. Тутъ были и матросы. Мы подняли государя на руки, и онъ сказалъ: «Холодно», приподнимая руки къ головѣ. Я освободилъ лѣвую руку и хотѣлъ достать изъ кармана мундира платокъ, чтобы повязать голову его величеству, но кто-то предупредилъ меня, положивъ на голову государя свой платокъ. Тутъ подъѣхалъ его высочество Михаилъ Николаевичъ. Государя пронесли нѣсколько шаговъ: кто-то предлагалъ извощика и карету, а такъ какъ въ нихъ нельзя было положить государя императора, то мы продолжали нести его. Затѣмъ подъѣхали сани, запряженныя сѣрыми лошадьми, въ которыя мы и положили его величество. Я обратился къ великому князю Михаилу Николаевичу съ просьбою разрѣшить внести государя въ ближайшій домъ, чтобы тамъ сдѣлать перевязку, но въ

это время его величество пришелъ нѣсколько въ себя, можетъ быть услышалъ мои слова, и выразилъ желаніе, чтобы его несли во дворецъ.

Первоприс. Какія слова произнесъ государь?

Свид. Новиковъ. Несите меня во дворецъ».

Тов. прок. Не прибавилъ-ли государь еще: «Тамъ хочу умереть»?

Свид. Новиковъ. Какъ мнѣ послышалось, именно онъ сказалъ эти слова.

Свид. поручикъ графъ Гендриковъ. Въ воскресенье, 1-го марта, я былъ въ придворномъ манежѣ у Театральнаго моста и услышалъ взрывъ. Онъ такъ былъ силенъ, что стекла посыпались. Выбѣжавъ изъ манежа, я узналъ отъ своего кучера, что было покушеніе на жизнь государя императора, но что онъ остался живъ и не раненъ даже. Я побѣжалъ къ мѣсту взрыва. Затѣмъ раздался второй взрывъ. Я подбѣжалъ къ его величеству, когда его уже несли на рукахъ. Изъ всѣхъ окружающихъ я узналъ лишь великаго князя Михаила Николаевича и ротмистра Кулебякина. Кто-то надѣлъ на государя каску, и мнѣ показалось, что ему тяжело, а потому я снялъ ее и прикрылъ голову государя своею фуражкой. Когда государя повезли, Кулебякинъ держалъ его величество, сидя спиной къ кучеру.

Свид. адъютантъ крѣпостной артиллеріи Костеръ. Послѣ развода, я отправился домой, переодѣлся и поѣхалъ съ женой въ каретѣ по направленію къ Казанскому мосту. Проѣзжая по Аптекарскому переулку, я услышалъ выстрѣлъ какъ будто изъ большого орудія. При поворотѣ на Театральный мостъ я услышалъ второй выстрѣлъ. Высунувшись изъ кареты, я увидѣлъ облако дыма темнаго цвѣта. Оставивъ жену въ каретѣ,

я пошелъ по направленію дыма. Тутъ я увидѣлъ, что несутъ государя нѣсколько человѣкъ, но кто — я не помню. Его величество посадили на сани полковника Дворжицкаго. Такимъ образомъ, онъ былъ въ полулежачемъ состояніи; голова его находилась на рукахъ двухъ солдатъ; спереди былъ Кулебякинъ, который держалъ государя одной рукой, а рядомъ съ нимъ былъ какой-то другой конвойный, который также поддерживалъ ноги государя императора. Я держалъ правую руку государя и проводилъ его до Театральнаго моста. Когда государя клали въ сани, я снялъ съ себя шинель, укрылъ ею его величество, и мы поѣхали крупной рысью. Я ѣхалъ такъ до Конюшеннаго моста; тамъ лошади поѣхали еще сильнѣе, и я упалъ. Меня взялъ полковникъ и довезъ до дворца.

Свид. вдова надворнаго совѣтника Холодковская, отвѣчая на вопросъ первоприсутствующаго, объяснила слѣдующее: Рысаковъ переѣхалъ ко мнѣ 5-го января и потомъ жилъ у меня недѣли полторы. Послѣ того приходитъ и говоритъ, что у него мать при смерти больна, что онъ получилъ объ этомъ телеграмму и ѣдетъ домой. Онъ оставилъ у меня свои вещи. За комнату заплатилъ. Живя у меня, онъ велъ себя очень хорошо, занимался, ходилъ на урокъ. Онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ урокъ.

Тов. прок. Ваша квартира помѣщается на углу Пятой улицы?

Свид. Холодковская. И Греческаго проспекта. — В. Сколько онъ прожилъ у васъ?—О. Недѣли полторы, не больше В. Посѣщалъ его въ квартирѣ кто-нибудь?— О. Одинъ молодой человѣкъ, только я его не видѣла. В. Наружность этого человѣка помните? Посмотрите на

скамью подсудимыхъ, не признаете-ли кого-нибудь?— О. Нѣтъ. В. Больше никого не было у него? О. Нѣтъ. — В. Куда онъ отъ васъ переѣхалъ? —О. Онъ сказалъ, что поѣдетъ на свою родину, такъ и отмѣтился. - В. Письма онъ часто получалъ?—О. Ни одного не получилъ.

Прис. пов. Уиковскій. Вы никогда Рысакова ни прежде, ни послѣ не знали?

Свид. Холод. Нѣтъ. — В. Не знаете-ли какого онъ характера?— О. Ничего не знаю.

Свид. жена коллежскаго регистратора Ермолина, на вопросъ первоприс., показала: Я меблированныхъ комнатъ не держу, а только одну комнату отдавала.—В. У васъ жилъ подсудимый Рысаковъ — О. У меня жилъ Глазовъ.—В. Вы его узнаете здѣсь? О. Глазовъ—вотъ тотъ крайній (указывая на Рысакова). В. Что вы можете сказать, какъ онъ себя велъ за время проживанія у васъ? —О. Очень тихо: онъ былъ скромный: я не замѣчала за нимъ ничего худого.

Тов. прок. Ваша квартира гдѣ помѣщается?

Свид. Ермолина. На углу Девятой и Мытинской улицъ. В. Когда къ вамъ переѣхалъ Глазовъ? — О. 22-го января.—В. Такъ что онъ всего прожилъ у васъ очень недолго? —О. Мѣсяцъ и семь дней.— В. Онъ у васъ нанималъ одну комнату?— О. Да. В. Сколько платилъ?—О. 12 рублей.—В. Какой онъ велъ образъ жизни?—О. Онъ днемъ никогда не бывалъ дома. — В. Рано уходилъ?—О. Въ 12, въ 11 и въ 9 часовъ.—В. Вставалъ рано и поздно? О. Вставалъ и въ 8 часовъ, а въ будни вставалъ позже. — В. Возвращался домой когда? —О. Почти-что ночью, часовъ въ 11 и въ 12. В. По праздникамъ былъ дома? — О. Уходилъ раньше, чѣмъ въ будни.— В. Посѣщалъ его кто-нибудь? О. Да.

Первый разъ было шесть человѣкъ, онъ седьмой. — В. Когда это было?—О. Какъ переѣхалъ, чрезъ нѣсколько дней.—Всѣ шестеро мужчинъ?—О. Да.—В. Молодые или пожилые?—О. Всѣ молодые.—В. Долго оставались?—О. До 12-ти ночи.—В. А пришли рано?—О. Въ восьмомъ часу. —В. Въ теченіе всего времени, что онъ проживалъ у васъ, его посѣщалъ кто-нибудь изъ числа этихъ шестерыхъ?—О. Да.—В. Часто посѣщали, каждый день?—О. Какъ придется.—В. Да вѣдь онъ приходилъ домой поздно почью, когда-же къ нему приходили гости?—О. Вечеромъ и утромъ, только дома не заставали.—В. Подвое ходили? — О. По одному. — В. Было-ли такъ, что приходили вмѣстѣ съ нимъ?—О. Съ нимъ —нѣтъ; онъ бывало придетъ раньше, а потомъ къ нему придутъ гости.—В. Когда къ нему приходили молодые люди, то онъ запиралъ комнату или нѣтъ?—О. Нѣтъ.—В. Разговоръ они вели громко или тихо?—О. Тихо.—В. Не приходилъли кто-либо изъ этихъ лицъ (показывая на скамью подсудимыхъ)? —Свидѣтельница указала на Михайлова. —В. Въ числѣ шестерыхъ, приходившихъ въ первый разъ, этотъ былъ? — О. Не знаю, когда онъ приходилъ, но помню его личность. —В. Скажите объ обстоятельствахъ 1-го марта—они, вѣроятно, сохранились, въ вашей памяти. Не помните-ли, какъ провелъ этотъ день Рысаковъ, въ которомъ часу онъ всталъ и когда ушелъ? — О. Онъ всталъ въ восьмомъ часу. — В. А накануѣ поздно пришелъ? -О. Нѣтъ, пришелъ въ одиннадцатомъ часу. Утромъ онъ всталъ въ восьмомъ часу; услышавъ стукъ въ его комнатѣ, и я встала. Онъ пришелъ на кухню и говоритъ: «вотъ какъ я рано нынче всталъ; что-бы мнѣ постоянно въ будни такъ вставать, потому-что мнѣ такъ велятъ». — В. Кто? О. Онъ говорилъ, что служитъ въ какой-то конторѣ и тамъ говорятъ, что опъ поздно является. Я

сказала: я васъ буду каждый разъ, но вы опять засыпаете. На это онъ отвѣтилъ: «Ну, я буду самостоятельно вставать», и потомъ сказалъ, что хочетъ бѣлье отдать врачѣ въ поисдѣльникъ. —В. Не спрашивала: вы его, куда онъ такъ торопится? -О. Спрашивали: куда? — говорю. У васъ служба, стало-быть, есть? «Да», говоритъ, есть». Я спрашиваю: что-же у васъ въ конторѣ постоянная служба? Онъ мнѣ на это отвѣтилъ: «какая служба, просто въ гости иду».—В. Не сказалъ-ли онъ: «Все равно служба»?—О. Да, сказалъ.—В. Не замѣтили вы, что онъ 1-го марта былъ въ особомъ настроеніи?—О. Онъ былъ трогательный... началъ разговаривать со мною, а раньше почти никогда не говорилъ. — В. Онъ обыкновенно былъ молчаливъ?—О. Да.—В. А тутъ сдѣлался разговорчивымъ?—О. Да.—В. Былъ онъ возбужденъ? -О. Да.—В. Но не печаленъ?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Хартулари. Вы только что признали Михайлова за лицо, посѣщавшее Рысакова. Вы это точно припоминаете?

Свид. Ермолина. Да.—В. Когда васъ спрашивали объ этомъ на дознаніи, вы объ этомъ не заявляли? -О. Я тогда не узнала его, а теперь узнаю. В. Почему-же не узнали? -О. Онъ былъ тогда раскрашенный.

Тов. прок. По поводу показаній свидѣтельницы, я имѣю честь обратить вниманіе особаго присутствія правительствующаго сената на то обстоятельство, что какъ видно изъ дознанія, подсудимый Михайловъ былъ предъявленъ свидѣтельницѣ Ермолиной 3-го марта, немедленно вслѣдъ за арестованіемъ его, послѣ вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго имъ въ Телѣжной улицѣ,

Свид., вдова поручика Енько-Даровская, на вопросы первоприсутствующаго показала: когда Ры-

саковъ учился въ реальномъ училищѣ въ городѣ Череповцѣ, то жилъ въ числѣ другихъ мальчиковъ у меня.—В. Объясните, что вамъ о немъ извѣстно.—О. Когда онъ у насъ жилъ, то былъ мальчикъ хорошій: потомъ я слышала, что предъ Рождествомъ онъ былъ подъ присмотромъ полиціи, и думала, что это простой слухъ, какъ вообще разносятся сплетни.—В. Когда онъ жилъ у васъ?—О. Годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ онъ ушелъ отъ меня, окончивъ курсъ въ реальномъ училищѣ, и уѣхалъ, чтобы поступить въ горный институтъ.

Тов. прок. Въ которомъ классѣ училища онъ былъ, когда сталъ жить у васъ?

Свид. Енько-Даровская. Онъ жилъ у меня нѣсколько лѣтъ.—В. У васъ были и другіе ученики!—О. Да.—В. Онъ отдѣльную комнату занималъ?—О. Всѣ жили, по 3, по 4 человѣка въ одной комнатѣ.—В. Онъ былъ у васъ на хлѣбахъ?—О. Да.—В. Сколько онъ платилъ?—О. Онъ платилъ по 15-ти рублей самъ за себя, а потомъ за него сталъ платить Громовъ.—В. Хорошо онъ учился?—О. Да.—В. Поведенія былъ скромнаго?—О. Да. Другіе мальчики, бывало, поспорятъ между собою а онъ былъ хорошій.—В. Не замѣчали-ли вы, чтобы онъ велъ дурную жизнь?—О. Нѣтъ, онъ былъ скромный.—В. Былъ разговорчивый мальчикъ?—О. Иногда разговорится.—В. Видали-ли вы, чтобы на него имѣлъ кто-нибудь вліяніе?— О. Нѣтъ, я жила съ племянницей, и она ему давала уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ. В. Много онъ читалъ?—О. Много.— В. На каникулы уѣзжалъ? — О. Да, лѣтомъ уѣзжалъ къ родителямъ? — О. Всегда, а вотъ на праздникъ Рождества онъ у насъ не былъ.— В. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ говорилъ, что хочетъ поступить въ горный институтъ?— О. О немъ хло-

нталъ князь Волконскій.—В. Не случалось-ли ему въ разговорахъ съ вами высказывать свои взгляды относительно будущей дѣятельности? -О. Онъ всегда былъ поведенія хорошаго, иногда, напримѣръ, услышитъ, что мальчики выражаютъ вольныя мысли, такъ онъ опровергалъ это все. В. Это до отъѣзда въ Петербургъ? —О. Да.- В. Что-же, имѣли на него вліяніе другіе? Какой характеръ у него былъ, мягкій?—О. Лаской съ нимъ можно было сдѣлать все, и онъ послушается.—В. Такъ что вы сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о мальчикѣ хорошемъ? О. Да.—В. И васъ удивило то обстоятельство, по которому вы теперь вызваны въ качествѣ свидѣтельницы?—О. Да.—В. Потому какъ велъ себя Рысаковъ, проживая въ Череповцѣ, вы не можете себѣ объяснить того, какъ случилось настоящее событіе?—О. Нѣтъ, не могу объяснить.

Прис. пов. Унковскій. Онъ жилъ у васъ пять лѣтъ?

Свид. Енько-Даровская. Да.—В. До осени 1879 годъ? - О. Нѣтъ, до лѣта, до 20-го іюня.—В. Вы удостовѣряете, что онъ характера былъ мягкаго?—О. Да, мы, бывало, съ другими мальчиками поспоримъ, они погрубятъ, а мнѣ этотъ мальчикъ очень нравился, и я жалѣю его, просто, какъ сына.—В. Въ училищѣ онъ также былъ примѣрный?—О. Другіе ученики шалятъ, а онъ поведенія былъ весьма хорошаго. Первый годъ онъ плохо учился, но потомъ сталъ развиваться довольно хорошо. -В. Онъ былъ набожный мальчикъ?—О. Набожнѣе другихъ и съ охотой ходилъ въ церковь. Я разъ какъ-то сказала ему, что вотъ когда поступишь въ горный институтъ, въ Петербургѣ, то, пожалуй перемѣнишь свои мысли. Но онъ мнѣ сказалъ, что не пойдетъ на такія

вещи потому что много читалъ. Я старинаго духа и мнѣ горько видѣть такихъ людей.

Свидѣт., учительница гимназіи Кулаковская, показала: Рысаковъ жилъ въ Черновцѣ въ домѣ моей тетки, какъ квартирантъ, въ числѣ прочихъ мальчиковъ. Я жила въ этомъ-же домѣ, и когда ученики младшаго класса въ чемъ-нибудь затруднялись, я имъ разъясняла уроки. Но все время Рысаковъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ и по поведенію, и по ученію былъ всегда прилеженъ. Затѣмъ, когда онъ поступилъ въ горный институтъ, то оттуда писалъ мнѣ нѣсколько писемъ, въ которыхъ говорилъ о томъ, какъ онъ поступилъ. Писалъ о своихъ занятіяхъ, говорилъ также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ посѣщаетъ лекціи, что онъ сошелся лишь съ немногими изъ товарищей, что все время проводитъ въ занятіяхъ въ библіотекѣ горнаго института. Въ августѣ 1880 года, я переѣхала въ Новгородъ, и онъ мнѣ написалъ туда два письма, въ которыхъ спрашивалъ, какъ я устроилась. Я ему отвѣтила на это и спрашивала о его родныхъ. Онъ мнѣ написалъ, что недавно пріѣхалъ изъ отпуска отъ родныхъ и сообщилъ мнѣ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. На это письмо я ему не отвѣчала, потому что у меня было очень много занятій и еще потому, что письмо его затерялось, и я забыла адресъ.

Тов. прок. Вы учительница гимназіи?

Свид. Кулаковская. Да. В. Скажите, пожалуйста, о характерѣ Рысакова за время пребыванія его въ Черновцѣ, въ домѣ вашей тетки. Что онъ имѣлъ характеръ мягкій, воспріимчивый?—О. Да, это былъ мальчикъ мягкаго характера.—В. Слабый можно сказать?—О. У него была нѣкоторая настойчивость, но всегда на него

можно было подѣйствовать лаской.—В. Какъ на него можно было подѣйствовать: лаской или логикой, убѣжденіемъ? — О. Мнѣ кажется, скорѣе лаской.—В. Дѣйствуя на его чувства?—О. Да.—В. Съ товарищами въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ? - О. Былъ хорошъ. Я никогда не замѣчала особенныхъ ссоръ и особой дружбы. - В. Не слыхали-ли вы его сужденій относительно порядка, сужденій политическихъ?— О. Нѣтъ. В. Вообще эти вопросы не интересовали его тогда?—О. Нѣтъ.—В. Въ кружкѣ его товарищей не было-ли подобныхъ разговоровъ?—О. Я не слыхала.—В. По письмамъ изъ горнаго института не замѣтили-ли въ немъ нѣкоторой перемѣны?—О. Нѣтъ, не нашла никакой.—В. Вы семью его знаете? О. Знаю. Когда его отдавали въ третій классъ, то тогда пріѣзжала мать, а потомъ къ нему пріѣзжалъ и отецъ. Это было тогда, когда онъ находился въ самомъ послѣднемъ классѣ, или-же въ предпослѣднемъ.—В. Можете-ли вы сообщить, какія были его отношенія въ семьѣ и въ частности къ отцу?—О. Отца онъ очень любилъ.—В. Отецъ переписывался съ нимъ?—О. Да.—В. Часто получалъ онъ письма?—О. Нѣтъ, не часто, потому что отецъ его часто бывалъ въ разъѣздахъ по своимъ занятіямъ.—В. По послѣднему письму къ вамъ въ Новгородъ, вы перемѣны въ Рысаковѣ не замѣтили?—О. Особеннаго ничего не было, кромѣ того, что эти письма были короче прежнихъ.—В. Они не содержали въ себѣ разсказа о его занятіяхъ въ институтѣ?—О. Онъ писалъ, что когда вернулся, то предался занятіямъ, и спрашивалъ, какъ я устроилась въ Новгородѣ.—В. Въ Петербургѣ его не видѣли, не навѣщали?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Унковскій. Какъ долго жили вы у тетки?

Свид. Кулаковская. Пять лѣтъ.—В. Въ теченіе всего этого времени жилъ у васъ Рысаковъ?—О. Да, но потомъ онъ уѣхалъ и я еще годъ оставалась въ Череповцѣ.—В. Когда вы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» прочитали, что въ числѣ лицъ, покушавшихся на жизнь государя императора, находился и Рысаковъ, васъ это удивило?—Ужасно.—В. Вы являлись въ тотъ день къ губернатору?—О. Да.—В. Вамъ казалось, что это была ошибка? Вы подъ этимъ впечатлѣніемъ и пошли къ губернатору?—О. Всѣ данныя которыя я прочитала въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» указывали, что это былъ онъ, но по тому, какимъ я его знала, мнѣ трудно было повѣрить, что это онъ.—В. Рысаковъ былъ набожный?—О. Онъ охотнѣе другихъ ходилъ въ церковь, когда это приходилось дѣлать.—В. Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, вы больше его не видѣли?—О. Нѣтъ.

Свидѣтель, инспекторъ горнаго института Бекъ. Предъ поступленіемъ въ институтъ, въ сентябрѣ 1879 года, Рысаковъ представилъ свидѣтельство объ удовлетворительномъ окончаніи курса въ реальномъ училищѣ и былъ допущенъ къ повѣрочному экзамену, но принятъ былъ въ институтъ только вольнымъ слушателемъ, такъ какъ въ документахъ, представленныхъ имъ, не доставало, кажется, увольнительнаго свидѣтельства отъ общества. Онъ началъ заниматься, а свободное отъ занятій время проводилъ въ библіотекѣ института, гдѣ я его часто видѣлъ. Онъ преимущественно занимался чтеніемъ математическихъ книгъ. Мѣсяца три спустя, въ ноябрѣ или декабрѣ, прошелъ слухъ, что Рысаковъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи—питается однимъ чаемъ и чернымъ хлѣбомъ съ солью. Такъ какъ у насъ

студентамъ перваго курса не выдается пособія, то я, чтобы провѣрить, дѣйствительно-ли Рысаковъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, и въ случаѣ нужды помочь ему, послалъ справиться къ нему на квартиру. Экзекуторъ доложилъ мнѣ, что Рысаковъ проживаетъ гдѣ-то на углу 15-линіи Васильевскаго острова и Большаго проспекта, занимаетъ уголъ—пространство между печкой и стѣной, и, какъ сообщили экзекутору, пьетъ только чай съ чернымъ хлѣбомъ. На основаніи вотъ этихъ данныхъ, я сдѣлалъ представленіе директору, которое и поступило въ совѣтъ, съ предложеніемъ, чтобы Рысакову дано было пособіе. Совѣтъ это утвердилъ. Потомъ Рысаковъ выдержалъ экзаменъ, перешелъ на второй курсъ и началъ слушать лекціи съ начала сентября 1880 г. Послѣ рождественскихъ каникулъ, онъ рѣже сталъ посѣщать институтъ, потомъ вдругъ скрылся. Относительно посѣщенія лекцій, студенты не подвергаются особому контролю, и отсутствіе Рысакова я оставилъ безъ вниманія. Я думалъ, что онъ, можетъ быть, боленъ, хотѣлъ помѣстить его въ госпиталь, но отъ него никакого заявленія не поступило.

Тов. прок. Внѣ стѣнъ института наблюденіе надъ студентами не были; слѣдовательно, матеріалъ о характерѣ, о направленіи студентовъ вы получаете во время посѣщенія студентами, въ томъ числѣ и Рысаковымъ, лекцій?

Свид. Бекъ. Да.—В. На основаніи этихъ данныхъ, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на васъ?—О. Впечатлѣніе человѣка, занимающагося дѣломъ.—В. Замѣтно было, что онъ посѣщалъ лекціи исправно?—О. Постоянно.—В. Со стороны его характера, что вы замѣтили?—О. Онъ держался особнякомъ, по крайней мѣрѣ, я не

видѣлъ, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь сближался въ институтѣ.—В. Вы говорите, что Рысаковъ держалъ себя особнякомъ?—О. Да.—В. О перемѣнѣ въ образѣ жизни Рысакова вы говорите, что къ концу 1880 года онъ сталъ рѣже посѣщать институтъ?—О. Въ 1881 году, послѣ рождественскихъ каникулъ, онъ началъ рѣжѣ ходить.—В. А въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ?—О. Продолжалъ заниматься.—В. Вы имѣете возможность удостовѣриться въ посѣщеніи института?—О. Я часто ходилъ въ библіотеку, раза 3 или 4 въ день, и часто видѣлъ его тамъ.—В. Вы оказывали ему пособіе одинъ или нѣсколько разъ?—О. Нѣсколько разъ. Первый разъ по бѣдности, второй—когда перешелъ на другой курсъ, то ему нужно было отправиться на практическія занятія, и такъ какъ онъ человѣкъ бѣдный, то ему было дано пособіе, не помню лишь сколько, кажется, рублей сорокъ. Затѣмъ, въ августѣ внесли за слушаніе лекцій 30 или 40 рублей, такъ какъ онъ перешелъ на слѣдующій курсъ.—В. Сколько разъ вы узнавали про обстановку Рысакова?—О. Только одинъ разъ.—В. Она была крайне бѣдна?—О. Экзекуторъ говорилъ, что онъ занималъ одинъ уголъ.—В. Спрашивали вы у Рысакова, отъ кого онъ получаетъ средства къ жизни?—О. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Свидѣтельница, дочь урядника Артамонова, показала: 4-го января я вывѣсила билетъ на сдачу комнаты. Потомъ мнѣ кухарка говоритъ, что приходилъ какой-то господинъ, и она сказала, что комната маленькая, а большой нѣтъ. Оказалось, что это приходилъ Ельниковъ. Я попросила его придти въ 10 часовъ утра. Это было около 7-го или 8-го января. Онъ далъ мнѣ рубль задатку, а я спросила, чѣмъ онъ занимается и

кто онъ такой. Онъ отвѣтилъ, что занимается просто въ конторѣ письменною работою. Я попросила его быть скромнѣе; онъ сказалъ, что у него никого не бываетъ, что онъ выходитъ изъ дому въ 10 часовъ утра, а приходитъ въ 11 часовъ ночи. Я предложила ему ключъ, чтобы, если когда поздно вернется, самому войти въ квартиру. Потомъ онъ передалъ мнѣ деньги за квартиру 1-го февраля черезъ кухарку. Приходили къ нему гости, но ихъ было не много: слышала мужскіе и женскіе голоса. Велъ себя Ельниковъ скромно. Я спрашивала кухарку, кто такіе приходили, и она сказала, что все такіе-же какъ и онъ, въ лицо я сама никого не видѣла.

Тов. прок. А служанка имѣла возможность видѣть гостей?

Свид. Артамонова. Да.—В. При производствѣ дознанія вамъ былъ предъявленъ трупъ человѣка?—О. Да—В. Вы признали въ этомъ трупѣ вашего бывшаго жильца? О. Да, признала потому, что за три дня до смерти его видѣла.—В. Это тотъ самый, который подъ фамиліею Ельникова снималъ у васъ комнату?—О. Да.—В. Показывали вамъ его платье, ключъ?—О. Показывали. Ключъ былъ отъ наружной двери квартиры, я ему его отдала.—В. У него было много вещей съ собою?—О. Онъ былъ очень бѣдный. Я на третій день ходила посмотрѣть въ его комнату и видѣла, по его книгамъ, что онъ просто какой-нибудь конторщикъ.—В. Ваша квартира помѣщается на Сибирской улицѣ?—О. Да—В. Это мѣсто глухое?—О. Кажется ничего... Я первый разъ живу на Выборгской.

Свидѣтельница, вдова солдата Смѣлкова, отвѣчая на вопросы первоприсутствующаго, показала, что была служанкою у Артамоновой. -В. У васъ проживало

лицо, которое называло себя Ельниковымъ?—О. Да.—В. Что вы можете сообщить суду о его жизни?—О Онъ велъ очень хорошую жизнь, жилъ смирно и тихо: больше ничего не знаю.

Тов. прок. Помните, когда этотъ человѣкъ, называвшейся Ельниковымъ, переѣхалъ на квариру къ вамъ?

Свидѣтельца Смѣлкова. Я числа вамъ не могу сказать, около 15 января, должно быть.—В. Вамъ показывали трупъ человѣка при производствѣ этого дѣла?—О. Самаго человѣка не показывали.—В. А показывали карточку? — О. Да. — В. Вы признали въ ней вашего жильца?—О. Да.—В. Показывали вещи?—О. Да.—В. Вы признали ихъ принадлежащими Ельникову?—О. Да.—В. Въ томъ числѣ. былъ и ключъ?—О. Да.—В. Ключъ былъ отъ наружной двери вашей квартиры?—О. Да.—В. Онъ съ собою его бралъ, когда уходилъ?—О. Да.—В. Днемъ онъ оставался дома, или-же уходилъ? —О. Уходилъ. Онъ вставалъ въ 9-мъ часу, а уходилъ въ началѣ одиннадцатаго, возвращался-же около 11-ти часовъ или въ половинѣ двѣнадцатаго ночи.—В. А по праздникамъ?—О. И по праздникамъ.—В. Круглый день дома не бывалъ? -О. Да.—В. Навѣщалъ его кто-нибудь въ квартирѣ?—О. Да.—В. Нѣсколько человѣкъ?—О. Да. нѣсколько.—В. По сколько-же человѣкъ вмѣстѣ приходили?—О. По одиночкѣ: они приходили въ 6 часовъ вечера. когда онъ ждалъ гостей.—В. Въ числѣ этихъ гостей были и женщины?- О. Да.—В. Сколько ихъ было?- -О. Всегда приходила одна.—В. А мужчины?—О. Въ другой разъ трое, четверо придутъ. В. Подолгу они сидѣли, эти гости?—О. Въ 12, кажется. уходили. -В. Не уводили они и самаго Ельникова съ собою? -О. Никогда.- В. Они сидѣли, запершись въ комнатѣ?—О. Да. - В. Раз-

говорь вслн тихій или нѣтъ?—О. Тихій.—В. Посмотрите на скамью подсудимыхъ и скажите, кого изъ нихъ вы признаете за лицъ, бывавшихъ у вашего жильца?

Свидѣтельница указала на Рысакова и Гельфманъ, которая по ея словамъ приходила три раза.—В. Въ послѣдній разъ она не оставила Ельникову записки?—О. Да, оставила.—Потомъ Смѣлкова указала на Перовскую, какъ приходившую къ Ельникову.—В. Не эта-ли женщина съ большимъ лбомъ, о которой вы показывали? О. Та самая.--Наконецъ, свидѣтельница указала на Желябова, какъ на одного изъ лицъ, посѣщавшихъ Ельникова.—В. Этотъ человѣкъ приходилъ къ Ельникову?—О. Я ошиблась, сказавъ, что онъ часто приходилъ онъ приходилъ рѣже.—В. Кто вмѣстѣ приходили изъ тѣхъ которыхъ вы признали?- О. Приходилъ всегда одинъ Рысаковъ, потомъ всѣ по одиночкѣ, а въ послѣдній разъ женщина приходила.—В. Когда это было?—О. Было 26-го февраля.—В. Въ этотъ день кто пришелъ къ Ельникову?—О. Вотъ она... (указывая на Перовскую).—В. Одна приходила? —О. Да.—В. Рано утромъ?—О. Такъ, часовъ въ пять дня. Ельниковъ дома не ночевалъ со среды на четвергъ. Когда онъ вернулся въ 4 часа, она пришла въ пять, и я спросила ее, почему вы не будите его, и она сказала, что пускай поспитъ. Когда пришелъ Рысаковъ и всталъ Ельшковъ, я поставила ему самоваръ, и тогда пришелъ Желябовъ.—В. Долго они пробыли въ четвергъ?—О. До половины двѣнадцатаго.—В. Ушли всѣ вмѣстѣ?—О. Прежде ушли Желябовъ и Перовская, а Ельниковъ оставался еще дома.

Прис. пов. Герке 1-й. Когда приходила женщина брюнетка къ Ельникову, это было всего три раза, вечеромъ?

Свид. Смѣлков. Да.—В. И не заставала дома

Ельникова?—О. Да. В. У васъ въ квартирѣ свѣтло, вы не могли ошибиться?—О. Нѣтъ. —В. Такъ что вы увѣрены, что это приходила она?—О. Да.—В. Оставила записку и сказала, чтобы передать ее Ельникову? —О. Я слышала объ этой запискѣ отъ самаго Ельникова: она посидѣла у него въ комнатѣ нѣсколько времени и ушла, оставивъ записку на столѣ.

Подс. Желябовъ. Помните ли вы хорошо, что Рысаковъ и насъ двое были у Ельникова 26-го числа, а не въ другой день, не въ четвергъ?

Свид. Смѣлкова. Я думаю, что не въ четвергъ, то въ среду.—В. Приходили-ли къ Ельникову двое черныхъ, или одинъ?—О. Раньше двое приходило, но въ это время приходилъ одинъ.

Первоприс. Т. е., въ послѣдній разъ приходилъ одинъ?

Свид. Смѣлкова. Да.—В. И это то лицо, которое сидитъ крайнимъ на скамьѣ (Желябовъ)?—О. Да.

Подс. Желябовъ. Въ послѣдній день, по вашему 26-го, я съ этою дамой пришелъ вмѣстѣ?

Свид. Смѣлкова. Нѣтъ, вы послѣ пришли.—Не показывали-ли вы на дознаніи, что въ тотъ день меня не было, а былъ тотъ мужчина, карточку котораго вамъ предъявляли?—О. Я думаю, что это были вы.

Подс. Гельфманъ. Свидѣтельница ошибается, вѣроятно, смѣшивая лица: я у Ельникова не была ни разу, хотя и не отрицаю знакомства съ нимъ.

Свид. Смѣлкова. Я не смѣшиваю личности ихъ, а это доказываетъ только, что у нихъ прическа тогда была другая.

Подс. Желябовъ. Свидѣтельница показывала,

что приходилъ Навроцкій; это невѣрно: никакого другого чернаго, кромѣ меня, приходить не могло. Гельфманъ также не могла приходить къ нему, какъ и Фесенко-Навроцкій.

Тов. Прок. Кромѣ 26-го февраля, Желябовъ приходилъ еще съ женщиной, сидящей рядомъ съ нимъ (Перовская).

Свид. Смѣлкова. Приходилъ.—В. Разъ или больше? О. Больше. В. Вмѣстѣ?—О. Порознь. В. Но сходились вмѣстѣ у Ельникова? —О. Да.—В. Человѣкъ, трупъ котораго вамъ показывали, былъ рѣже?— О. Да.—В. Вы раньше говорили, что признали въ трупѣ того самаго который приходилъ съ женщиною, а теперь говорите, что съ женщиной приходилъ Желябовъ?—О. Да.

Первоприс. Стороны не желаютъ-ли предложить вопросы кому-либо изъ допрошенныхъ свидѣтелей?

Тов. прок. Я желаю предложить вопросъ свидѣтельницѣ Ермолиной.

Свид. Ермолина подходитъ.

Тов. прок. Вамъ показывали на дознаніи трупъ человѣка? Свид. Ермолина. Показывали.—В. Одинъ трупъ или два?—О. Одного, а другого карточку показывали.—В. Относительно трупа, не признаете-ли вы сходство съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ, посѣщавшихъ Рысакова?—О. Признаю, что это одинъ изъ бывшихъ у Глазова.

Подс. Рысаковъ. Я утверждаю, что Фесенко-Навроцкій у меня никогда не былъ.

Подс. Михайловъ. Я также не приходилъ къ Рысакову.

Свид. Смѣлкова. Нѣтъ, приходили.

Подс. Желябовъ. Я приходилъ на квартиру Рыса-

кова и могу удостовѣрить, что, по расположенію прихожей комнаты, свидѣтельница не могла видѣть приходящихъ, хотя для меня безразлично, утверждаетъ-ли она это, или отрицаетъ. Но я могу подробно описать комнаты въ удостовѣреніе того, что я тамъ былъ, и утверждаю, что свидѣтельница не могла всмотрѣться въ приходящаго, какъ напр., Михайлова. Я бывалъ постоянно у Рысакова, зналъ, что происходило у него на собраніяхъ, и за всѣ эти разы былъ одинъ случай, что свидѣтельница вошла въ комнату, чтобы подбросить углей въ самоваръ изъ печи, находящейся къ комнатѣ Рысакова, причемъ посѣтители сидѣли затылками къ дверямъ, такъ что лицъ ихъ не было видно. Это доказываетъ и самое положеніе стола, который стоялъ у стѣны, противоположной дверямъ. На столѣ былъ сомоваръ и посуда. посѣтители сидѣли вокругъ стола и имѣли много основаній скрывать свои лица. Когда-же нужно было подбросить углей въ самоваръ то Рысаковъ отнесъ его къ двери, и это единственный случай, когда Ермолина могла видѣть кого-нибудь, на она не видѣла, потому, что къ этому принимались мѣры.

Первоприс. Болѣе нужды въ спрошенныхъ свидѣтеляхъ стороны не имѣютъ?

Тов. прок. Я-бы просилъ оставить свидѣтельницу Смѣлкову, а относительно другихъ я ничего не имѣю.

Первоприс. Всѣ допрошенные свидѣтели могутъ удалиться и болѣе не возвращаться, кромѣ свидѣтельницы Смѣлковой, которую прошу явиться завтра къ 10 часамъ утра. Затѣмъ, я хочу пригласить стороны, въ виду того, что предстоитъ чтеніе множества протоколовъ обысковъ и осмотровъ, а также осмотръ значительнаго числа вещественныхъ доказательствъ, представить

письменныя указанія, передъ открытіемъ завтрашняго засѣданія, относительно тѣхъ актовъ и бумагъ, о прочтеніи которыхъ онѣ намѣрены просить особое присутствіе, а также указать тѣ вещественныя доказательства, осмотрѣть которыя онѣ желаютъ. Это въ значительной мѣрѣ облегчитъ судъ и будетъ способствовать болѣе правильному разъясненію дѣлу. Я приглашаю къ этому стороны, если онѣ на это согласны.

Тов. прок. Обвиненіе не преминетъ исполнить это требованіе.

Защитники также изъявили согласіе.

Затѣмъ, въ 11 часовъ и 20 минутъ пополудни, первоприсутствующій объявилъ перерывъ засѣданія до 11 часовъ утра слѣдующаго дня.

Засѣданіе 27-го марта 1881 года.

По открытіи засѣданія въ 11-ть часовъ утра, первоприсутствующій объявилъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго имъ во вчерашнемъ засѣданіи предложенія сторонамъ представить письменныя заявленія о тѣхъ документахъ и протоколахъ, на которые онѣ считаютъ необходимымъ ссылаться въ заключительныхъ прѣніяхъ, прокуроръ и защитники представили таковыя заявленія. При этомъ первоприс. прочелъ представленныя заявленія заключающія въ себѣ перечень различныхъ протоколовъ и документовъ.

Подс. Желябовъ. Могу-ли я просить о прочтеніи нѣкоторыхъ моихъ показаній, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ свои выводы о моихъ отношеніяхъ къ Рысакову. Такъ, я просилъ-бы прочитать въ подлинникѣ мое заявленіе отъ 2-го марта и нѣкоторые изъ протоколовъ, содержащихъ въ себѣ мои показанія, на которыя ссылается г. прокуроръ въ обвинительномъ актѣ, передавая ихъ содержаніе невѣрно.

Первоприс. Я сперва предложу гг. защитникамъ вопросъ: не имѣютъ-ли они чего-нибудь противъ просьбы г. прокурора о предоставленіи ему права ссылаться на указанные имъ документы и протоколы.

Защита заявила, что она никакихъ возраженій не имѣетъ.

Тов. прок. Я тоже ничего не имѣю противъ по-

добныхъ-же просьбъ, заявленныхъ защитою, что-же касается до заявленія подсудимаго Желябова, то я нахожу, что законъ не воспрещаетъ прочтенія показаній, данныхъ подсудимымъ, но его о томъ ходатайству, хотя надобности въ прочтеніи показаній Желябова я не вижу, такъ какъ подсудимый находится здѣсь на лицо, давалъ уже пространныя показанія на судѣ и имѣетъ право давать ихъ во время судебнаго слѣдствія, такъ что онъ можетъ возстановить всѣ тѣ невѣрности, которыя будто-бы допущены при изложеніи его показаній въ обвинительномъ актѣ, составляющемъ только программу обвиненія, подлежащую провѣркѣ на судѣ. Наконецъ относительно заявленія, поданнаго Желябовымъ 2-го марта прокурору палаты, я долженъ сказать, что оно пріобщено къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства, о чемъ и составленъ особый протоколъ, а потому я не возражаю противъ прочтенія его или того протокола осмотра, въ которомъ оно изложено цѣликомъ.

Первоприс. (по совѣщаніи). Особое присутствіе правительствующаго сената, выслушавъ заявленіе сторонъ и заключеніе г. прокурора, опредѣляетъ, на основаніи 687-й ст. уст. уг. суд., разрѣшить сторонамъ, какъ во время судебнаго слѣдствія, такъ и въ преніяхъ, ссылаться на указанные ими протоколы и документы. Протоколы-же, заключающіе въ себѣ показанія подсудимаго Желябова, данныя имъ при дознаніи, а равно и поданное имъ 2-го марта заявленіе, какъ не принадлежащіе къ числу документовъ, чтеніе которыхъ допускается на судѣ, не читать. Подсудимый Желябовъ, вы будете имѣть возможность указать во время суда на тѣ неправильности, которыя вы замѣчаете въ обвинительномъ актѣ.

Затѣмъ продолжался допросъ свидѣтелей.

Введенъ свидѣтель, отставной рядовой Булатовъ.

Предсѣдатель. Вы были дворникомъ дома № 27-й, по Троицкому переулку?

Свид. Булатовъ. Точно такъ. В. Посмотрите на скамью подсудимыхъ и скажите, не проживалъ-ли кто-нибудь изъ нихъ въ вашемъ домѣ. — О. Вотъ эта (указываетъ на подсудимую Гельфманъ).—В. Когда она къ вамъ переѣхала?—О. 15-го сентября. Послѣ того, какъ онѣ переѣхали, я нѣсколько дней спустя спросилъ: «гдѣ вашъ супругъ служитъ?» Онѣ отвѣчали: на желѣзной дорогѣ». Потомъ я замѣтилъ, что дѣйствительно онъ туда ходитъ, изъ воротъ выходилъ налѣво, а она куда-то направо уходила.

На вопросы тов. прокурора свидѣтель Булатовъ объяснилъ, что подсудимая Гельфманъ жила у нихъ не одна, а съ Андреемъ Ивановымъ Николаевымъ, про котораго она говорила, что это ея мужъ: выѣхали они изъ дома 16-го февраля.

Тов. прок. Въ одно время они переѣхали?

Свид. Булатовъ. Нѣтъ, мужъ нѣсколько дней раньше уѣхалъ, какъ она говорила, въ Москву. Оттуда она получила отъ мужа письмо, что его родители здоровьемъ не надежны, такъ что онъ не пріѣдетъ сюда обратно и придется ей къ нему ѣхать. — В. Что-же, послѣ того перевозили куда-нибудь мебель? —О. Купецъ какой-то приходилъ покупать: 15-го числа онъ пріѣхалъ съ 2-мя лошадьми, но уѣхалъ порожній. Я спрашиваю: «Что-же вы, не сошлись вѣрно?». «Да, говоритъ она, просила завтра пріѣхать». Потомъ 16-го числа, онъ пріѣхалъ съ тѣми-же лошадьми и тѣми-же извощиками и взялъ мебель. Я спросилъ: почемъ купилъ? Онъ сказалъ, что за 56 рублей.—В. Такъ что у нея не оста-

лось вещей, а только одинъ чемоданъ, и съ нимъ она уѣхала? О. Да.—В. Много ходило къ ней гостей?—О. Никого не замѣчалъ.—В. Въ которомъ этажѣ была квартира? — О. Въ шестомъ. — В. Окна выходили на улицу?—О. Нѣтъ, во дворъ, противъ воротъ. —В. Такъ что съ улицы ни одного окна не видно?—О. Нѣтъ, не видно; только когда въ ворота войдешь, такъ одно окно будетъ видно.—В. Въ этомъ окнѣ была спущена занавѣска на половину?—О. Нѣтъ, не замѣчалъ.

Введенъ свидѣтель Смородинъ, дворникъ дома № 5-й, по Телѣжной улицѣ.

Первопр. Кто проживалъ у васъ въ домѣ въ квартирѣ № 5-й?

Свид. Смородинъ. Иванъ Петровъ Навроцкій съ женою; вотъ эта—третья отсюда (указываетъ на подс. Гельфманъ). Жили они у насъ совсѣмъ мирно, и ничего я за ними не замѣчалъ.

Тов. прок. Когда они переѣхали къ вамъ?

Свид. Смородинъ. Около 26-го февраля.—В. А въ домовой книгѣ они были помѣчены прибывшими раньше?—О. Когда я взялъ у Навроцкаго паспортъ, то онъ обѣщалъ дать переходные листки, но потомъ ихъ не представилъ. Я ввелъ ихъ въ книгу, а числа не поставилъ. У насъ постоянно полагается такъ.—В. Кто приходилъ нанимать квартиру, самъ Навроцкій или его жена?—О. Квартиру смотрѣлъ онъ одинъ.—В. А когда вы увидали его жену, когда они вмѣстѣ переѣхали? О. Да, когда вмѣстѣ.—В. Они безъ мебели нанимали квартиру?—О. Безъ мебели; свою привезли. В. Когда они у васъ жили, въ теченіе двухъ недѣль, много народа къ нимъ ходило?—О. Они не двѣ недѣли жили, а меньше, недѣлю только, народа у нихъ я никого не видалъ. Только разъ

какъ-то одинъ господинъ спросилъ: тутъ-ли живетъ Навроцкій? Тогда у меня была работа, и я не могъ замѣтить его личности.

Свид. крестьянинъ Сергѣевъ (дворникъ дома № 5-й, по Тельжной улицѣ). Я спалъ, приходитъ околодочный и разбудилъ меня. Пошли въ квартиру № 5-й, потомъ полиція пришла, помощникъ пристава, и всѣ взошли на верхъ. Дворникъ позвонилъ, подошелъ человѣкъ къ дверямъ и опять отошелъ отъ дверей. Потомъ опять пришелъ, спрашивали его. Потомъ дверь ломать начали. Стали ломать, слышимъ выстрѣлъ, начали стрѣлять, а мы дверь ломать. Прошла эта стрѣльба, чрезъ нѣсколько времени женщина выходитъ, вотъ эта самая (указываетъ на подсудимую Гельфманъ). Выходитъ она и говоритъ: «Помогите, я сдаюсь». Начали осматривать, она и говоритъ: «Тутъ есть опасное мѣсто, опасныя вещи». Потомъ стали обыскивать и все описали.

Тов. прок. А что сдѣлалось съ человѣкомъ, который назывался ея мужемъ?

Свид. Сергѣевъ. Когда мы пришли туда, онъ уже лежалъ на полу, въ крови: застрѣлился онъ.— В. Это Фесенко-Навроцкій? О. Да, такъ точно. – В. А что было на другой день, 3-го марта, утромъ, когда въ квартирѣ оставалась полиція и пришелъ человѣкъ?— О. Послалъ меня помощникъ пристава за папиросами, я побѣжалъ внизъ, встрѣчается мнѣ на лѣстницѣ одинъ молодой человѣкъ, вотъ этотъ самый (указываетъ на подсудимаго Михайлова), спрашиваетъ онъ 12-й номеръ, кучера видѣть. Мнѣ былъ данъ приказъ, если кто придетъ—въ квартиру ввести: я и говорю: «Пожалуйте, старшій дворникъ наверху, покажетъ». Подошелъ городовой. Человѣкъ этотъ хотѣлъ внизъ сдаться, а его

представили наверхъ. Потомъ я опять побѣжалъ за папиросами. Прихожу съ папиросами. Молодой человѣкъ сидитъ въ прихожей, около дверей. Я папироски подалъ. Потомъ, сейчасъ помощникъ пристава сказываетъ: «Его нужно обыскать». Начали его обыскивать. Онъ что-то выложилъ. Потомъ съ него шубу стали снимать. Какъ стали шубу снимать, онъ револьверъ изъ рукава или кармана вынулъ. Кто-то замѣтилъ, что онъ револьверъ вытащилъ, и прямо взялъ за руку этого человѣка: «держите, говоритъ, его». А онъ и началъ стрѣлять, помощника пристава Слуцкаго и городоваго ранилъ, и всѣ шесть патроновъ выпустилъ.

Подс. Гельфманъ. Я желаю объяснить, что когда я открыла дверь, то просила только, чтобы позвали доктора, который могъ-бы подать помощь.

Прис. пов. Хартулари. У васъ, 12-й нумеръ существуетъ?

Свид. Сергѣевъ. Это пустая квартира, и кто тамъ жилъ раньше—я не знаю, потому что въ этомъ домѣ я недавно живу.—В. Когда вы встрѣтили этого человѣка на лѣстницѣ, онъ, на предложеніе идти наверхъ, не отказывался?—О. Нѣтъ, ничего, онъ только хотѣлъ назадъ сдаться, внизъ идти хотѣлъ. Потомъ, какъ городовой подошелъ, мы сейчасъ вверхъ его преспокойно взяли, тутъ онъ уже не упирался.—В. Онъ не пытался бѣжать?—О. Не могу этого сказать.—В. Сколько времени прошло до возвращенія вашего назадъ, когда его стали обыскивать?—О. Минутъ 15—20.

Прис. пов. Герке. Когда вы вошли въ квартиру съ полиціей, то эта женщина сказала вамъ, что есть опасныя вещи; она не объясняла вамъ, въ чемъ опасность?

Свид. Сергѣевъ. Нѣтъ, ничего; говоритъ только:

«не ходите, у насъ есть опасныя вещи».—В. Вы ломали дверь топоромъ, когда пришла полиція? —О. Старшій дворникъ ломалъ.

Свид. Рейнгольдъ (состоящій въ прикомандированіи къ 1-му участку Александро-Невской части). Въ домѣ № 5-й, по Гелѣжной улицѣ, я былъ два раза, въ первый разъ въ половинѣ перваго часа ночи, по приглашенію товарища прокурора судебной палаты Добржинскаго. Какъ только мы пришли къ дому, сейчасъ-же взошли на лѣстницу. При насъ былъ старшій дворникъ. Я приказалъ ему позвонить. Онъ позвонилъ. Долго не было отвѣта. Наконецъ, вторично позвонилъ. Тоже нѣтъ отвѣта, такъ что звонили нѣсколько разъ, но отвѣта все не было. Наконецъ, внутри квартиры послышались шаги какого-то человѣка, который приблизился къ двери и спросилъ: «Кто тамъ?» Я отвѣтилъ: полиція и прокуроръ. «Что-же вамъ нужно?» былъ вопросъ. Я отвѣтилъ: отворите, иначе я прикажу дверь сломать, и сію-же минуту дворнику было приказано рубить дверь. Какъ только раздался первый стукъ топора, послышался внутри квартиры выстрѣлъ, за нимъ другой; съ нѣкоторыми промежутками всего было сдѣлано шесть выстрѣловъ. Послѣ шестаго выстрѣла все утихло. Въ это время изъ боковой двери показалась женщина, которая довольно громко сказала: «сдаемся, подайте помощь». Затѣмъ, захлопнувъ дверь, она опять скрылась, и послѣ этого отворилась парадная дверь на лѣстницу. Тогда я приказалъ взять эту женщину. Двое городовыхъ взяли ее за руки и держали. Въ это время я вошелъ въ квартиру. Какъ только я началъ входить, она закричала: «не входите въ комнату направо, тамъ взрывчатыя вещества». Когда я вошелъ въ комнату направо, то увидѣлъ, что

тамъ лежитъ человѣкъ въ крови и около него револьверъ. Слѣдующая за этой комната, налѣво, была гостиная. Я вошелъ туда и увидѣлъ направо, на окнѣ, двѣ жестянки, но съ чѣмъ онѣ были этого я тогда не зналъ. Затѣмъ приступлено было къ осмотру.

Тов. прок. Найденныя вами жестянки были такой-же формы, какъ и тѣ, которыя находятся здѣсь, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ?

Свидѣтелю были предъявлены жестянки.

Свид. Рейнгольдъ. Да, такія-же. Одна изъ нихъ была завязана въ простой платокъ, а другая была просто въ газетной бумагѣ.—В. Затѣмъ вы оставались въ этой квартирѣ до утра 3-го марта? —О. Да, до половины седьмого, когда былъ оконченъ осмотръ.—В. При васъ пришелъ человѣкъ, который былъ потомъ задержанъ?—О. Да, при мнѣ. Мнѣ доложили, что какой-то человѣкъ спрашиваетъ 12-й нумеръ квартиры, и что онъ задержанъ. Я вышелъ и дѣйствительно увидѣлъ молодого человѣка, который стоялъ въ передней. Я спросилъ, что ему нужно. Онъ сказалъ, что пришелъ къ кучеру, но къ какому, этого не объяснилъ, а говорилъ только, что ему нужно въ 12-й нумеръ. Въ это время, кажется, старшій дворникъ сказалъ, что 12-й нумеръ не занятъ. Тогда я спросилъ, кто онъ такой. Онъ сталъ называть себя то крестьяниномъ Степановымъ, то крестьяниномъ Ивановымъ, то просто мѣщаниномъ. Замѣтивъ, что его показаніе неправильно, я приказалъ его обыскать. Когда онъ былъ введенъ изъ передней въ первую комнату для обыска и съ него сняли шубу, онъ быстро опустилъ правую руку въ карманъ и выстрѣлами изъ револьвера нанесъ городовому Денисову рану, а помощнику пристава Слуцкому—контузію. – В. Кого вы признаете изъ подсудимыхъ?—

О. Признаю второго,—это тотъ, который стрѣлялъ (указываетъ на подсудимаго Михайлова), и третью, какъ хозяйку квартиры (указываетъ на подсудимую Гельфманъ).

Прис. пов. Герке. Вы не замѣтили, какимъ голосомъ были произнесены слова: «кто тамъ»? Спрашивалъ-ли это мужчина или женщина?

Свид. Рейнгольдъ. Это былъ положительно мужской голосъ.—В. Когда вы вошли въ квартиру, то женщина сказала вамъ: «Не входите въ комнату направо, тамъ взрывчатыя вещества»?—О. Да, когда ее задержали и взяли за руки, она сказала: «Не входите направо».—В. Револьверъ лежалъ около трупа мужчины или подъ нимъ? О. Нѣтъ, около него.—В. Когда вы стояли передъ дверьми квартиры, до того времени какъ васъ впустили въ квартиру, выстрѣлы раздавались въ ней съ значительными промежутками? О. Промежутки были не одинаковые, въ двѣ, три и одну секунду.—В. Но, кромѣ этихъ выстрѣловъ, все было тихо, и вы не слышали разговоровъ?—О. Ничего не было слышно, никакого движенія не было.

Подс. Желябовъ. Я желалъ-бы спросить свидѣтеля, былъ-ли онъ въ форменномъ платьѣ или нѣтъ?

Свид. Рейнгольдъ. Былъ въ форменномъ пальто.

Тов. прок. Такъ что не могло быть сомнѣнія, что вы чинъ мѣстной полиціи?

Свид. Рейнгольдъ. Нѣтъ, не могло быть сомнѣнія.—В. Всѣ чины полиціи были въ форменномъ платьѣ?—О. Нѣтъ, нѣкоторые были въ статскомъ. Помощникъ пристава Слуцкой былъ въ форменномъ платьѣ.

Подс. Гельфманъ. На дознаніи мнѣ задавали вопросы, указывавшіе на существованіе предположенія, что я застрѣлила Саблина.

Первоприс. Такого обвиненія противъ васъ не предъявлено.

Подс. Гельфманъ. Я все-таки считаю нужнымъ объяснить это.

Тов. прок. Не удовлетворится-ли подсудимая Гельфманъ категорическимъ заявленіемъ, что на ней вовсе не тяготѣетъ подозрѣніе въ томъ, что она убила Саблина?

Подс. Гельфманъ. Я желаю объяснить обстоятельства убійства. Когда мы переѣхали на квартиру, мы условились, что, въ случаѣ обыска, должно дать нѣсколько выстрѣловъ съ цѣлью, чтобы произвести шумъ, т. е., чтобы объ этомъ знало побольше людей, чтобы это распространилось и чтобы тѣ лица, которыя ходили къ намъ на квартиру, могли узнать объ этомъ. Я дѣйствительно, признаю, что Саблинъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ съ тою цѣлью, чтобы произвести шумъ. Что касается до того, какъ онъ застрѣлился, то въ это время я была въ своей комнатѣ, а также и тогда, когда услышала звонокъ, я слышала, какъ Саблинъ спросилъ: кто тамъ? Потомъ Саблинъ подошелъ къ моей комнатѣ и сказалъ, что пришла полиція. Пока я одѣвалась, я услышала выстрѣлы. Когда я вышла изъ комнаты и услышала на лѣстницѣ голоса: «стрѣляйте», то я, зная, что банки стояли не въ средней комнатѣ, а въ той, гдѣ лежалъ окровавленный Саблинъ, опасаясь, чтобы пули не попали въ банки, ибо тогда могъ-бы взорваться цѣлый домъ и, конечно, было-бы очень много жертвъ, поэтому я взяла банки изъ первой комнаты и перенесла ихъ въ среднюю. Затѣмъ, увидя, что Саблинъ лежитъ окровавленный, я открыла дверь и сказала: «прошу позвать доктора», но больше ничего не произнесла. Я объясняю, что, ни я, ни Саблинъ не желали другъ друга убить. Я

объясняю это для того, чтобы не дать пищи людямъ безъ всякаго основанія клеветать на человѣка, бросать на него тѣнь, что для него ничего не значитъ лишить жизни человѣка, тѣмъ болѣе своего товарища.

Первоприс. Вѣдь противъ васъ никакого обвиненія по этому предмету не предъявлено.

Тов. прок. Такъ какъ обстоятельства обыска въ домѣ № 5-й по Телѣжной улицѣ и вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго 3-го марта Михайловымъ, допрошенными свидѣтелями вполнѣ выяснены, то не признаетъ-ли защита Михайлова и Гельфманъ возможнымъ сократить эту часть судебнаго слѣдствія и, по соглашенію со мною, отказаться отъ допроса другихъ свидѣтелей, которые ничего не могутъ показать новаго?

Прис. пов. Хартулари. Защита Михайлова вполнѣ присоединяется къ этому заявленію и находитъ допросъ остальныхъ свидѣтелей излишнимъ.

Прис. пов. Герке. Я тоже ничего не имѣю противъ этого.

Первоприс. (послѣ совѣщанія). Особое присутствіе признаетъ необходимымъ продолжать судебное слѣдствіе по этимъ двумъ частямъ дѣла, на основаніи тѣхъ-же соображеній, которыми оно руководствовалось во вчерашнемъ засѣданіи, при постановленіи о допросѣ свидѣтелей. Пригласите свидѣтеля Порманда.

Свид. Норманд (околодочный надзиратель). 2-го марта, по распоряженію прикомандированнаго къ 1-му участку Александро-Невской части, г. Рейнгольда, я, въ числѣ прочихъ лицъ, отправился въ Телѣжную улицу. Я не зналъ, для чего это нужно, и только догадывался, что, вѣроятно, надо задержать политическаго преступника. Когда мы прибыли въ квартиру, то г. Рейнгольдъ по-

звонилъ. Отвѣта на это нѣкоторое время не послѣдовало. Минуты черезъ 2 или 3 мужской голосъ спросилъ: «кто тамъ?» Я отвѣчалъ, что полиція. Нѣкоторое время спустя, онъ опять повторилъ тотъ-же вопросъ. Въ отвѣтъ на это было сдѣлано предупрежденіе, что если не отворятъ двери, то она будетъ сломана; но и послѣ этого дверь не отворялась. Тогда послѣдовало распоряженіе топоромъ сломать дверь. Дворникъ принесъ топоръ, ударилъ нѣсколько разъ по двери. За нею послѣдовалъ выстрѣлъ. Дворникъ испугался и бросилъ топоръ. Я поднялъ его и продолжалъ рубить дверь, ударилъ нѣсколько разъ, но она не подавалась. Тогда Рейнгольдъ, находя, что насъ мало, сдѣлалъ распоряженіе позвать солдатъ. Но въ это время, повыше площадки, на которой мы находились, послышался женскій голосъ: «Мы сдаемся», а чрезъ нѣкоторое время женщина отворила дверь изнутри и говоритъ: «Помогите, дайте помощь». Когда мы вошли, то прежде всего она предупредила и говоритъ: «Не ходите въ комнату направо, тамъ опасно». Прежде всего, что бросилось мнѣ въ глаза, -это мужчина, который плавалъ въ крови.

Свид. Зезюкинъ (околодочный надзиратель). 3-го марта. въ 6-ть часовъ утра, я былъ командированъ г. Рейнгольдомъ въ домъ № 5 й, по Телѣжной улицѣ, чтобы остаться тамъ дежурить и задержать кто будетъ туда приходить. Около 10-ти часовъ пришелъ ко мнѣ младшій дворникъ и сказалъ, что внизу ходитъ какой-то господинъ и ищетъ кучера Петрова; тогда было приказано, чтобы дворникъ передалъ его городовому, стоящему, на лѣстницѣ; затѣмъ этого человѣка привели въ квартиру, гдѣ онъ и просидѣлъ съ полчаса. Г. Рейнгольдъ спросилъ его, кто онъ такой, какого званія, но онъ на-

зывалъ себя то крестьяниномъ, то мѣщаниномъ; на вопросъ, чѣмъ занимается, онъ сказалъ, что прежде служилъ на заводахъ, а теперь безъ мѣста. Намѣреваясь отправить его въ полицію, его стали обыскивать. Когда съ него сняли пальто, онъ моментально опустилъ руку въ правый карманъ, вынулъ револьверъ и сталъ стрѣлять во всѣ стороны. сдѣлалъ шесть выстрѣловъ и ранилъ помощника пристава и городоваго.

Первоприс. Долго-ли подсудимый Михайловъ оставался до обыска?

Свид. Зезюкинъ. Въ квартирѣ онъ былъ минутъ 10—15.

Свид. Шлыковъ (городовой). Я былъ въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, два раза: первый разъ мы все время стояли на дворѣ, въ засадѣ, а потомъ отступили насъ домой. Затѣмъ, вторично, прибѣгаетъ околодочный надзиратель и требуетъ пять городовыхъ. Пришли мы въ квартиру № 5-й, гдѣ находился приставъ и помощникъ пристава: тамъ описывали имѣніе того который застрѣлился. Когда описали имѣніе, насъ оставили при квартирѣ трохъ городовыхъ и околодочнаго. Мы заперли всѣ ходы, и потомъ я вышелъ на парадную лѣстницу. Околодочный приказалъ, чтобы въ случаѣ, если кто покажется на лѣстницѣ, просить того въ квартиру. Когда я смотрѣлъ съ лѣстницы внизъ, приходитъ этотъ самый молодой человѣкъ (при этомъ свидѣтель указалъ на подсудимаго Михайлова) и спрашиваетъ у дворника 12-й номеръ квартиры. Я не далъ имъ говорить и попросилъ наверхъ. Онъ пошелъ ко мнѣ кверху, спросилъ, здѣсь-ли 12-й нумеръ; я сказалъ, что здѣсь и отворилъ дверь въ квартиру, онъ вошелъ туда безъ сопротивленія, и какъ пришелъ, прямо сѣлъ на диванъ, ничего не го-

воря. Я вышелъ въ корридоръ и не знаю, что затѣмъ было. Пріѣхалъ старшій помощникъ пристава, потомъ младшій. Когда я вошелъ вторично въ квартиру, этотъ господинъ опять сидитъ на диванѣ, на томъ самомъ мѣстѣ. Старшій помощникъ пристава попросилъ его выйти на средину комнаты, чтобы его обыскать. Мы подходимъ двое и стали снимать съ него пальто. Не успѣли мы спустить внизъ пальто, какъ онъ бросился правой рукой въ карманъ; тутъ сзади кто-то схватилъ его за руки и закричалъ: «держи, держи». Въ это время человѣкъ тотъ началъ уже выстрѣлы дѣлать. Первый, второй и третій выстрѣлы онъ внизъ дѣлалъ,—у него рука не поднималась, потому что всѣ его схватили. Какъ всѣ шесть выстрѣловъ онъ сдѣлалъ, то бросилъ револьверъ. Тогда мы связали ему руки. Когда связали его, одинъ городовой говоритъ: «меня ранили въ ногу». Я растегнулъ его и перевязалъ его полотенцемъ. Потомъ помощникъ пристава тоже раненый ходитъ: я растегнулъ и его и перевязалъ скатертью. Явился докторъ и приказалъ отправить ихъ въ больницу.

Свид. Борисовъ (городовой). Это было 3-го марта, часовъ въ 6-ть утра. Было назначено три человѣка въ квартиру по Толбѣжной улицѣ. Часу въ 10-мъ утра пришелъ туда подсудимый Михайловъ. Его пригласилъ на лѣстницѣ городовой Шлыковъ. Онъ вошелъ въ дверь и спросилъ кучера Петра Андреева. Я сейчасъ доложилъ околодочному надзирателю. Онъ спросилъ Михайлова: «Что вамъ нужно?». На это Михайловъ отвѣтилъ то-же, что и мнѣ. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ старшій помощникъ пристава и сталъ распрашивать его, а онъ объяснилъ: «Гдѣ я жилъ, вамъ, говоритъ, до этого нѣтъ дѣла, ну, жилъ я на чугунно-литейномъ заводѣ». Спра-

пиваютъ его: «вы изъ какихъ?». «Изъ крестьянъ», говоритъ. —«Какой губ.?». Онъ сказалъ Воронежской, или другой какой губерніи, этого я не припомню. Потомъ его спрашиваютъ: «гдѣ-же теперь живете?». Я, говоритъ, теперь живу безъ мѣста, такъ, два мѣсяца времени». — «А гдѣ-же жительство?». —«Гдѣ ночь, гдѣ день, такъ и проживаемъ». — «Зачѣмъ сюда пришли?». «Къ кучеру, говоритъ, пришелъ, онъ знакомый мнѣ». — «На мѣстѣ онъ?». —«Да, говоритъ, на мѣстѣ: если-бы былъ безъ мѣста, онъ-бы не приглашалъ». Потомъ его пригласили для обыска въ переднюю комнату и намъ приказали снять съ него шубу. Когда сняли шубу, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и началъ стрѣлять. Мы его схватили по бокамъ, а кто сзади, за руки. Въ эт время онъ шесть выстрѣловъ сдѣлалъ, потомъ бросилъ револьверъ: «На-те, говоритъ, берите». Мы и отвезли его въ секретное отдѣленіе.

Свид. Слуцкій (младшій помощникъ пристава). 3-го марта, въ 11-мъ часу утра, я возвращался въ квартиру на Телѣжной улицѣ, гдѣ былъ оставленъ карауль съ тою цѣлью, чтобы задерживать приходящихъ. Мнѣ сказали, что задержанъ одинъ человѣкъ; тутъ-же я узналъ, что еще не обысканъ. Я доложилъ объ этомъ г. Рейнгольду и распорядился осмотрѣть задержаннаго. Его стали выводить изъ передней въ слѣдующую комнату, а я пошелъ черезъ другую комнату къ нему навстрѣчу. Когда его стали обыскивать, я сталъ напротивъ него и смотрѣлъ не приметъ-ли онъ чего-нибудь отравительнаго. Въ это время онъ досталъ изъ кармана брюкъ револьверъ и началъ стрѣлять. Меня три раза откидывало выстрѣлами изъ револьвера, но я подымался и старался ловить стрѣлявшаго вмѣстѣ съ другими лицами. Въ по-

сѣдній разъ я не могъ собраться съ силами,—у меня сперло дыханіе. Потомъ меня отправили въ Рождественскую больницу.

Первопрес. Вы были ранены?

Свид. Слуцкій. Да, въ грудь.—В. Теперь какъ вы себя чувствуете?— О. Чувствую ломоту въ ребрахъ. Я лежалъ недѣлю въ постели забинтованный, потомъ сталъ ходить.

Свид. Павловъ (докторъ). Когда я пришелъ около часу ночи въ домъ № 5-й по Тельжной ул., въ кварт. № 5-й, то меня попросили оказать помощь застрѣлившемуся. При осмотрѣ его, я нашелъ поранения черепа, причемъ мозговыя частицы были на полу. Вскорѣ послѣ осмотра, мнѣ было предложено арестованною женщиною вопросъ, будетъ-ли жить застрѣлившійся. На это я отвѣтилъ, что ранение въ черепъ очень серьезно, но я еще не могу дать положительнаго отвѣта, такъ какъ не осматривалъ подробно. Увидѣвъ три ранения черепа, я попросилъ позволения спросить эту женщину, не видѣла-она, какъ онъ стрѣлялъ, и на это былъ полученъ отвѣтъ, что она не видѣла, что во время выстрѣловъ, она была въ другой комнатѣ и пришла уже тогда, когда онъ лежалъ на полу.

Пов. прок. Эти три ранения должны были произойти отъ трехъ выстрѣловъ?

Свид. Павловъ. Въ первый моментъ, когда я осмотрѣлъ застрѣлившагося, я не могъ дать себѣ положительнаго отчета, такъ какъ была тѣснота и довольно темно. Но когда я былъ на вскрытіи, то тогда для меня опредѣлилась вся картина поранения. Я нашелъ такіе признаки, которые указываютъ на то, что имъ было направлено въ себя три выстрѣла, изъ нихъ два по-

жительныхъ, а третій я предполагаю. Первый выстрѣлъ я предполагаю въ силу того, что выше лба, налѣво, было нѣсколько порошинокъ въ кожѣ; затѣмъ второй выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ ротъ; онъ попалъ не въ небо, а въ зубы, въ лѣвый клыкъ и лѣвый рѣзецъ, пуля скользнула по челюсти подъ кожей. вышла въ глазъ и здѣсь разбила глазное яблоко. Третій выстрѣлъ, который свалилъ его, былъ сдѣланъ въ правый високъ: пуля вышла насквозь, черезъ мозговое полушаріе, около лѣваго темешнаго бугра.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ при обыскахъ. Доказательства эти были предъявлены суду. сторонамъ и подсудимымъ.

Тов. прокурора просилъ предъявить подсудимому Михайлову находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ листъ бѣлой бумаги съ исписанною первою страницею и спросить его, не можетъ-ли онъ объяснить, его-ли это почеркъ.

Подсудимый Михайловъ, по предъявленіи ему этого листа, призналъ почеркъ своимъ.

При перечисленіи вещественныхъ доказательствъ, о предъявленіи которыхъ просилъ тов. прокура, онъ обратилъ вниманіе особаго присутствія на гектографированную рукопись въ нѣсколькихъ листахъ и экземплярахъ, по обозрѣнію содержанія которой, она оказалась статьею, повидимому, приготовленною для распространенія,—о парижской коммунѣ 1870 г. и о комитетѣ общественнаго спасенія 1793 г.

Затѣмъ къ столу вещественныхъ доказательствъ были приглашены находившіеся въ залѣ засѣданія эксперты: генералъ-маіоръ Ѳедоровъ. полковникъ Лисовскій и полполковникъ Шахъ-Назаровъ.

Первоприсутствующій предложилъ имъ осмотрѣть находящіеся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ и отобранные при обыскѣ въ конспиративной квартирѣ, въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, два метательныхъ снаряда, причемъ просилъ эксперта Ѳедорова объяснить ихъ устройство и дѣйствіе.

Генералъ-майоръ Ѳедоровъ. Эти снаряды были мнѣ предъявлены при дознаніи въ снаряженномъ видѣ, а теперь они разряжены и разобраны. Особое приспособленіе, посредствомъ котораго долженъ взрываться такой снарядъ, состоитъ въ томъ, что внутри его были помѣщены двѣ латунныя трубки—одна вертикальная, другая горизонтальная. Въ каждую трубку была вставлена пробка и внутри проходила стеклянная трубочка. Внутри этихъ барабановъ на стеклянную трубочку надѣты свинцовые грузики, а чтобы они не скользили по трубкѣ, на стеклянную трубочку надѣта маленькая каучуковая трубочка. Стеклянная трубочка была наполнена сѣрной кислотой, и при бросаніи снаряда она непремѣнно бы разбилась. Поверхность стеклянной трубочки была обмотана фитилемъ, напудреннымъ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара. Эта смѣсь загорается, если на нее пролить крѣпкой сѣрной кислоты. Отъ этихъ трубочекъ и барабановъ шли два фитиля, которые потомъ соединялись въ одинъ фитиль. Это были хлопчатобумажныя нитки, напудренныя тоже смѣсью изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Помѣщались онѣ внутри каучуковой трубочки. Наконецъ общій фитиль шелъ къ капсюлю, который входилъ въ цилиндрикъ, и здѣсь была маленькая трубочка. Цилиндрикъ былъ наполненъ пироксилиномъ, а капсюль устроенъ такимъ образомъ: самая нижняя его часть была наполнена гре-

мучею ртутью, а въ верхнюю его часть была вставлена латунная трубочка безъ дна и вмѣсто дна была вставлена пробка изъ крѣпкаго, твердаго дерева. Сверху дна былъ составъ, который, главнѣйшимъ образомъ, заключалъ въ себѣ желѣзисто-синеродистый свинецъ и бертолетовую соль. Снарядъ дѣйствовалъ такимъ образомъ: при паденіи снаряда ломалась стеклянная трубочка. Если она упадетъ вертикально, то ломалась вертикальная трубочка, если-же горизонтально, то ломалась-бы горизонтальная трубочка. Сѣрная кислота пришлась-бы на смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и появился-бы огонь. Этотъ огонь передавался-бы капсюлю и сначала загорѣлся-бы составъ изъ бертолетовой соли съ желѣзисто-синеродистымъ свинцомъ. Отъ этого взрыва пробка ударилась-бы въ гремучую ртуть, дѣлался-бы взрывъ гремучей ртути и взрывался-бы цилиндрикъ, наполненный пироксилиномъ, пропитаннымъ нитроглицериномъ, а затѣмъ произошелъ-бы взрывъ гремучаго студня съ камфорою. Оба эти снаряда одинаковаго устройства.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, эти два снаряда были найдены у васъ въ квартирѣ, по Тележной улицѣ?

Подс. Гельфманъ. Да, они были у насъ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, вы получили снарядъ такой-же, какъ эти два?

Подс. Рысаковъ. Да, такой-же формы былъ.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ, эти снаряды вами изготовлялись?

Подс. Кибальчичъ. Да, я участвовалъ въ ихъ изготовленіи: я просилъ-бы г. эксперта опредѣлить: какой радіусъ сферы разрушенія долженъ былъ произойти

отъ такого количества тремучаго студня, какое тутъ должно заключаться?

Первоприс. Съ какою цѣлью вы дѣлаете этотъ вопросъ?

Подс. Кибальчичъ. Онъ имѣетъ практическое значеніе. Впослѣдствіи, когда я буду говорить о зарядѣ динамита въ минѣ на Малой Садовой...

Первоприс. Тогда сторонамъ и будетъ предоставлено право предлагать вопросы.

Тов. прок. Я желалъ-бы теперь обратиться съ вопросомъ къ экспертамъ гг. Лисовскому и Шахъ-Назарову. Вы, гг. эксперты, кажется, осматривали жестяные остатки, найденные на Екатерининскомъ каналѣ, и признали, что эти остатки указываютъ на жестяную оболочку брошенныхъ снарядовъ?

Свид. Лисовскій и Шахъ-Назаровъ. Да. В. Остатки, вами разсмотрѣнные, оказываются тождественными съ этими?— О. Совершенно.—В. Такъ что можно предположить, что разорвавшіеся на Екатерининскомъ каналѣ снаряды имѣли такую-же оболочку и были такого-же вида, какъ и эти?— О. Да.—В. Можете-ли вы по этимъ остаткамъ сдѣлать дальнѣйшее заключеніе о тождествѣ тѣхъ снарядовъ съ этими?—О. Трудно сдѣлать.—В. Но оболочка была такая-же жестяная?—О. Да.

Тов. прок. Затѣмъ я просилъ-бы эксперта г. Ѳедорова разъяснить слѣдующее. Вы изволили сказать, что въ этомъ метательномъ снарядѣ были устроены двѣ одинаковыя трубочки, но только въ разномъ направленіи.

Экспертъ Ѳедоровъ. Да, одна въ горизонтальномъ, другая въ вертикальномъ, одна длиннѣе, другая короче.—В. Такъ что устройство этихъ трубочекъ обезпечивало разрывъ снаряда, въ какомъ-бы направле-

пін онъ ни узналъ?— О. Да.— В. Слѣдовательно, собственно говоря, это былъ двойной аппаратъ?—О. Да.— В. Судя по тому, какъ сдѣлана эта жестянка, т. е. оболочка снаряда, нельзя-ли вывести предположеніе, что оболочка была уже готовая?—О. Я думаю, что она была готовая, потому что хорошо сдѣлана.—В А внутреннее устройство не указываетъ-ли на ручную работу?—О. Оно плохо сдѣлано, такъ что можно навѣрно сказать, что это ручная домашняя работа. —В. Съ точки зрѣнія науки техники, какое вы можете дать заключеніе объ этихъ снарядахъ? Извѣстенъ-ли вамъ въ наукѣ такой типъ метательныхъ, взрывчатыхъ снарядовъ, или это совершенно новый типъ, котораго до сихъ поръ вы еще не видѣли и о которомъ не читали въ научныхъ сочиненіяхъ?—О. Эти трубочки съ сѣрною кислотой и соединеніе ихъ съ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара употребляются на практикѣ, и извѣстно, что отъ разрыва трубочки съ сѣрной кислотой эта смѣсь воспламеняется. По собственно о такомъ аппаратѣ, гдѣ сдѣлано такое приспособленіе, что отъ гремучей ртути взрывается пироксилинъ, пропитанный нитроглицериномъ, и затѣмъ гремучій студень съ камфорой, я еще не слышалъ.—В. Всѣ эти приспособленія, сдѣланныя въ снарядѣ, достаточно-ли обезпечивали взрывъ? Можно-ли предположить, что все-таки взрывъ могъ-бы не произойти или-же приспособленія были таковы, что взрывъ былъ-бы неминуемъ?—О. Я думаю, что эти снаряды нельзя долго сохранять. Они не обезпечены отъ сырости. Если-бы смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и сахаромъ пролежала нѣсколько мѣсяцевъ, то она не взорвалась-бы. По самое соединеніе было такого рода, что оно обезпечивало взрывъ.— В. Имѣя уже взрывчатые составы,

могъ-ли одинъ человѣкъ устроить эти снаряды безъ помощника?—О. Да, могъ и безъ помощника.—В. Предполагая все это заранѣе приготовленнымъ, сколько времени потребовалось-бы, чтобы собрать и снарядить этотъ снарядъ?—О. Можно скоро сдѣлать: можно одному человѣку сдѣлать 4 снаряда въ ночь.—В. А изготовить все въ одну ночь немыслимо? – О. Это очень трудно сдѣлать: трудно приготовить гремучій студень.—В. Домашними средствами его нельзя приготовить?—Это сопряжено съ большой опасностью.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. Этотъ составъ извѣстенъ только недавно, такъ что онъ, вѣроятно, былъ привезенъ, очень можетъ быть, изъ-за границы. Я не думаю, чтобы онъ былъ приготовленъ здѣсь.

Эксп. Осдоровъ. Я того-же мнѣнія; для приготовленія его нужны большія приспособленія; нужно имѣть маленькую лабораторію.

Тов. прок. А въ квартирѣ при одной домашней печкѣ можно приготовить гремучій студень?

Эксп. Ѳедоровъ. Трудно.

Прис. пов. Герардъ. Въ чемъ вы видите затрудненіе при приготовленіи гремучаго студня домашнимъ образомъ?

Эксп. Ѳедоровъ. Нитроглицеринъ легко приготовить, но довольно трудно получить гремучій студень: довольно затруднительно растворить пироксилинъ въ нитроглицеринѣ,—это требуетъ много времени и большого умѣнья.—В. Но требуются-ли при этомъ особенныя приспособленія, какія-нибудь реторты и т. п.?—О. Нужно сперва кипятокъ нагрѣть, поставить на него чашку, взять нитроглицеринъ и растворить въ немъ пироксилинъ, или-же прямо, предварительно, растворить его въ эфирѣ.

Под. Кибальчичъ. Я долженъ возразить противъ мнѣнія экспертизы о томъ, что гремучій студень заграничнаго приготовленія. Онъ сдѣланъ нами. Относительно приготовленія его есть указанія въ русской литературѣ, помимо иностранной. Такъ, я могу указать на «Артиллерійскій Журналъ» 1878 г. (августовская книжка), гдѣ очевидецъ, бывшій въ лабораторіи у Побеля, видѣлъ приготовленіе гремучаго студня и подробно описалъ. Приготовленіе его не представляетъ опасности. Вообще, приготовленіе нитроглицерина, динамита, если оно ведется человѣкомъ, знающимъ дѣло, представляетъ меньшую опасность, чѣмъ приготовленіе пороха, и сколько ни было приготовляемо динамита домашнимъ образомъ, взрыва никогда не было. Затѣмъ, приготовленіе его не представляетъ особенныхъ затрудненій и можетъ быть сдѣлано домашнимъ способомъ. Приготовленіе нитроглицерина, какъ говорятъ и эксперты, не трудно. Остается приготовленіе растворимаго пироксилина, что можетъ быть легко сдѣлано, а для того, чтобы растворить нитроглицеринъ въ пироксилинѣ, нужна только теплая вода, которую можно нагрѣвать въ самоварѣ или въ печкѣ.

Первоприс. Этотъ метательный снарядъ устроенъ такимъ образомъ, что отъ удара искра передается отъ одной части въ другую, потомъ въ третью, но дѣйствіе снаряда отъ этихъ передачъ не должно было замедлиться?

Экспертъ Ѳедоровъ. Нѣтъ, стопинъ— это быстро горящее вещество.—В. Т. е., въ одинъ-ли моментъ при ударѣ снаряда о твердое тѣло могъ послѣдовать взрывъ снаряда?- О. Мгновенно, безъ всякихъ промежутковъ.

Тов. прок. Возвращаясь къ вопросу, возбужденному подсудимымъ Кибальчичемъ, я прошу дать заключеніе, хотя приблизительное, о кругѣ дѣйствія такого метатель-

наго снаряда. Предположимъ, что на улицѣ брошенъ одинъ метательный снарядъ, какой будетъ максимальный кругъ дѣйствія?

Эксп. Ѳедоровъ. Небольшой.

Эксп. Лисовскій. Трудно опредѣлить.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. По моему мнѣнію, это тоже очень трудно опредѣлить. Кругъ дѣйствія взрыва бываетъ различный.

Прис. пов. Герардъ. Не можете-ли вы, хотя приблизительно, сказать, какой районъ смертельнаго пораженія будетъ отъ такого снаряда?

Эксп. Лисовскій. Особенно великъ не можетъ быть. В. Это очень условно? Скажите хотя приблизительно. — О. Нѣсколько саженъ. — В. Это кругъ смертельнаго пораженія? Такъ-ли это?

Эксп. Ѳедоровъ. На сажень, навѣрно, будетъ смертельное пораженіе.

Прис. пов. Герардъ. Но на дальнѣйшее разстояніе происходитъ только сотрясеніе воздуха, которое не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, можетъ только, напр., стекла разбить, но костей человѣка переломить не можетъ.

Эксп. Ѳедоровъ. Я знаю изъ опыта такой случай, что разъ разорвался капсюль съ пироксилиномъ, которо было фунтовъ 15, и при этомъ капсюль отлетѣлъ саженъ на 10 и раплъ. — В. Но это случайность, и произошла отъ того, что капсюль полетѣлъ, а какое обыкновенно бываетъ дѣйствіе? — О. На сажень. — В. Смертельное пораженіе отъ дѣйствія этого снаряда бываетъ не потому, что чѣмъ нибудь ударитъ, а вслѣдствіе самаго взрыва? — О. Да. — В. Слѣдовательно, напоръ газовъ производитъ пораженіе? — О. На сажень будетъ, навѣрно, смертельное пораженіе.

Тов. прок. Для разъясненія этого вопроса я должепъ обратить вниманіе на то, что мы имѣемъ слѣдующія данныя относительно фактическихъ послѣдствій: при взрывѣ 1-го марта было ранено 20 человѣкъ, изъ которыхъ трое умерло.

Подс. Кибильчичъ. По поводу этого заявленія, я долженъ сказать слѣдующее. Первый взрывъ произвелъ очень небольшое разрушеніе. Большинство было ранено при второмъ взрывѣ. Относительно сферы разрушенія тутъ, конечно, не можетъ быть точнаго вычисленія, но по моимъ вычисленіямъ и соображеніямъ, она сходится съ тѣми данными, которыя даетъ экспертъ Ѳедоровъ, а именно радіусъ сферы разрушенія около 1-й сажени, но никакъ не больше. Если при второмъ взрывѣ было такъ много раненыхъ, то это произошло отъ того, что около государя толпился народъ на очень близкомъ разстояніи, такъ что снарядъ попалъ, такъ сказать, въ самую толпу, и этимъ объясняется значительное число раненыхъ. Во всякомъ случаѣ, громадное большинство этихъ раненыхъ очень легко ранено и получили самыя незначительныя раны.

Тов. пров. Я замѣчу только, что послѣднее особому присутствію неизвѣстно. Напротивъ того, особоеприсутствіе имѣетъ въ дѣлѣ и вчера имѣло доказательства противнаго.

Затѣмъ экспертамъ было предложено осмотрѣть вещественныя доказательства, отобранныя при обыскѣ въ Тележной улицѣ. Въ числѣ ихъ находились: фарфоровая ступка, стеклянные шарики, небольшая деревянная призма и др.

Первоприс. (къ экспертамъ). Объясните намъ значеніе всѣхъ этихъ предметовъ, для какой цѣли они служили?

Экск. Ѳеодоровъ. Въ этой стукѣ толкли бертолетовую соль, которая была необходима при устройствѣ фитиля. Затѣмъ это вещество—парафинъ, которымъ иногда заливаются взрывчатые составы, напр., черный динамитъ, чтобы онъ не сырѣлъ. Въ этихъ маленькихъ царикахъ и трубочкахъ была сѣрная кислота, такъ что можно предполагать, что дѣлались какіе-нибудь опыты, пробовалось, какимъ образомъ будетъ загораться смѣсь изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Вообще, всѣ эти предметы указываютъ на то, что, вѣроятно, предварительно дѣлались опыты. Эта деревянная призма есть, вѣроятно, модель метательнаго снаряда. Затѣмъ, здѣсь, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, я вижу желтый кали, который могъ служить для приготовленія желѣзисто-синеродистаго свинца, и азотно-кислый амміакъ, который, между прочимъ, употребляется для приготовленія динамита.

Тов. прок. Всѣ эти предметы, которые вы обозрѣли, не указываютъ-ли на то, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, найденные въ одномъ мѣстѣ, служили не для снаряженія этихъ снарядовъ, не для окончательнаго приготовленія, а для опытовъ?

Экс. Ѳедоровъ. Да, для опытовъ.—В. Такъ что, если-бы дѣлалось объясненіе о составѣ снарядовъ, то всѣ они имѣли-бы значеніе?—О. Да. —В. Затѣмъ вамъ была предъявлена записка о смѣси бертолетовой соли и сахара. Какая эта смѣсь? О. Это какъ-разъ та смѣсь, которая воспламеняется отъ сѣрной кислоты.—В. Т.-е. смѣсь, которая входила въ составъ метательнаго снаряда? О. Да, тамъ означено и количество смѣси.

Прис. пов. Герардъ. Я долженъ передать заявленіе подсудимаго Кибальчича, что эта деревянная призма,

которую считаютъ моделью, по его объясненію, совершенно никакого значенія не имѣла.

Тов. прок. Я прошу предъявить гг. экспертамъ рисунокъ карандашемъ на оборотѣ транспаранта и спросить ихъ, что онъ собою представляетъ и на что указываетъ.

Экс. Ѳедоровъ. (по обозрѣніи рисунка). Мое мнѣніе, что это какой-то аппаратъ для производства взрыва, для производства гальваническаго тока, по какой именно, этого сказать нельзя.

Экс. Лисовскій и Шахъ-Назаровъ присоединились къ заключенію г. Ѳедорова.

Затѣмъ къ столу вещественныхъ доказательствъ были приглашены эксперты: архитекторъ Рылло, землемѣръ Свиринъ и инженеръ капитанъ Смирновъ.

По просьбѣ товарища прокурора, имъ были предъявлены два плана, найденные при обыскѣ конспиративной квартиры въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, и предложено дать заключеніе о томъ, что представляютъ собою эти планы.

Эксперты объяснили, что одинъ изъ этихъ плановъ есть планъ г. Петербурга а другой планъ, на которомъ нѣтъ никакихъ надписей и который сдѣланъ отъ руки, карандашемъ, безъ соблюденія масштаба, представляетъ, какъ можно предполагать, одну изъ мѣстностей Петербурга, граничащую, съ одной стороны, Невскимъ проспектомъ, съ присоединеніемъ площади, на которомъ находится Екатерининскій скверъ и памятникъ. Затѣмъ на этомъ планѣ показаны: ул. Караванная, Мал. Садовая, Больш. Садовая, Михайловская и Екатерининскій каналъ; вмѣстѣ съ этимъ, проведена Больш. Итальянская до Михайловской площади, а дальше она уже не показана.

Тов. прок. Можете-ли вы, гг. эксперты, сказать, что сдѣланный здѣсь кругъ представляетъ то мѣсто, гдѣ долженъ быть Екатерининскій скверъ.—О. Да.— В. Затѣмъ этотъ кругъ (указываетъ на планъ посрединѣ) не представляетъ ли собою Михайловскаго сквера?—О. Да— В. Этотъ полукругъ соотвѣтствуетъ Михайловскому дворцу?—О. Да. — В. Эта линія, идущая подъ тупымъ угломъ, не есть-ли линія манежа?—О. Да. В. А этотъ четырехугольный знакъ обозначаетъ, можетъ быть манежъ?—О. Да.—В. Затѣмъ здѣсь Екатерининскій каналъ?—О. Да. —В. Усматриваете-ли вы тутъ тоненькую карандашную линію и допускаете-ли, что это Невскій проспектъ? —О. Да.—В. Она проходитъ мимо Екатерининскаго сквера и поворачиваетъ на Мал. Садовую?— О. Да. — В. Что вы видите здѣсь по срединѣ Мал. Садовой? О. Кругъ и точки.—В. Затѣмъ вы видите черныя точки въ кругу, обозначающія Екатерининскій скверъ? О. Да, есть.—В. Видите-ли вы точку, соотвѣтствующую углу Мал. Садовой и Больш. Итальянской наискось манежа?—О. Да.—В. Затѣмъ имѣется кругъ на Манежной площади —это скверъ? О. Да. В. Затѣмъ идетъ линія отъ начала Больш. Итальянской: куда она идетъ дальше? О. Къ Михайловскому скверу.—В. Далѣе она заворачиваетъ ко дворцу, доходитъ до дворца, отъ дворца идетъ другая линія по направленію къ Екатерининскому каналу, заворачиваетъ направо и здѣсь исчезаетъ, причемъ въ этомъ мѣстѣ имѣются точки?—О. Да. — В. Затѣмъ, на другомъ планѣ, на планѣ г. Петербурга, не видите-ли вы тоненькихъ карандашныхъ отмѣтокъ, едва замѣтныхъ съ помощью лупы? О. Мы ихъ разсматривали и описали ихъ.—В. Есть-ли линія на зданіи Зимняго дворца?—О. Здѣсь есть какъ будто-бы кругъ, по

только неправильный. — В. Видите-ли вы слабую карандашную линію отъ зданія Михайловскаго манежа, идущую по Инженерной ул., по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу? О. Да, есть.

Первоприс. Подсудимая Перовская, этотъ планъ на конвертѣ есть тотъ планъ, который былъ въ квартирѣ № 5-й и по которому вы объясняли?

Под. Перовская. Да, это тотъ планъ. Только относительно точекъ я должна заявить, что онѣ не имѣютъ никакого значенія. Такъ какъ этотъ планъ сдѣланъ отъ руки, грубо и совершенно неаккуратно, то при черченіи были сдѣланы нѣкоторыя черты, которыя не имѣютъ никакого значенія. В. Что означаютъ кружки на этомъ планѣ?—О. Одинъ кружокъ означаетъ Екатерининскій скверъ, другой Михайловскій скверъ, находящійся на Манежной площади.—В. Но тамъ есть извѣстныя замѣтки, не желаете-ли вы ихъ объяснить?—О. Онѣ точно также не имѣютъ никакого значенія.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, этотъ планъ находился въ вашей квартирѣ?

Подс. Гельфманъ. Да.—В. Кому онъ принадлежалъ? О. Не знаю... Его кто-то оставилъ. В. Когда?— О. За нѣсколько дней до 1-го марта.—В. Задолго? —О. Нѣтъ. В. Вы ничего не желаете объяснить о немъ?—О. Нѣтъ, я только видѣла его на окнѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, когда вы были, 1-го марта, на квартирѣ въ Телѣжной ул., то Перовская объясняла вамъ по плану?

Подс. Рысаковъ. Да, по плану, который нарисовалъ по конверту. Точки здѣсь, дѣйствительно не имѣютъ никакого значенія. Большой планъ принадлежитъ мнѣ. Я принесъ его дня три. Такъ какъ я зналъ, что

будетъ объясняться мѣсто, гдѣ можетъ произойти взрывъ, то я и принесъ его. Раньше онъ былъ у меня безъ этой цѣли.—В. Что означаютъ на планѣ линіи? Вы ихъ сдѣлали?—О Нѣтъ, не я; я даже не знаю, что онѣ значатъ. —В. Вы купили этотъ планъ? О. Да!—В. Слѣдовательно, купили новый? О. Да, новый, но давно. Кажется, еще въ прошломъ году. —В. А когда вы принесли его въ квартиру на Телѣжной улицѣ?—О. Кажется, въ субботу.

Под. Желябовъ. Этотъ планъ принесенъ на квартиру Гельфманъ Рысаковымъ, если не ошибаюсь, во вторникъ. Тѣ черты, которыя сдѣланы на планѣ, проведены моею рукою, а что онѣ означаютъ я объяснить не желаю.

Затѣмъ, по просьбѣ прокурора, была прочитана записка слѣдующаго содержанія: «паши еще на мѣстѣ. Здѣсь слѣдили за каждымъ поѣздомъ. Придуманъ очень удачный способъ сношеній и есть нужные для этого люди. Я остаюсь здѣсь ждать денегъ. Посылать телеграмму къ Жерому. Изъ Нижняго получилъ телеграмму, что Анна выздоровѣла, значитъ, деньги добытыя посылайте какъ можно скорѣй. Вы, С. А., выѣзжайте сейчасъ-же по полученіи этого письма. Берите съ собой рев. пат. к., хорошо-бы 3 рев. 3 б. Если не найдено еще людей для дѣйствія силою, то передайте эти хлопоты А. М. Заѣзжайте сначала сюда, здѣсь узнаете, куда дальше. Володя очень энергичный человѣкъ. Дѣло пошло какъ по маслу, нужна будетъ женщина-еврейка для исполненія ситной роли. Попросите отъ меня Гесю, не возьмется-ли она за это. Если нѣтъ, то пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ. Достаньте 3 —4 чиновничьихъ мужскихъ паспорта, мѣщанскіе сдѣлаютъ здѣсь. Привезите хотя

одну печ. мѣщанскаго старосты. Все это устройте черезъ Геско. Деньги у меня всѣ вышли уже. Буду писать пока на этотъ адресъ. Пусть братъ П. возметъ вещи изъ багажа и кто-нибудь привезетъ съ собою сюда».

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, вамъ извѣстна, эта записка?

Подс. Гельфманъ. Да.—В. Она была писана не на ваше имя?—О. Нѣтъ—В. Не желаете-ли сказать на чье?—О. Нѣтъ, не желаю сказать.—В. Въ ней говорится о васъ. Что вы можете сказать по этому поводу?—О. Никакихъ объясненій давать не желаю.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, что вамъ извѣстно по поводу этой записки?

Подс. Рысаковъ. Содержаніе этой записки я слышу только здѣсь въ первый разъ.

Подс. Желябовъ. Я тоже ничего не могу объяснить по этому поводу.

Введенъ свидѣтель Аоанасьевъ, дворникъ дома № 18-й, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка.

Первоприс. Въ вашемъ домѣ жили Войнова и Слатвинскій?

Свид. Аоанасьевъ. Да, дѣйствительно они жили; жили они скромно, ничего за ними замѣтно не было.

Товар. прок. Когда они къ вамъ переѣхали?

Свид. Аоанасьевъ. Сначала переѣхала Войнова съ Сиповичъ...

Прок. Посмотрите на подсудимыхъ. Узнаете-ли въ комъ-нибудь изъ нихъ Войнову?

Свид. Аѳанасьевъ (указывая на Перовскую). Вотъ эта. Потомъ Сиповичъ уѣхала на должность въ Оранiенбаумъ, т. е. такъ отмѣтилась: потомъ пріѣхалъ братъ ея, Николай Ивановъ Слатвинскій.—В. Кто-же

вамъ говорилъ, что это ея братъ? —О. Войнова говорила.— В. Не признаете-ли вы его въ числѣ подсудимыхъ? О. (указывая на Желябова). Вотъ этотъ. Какъ Сиповичъ уѣхала, такъ Слатвинскій переѣхалъ. В. Когда это было? О. Въ октябрѣ мѣсяцѣ. —В. Долго они жили? — О. Отъ октября до первой недѣли поста. В. Большая у нихъ была квартира? —О. Двѣ комнаты и кухня. — В. Часто они уходили изъ дома или все дома сидѣли? —О. Каждый день уходили, и порознь, и вмѣстѣ—В. Ночевали дома, или часто бывало, что не ночевали? —О. Не знаю. Замѣчалъ, что приходили иногда въ 10, иногда въ 11, 12 часовъ вечера. —В. Ходили къ нимъ гости? О. Не замѣчалъ.—В. Письма получали? —О. Нѣтъ, не получали.—В. Прислугу они держали? — О. Нѣтъ. В. Кто-же ходилъ за провизіей и кушанье готовилъ? — О. Она сама.

Свид. Аѳанасьева. Я знаю только, что Войнова и Слатвинскій жили въ нашемъ домѣ по 1-й ротѣ, гдѣ у насъ табачная лавочка, и приходили къ намъ покупать, но очень рѣдко.

Тов. прок. Посмотрите на подсудимыхъ и скажите, не узнаете-ли въ комъ-нибудь изъ нихъ Войнову?

Свид. Аѳанасьева. Да, узнаю: вотъ эта (указываетъ на подсудимую Перовскую). —В. Когда она приходила къ вамъ въ послѣдній разъ?—Свид. Аѳанасьева. Въ субботу, 28-го, днемъ, часа въ 4 или раньше.—В. Она пришла къ вамъ съ наружнаго входа? О. Нѣтъ, съ внутренняго, съ чернаго.—В. Куда ведетъ наружный входъ? —О. На первую роту.—В. А черный ходъ во дворъ? О. Во дворъ. В. Можно изъ квартиры, занимаемой Войновой, выйти во дворъ, не проходя на улицу, и войти въ лавочку? — О. Можно. —В. Что она у васъ

покупала въ первый разъ? - О. Три аршина коленкору: говорила, что нужно для шитья платья. - —В. Больше она къ вамъ уже не приходила? - О. Нѣтъ, приходила въ 9-мъ или 10-мъ часу. —В. И тоже черезъ черный ходъ? - О. Да.— В. Что-же она купила?—О. Шесть аршинъ тесьмы сѣрой, сказала, что для платья. - В. Она ушла также черезъ черный ходъ? — О. Нѣтъ, она ушла черезъ парадный ходъ на улицу и была одѣта такъ, какъ выходятъ на улицу.

Свид. Нѣтушковъ (дворникъ дома № 18-й, по 1-й ротѣ). Жила у насъ Войнова съ іюля мѣсяца, съ товаркою своею. Потомъ товарка выбыла, въ октябрѣ пріѣхалъ, подъ названіемъ брата ея, Николай Ивановъ Слатвинскій.

Первоприс. Вы узнаете ихъ въ числѣ подсудимыхъ?

Свид. Нѣтушковъ. Да, вотъ они (указываетъ на подсудимыхъ Жолобова и Перовскую).

Тов. прок. Какую они вели жизнь?

Свид. Нѣтушковъ. Выходили часто, уходили въ 5-мъ часу, являлись обратно въ 11-мъ часу, а утромъ она сама стряпала.—В. 1-го марта, когда полиція явилась производить обыскъ, она дома была?—О. Нѣтъ, 1-го марта ея не было. Квартира была заперта. В. Когда-же она ушла? О. Не могу знать. Она прошла съ своимъ братомъ Слатвинскимъ въ пятницу, 27-го, около 5-ти часовъ, а явилась одна около 9-ти часовъ вечера. Въ субботу, когда полиція велѣла освидѣтельствовать квартиры, нѣтъ-ли кого-нибудь отлучившагося, кто не ночевалъ дома, то мы вошли въ ихъ квартиру, звонили, но никто намъ не отвѣчалъ. Тогда я заявилъ объ этомъ полиціи. Полиція сказала, чтобы дали знать, не явится-

ли кто-нибудь. Впослѣдствіи времени она явилась домой въ 2 часа дня въ субботу. Я заявилъ, что она пришла. Послали меня узнать, не пришелъ-ли и Слатвинскій. Я прихожу къ ней, говорю, что вотъ листки выданы, нужно написать, кто чѣмъ занимается. Она отвѣчаетъ, что братца ея нѣтъ дома, что онъ на службѣ. Я говорю, что вотъ когда они придутъ, то заявите, что вотъ требуютъ написать, гдѣ они служатъ. Она говоритъ: «хорошо». Потомъ, вечеромъ, въ субботу, она опять ушла и явилась обратно около 9—10 часовъ. В. Съ субботы на воскресенье она ночевала дома? О. Не могу подтвердить этого.

Подс. Желябовъ. Въ которомъ часу въ пятницу вышелъ я вмѣстѣ съ Войновой изъ дому? Мы васъ встрѣтили въ воротахъ. Припомните часъ поточнѣе.

Свид. Нѣтуновъ. Надо полагать, что вы вышли въ исходѣ 4-го часа или въ началѣ 5-го.

Тов. прок. Не желаютъ-ли подсудимые Желябовъ и Перовская объяснить, кто такая была Сповичъ, жившая вмѣстѣ съ Перовской?

Подс. Желябовъ. Я не желаю.

Подс. Перовская. Я тоже.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Перовской и Желябова, въ домѣ № 18-й, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ числѣ которыхъ находятся пять жестянокъ изъ подъ конфектъ и сахара.

Приглашены вновь эксперты: гг. Ѳедоровъ, Лисовскій и Шахъ-Назаровъ.

Первоприс. Вамъ были предъявлены эти жестянки?

Эксп. Ѳедоровъ. Да. В. Что вы въ нихъ нашли?—О. Въ трехъ жестянкахъ отъ конфектъ были остатки

чернаго динамита, въ жестянкѣ отъ сахара тоже былъ динамитъ.—В. Если-бы всѣ эти жестянки были полны, то какое количество должно было быть въ нихъ динамита?—О. Приблизительно въ каждой изъ нихъ по 15-ти фунтовъ, слѣдовательно, всего фунтовъ 60.

Тов. прок. А если предположить, что и пятая жестянка была наполнена, то выйдетъ около 2-хъ пудовъ?

Эксп. Ѳедоровъ. Да. -В. Вы не можете сказать, какое количество динамита было въ минѣ на Малой Садовой?—О. Около 2-хъ пудовъ.—В. Вамъ были предъявлены двѣ каучуковыя трубки (найденныя у Перовской). Для чего онѣ могутъ служить? -О. Онѣ похожи на тѣ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ.—В. Приготовленіе чернаго динамита представляетъ-ли трудность?—О. Нѣтъ, не представляетъ. Его можно приготовить и домашнимъ способомъ. Онъ состоитъ изъ 6% угля, 17—20% нитроглицерина, а остальное количество—азотно-кислый амміакъ.—В. Для чего употребляется черный динамитъ? О. Это есть пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, такъ что онъ имѣетъ свойства и пороха, и динамита и служитъ для взрыва. —В. Вы дѣлали опытъ взрыва черно динамита? О. Да, я взялъ четырехъ-фунтовую гранату, сверху была положена гильза, наполненная ½ фунтомъ чернаго динамита. Посредствомъ гальваническаго приспособленія было сдѣлано воспламенѣніе, и эту гранату совершенно разбило въ мелкіе куски.

Прокуроръ. Подсудимый Желябовъ, не желаете-ли дать объясненіе?

Подс. Желябовъ. Эти жестянки, какъ и другія вещи, отобранныя на моей квартирѣ, составляютъ нашу общественную собственность и были въ распоряженіи моемъ и Перовской для надобностей партіи.

Первоприс. Для чего служать эти трубки?

Подс. Желябовъ. Болѣе подробныхъ объясненій я давать не желаю.

Тов. прок. Гг. эксперты, вы говорите, что эти каучуковыя трубочки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ?

Эксп. Ѳедоровъ. Да, онѣ похожи.

Тов. прок. Я прошу обратить вниманіе особаго присутствія, что двѣ такія трубочки были найдены у Желябова, а другія были въ метательныхъ снарядахъ.

Подс. Кибальчичъ. Я хотѣлъ спросить эксперта, г. Ѳедорова. Вы дѣлали опыть съ 4-хъ фунтовою гранатою, причемъ граната была разорвана на куски: отлетѣли-ли эти куски въ сторону, или они остались на мѣстѣ?

Эксп. Ѳедоровъ. Остались на мѣстѣ. —В. Такъ что метательнаго дѣйствія этотъ динамитъ не обнаружилъ? -О. Но вѣдь онъ лежалъ сверху гранаты. Слѣдовательно, тутъ его и не могло быть... —В. Но если-бы онъ обнаружилъ метательное дѣйствіе, то куски гранаты попали-бы глубоко въ землю, это было-бы замѣтно? — О. Была-бы воронка.—В. Имѣетъ-ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе?—О. Это пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, и дѣйствуетъ какъ порохъ.—В. Но вѣдь метательное дѣйствіе имѣетъ только медленно горящая смѣсь, но быстро горящая имѣетъ слабое метательное дѣйствіе. Такъ какъ это есть быстро горящая смѣсь, то качество пороха теряется... О. Все-таки тутъ порохъ. В. Наконецъ, здѣсь не тѣ составныя части, которыя входятъ въ порохъ...—О. Этотъ динамитъ считается весьма хорошимъ при земляныхъ работахъ; онъ имѣетъ и свойства пороха и динамита.

В. Мнѣ кажется, что свойства пороха въ немъ теряются: мнѣ важно выяснить, имѣетъ-ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе? —О. Онъ будетъ имѣть большее метательное дѣйствіе, нежели другіе сорты динамита, напримѣръ, кремнистый динамитъ или гремучій студень. — В. А. мѣсто разрушенія какое будетъ? О. Дѣйствіе его будетъ слабѣе, нежели другихъ сортовъ динамита. Нужно различать и самую сферу дѣйствія. При черномъ динамитѣ сфера дѣйствія больше, а при другихъ, напр., при кремнистомъ, мѣсто дѣйствія будетъ сильнѣе. В. Но въ сферѣ дѣйствія чернаго динамита разрушеніе будетъ сравнительно меньшее, чѣмъ въ сферѣ дѣйствія кремнистаго динамита? —О. На маленькомъ пространствѣ онъ будетъ очень сильно дѣйствовать. — В. Вы полагаете, что этотъ динамитъ обладаетъ сильнымъ метательнымъ дѣйствіемъ?—О. Не сильнымъ, но онъ сильнѣе, нежели другіе сорты динамита.

Экспертъ Лисовскій и Шахъ-Назаровъ заявили, что они присоединяются къ заключенію г. Федорова.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія, спрошенъ свидѣтель Широковъ (околодочный надзиратель 1-го уч. Нарвской части), который показалъ: 28-го февраля, когда скрылась Войнова, приставъ поручилъ мнѣ розыскъ ея. Такъ какъ приметы ея не были хорошо извѣстны, то сначала мнѣ было трудно искать ее, но затѣмъ, 9-го марта, я узналъ, что въ томъ домѣ, гдѣ жила Войнова, есть сливочная лавка, гдѣ она покупала товаръ, и жившая тамъ женщина хорошо знала ее въ лицо; я ѣздилъ съ этой женщиной по многолюдным улицамъ, и случайно, на Невскомъ проспектѣ, мы встрѣтили Войнову.

Я соскочилъ съ извощика, подбѣжалъ къ ней, вскочилъ къ ней на дрожки и взялъ ее за руки, такъ какъ опасался, что при ней могло быть оружіе, и такимъ образомъ доставилъ ее въ участокъ.

На вопросы тов. прокурора свидѣтель показалъ, что, когда онъ задержалъ Бойнову, она предлагала ему 30 руб., чтобы онъ ее отпустилъ, но денегъ ему не показывала, потому что онъ держалъ ее за руки.

Свид. крест. Афанасьева показала, что у нея на квартирѣ по Новой улицѣ, въ домѣ № 14-й, проживалъ Кобозевъ съ женой.

Тов. прок. Вы бывали у нихъ въ помѣщеніи?

Свид. Афанасьева. Бывала. —В. Кто бывалъ у нихъ еще изъ вашей семьи? — О. Прислуга и старшая дочь.— В. Не случалось-ли вамъ замѣчать или слышать отъ старшей дочери, что на столѣ оказывались сторублевыя бумажки, когда Кобозевыхъ не было дома? — О. Я сама видѣла и говорила имъ, чтобы они были осторожнѣй, потому что я не могу поручиться за прислугу. — В. Когда они къ вамъ переѣхали — О. Около новаго года.

Свид. крест. Самойловъ (старшій дворникъ дома гр. Менгденъ) показалъ: Кобозевъ пріѣхалъ 2-го января. Торговля у него шла плохо. Въ послѣднее время мы стали его подозрѣвать, такъ какъ 27-го числа приходили неизвѣстные люди, какъ оказалось послѣ, Желябовъ, а потомъ Кобозевы скрылись 3-го числа.

На вопросы товар. прокур. свидѣтель показалъ, что Кобозевъ снялъ лавку съ 2-го декабря 1880 года, по контракту, за 100 руб. въ мѣсяцъ. Прислуги у нихъ не было. Въ магазинѣ обстановка была обыкновенная, какъ слѣдуетъ. Въ лавкѣ Кобозева свидѣтель бывалъ неоднократно; разъ онъ былъ потому, что показалась

течь, а потомъ приходилъ за паспортомъ и деньгами. Торговцы эти казались ему странными, потому что торговали плохо, а говорили, что хорошо торгуютъ.

Тов. прок. Къ Кобызевымъ въ послѣднее время приходили молодые люди?

Свидѣт. Самойловъ. Да, 27-го числа трохъ видѣлъ.—В. Не признаете-ли кого изъ подсудимыхъ?—О. (показываетъ на Желябова). Онъ приходилъ часовъ около 4-хъ, а другіе пришли послѣ того, когда я уже смѣнился.—В Онъ не закрывалъ лица, такъ что вы его разсмотрѣли?—О. Да разсмотрѣлъ.

Присяж. повѣр. Кедринъ. Не узнаете-ли, свидѣтель, въ подсудимой Перовской лицо, которое также приходило къ Кобозевымъ?

Свид. Самойловъ. Нѣтъ, а не видалъ ее.

Подс. Желябовъ. Гдѣ меня вамъ предъявляли, въ крѣпости или въ 3-мъ отдѣленіи?

Свид. Самойловъ. Въ жандармскомъ управленіи.—В. Въ чемъ тогда я былъ, въ сюртукѣ?—О. Въ сюртукѣ.—В. Какого цвѣта?—О. Черный сюртукъ: я смотрѣлъ больше на лицо.—В. На улицѣ въ чемъ вы меня видѣли?—О. Въ пальто.

Подсуд. Желябовъ. Я обращаю вниманіе на то, что, при предъявленіи меня свидѣтелю, я былъ не въ томъ костюмѣ, въ какомъ меня видѣлъ свидѣтель, т. е. не въ пальто и не въ шапкѣ. Я утверждаю, что если-бы я прошелъ мимо свидѣтеля въ одномъ костюмѣ, то почти увѣренъ, что меня свидѣтель не узналъ-бы въ другомъ костюмѣ. Такимъ образомъ, дознаніе на мой взглядъ производилось недостаточно обстоятельно. Я указываю на это потому, что это важно не только по отношенію ко мнѣ, но, напримѣръ, по отношенію къ Гимо-

ѳсю Михайлову, о которомъ я скажу послѣ. Скажите, свидѣтель, вы утверждаете, что я въ 4 часа проходилъ?

Свид. Самойловъ. Приблизительно около 4-хъ час. — В. Въ какомъ я былъ пальто?—О. Съ воротникомъ.—В. Какая шапка?—О. Барашковая, на верху складная.—В. Съ какой стороны я взошелъ?—О. Отъ Итальянской улицы и еще остановились у рѣшетки и осматривались.

Подс. Желябовъ. Я 27-го февраля не былъ въ лавкѣ Кобозевыхъ, не былъ послѣ ночи вторника на среду. Для того, чтобы опровергнуть показаніе Самойлова, я представлю кое-какія данныя. Я заявляю, что, въ числѣ другихъ лицъ, я пріѣзжалъ осматривать лавку и съ дворникомъ осматривалъ не только этотъ, но и сосѣдній подвалъ. Въ декабрѣ во дворъ гр-фа Менгденъ шла перестройка. Я пришелъ и позвонилъ. Вышелъ младшій дворникъ, и на вопросъ, отдается-ли магазинъ, онъ отвѣтилъ утвердительно, но объяснилъ при этомъ, что показать не можетъ, потому что нѣтъ стариннаго дворника. Отдѣленіе, занятое потомъ Кобозевымъ, мы осматривали подробно. Въ это время тамъ работали штукатуры. Я нанималъ это помѣщеніе подъ магазинъ осѣтительныхъ матеріаловъ. Мы съ дворникомъ толковали о цѣнѣ, но изъ осмотра я вынесъ такое заключеніе, что останавливаться на этомъ мѣстѣ не слѣдуетъ и что слѣдуетъ предпочесть метательные снаряды. Мнѣніе другихъ было иное, и оно было принято. Работа подкопа была доведена до конца, и, слѣдовательно, мое мнѣніе было ошибочно. Я ссылаюсь на это обстоятельство, чтобы представить мои соображенія относительно справедливости показаній свидѣтеля. Послѣ найма этого магазина мнѣ пріѣзжать къ Кобозеву днемъ, въ тако-

мѣсто, которое нужно было беречь, какъ свой глазъ, было невозможно. За все время, съ декабря по 28-е февраля, я днемъ ни разу даже не проходилъ по Мал. Садовой ул, Мину работали въ двѣ смѣны, и я приходилъ на смѣну только ночью, руководствуясь тѣмъ, что живу на собственной квартирѣ, слѣдовательно, моя неначевка дома не будетъ извѣстна. Убѣдительна-ли будетъ для васъ эта ссылка, или нѣтъ, я не знаю, но по этимъ соображеніямъ, днемъ я не могъ придти, да еще останавливаться у лѣстницы и осматриваться. Затѣмъ, я прошу васъ сравнить показаніе Самойлова и Пѣгушкова относительно времени. Пѣгушковъ утверждаетъ что вмѣстѣ съ Войновою, т. е. Перовской, я вышелъ изъ квартиры въ Измайловскомъ полку въ $4^1/_2$, а Самойловъ утверждаетъ, что видѣлъ меня въ 4 часа. Въ $4^1/_2$ мы, дѣйствительно, вышли съ Войновою изъ своихъ воротъ, взяли извощика и поѣхали по Большой Садовой. Около публичной библіотеки мы съ Перовской распрощались и встрѣтились лишь здѣсь на судѣ. По Большой Садовой сталъ за мной слѣдить переодѣтый сыщикъ, одинъ изъ тѣхъ, который бросился на меня въ квартирѣ Тригони, такъ что мнѣ нужно было сдѣлать отъ него нѣсколько круговъ. Затѣмъ, я отправился на нѣсколько свиданій и пришелъ къ Тригони; изъ протокола видно, что я былъ арестованъ у Тригони, въ 7 часовъ. Ошибка произошла отъ того, что предъявляютъ свидѣтелю лицо при обстоятельствахъ, совершенно новыхъ, какъ, напримѣръ, меня предъявляли Самойлову, а затѣмъ свойство русскаго человѣка стоять во что-бы то ни стало на разъ сказанномъ, поставило Самойлова въ положеніе человѣка, который подъ присягою утверждаетъ несообразность.

Первоприс. Свидѣтель, вы утверждаете, что видѣли подсудимаго въ лавкѣ Кобозева?

Свид. Самойловъ. Точно такъ.—В. Вы прежде его видѣли, когда онъ осматривалъ помѣщеніе?—О. Не могу припомнить, потому что каждый день ходятъ, а тутъ еще постройка была.

Тов. прок. Въ настоящее время, всматриваясь въ лицо подсудимаго, признаете-ли вы его за того человѣка, который приходилъ въ лавку Кобозева 27-го февраля?

Свид. Самойловъ. Признаю.—В. Затѣмъ когда вамъ предъявляли его 27-го февраля, то въ вашихъ глазахъ это былъ все тотъ-же Желябовъ?—О. Да.—В. Вамъ предъявляли его въ сюртукѣ?—О. Да.—В. И все-таки вы признали въ немъ Желябова?—О. Да.—В. И теперь признаете?—О. И теперь признаю, потому что я больше по лицу признаю.

Свид. крестьянинъ Ульяновъ (подручный дворника въ домѣ графа Менгдена) показалъ: въ первыхъ числахъ января пріѣхалъ въ лавку Кобозевъ.

Тов. прок. Ходили къ Кобозеву какіе-нибудь люди?

Свид. Ульяновъ. Ходили въ послѣднее время.—В. Замѣтили вы кого-нибудь?—О. Замѣтилъ.—В. Посмотрите на подсудимыхъ: есть кто-нибудь изъ нихъ похожій на того, котораго вы видѣли?—О. Вотъ крайній похожъ (Желябовъ), походкой и выходкой, но борода была свѣтлѣе.—В. Когда вы его видѣли?—О. Въ пятницу, часу въ шестомъ, когда онъ выходилъ отъ Кобозевыхъ. Когда онъ приходилъ—я не видалъ.

Прис. пов. Кедринъ. Видѣли вы когда-нибудь эту женщину (Перовскую)?

Свид. Ульяновъ. Нѣтъ, не видалъ, она не приходила.

Свид. Петерсонъ (управляющій домомъ графа Менгдена) показалъ, что въ 2-го декабря Кобозевъ снялъ

помѣщеніе и далъ 50 руб. задатка, а затѣмъ началъ передѣлывать магазинъ на свой счетъ. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Москву, какъ говорилъ свидѣтелю, чтобы привезти сыру. Въ началѣ января онъ заплатилъ 250 руб. Свидѣтель, замѣтивъ хорошій почеркъ Кобозева, заявилъ околодочному о подозрѣніи. Справились на родинѣ и нашли что бумаги Кобозева совершенно вѣрны.

Свид. Шмидтъ показалъ, что по заказу Кобозева дѣлалъ ему вывѣску за 35 рублей. Деньги за работу отъ Кобозева получилъ сполна.

Свид. Новиковъ (торговецъ сыромъ) показалъ, что изъ любопытства зашелъ въ лавку Кобозева и купилъ полкруга сыру 4-го февраля. За деньгами Кобозевъ зашелъ къ свидѣтелю и получилъ ихъ. Онъ показался свидѣтелю человѣкомъ «ни то, ни се», но не торговымъ.

Тов. прок. Изъ чего заключили объ этомъ?

Свид. Новиковъ. Мы судили по своему навыку. Видно было, что онъ не такой, какъ нашъ братъ-торговецъ. Я пришелъ въ свою лавку и сказалъ: ну, господа, въ этомъ торговцѣ сомнѣваться нечего, потому что онъ моей торговли вредить не можетъ.

Свид. Дмитріевъ, околодочный надзиратель 1 уч. Спасской части, показалъ: «Въ первыхъ числахъ декабря мнѣ стало извѣстно, что Кобозевъ пожелалъ открыть сливочную лавку въ домѣ гр. Менгдена. Приставъ приказалъ мнѣ разузнать объ этой личности. Получивъ его адресъ, я передалъ его приставу, который сообщилъ въ Московскую часть. Въ январѣ Кобозевъ переѣхалъ въ помѣщеніе. До 26-го февраля, по всѣмъ негласнымъ наблюденіямъ, оказывалось, что Кобозева никто изъ подозрительныхъ не посѣщалъ. 27-го вечеромъ я встрѣтилъ

на углу Садовой и Невскаго пристава, разговаривавшаго съ дворникомъ дома графа Менгдена, и тутъ я отъ пристава узналъ, что въ лавку Кобозева принесъ кто-то. Приставъ приказалъ мнѣ прослѣдить за этимъ человѣкомъ, когда онъ выйдетъ. Я понелъ переодѣться въ статское платье и приказалъ двумъ дворникамъ, пока я вернусь, слѣдить за этимъ человѣкомъ. Возвратившись, я засталъ только одного дворника, и онъ сказалъ мнѣ, что другой пошелъ за тѣмъ человѣкомъ, который вышелъ изъ лавки, по что въ лавку пришелъ другой человѣкъ. Только что я сталъ переходить на другую сторону улицы, какъ замѣтилъ молодого человѣка, который вышелъ изъ лавки довольно быстро и направился по Невскому къ Пассажу. Идя по Невскому, онъ останавливался у магазиновъ, и не желая, чтобы замѣтили его, утирался платкомъ. Затѣмъ, когда онъ вернулся изъ Пассажа, то нанялъ лихача къ Вознесенскому мосту за одинъ рубль. Какъ только онъ сѣлъ въ сани, я обратился къ другому лихачу, но меня не узнали сначала, и только когда я подалъ голосъ меня узнали. Я сѣлъ въ сани и отправился за уѣхавшимъ. Около Казанскаго собора я, потерявъ слѣдъ, вернулся назадъ и сталъ ожидать возвращенія лихача. Вернувшись, онъ объяснилъ мнѣ, что отъ Вознесенскаго моста сѣдокъ приказалъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ у Тарасова переулка сошелъ и скрылся въ переулкъ. Я доложилъ объ этомъ приставу и просилъ, нельзя-ли пригласить техника для осмотра лавки Кобозева, на что приставъ согласился. Находясь на посту на Невскомъ, въ ожиданіи проѣзда государя императора и наслѣдника, я получилъ свѣдѣніе, что прибудетъ приставъ съ инженеромъ. Дѣйствительно, они пріѣхали и отправились въ помѣщеніе Кобозева, а мнѣ приказали

остаться. По выходѣ оттуда я слышалъ, какъ они говорили, что ничего подозрительнаго нѣтъ, и потомъ отправились въ сосѣдній пустой подвалъ, осмотрѣли его и разъѣхались. Такимъ образомъ въ субботу я просидѣлъ ночь въ статскомъ платьѣ, наблюдая, не придетъ-ли кто-нибудь къ Кобозеву, но никто не приходилъ. На другой день я сталъ приготовлять улицу въ ожиданіи проѣзда государя: осмотрѣлъ нежилыя помѣщенія, что лежало на моей обязанности. Отдежурилъ я до понедѣльника, когда дворникъ мнѣ сказалъ, что Кобозевъ вчера возвратился въ нетрезвомъ видѣ и, не заперевъ лавку, заснулъ. Я доложилъ приставу. Во вторникъ мы всѣ были заняты по случаю панихиды. Въ среду я отправился на Невскій проспектъ утромъ, и дворникъ заявилъ мнѣ, что Кобозевъ не ночевалъ дома, а въ 10-мъ часу я узнаю, что онъ не возвращался. Затѣмъ пришелъ дворникъ и говоритъ, что пришли въ лавку покупатели, а тамъ никого нѣтъ. Я сказалъ, что мнѣ некогда идти смотрѣть. Дворникъ заявилъ, что онъ замѣтилъ въ лавкѣ землю и инструменты какіе-то. Я доложилъ объ этомъ приставу, который далъ знать о томъ властямъ.

Тов. прок. Можете-ли вы признать того молодого человѣка, который уѣхалъ на лихачѣ?

Свид. Дмитріевъ. Узнаю. — В. Посмотрите на подсудимыхъ?—О. Онъ былъ похожъ на второго (Михайловъ). — В. Вы черты лица его замѣтили? — Да. Но тогда лицо было чистое.

Подс. Михайловъ. Я въ лавкѣ Кобозева никогда не былъ и не зналъ, кто ее держитъ. Я даже не былъ и на Малой Садовой никогда, но что проходилъ по улицѣ можетъ быть, за это не могу ручаться.

Тов. прок. Вы увидѣли этого человѣка на улицѣ?

Свид. Дмитріевъ. Я стоялъ посрединѣ Малой Садовой, и на моихъ глазахъ онъ вышелъ изъ лавки, а я пошелъ за нимъ.

Подс. Желябовъ. Въ которомъ часу неизвѣстный человѣкъ вышелъ изъ лавки Кобозева?

Свид. Дмитріевъ. Въ 10-ть, въ 11-мъ часу вечера.—В. Въ какомъ костюмѣ былъ этотъ человѣкъ?—О. Въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ драповой шапкѣ котелкомъ.

Подс. Желябовъ. Я долженъ сказать суду, что знаю, кто это былъ, но не Михайловъ. Если мое заявленіе что-нибудь значитъ, то прошу принять его во вниманіе. Такой и одежды у Михайлова не было. У него была невзрачная шуба, въ которой садиться на лихача не приходится и едва-ли онъ дастъ такому человѣку мѣсто. Затѣмъ Михайловъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакого отношенія къ лавкѣ Кобозева. Изъ показанія свидѣтеля и зная лицо, бывшее тамъ въ то же время, я вижу, что свидѣтель недостаточно всмотрѣлся въ этого человѣка. Современемъ вы будете видѣть на этой скамьѣ подсудимыхъ дѣйствительнаго посѣтителя лавки Кобозева. Теперь-же я прошу васъ имѣть въ виду мое показаніе, что это не былъ Тимофей Михайловъ.

Тов. прок. Я прошу занести въ протоколъ это заявленіе подсудимаго.

Передопрошенъ свидѣтель Самойловъ по просьбѣ товарища прокурора.

Тов. прок. Вы видѣли сами двухъ людей, которые пріѣхали въ лавку Кобозева въ пятницу?

Самойловъ. Я видѣлъ только одного, вотъ перваго (показываетъ на Желябова). - В. Кобозевъ когда вернулся въ воскресенье?—О. Я слышалъ отъ Ульянова, что въ

четвертомъ часу утра, но самъ не видалъ. Я видѣлъ его только вечеромъ, когда покупатели заявили мнѣ, что онъ спитъ, а лавка растворена. Я вошелъ туда, покричалъ, но онъ не откликнулся. Я подошелъ къ кровати, разбудилъ его, и спрашиваю, что съ вами? Онъ отвѣтилъ: «ахъ, да, неловко въ самомъ дѣлѣ». В. Вамъ онъ показался пьянымъ?—О. Нѣтъ, можетъ быть немножко выпивши былъ и заснулъ.

Под. Желябовъ. Слѣдовательно, я пришелъ въ 3 часа. Видѣлъ-ли свидѣтель, какъ я вышелъ?

Свид. Самойловъ. Нѣтъ, я тогда смѣшился, а Ульяновъ видѣлъ.—В. Ульяновъ говоритъ, что я вышелъ въ шестомъ часу. Говорилъ-ли свидѣтель Дмитріеву что-нибудь такое, изъ чего Дмитріевъ могъ-бы заключить, что Кобозевъ былъ пьянъ?—О. Въ воскресенье полиція была занята, и намъ было приказано отъ дома не отлучаться, поэтому я заявилъ полиціи на другой день, въ понедѣльникъ, что Кобозевъ спалъ. — В. Говорилъ-ли свидѣтель Дмитріеву о томъ, что онъ засталъ Кобозева въ пьяномъ видѣ или что засталъ его въ разстроенномъ видѣ?—О. Видать было, что онъ выпивши, но вошелъ не шатаясь.

Подс. Желябовъ. Если-бы не было на это обстоятельство обращено вниманіе прокурора, то я не спрашивалъ-бы свидѣтеля, потому что наша дѣятельность такова, что перерождаетъ людей и пьянству мы не предаемся особенно такой человѣкъ, какъ Кобозевъ. Онъ совершенно непьющій.

Передопрошенъ свидѣтель Ульяновъ.

Тов. прок. Видѣли-ли вы двухъ людей, которые выходили изъ лавки Кобозева въ пятницу?

Свид. Ульяновъ. Я видѣлъ, когда одинъ человѣкъ уходилъ, а другой внизъ спускался.

Свид. Гординъ (извощикъ-лихачъ), показалъ: Часовъ въ 10—11 вечера какой-то молодой человѣкъ подопелъ и сталъ нанимать къ Вознесенскому мосту за 1 руб.: я его посадилъ. Когда стали подъѣзжать къ Вознесенскому мосту, онъ сказалъ: «Поѣзжай въ 1-ю роту Измайловскаго полка, я за это тебѣ заплачу 3 руб.» Подъѣзжаемъ къ 1-й ротѣ, и я хочу сворачивать, но онъ говоритъ: «Поѣзжай во 2-ю». Я спросилъ: гдѣ прикажете остановиться? Онъ сказалъ «стой». Это на углу Тарасова переулка. Онъ вышелъ изъ саней и заплатилъ мнѣ 3 руб., 20 коп. на чай, а самъ пошелъ къ переулокъ. Когда я вернулся назадъ, околоточный Дмитріевъ спросилъ меня, куда я его возилъ. Я сказалъ.

Первоприс. Посмотрите на подсудимыхъ, узнаете-ли между ними того, котораго вы возили?

Свид. Гординъ (показыя на Михайлова). Вотъ этотъ господинъ похожъ, только тогда бороды не было.

Тов. прок. А по сложенію и вообще по виду похожъ?

Свид. Гординъ. Похожъ.—В. Во что онъ былъ одѣтъ? О. Въ пальто съ мѣховымъ воротникомъи круглой шапкѣ.

Прис. пов. Халтулари. Вы припомните голосъ этого человѣка?

Свид. Гординъ. Словъ немного онъ говорилъ... не знаю. —В. Онъ говорилъ какъ измученный человѣкъ?— О. Да, товарищи спрашивали съ него 3 рубля, а онъ говоритъ рубль, я и свезъ.

Подс. Михайловъ. Въ которомъ часу это было?

Свид. Гординъ. Въ 10—11-мъ.

Прис. пов. Халтулари. Ну, что, этотъ голосъ похожъ?

Свид. Гординъ. Нѣтъ, этотъ голосъ измѣненъ, не похожъ. Голосъ былъ чище.

Подс. Желябовъ. Въ голосѣ того человѣка слышалась привычки повелѣвать или это былъ простой человѣкъ, въ родѣ торговца?

Свид. Гординъ. Онъ говорилъ: поѣзжай пошибче.

Подс. Михайловъ. Мнѣ не приходилось ѣздить на рысакахъ, и тогда я имѣлъ у себя только 5 коп. Показаніе свидѣтеля невѣрно.

Передопрошенъ свидѣтель Дмитріевъ по просьбѣ защиты.

Прис. пов. Хартулари. Вы начали выслѣживать вышедшаго изъ лавки Кобозева человѣка на Малой Садовой?

Свид. Дмитріевъ. Я хотѣлъ только перейти на другую сторону, какъ онъ вышелъ и направился къ Невскому, повернувъ къ Пассажу. Я прошелъ мимо его, не давая признаковъ, что слѣжу за нимъ, но онъ утиралъ лицо платкомъ. -В. Осталась у васъ въ памяти физіономія этого человѣка?—О. Это былъ только одинъ моментъ, такъ что хорошо не могу припомнить.

Свид. Теглевъ (приставъ 1-го участка Спасской части). -Когда Кобозевъ желалъ открыть лавку и въ первый разъ явился въ управленіе участка, онъ обратилъ на себя мое вниманіе бойкостью своихъ отвѣтовъ. Я тогда же поручилъ околодочному надзирателю, чтобы онъ наблюдалъ за этимъ человѣкомъ. Когда онъ въ январѣ открылъ лавку, то спустя нѣкоторое время я получилъ заявленіе, что торговля Кобозева идетъ очень плохо, вслѣдствіе чего мною было заявляемо въ секретное отдѣленіе, которое я просилъ узнать, существуетъ-ли дѣйствительно Кобозевъ на родинѣ и гдѣ находится.

Вслѣдствіе этого, черезъ нѣкоторое время получено былъ отвѣтъ съ родины Кобозева, что дѣйствительно такое лицо существуетъ и что ему выданъ паспортъ отъ такого-то числа за такимъ-то нумеромъ и изъ такого-то правленія. Это свѣдѣніе было совершенно тождественно съ тѣмъ паспортомъ, который мнѣ былъ предъявленъ Кобозевымъ. Тѣмъ не менѣе, продолжая получать извѣщенія, что торговля Кобозева идетъ плохо, я просилъ секретное отдѣленіе узнать въ торговомъ мірѣ, не знаетъ-ли его кто-нибудь. Когда кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что можно спросить одного оптоваго торговца сыромъ, я обратился къ этому торговцу, и отъ одного изъ его приказчиковъ узналъ, что онъ былъ въ лавкѣ Кобозева и что онъ дѣйствительно торгуетъ. Когда въ концѣ масляницы мнѣ заявили, что лавку Кобозева стали посѣщать молодые люди, то я велѣлъ еще болѣе слѣдить за ней. За однимъ изъ такихъ людей отправился наблюдать дворникъ, но онъ у него скрылся изъ виду. Другой человѣкъ уѣхалъ на извозчикѣ. Это еще болѣе возбудило мое подозрѣніе. Тогда я обратился къ градоначальнику и просилъ разрѣшенія освидѣтельствовать лавку, причемъ указалъ на благовидный предлогъ, а именно сырость. Я получилъ разрѣшеніе осмотрѣть подъ этимъ предлогомъ лавку, и въ помощь мнѣ былъ командированъ генералъ Мровинскій. Ему я заявилъ всѣ мои подозрѣнія и просилъ отправиться вмѣстѣ со мною посмотрѣть, нѣтъ-ли подкопа.

Первоприс. Слѣдовательно, у васъ была уже мысль о возможности подкопа?

Теглевъ. Точно такъ. Я разсказалъ генералу Мровинскому всѣ мои подозрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что есть благовидный предлогъ осмотра, именно не

сочится-ли вода. Мы вошли въ лавку, и я обратилъ вниманіе техника на обшивку. Онъ посмотрѣлъ, постучалъ, и мы вошли во вторую комнату. Я отодвинулъ сундукъ, который стоялъ въ углу, техникъ осмотрѣлъ стѣны, и мы перешли въ третью комнату. Я указалъ на кучу, которая здѣсь была, такъ какъ самъ не могъ войти, потому что въ комнатѣ было уже трое. Кобозевъ сказалъ, что это коксъ, и генералъ Мровинскій подошелъ, взялъ кусокъ и сказалъ, что это дѣйствительно коксъ. Выходя, генералъ Мровинскій сказалъ мнѣ, что онъ ничего подозрительнаго не видитъ. Когда пошли опять во вторую комнату, я снова обратилъ его вниманіе на обшивку, и говорю Кобозеву: здѣсь прежде была сырость, и вы, обшивши стѣну, мѣшаете проникать воздуху. Генералъ Мровинскій сказалъ, что дѣйствительно такъ, что за обшивку попадаютъ крошки сыра, онъ гніютъ и портятъ воздухъ. Я ожидалъ, что онъ прикажетъ отодрать доску, но онъ сказалъ, что подозрительнаго ничего не видитъ, и я успокоился.

Свид. Лерепландъ (помощникъ пристава 1-го участка Спасской части). 27 февраля околодочный передалъ мнѣ, что имѣетъ на лавку Кобозева подозрѣніе. Я обратился къ приставу и просилъ его позволить мнѣ сходить на мѣсто. Получивши разрѣшеніе, я отправился, вызвалъ дворника, распросилъ о томъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь данныхъ, по которымъ можно было-бы заподозрить Кобозева. Дворникъ сказалъ, что ничего не слыхалъ и не видалъ, но что четверть часа назадъ въ лавку вошелъ молодой человѣкъ, котораго онъ видѣлъ раза два до этого, и что выходя онъ какъ будто-бы осматривался. Я доложилъ объ этомъ приставу. Въ виду этого былъ командированъ околодочный

надзиратель Дмитріевъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдить за лавкой, и затѣмъ было предписано технику Аникину прибыть для освидѣтельствованія подвала. На утро мнѣ сказали, что Аникинъ занятъ исполненіемъ другого порученія. Я просилъ пристава, нельзя-ли доложить градоначальнику. Приставъ съѣздилъ, и возвратившись, велѣлъ мнѣ ждать на углу Невскаго и Малой Садовой, причемъ сказалъ, что онъ явится вмѣстѣ съ старшимъ техникомъ, генераломъ Мровинскимъ. Дѣйствительно, они явились и приказали мнѣ слѣдовать за собой. Я спросилъ, не взять-ли кого-нибудь, но приставъ сказалъ. что никого нужно, для того чтобы не подавать ни малѣйшаго повода полагать, что осматривается что нибудь другое, кромѣ сырости стѣнъ. Въ лавку вошли генералъ Мровинскій, приставъ и дворникъ, а я вошелъ послѣдній. Обошли комнаты, въ нихъ было чисто, аккуратно, такъ что ничего замѣтно не было. Когда вышли изъ лавки, я спросилъ, что-же оказалось. Приставъ говоритъ, что, по увѣренію генерала Мровинскаго, стѣны совершенно цѣлы и что относительно подкопа опасаться нечего.

Свид. инженеръ-генералъ Мровинскій. 28-го февраля, около 12 часовъ дня, прибылъ ко мнѣ приставъ 1-го участка Спасской части и заявилъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открылася лавка въ подвалѣ, которая платитъ большую сумму, а торговля идетъ плохо, и что лавка эта становится подозрительною; что по этому онъ обратился съ ходатайствомъ о моемъ содѣйствіи посмотрѣть, что дѣлается въ лавкѣ. Какъ технику, мнѣ первая мысль пришла, не дѣлается-ли какая работа по подкопу. При этомъ приставъ сказалъ, что нужно въ лавку войти подъ благовиднымъ предлогомъ, а именно, что

въ сосѣднемъ подвалѣ просачивается года: я спросилъ, нужно-ли сейчасъ сдѣлать осмотръ или можно отложить: приставъ отвѣтилъ, что нужно сейчасъ. Мы поѣхали; вошли въ помѣщеніе. Въ первой комнатѣ никого не было, но затѣмъ вышелъ мужчина, высокаго роста съ рыжеватыми волосами: приставъ объявилъ ему причину нашего посѣщенія. Тогда онъ отозвался, что сырости у него никакой нѣтъ. Мы вошли въ сосѣднюю комнату, и я подъ предлогомъ осмотра сырости стѣнъ, конечно, устремилъ все свое вниманіе на наружныя стѣны. На наружной стѣнѣ посрединѣ висѣла лампадка: окого входа не было ничего, затѣмъ въ комнатѣ стоялъ небольшой столикъ и легкая этажерка, а далѣе большой сундукъ и потомъ шкафъ, а въ углу лежали войлоки. Я просилъ, чтобы отодвинули сундукъ, столъ и войлоки; ихъ отодвинули. Комната была освѣщена однимъ окномъ, а другое было закрыто. Такъ какъ я хотѣлъ внимательно осмотрѣть, то просилъ зажечь свѣчку. По наружной стѣнѣ, какъ я видѣлъ, протекала вода, и домовладѣлецъ утолстилъ эту стѣну, такъ что образовался выступъ, въ родѣ лавки. Я осмотрѣлъ стѣну и никакихъ признаковъ не было. За сундукомъ, на стѣнѣ, было большое пятно: я внимательно осмотрѣлъ его и велѣлъ стереть: оказалось, что это была просто валстная пыль. Затѣмъ по дальнѣйшему осмотру ни въ штукатуркѣ, ни въ стѣнѣ никакихъ признаковъ, которые могли бы навести на сомнѣніе—не оказалось. Я обратился къ остальной части комнаты, гдѣ тоже не было никакихъ слѣдовъ. Въ задней и послѣдней комнатѣ лежала небольшая куча сѣна, и я спросилъ откуда это сѣно. Хозяинъ лавки сказалъ, что это отъ сыровъ. Мы вернулись въ первую комнату: тамъ стояла большая бочка въ углу и на ней сдѣлана над-

пись на днѣ. Я спросилъ что это такое, и мнѣ отвѣтили, что это сыръ. Я прочиталъ надпись: на ней значились: С. Кобозеву. Такъ какъ я знаю одного торговца Кобозева, то спросилъ хозяина лавки, не родственникъ-ли онъ ему. Онъ сказалъ, что нѣтъ. Затѣмъ вдоль стѣны были полки, на которыхъ были разложены сыры, а пространство за ними занято было досками. Я попробовалъ лицевую доску, но она оказалась крѣпко прибитой. Хозяинъ сказалъ, что забили стѣну отъ сырости. Я сказалъ, что это дурно сдѣлали, потому что въ щели будутъ падать остатки сыра и разлагаться. Затѣмъ стояли кадки; прилавокъ былъ довольно чистый, нигдѣ никакихъ царапинъ и признаковъ не было. Мнѣ еще разъ хотѣлось взглянуть на вторую комнату. Войдя, я облокотился на подоконникъ. смотря на улицу и въ это время довольно сильно дернулъ рукою подоконникъ, но онъ не поддался. Мы вышли изъ помѣщенія и перешли въ другой подвалъ.

Тов. прок. Не замѣтили-ли вы, во время осмотра, чтобы Кобозевъ былъ смущенъ?

Свид. Мровинскій. Онъ все время былъ около меня. — В. Въ его лицѣ и поведеніи не замѣтили-ли вы чего-нибудь?—О. Да, онъ былъ безпокоенъ и встревоженъ.

Свид. Ванденъ-Бергенъ (младшій помощникъ пристава 1-го участка Спасской части). Я былъ командированъ сообщить судебному слѣдователю о томъ, что Кобозевъ и его жена скрылись. Судебный слѣдователь приказалъ мнѣ ожидать его прибытія. Когда онъ явился, мы съ понятыми вошли въ лавку и начали осмотръ. Въ двухъ ящикахъ оказался песокъ. Я осмотрѣлъ диванъ и увидѣлъ, что онъ также былъ наполненъ пескомъ и инструментами.

Затѣмъ были предъявлены вещественныя доказательства, относящіяся къ подкопу на Малой Садовой: ломъ, съ загнутой лопатой, приспособленный для выломки кирпичей, буравы, лопатки и проч. Что-же касается самого снаряда и бутыли, вынутыхъ изъ мины, то такъ какъ запалъ еще не разряженъ, то эти вещи, по заявленію первоприсутствующаго, были осмотрѣны особымъ присутствіемъ въ отдѣльномъ помѣщеніи при участіи обвиненія и защиты, такъ что въ залу суда онѣ внесены не были.

Затѣмъ были приглашены эксперты дать заключеніе о томъ, что было найдено въ минѣ и какъ были вынуты снаряды.

Полковникъ Лисовскій объяснилъ, что съ начала открытія подкопа онъ не присутствовалъ, и пріѣхалъ тогда, когда отверстіе мины было уже открыто. Изъ отверстія были вынуты элементы, находившіеся въ корзинкѣ, затѣмъ усмотрѣны новые проводы и далѣе видѣлась галлерея. Приступили ко вскрытію мостовой и рытью почвы надъ снарядомъ. Экспертъ приказалъ рядовому Смирнову войти въ галлерею, чтобы обслѣдовать ее. Смирновъ влѣзъ въ отверстіе съ большимъ трудомъ, и при помощи фонаря обслѣдовалъ галлерею. Ему дали веревку, къ концу которой привязана была палка, которую онъ уткнулъ въ то мѣсто, гдѣ началась забивка, около сточной трубы. Смѣривши разстояніе отъ внутренней стѣны до края забивки, такое-же разстояніе отмѣрили по поверхности мостовой, и это мѣсто избрали за центръ работъ, гдѣ люди и начали производить раскопку. Смирновъ заявилъ, что кромѣ проводовъ въ галлереѣ лежитъ еще канатъ. Предполагая, что этотъ канатъ имѣетъ значеніе провода, который могъ служить для взрыва мины автоматическимъ способомъ, если-бы не

удался гальванический,—работы вечеромъ были остановлены до утра. Когда на другой день дорылись до основанія галлереи, люди съ большою осторожностью стали отрывать землю, которая служила забивкою. Вмѣстѣ съ землею вынимались куски войлока. Забивку вынимали крайне осторожно, чтобы не тронуть проводниковъ и каната. Когда, наконецъ, дошли до головы минпаго отверстія, минеръ заявилъ, что видится нѣчто. Подобравшись ближе, онъ вытащилъ бутыль. Ее осторожно вынули, поставили на мостовую, и по приказанію генералъ-маіора Ѳедорова она была вскрыта извѣстнымъ образомъ, именно посредствомъ нагрѣтыхъ войлоковъ, которые накладывались на пробку. Затѣмъ минеръ сказалъ, что видится еще жестяная вещь, вытащили и ее вмѣстѣ съ проводниками и канатомъ, который, какъ оказалось, служилъ просто для передвиженія снарядовъ.

Генералъ-маіоръ Ѳедоровъ объяснилъ, что такъ какъ замершій динамитъ трудно воспламеняется, то въ запалъ было сдѣлано особенное приспособленіе, а именно запалъ входилъ въ шашку пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Этотъ зарядъ долженъ былъ взорваться посредствомъ тока, а бутыль должна была взорваться отъ сотрясенія взрыва перваго снаряда, такъ что она была поставлена для усиленія взрыва. Затѣмъ всѣ эксперты, а именно: гг. Ѳедоровъ, Лисовскій, Родивановскій, Линденеръ и Тишковъ въ своихъ заключеніяхъ въ сущности высказали, что въ корзинѣ оказалось четыре элемента батареи Гренс. Жидкость оказалась зеленаго цвѣта и до нѣкоторой степени была въ работѣ. Крышки были неплотно привернуты; цинкъ былъ съѣденъ; концы проволоки были зачищены, такъ что батарея была совершенно приготовлена ко взрыву и нѣсколько времени уже работала.

Чтобы произвести взрывъ, оставалось только соединить проводники. Одинъ изъ экспертовъ, желая посмотрѣть отверстіе, хотѣлъ туда войти, но пролѣзть не могъ. Изъ канала шелъ весьма сильный запахъ сѣрнистаго водорода, что объясняются присутствіемъ разрѣзанной трубы. Вынутыя впослѣдствіи доски были сильно насыщены карболовой кислотой. Когда вынули раму, то увидѣли, что отверстіе расширяется. Въ лавкѣ была открыта масса земли. По вычисленіямъ экспертовъ оказалось, что изъ галлереи должно быть вынуто 82 фута земли, а въ лавкѣ ее оказалось 109 футовъ. Если принять во вниманіе, что вынутая изъ галлереи земля разрыхлилась, то это дастъ увеличеніе, такъ что количество вынутой земли совпадало съ найденнымъ въ лавкѣ, а потому эксперты заключили, что изъ лавки земля никуда не вывозилась. Въ одной изъ комнатъ земля находилась просто въ кучѣ, прикрытой сѣномъ.

На вопросъ прокурора, сколько времени понадобилось для производства этихъ земляныхъ работъ, предполагая, что онѣ производились двумя или четырьмя лицами, полковникъ Лисовскій объяснилъ, что работа эта потребовала отъ трехъ-четырехъ недѣль, причемъ онъ полагаетъ, что болѣе двухъ человѣкъ одновременно работать не могли, и именно одинъ работалъ въ головѣ, а другой у отверстія.

На дальнѣйшіе вопросы прокурора эксперты объяснили, что работа велена съ знаніемъ дѣла. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находится ломъ съ особенно устроенной лапой, посредствомъ котораго можно выламывать кирпичъ безъ шуму. Подкопъ велся тѣмъ-же способомъ, который употребляется въ горномъ дѣлѣ. Вести галлерею особеннаго труда не представлялось, и только

когда прорѣзали сточную трубу, то изъ нея много выдѣлялось газовъ, для противодѣйствія которымъ употреблялась въ сильныхъ дозахъ карболовая кислота. Въ зарядѣ и бутыли чернаго динамита оказалось съ посудою 80 фунтовъ. Большую мину генералъ-маіоръ Ѳедоровъ разрядилъ, а бутыль осталась нетронутою, такъ какъ она залита парафиномъ. Динамитъ въ минѣ былъ того-же качества, какъ и остатокъ въ жестянкахъ, найденныхъ въ квартирѣ Желябова. Если взять емкость этихъ трехъ жестянокъ, то она подходитъ къ емкости большого заряда, а емкость сахарницы, если она была наполнена динамитомъ, соотвѣтствуетъ емкости бутылки. Относительно степени разрушенія, эксперты полагали, что взрывъ мины, образовалъ-бы воронку отъ $2^1/_2$ до 3 саженъ въ діаметрѣ. Въ окружающихъ домахъ были-бы выбиты рамы, обвалилась-бы штукатурка и куски асфальта взлетѣли-бы кверху: кромѣ того въ домахъ могли-бы разрушиться и печки. Что-же касается стѣнъ домовъ, то, смотря по степени ихъ прочности, онѣ могли-бы дать болѣе или менѣе значительныя трещины. Отъ взрыва пострадали-бы всѣ проходившіе по панелямъ, ѣхавшіе по мостовой и даже люди, стоявшіе въ окнахъ нижнихъ этажей. Люди могли пострадать какъ отъ дѣйствія газовъ и сотрясенія, такъ и отъ кусковъ падающаго асфальта и карнизовъ.

Подс. Кибальчичъ, выслушавъ экспертизу заявилъ: Принимая діаметръ воронки въ три сажени, оказывается, что сфера разрушенія, происшедшаго отъ взрыва, была-бы очень мѣстная; разстояніе отъ краевъ воронки до панелей, гдѣ стояли или шли люди, было-бы все-таки значительное, такъ что мнѣ кажется невозможнымъ, что стоявшіе на панеляхъ не пострадали-бы отъ сотрясенія и газовъ; могли-бы пострадать только отъ обломковъ асфаль-

та, но они взлетѣли-бы вверхъ и, только падая внизъ, могли произвести ушибы. Вотъ весь вредъ, который могъ быть причиненъ взрывомъ посторонним лицамъ. Что касается до вреда домамъ, то не спорю. что окна были-бы выбиты, какъ показалъ взрывъ метательныхъ снарядовъ, но чтобы обрушились печи и потолки, то я считаю это совершенно невѣроятнымъ. Я просилъ-бы гг. экспертовъ привести изъ литературы предмета примѣръ, чтобы два пуда динамита на такомъ разстояніи произвели такое разрушительное дѣйствіе, о которомъ они говорятъ. Я полагаю, что взрывъ этой мины былъ-бы даже менѣе разрушителенъ, чѣмъ взрывъ двухъ метательныхъ снарядовъ. Конечно, все, что находилось-бы надъ воронкой, т.-е. экипажъ и конвой, погибли-бы но не больше.

Свид. Смирновъ и Гурьевъ (рядовые гальванической роты) показали, какъ первый изъ нихъ влѣзалъ въ галлерею для ся осмотра, и второй—какъ онъ раскапывалъ забивку, вынулъ бутыль и потомъ цилиндръ съ главнымъ зарядомъ, что уже извѣстно изъ показаній экспертовъ.

Свид. Михайловъ (братъ подсудимаго) на вопросы защитника показалъ, что изъ числа подсудимыхъ одного признаетъ своимъ братомъ.

Прис. пов. Хартулари. Когда онъ уѣхалъ изъ деревни на заработки?—Свид. Михайловъ. Съ 15-ти лѣтъ уѣхалъ.—В. До того времени что онъ дѣлалъ?—О. Грамотѣ учился.—В. Гдѣ учился—въ Петербургѣ или въ деревнѣ?—О. Въ деревнѣ онъ зналъ только читать. —В. Какъ онъ велъ себя здѣсь, въ Петербургѣ?—О. Онъ прежде хорошо велъ себя; работалъ на заводахъ. Только нынѣшнею зимою онъ работалъ вмѣстѣ со мною у Петрова, а то одинъ работалъ.—В. Имѣлъ онъ большіе

заработки?—О. Нѣтъ. Прежде, когда работалъ у Голубева, онъ зарабатывалъ хорошія деньги, достаточто высылалъ роднымъ. До работы у Петрова мы все врозь жили.

Подс. Михайловъ. Я въ деревнѣ занимался крестьянскою работою, такъ что я знаю ее всю, а грамотѣ учился только 2—3 недѣли; выучивался церковной азбукѣ и могъ читать по складамъ.

На вопросъ первоприсутствующаго, чѣмъ стороны желаютъ дополнить судебное слѣдствіе, тов. прокурора просилъ предъявить особому присутствію и обратить вниманіе на разныя вещественныя доказательства, между прочимъ на отобранные у Рысакова: револьверъ съ шестью патронами, паспортъ на имя Грязнова, тетрадь, подъ заглавіемъ: «Объяснительная записка»; обертка съ планомъ Петербурга: письмо, писанное Рысковымъ къ отцу; стихотвореніе, начинающееся словами: «когда придетъ то времячко«, и т. д.

Относительно стихотворенія подсудимый Рысаковъ объяснилъ, что и оно писано его рукою, но онъ не помнитъ гдѣ и откуда онъ его списалъ.

Далѣе тов. прокурора обратилъ вниманіе на вещественныя доказательства, отобранныя въ квартирѣ умершаго въ госпиталѣ, именовавшагося Ельниковымъ, между прочимъ на платокъ съ мѣткой П. Р., который по предъявленіи подсудимому Рысакову онъ призналъ своимъ.

Объяснивъ, что особое присутствіе предоставляетъ сторонамъ ссылаться на всѣ имѣющіяся въ дѣлѣ вещественныя доказательства, первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ и прервалъ засѣданіе до 10 часовъ утра слѣдующаго 28-марта.

Засѣданіе 28-го марта 1881 года.

По открытіи засѣданія, въ 10 часовъ утра, первоприсутствующій предложилъ исполняющему обязанности прокурора произнести обвинительную рѣчь.

Исполняющій обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената Н. В. Муравьевъ: «Гг. сенаторы, гг. сословные представители! Призванный быть на судъ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній, когда-либо совершившихся на русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ лежащей на мнѣ задачи. Передъ свѣжею, едва закрывшеюся, могилою нашего возлюбленнаго монарха, среди всеобщаго плача отечества, потерявшаго такъ неожиданно и такъ ужасно своего незабвеннаго отца и преобразователя, я боюсь не найти въ своихъ слабыхъ силахъ достаточно яркаго и могучаго слова, достойнаго того великаго народнаго горя, во имя котораго я являюсь теперь передъ вами требовать правосудія виновнымъ, требовать возмездія, а поруганной ими, проклинающей ихъ Россіи удовлетворенія. Какъ русскій и вѣрноподданный, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я исполню свою обязанность, положивъ въ нее всѣ силы, всю душу свою. Но на моемъ пути есть одно не легко преодолимое пре-

пятствіе, о которомъ я не могу не сказать вамъ, потому что увѣренъ, что съ нимъ столкнетесь—или уже столкнулись—и вы, милостивые государи. Быть юристомъ, слугою безличнаго и безстрастнаго закона въ такую роковую историческую минуту, когда и въ себѣ самомъ, и вокругъ все содрогается отъ ужаса и негодованія, когда, при одномъ воспоминаніи о событіи 1-го марта, неудержимыя слезы подступаютъ къ глазамъ и дрожатъ въ голосѣ, когда все, что есть въ странѣ честнаго и вѣрнаго своему долгу, громко вопіетъ объ отмщеніи, трудно. Но, для насъ, людей суда, обязательно и необходимо прежде всего потому, что о безпристрастіи и спокойствіи всесторонняго судебнаго разсмотрѣнія, о судѣ на точномъ основаніи всѣхъ правилъ и гарантій судопроизводства говоритъ намъ самый законъ, данный тѣмъ же мудрымъ законодателемъ обновленной Россіи, чей еще такъ недавно свѣтлый и милостивый образъ мы съ горестью видимъ теперь передъ собой облеченнымъ въ трауръ по его безвременной кончинѣ. Судебное слѣдствіе, полное потрясающихъ фактовъ и страшныхъ подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человѣческой гибели, такую ужасающую картину извращенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и инстинктовъ, что намъ понадобится все мужество и все хладнокровіе гражданина, предъ которымъ внезапно открылась зіяющая глубокая язва родины, и отъ котораго эта родина ждетъ перваго ближайшаго сильнаго средства для своего исцѣленія. Для того, чтобы произнести надъ подсудимыми судъ справедливости и закона, намъ предстоитъ спокойно изслѣдовать и оцѣнить во всей совокупности несмываемыя пятна злодѣйски пролитой царственной крови, область безумной подпольной крамолы, фанатическое вѣроученіе убійства, всеобщаго разрушенія

и въ этой горестной, но священной работѣ да поможетъ намъ Богъ.

Велѣнія Промысла неисповѣдимы. Совершилось событіе неслыханное и невиданное: на нашу долю выпала печальная участь быть современниками и свидѣтелями преступленія, подобнаго которому не знаетъ исторія человѣчества. Великій царь-освободитель, благословляемый милліонами вѣковыхъ рабовъ, которымъ онъ даровалъ свободу, государь, открывшій своей обширной странѣ новые пути къ развитію и благоденствію, человѣкъ, чья личная кротость и возвышенное благородство помысловъ и дѣяній были хорошо извѣстны всему цивилизованному міру, словомъ, тотъ, на комъ въ теченіе четверти столѣтія покоились всѣ лучшія надежды русскаго народа—палъ мученическою смертью на улицахъ своей столицы, среди бѣлаго дня, среди кипящей кругомъ жизни и вѣрнаго престолу населенія. Я постараюсь доказать впослѣдствіи, что въ этой обстановкѣ преступленія, которую убійцы, въ своемъ цинническомъ самомнѣніи, приписываютъ своему могуществу, сказалась лишь особая злостность адски задуманнаго плана и простое сцѣпленіе роковыхъ случайностей. Теперь-же я долженъ остановить вниманіе особаго присутствія на самомъ событіи этого преступленія, и пригласить высокое судилище, вмѣстѣ со мною, углубиться въ его невыразимо тягостныя подробности.

Это не фактъ, это исторія. Съ глубоко-сердечною болью я вызываю это страшное воспоминаніе о цареубійствѣ, но я не могу сдѣлать иначе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что изъ кроваваго тумана, застилающаго печальную святыню Екатерининскаго канала, выступаютъ передъ нами мрачные облики цареубійцъ, во-вторыхъ... Но здѣсь меня останавливаетъ на

минуту смѣхъ Желябова. Тотъ веселый или ироническій смѣхъ, который не оставлялъ его во время судебнаго слѣдствія и который, вѣроятно, заставитъ его и потрясающую картину событія 1-го марта встрѣтить глумленіемъ. Но я вижу среди подсудимыхъ людей, которые, каковы-бы они ни были, все-таки не въ такомъ настроеніи, какъ Желябовъ, и потому я рѣшаюсь еще разъ подвергнуть общую печаль его глумленію: я знаю, что такъ и быть должно: вѣдь, когда люди плачутъ — Желябовы смѣются. И такъ, я не могу не говорить о самомъ событіи 1-го марта. Во-вторыхъ, потому, что въ настоящія торжественныя минуты суда я хотѣлъ-бы въ послѣдній разъ широко развернуть передъ подсудимыми картину событія 1-го марта и сказать имъ: если у васъ осталась еще хоть капля способности чувствовать и понимать то, что чувствуютъ и понимаютъ другіе люди, посящіе образъ Божій — любуйтесь, вы этого хотѣли, это дѣло рукъ вашихъ, на васъ лежитъ эта чистая кровь. День 1-го марта... Кто изъ насъ, кто изъ жителей Петербурга не помнитъ, какъ начался и какъ проходилъ этотъ воистину черный день, мельчайшія особенности котораго неизгладимо врѣзались въ память каждаго? Обычною чередою шла воскресная праздничная суета огромнаго города, не смотря на нависшее свинцовыми тучами пасмурное, сѣрое небо; на улицахъ привычнымъ потокомъ переливалось людское движеніе и ничто среди этой пестрой, спокойной, своими личными интересами занятой толпы не говорило о томъ, что надъ ней уже вѣяло дыханіе смерти, уже носились кровожадныя мысли убійцъ. Около часу дня окончился въ Михайловскомъ манежѣ разводъ, въ высочайшемъ присутствіи, на этотъ разъ отъ лейбъ-гвардіи сапернаго бата-

ліона, и его императорское величество, государь императоръ Александръ Николаевичъ, оставивъ манежъ, изволилъ заѣхать для завтрака въ Михайловскій дворецъ; въ 3-мъ часу дня. Императорская карета, выѣхавъ изъ дворца, проѣхала по Инженерной улицѣ и повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, по направленію къ Театральному мосту. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи обыкновеннаго конпаго конвоя изъ шести казаковъ и слѣдовавшихъ сзади въ саняхъ, другъ за другомъ, полицеймейстера, полковника Дворжицкаго отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха и ротмистра Кулебякина. Недалеко отъ угла Инженерной улицы подъ императорскою каретою внезапно раздался взрывъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, повлекшій за собою всеобщее смятеніе. Испуганные, еще не отдавая себѣ отчета о случившемся, смутились всѣ: не смутился лишь онъ одинъ. помазанникъ божій, невредимый, но уже двумя часами отдѣленный отъ вѣчности. Спокойный и и твердый, какъ нѣкогда подъ турецкимъ огнемъ на поляхъ имъ же освобожденной Болгаріи, онъ вышелъ изъ поврежденной и остановившейся кареты и былъ встрѣченъ полковникомъ Дворжицкимъ, который доложилъ, что на панели канала только что задержанъ народомъ, повидимому, причинивній взрывъ злоумышленникъ. Выслушавъ докладъ, государь императоръ въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго, направился къ задержанному, уже окруженному едва не разтерзавшею его толпою. Эта толпа, что-бы ни говорилъ Желябовъ, кричала: "дайте намъ, мы его разорвемъ». Не узнавъ государя, мучимый страхомъ за его участь, стоявшій по близости подпоручикъ Рудыковскій спро-

силъ у окружающихъ; «что съ государемъ?» Вопросъ былъ услышанъ самимъ монархомъ, который оглянувшись и какъ-бы отвѣчая на него, изволилъ произнести: «славу Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...». И съ этимъ не оконченнымъ восклицаніемъ государь императоръ обратилъ и свои мысли, и свое вниманіе на лежавшихъ тутъ-же, у ногъ его, раненыхъ взрывомъ конвойнаго казака и 14-тилѣтняго крестьянскаго мальчика Николая Максимова. Бѣдный мальчикъ—да будетъ вѣчно сохранена его память!—кричалъ отъ невыносимыхъ страданій. Тогда опечаленный повелитель русской земли умиленно наклонился надъ истерзаннымъ сыномъ народа; это послѣднее участіе, оказанное умирающему ребенку-подданному, было и послѣднимъ земнымъ дѣяніемъ государя, уже предстоявшаго своей собственной мученической кончинѣ. Уже навстрѣчу ему неслась зловѣщая угроза схваченнаго преступника; «еще слава-ли Богу»,—было злобнымъ отвѣтомъ Рысакова на услышанное имъ восклицаніе государя, что «слава Богу, онъ уцѣлѣлъ». Рысаковъ зналъ, что говорилъ: промахнувшійся и обезоруженный, онъ зналъ, что за нимъ, въ той-же засадѣ, стоитъ другой такой-же, какъ и онъ, отверженецъ, а тамъ—третій, четвертый, которые постараются не промахнуться и адски задуманное довести до конца. Далекій отъ мысли беречь себя отъ опасности, государь императоръ, не смотря на мольбы полковника Дворжицкаго, не соизволилъ немедленно отбыть во дворецъ, а выразилъ намѣреніе осмотрѣть мѣсто взрыва. Твердою, спокойною поступью направился онъ, удаляясь отъ Рысакова по тротуару канала, окруженный ближайшею свитою и тѣснившимся къ нему отовсюду народомъ. Несчастные! Они радовались избавленію своего обожаемаго монарха отъ опас-

ности и не помышляли, что онъ идетъ къ ней навстрѣчу, что не дни, не часы, а минуты его уже сочтены Не успѣлъ государь сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ у самыхъ ногъ его раздался новый, второй оглушительный взрывъ. На мгновеніе все пространство скрылось въ поднятой, какъ-бы вихремъ перемѣшанной массѣ дыма, снѣжной пыли, какихъ-то безформенныхъ ужасныхъ клочковъ и обломковъ. Мгновеніе это мучительное, какъ смерть, длинное, какъ вѣчность, миновало; масса разсѣялась и пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, и уцѣлѣвшихъ, и пострадавшихъ, но еще не потерявшихъ сознанія, представилась кровь -леденящее зрѣлище полное ужаса и отчаянія, зрѣлище, котораго никто изъ нихъ не забудетъ до послѣдняго своего издыханія. Вездѣ кругомъ были павшіе раненые, но никто не смотрѣлъ на нихъ и сами они, подобно полковнику Дворжицкому, не думали о себѣ—среди павшихъ и раненыхъ былъ государь. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, царь-страстотерпецъ, покрытый кровью, полулежалъ на землѣ и уже трудно дышалъ. Обнажившіяся при взрывѣ ноги были раздроблены ниже колѣнъ, тѣло висѣло кусками. Живой образъ нечеловѣческихъ мукъ... Обрывается голосъ, цѣпенѣетъ языкъ и спираетъ дыханіе, когда приходится говорить объ этомъ. Теперь судите-же сами, каково было тогда несчастнымъ очевидцамъ событія.

До полковника Дворжицкаго, раненаго и упавшаго, донесся слабый полустонъ: «помоги», заставившій его вскочить, какъ здороваго. Раненые поднялзли, уцѣлѣвшіе бросились къ простертому на землѣ монарху и услышали едва внятно произнесенныя имъ слова: «холодно, холодно», вызванныя охватившимъ его ощущеніемъ зимняго холода.

Увы! то былъ предвѣстникъ близкаго могильнаго холода. Кѣмъ-то былъ поданъ платокъ, которымъ покрыли голову вѣнчаннаго страдальца: сотни вѣрныхъ рукъ протянулись къ нему и тихо, бережно, среди всеобщаго невыразимаго отчаянія подняли его съ земли и понесли по направленію къ экипажамъ. Это не была свита, несущая пострадавшаго государя—это была толпа, въ которой, рядомъ съ приближенными монарха, сошлись и моряки мимо шедшаго караула, и юноши Павловскаго училища, и случайные прохожіе, прибѣжавшіе на взрывъ; то были пораженныя горемъ дѣти, несущія умирающаго отца. Дорогой поручикъ, графъ Гендриковъ, замѣнилъ своей фуражкою тяжелую каску, въ торопяхъ надѣтую на обнаженную голову государя; между тѣмъ, на мѣсто подосѣлъ его высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ. Припавъ къ своему августѣйшему брату, онъ спросилъ, слышитъ-ли его императорское величество? Слышу», было отвѣтомъ, за которымъ послышалось слабо выраженное желаніе быть поскорѣе доставленнымъ во дворецъ. Слова свидѣтельствовали о сознаніи, сознаніе о страданіи, физическій ужасъ котораго умъ отказывается представить себѣ даже приблизительно. Оно было еще такъ ясно, это предсмертное страдальческое сознаніе государя, что онъ, услышавъ предложеніе одного изъ его нижнихъ, штабсъ-капитана Новикова, внести его въ ближайшій домъ для подачи первоначальной помощи: имѣлъ еще силы объявить другую свою послѣднюю волю, «несите меня во дворецъ... тамъ... умереть». Это были предпослѣднія слова монарха-человѣка, пожелавшаго умереть христіанской кончиной, дома, въ кругу близкихъ, среди своей семьи... Богу было угодно исполнить это желаніе. Государь императоръ былъ помѣщенъ, вмѣсто

своей разбитой кареты, въ сани полковника, Дворжицкаго и чины конвоя, ротмистръ Кулебякинъ, съ казаками Луценко и Кузьменко, сослужили своему вѣнценосному вождю послѣднюю службу — перевезли его умирающаго во дворецъ. Дорогой, забывъ о мукахъ своихъ и думая только о томъ израненномъ вѣрномъ слугѣ, котораго онъ видѣлъ передъ собой, государь два раза тихо, но настойчиво спросилъ: «ты раненъ, Кулебякинъ»? Горькія слезы раненаго, о своихъ ранахъ забывшаго, были отвѣтомъ...

А на мѣстѣ событія подбирали убитыхъ, раненыхъ, изувѣченныхъ, раздавались ихъ раздирающіе душу стоны и крики, смѣшавшіеся съ крикомъ ужаса стекавшагося отовсюду обезумѣвшаго отъ горя народа. Скоро живымъ, неудержимымъ потокомъ, онъ наполнилъ собою Дворцовую площадь, куда привела новыя огромныя толпы быстро разлетѣвшаяся горестная вѣсть. Въ гробовомъ молчаніи, какъ-бы притаивъ дыханіе, стояла многотысячная толпа; она не вѣрила своему горю, не хотѣла вѣрить роковому исходу позорнѣйшаго изъ злодѣяній, она ждала и надѣялась. Тщетныя ожиданія, разбитыя надежды.

Въ 3 часа 35 минутъ пополудни воля Господа совершилась. Медленно и печально опустился до половины флагштокъ, означающій высочайшее присутствіе, императорскій флагъ на Зимнемъ дворцѣ, и русскіе люди поняли, что все кончилось: страданія царя-мученика прекратились, великій страдалецъ за русскую землю навѣки въ бозѣ почилъ.

Да, не стало государя-мученика — это было первое слово, вырвавшееся изъ русской груди, первый крикъ наболѣвшей, потрясенной русской души. Вся Русь повторила и всегда будетъ его повторять, помышляя или говоря о событіи 1-го марта.

По рядомъ съ этимъ глубоко вѣрнымъ уподобленіемъ, да будетъ позволено мнѣ высказать еще и другое, которое невольно является у меня каждый разъ, какъ передо мной встаетъ живая картина событія въ его простомъ ближайшемъ значеніи. Государь палъ не только какъ мученикъ, жертвой жесточайшаго по орудію своему цареубійства: онъ палъ и какъ воинъ-герой на своемъ опасномъ царскомъ посту, въ борьбѣ за Бога, Россію, ея спокойствіе и порядокъ, въ смертельномъ бою съ врагами права, порядка, нравственности, семьи — всего, чѣмъ крѣпко и свято человѣческое общежитіе, безъ чего не можетъ жить человѣкъ.

Когда миновали первыя острыя мгновенія народнаго ужаса и печали, когда пораженная Россія опомнилась и приняла въ себя, ея естественною, первою мыслью было: кто-же виновники страшнаго дѣла, на кого должны пасть народныя проклятія и пролитая кровь, гдѣ-же цареубійцы, опозорившіе свою родную страну? Россія хочетъ ихъ знать и голосами всѣхъ истинныхъ сыновъ своихъ требуетъ имъ достойной кары». И я считаю себя счастливымъ, что на этотъ грозный вопросъ моей родины могу смѣло отвѣчать ея суду и слушающимъ меня согражданамъ: вы хотите знать цареубійцъ? Вотъ они... (Прокуроръ указываетъ энергическимъ движеніемъ руки на скамью подсудимыхъ). Дѣйствительно, обвинительная власть была счастлива въ своемъ правовомъ дѣлѣ. Несмотря на кратковременность дѣятельности по изслѣдованію настоящаго дѣла, прокуратура имѣетъ въ настоящее время возможность, на основаніи усѣянныхъ полицейскихъ розысковъ и тщательнаго обслѣдованія дѣла черезъ чиновъ корпуса жандармовъ и судебныхъ слѣдователей, представить вамъ неотразимыя, по ея мнѣнію, доказа-

тельства виновности всѣхъ шести подсудимыхъ, преданныхъ вашему суду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно полное разоблаченіе того, какимъ образомъ составился и былъ приведенъ въ исполненіе заговоръ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ событіе 1-го марта. Кромѣ того, обвиненіе располагаетъ важнымъ матеріаломъ, какъ для характеристики каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, такъ и для оцѣнки и освѣщенія нѣкоторыхъ особенно яркихъ сторонъ того вообще уже извѣстнаго соединенія подсудимыхъ и ихъ единомышленниковъ въ одно цѣлое, которое имъ угодно величать пышнымъ названіемъ партіи, которое законъ спокойно называетъ преступнымъ тайнымъ сообществомъ, а здравомыслящіе, честные, но возмущенные русскіе люди зовутъ подпольною бандою, шайкою политическихъ убійцъ.

Прежде всего я долженъ коснуться самаго совершенія злодѣянія и остановить ваше вниманіе на лицахъ, въ совершеніи этого злодѣянія непосредственно физически виновныхъ. Одного изъ нихъ называть мнѣ нечего. Не говоря о томъ, что онъ давно назвалъ самъ себя, его назвали всѣ, назвала его и толпа, его захватившая, назвала его и вся Россія. Вы знаете кто это. Вы знаете, что первый изъ бросившихъ метательный снарядъ, не тотъ снарядъ, который причинилъ поврежденія государю императору, а тотъ, которымъ убитъ конвойный казакъ и смертельно раненъ Максимовъ, былъ подсудимый Николай Ивановъ Рысаковъ. Спѣшу замѣтить, что все то, что я буду говорить о фактахъ, о совершеніи преступленія, о дѣятельности, о роли и объ участіи въ этомъ преступленіи подсудимыхъ, пока буду основываться исключительно на данныхъ судебнаго слѣдствія, обнаруженныхъ независимо отъ собственныхъ показаній подсудимыхъ.

Не доказавъ на основаніи этихъ данныхъ виновности обвиняемыхъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго отдѣльно, я не хочу обращаться къ ихъ показаніямъ. Я обращусь къ нимъ впослѣдствіи, когда виновность въ общихъ существенныхъ чертахъ и безъ нихъ будетъ уже установлена. Въ моемъ распоряженіи такое множество доказательствъ, что остается только выбирать между ними. Такъ, по отношенію къ подсудимому Рысакову есть прежде всего очевидцы совершенія имъ преступленія. Еще за нѣсколько мгновеній до того времени, когда императорская карета повернула направо, по Екатерининскому каналу. Рысакова видѣлъ идущимъ по панели канала и обогналъ его свидѣтель Гороховъ. Онъ замѣтилъ человѣка, въ которомъ, впослѣдствіи, и здѣсь на судѣ призналъ Рысакова, идущаго тихо и несущаго въ рукахъ какой-то предметъ, имѣвшій круглую, овальную форму предъявленнаго здѣсь метательнаго снаряда, и завернутый въ бѣлый платокъ. Гороховъ не выпускалъ этого человѣка изъ глазъ до того самаго момента, когда съ нимъ поровнялась императорская карета. Съ другой стороны шелъ свидѣтель Назаровъ и видѣлъ какъ Рысаковъ, взмахнувъ обѣими руками, бросилъ что-то бѣлое, показавшееся свидѣтелю комомъ снѣга, подъ лошадей и карету. Въ ту-же минуту и послѣдовалъ первый взрывъ. Свидѣтели Несговоровъ, Макаровъ, полковникъ Дворжицкій и другіе, участвовавшіе въ задержаніи Рысакова, удостовѣряютъ, что онъ былъ схваченъ, какъ человѣкъ, несомнѣнно бросившій первый снарядъ: такимъ образомъ, Рысаковъ былъ задержанъ на мѣстѣ совершенія преступленія, при самомъ его совершеніи. Доставленный въ управленіе градоначальства, онъ немедленно сознался во всемъ. Поэтому о фактической его виновности болѣе говорить не при-

ходится. Но тутъ-же рядомъ стоитъ вопросъ о томъ, кто-же бросилъ второй снарядъ, снарядъ, причинившій убійственный взрывъ, бывшій непосредственнымъ орудіемъ страшнаго злодѣянія. На этотъ вопросъ, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія, обвинительная власть имѣетъ полную возможность дать отвѣтъ положительный, категорическій, не допускающій никакого сомнѣнія. Человѣкъ, бросившій второй снарядъ, не находится въ числѣ подсудимыхъ. Онъ не преданъ вашему суду, но онъ обнаруженъ. Онъ покончилъ свои разсчеты съ земною жизнію — онъ умеръ подъ ложнымъ именемъ Ельникова, отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ *). Смерть избавила его отъ скамьи подсудимыхъ и законнаго возмездія, но она не избавляетъ меня отъ необходимости доказать предъ вами, что оба виновника взрыва, оба физическіе виновники злодѣянія обнаружены: одинъ изъ нихъ подсудимый Рысаковъ, другой умершій, называвшійся Ельниковымъ. Вы помните, мм. гг., что изъ показаній свидѣтелей объ обстановкѣ втораго взрыва, происшедшаго въ густой толпѣ, собравшейся вокругъ монарха, вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что человѣкъ, бросившій второй снарядъ, стоялъ близко отъ государя императора. Дѣйствительно, свидѣтель Павловъ видѣлъ человѣка, который, стоя близъ государя, къ ногамъ его бросилъ что-то, высоко взмахнувъ руками, послѣ чего и раздался второй взрывъ. При наличности этого условія, при маломъ разстояніи между бросившимъ второй снарядъ и государемъ императоромъ слагается еще и другой очевидный выводъ: тотъ, кто бросилъ второй снарядъ, не могъ самъ избѣ-

*) Вскорѣ было раскрыто, что то былъ студентъ Гриневицкій.
Прим. *Л. Д.*

жать поранений, не могъ не пострадать отъ взрыва,—онъ стоялъ слишкомъ близко къ своей жертвѣ для того, чтобы и на немъ не отразилось разрушительное дѣйствіе его собственнаго дѣла. На кого-же изъ пострадавшихъ могло-бы пасть подозрѣніе? Всѣ они перечислены, приведены въ извѣстность. Между ними, лицами ближайшей свиты и конвоя, также какъ и случайными прохожими, нѣтъ ни одного подозрительнаго человѣка. Кромѣ того лишь неизвѣстнаго, который былъ, въ безсознательномъ состояніи, поднятъ на мѣстѣ злодѣянія, доставленъ въ придворный конюшенный госпиталь и здѣсь, придя въ себя, на послѣдній вопросъ врача объ имени и званіи, которыя не были обнаружены, отвѣчалъ: «не знаю»,—этотъ человѣкъ и никто другой долженъ быть признанъ лицомъ, которое бросило второй снарядъ. Эксперты, освидѣтельствовавшіе его при жизни и производившіе медицинскій осмотръ его трупа, по даннымъ этого осмотра, изложеннымъ въ ихъ заключеніи, окончательно убѣждаютъ насъ въ справедливости нашего вывода. Поврежденія этого лица сосредоточиваются болѣе всего на передней сторонѣ туловища, преимущественно на правой рукѣ, и по количеству ихъ, а оно огромное,—по тому обстоятельству, что получившій поврежденія стоялъ не далѣе трехъ шаговъ, совпадаетъ съ показаніемъ свидѣтеля Павлова. Слѣдовательно, второй снарядъ былъ брошенъ человѣкомъ, называвшимъ себя Ельниковымъ. Дальнѣйшія разслѣдованія относительно этого лица не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, кто именно былъ вмѣстѣ съ подсудимымъ Рысаковымъ непосредственнымъ виновникомъ злодѣянія. Онъ жилъ подъ именемъ Ельникова на Выборгской сторонѣ, по Сибирской улицѣ, въ домѣ № 59-й, гдѣ 3-го марта и былъ сдѣланъ обыскъ. Не останавливаясь теперь на

обстоятельствахъ этого обыска, къ которому мнѣ еще придется возвратиться впослѣдствіи, замѣчу теперь, что у Ельникова была найдена та самая программа рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли», которая оказалась и у его соучастника Рысакова; кромѣ того, еще платокъ съ мѣткою Н. И. Р.—Николай Ивановъ Рысаковъ, признанный Рысаковымъ за оставленный имъ у знакомаго ему Ельникова. Такимъ образомъ, Рысаковъ и Ельниковъ неразрывно связаны между собою: первый снарядъ въ рукахъ Рысакова, второй —въ рукахъ Ельникова. Ельниковъ. онъ-же «Михаилъ Ивановичъ», онъ-же «Котикъ» - революціонное прозвище, вотъ все, что мы знаемъ объ этомъ человѣкѣ; смерть избавила его отъ людского суда. Да будетъ такъ. Для насъ важно лишь то, что оба физическіе виновника злодѣянія обнаружены. И такъ, мы знаемъ и орудіе преступленія; сдва-ли нужно мнѣ останавливаться въ подробностяхъ на метательныхъ снарядахъ, такъ полно и обстоятельно описанныхъ и въ экспертизѣ, письменно произведенной при изслѣдованіи настоящаго дѣла и въ авторитетномъ заключеніи экспертовъ, въ особенности генерала Ѳедорова, данномъ здѣсь на судѣ. Я укажу только на нѣсколько болѣе рельефныхъ особенностей. Орудіемъ преступленія были метательные снаряды: оба снаряда, брошенные на Екатерининскомъ каналѣ разорвались отъ внѣшней ихъ оболочки. На мѣстѣ преступленія найдено было только нѣсколько кусочковъ жести, но по обыску въ домѣ № 5-й, по Тележной улицѣ, въ ночь съ 2-го на 3-е марта, были найдены два, заключенные въ такую-же жестяную оболочку, метательные снаряды и если-бы мы не имѣли передъ собою ни показаній Желябова, Перовской и Рысакова и ни одного свидѣтельскаго показанія, удо-

стовѣряющихъ, что именно изъ конспиративной квартиры на Телѣжной улицѣ отправлялись на злодѣянія лица, его совершившія, то на основаніи сличенія этихъ снарядовъ съ остатками и дѣйствіемъ снарядовъ, разорвавшихся на Екатерининскомъ каналѣ, мы могли-бы установить полное тождество между ними и сказать, что преступленіе было совершено такими-же снарядами, какъ тѣ, которые были найдены въ Телѣжной улицѣ. Экспертиза гг. Оедорова, Лисовскаго и Шахъ-Назарова указываютъ на это, а показанія Рысакова, Перовской и Желябова лишь это подтверждаютъ. Объ устройствѣ метательныхъ снарядовъ можно говорить на основаніи экспертизы генерала Оедорова или на основаніи экспертизы подсудимаго Кибальчича, да, Кибальчича, потому, что Кибальчичъ техникъ: онъ не только человѣкъ, изучившій эти снаряды въ подробности и совершенствѣ, онъ авторъ ихъ, и кому-же какъ не ему лучше знать, какъ они устроены; поэтому указанія Кибальчича объ этихъ снарядахъ въ томъ, въ чемъ онѣ не расходятся съ заключеніемъ экспертовъ и въ чемъ онѣ не имѣютъ въ виду конспиративныхъ интересовъ Кибальчича и его партіи, не лишены для насъ извѣстнаго значенія. Дѣйствіе этихъ снарядовъ неотразимо, ихъ устройство основано на такой системѣ, въ которой составныя части другъ друга пополняютъ и восполняютъ, доводя воспламененіе до взрывчатаго вещества —гремучаго студня; исключая всякую возможность неудачи, воспламененіе непремѣнно должно послѣдовать отъ простаго сильнаго сотрясенія: оно сообщается ударному составу, который есть послѣднее слово техники, и производитъ взрывъ: онъ неизбѣженъ, этотъ взрывъ, еще и потому, что внутренній аппаратъ снаряда устроенъ вдвойнѣ, такъ что, какъ-бы снарядъ ни упалъ, верти-

кально или горизонтально, взрывъ долженъ произойти непремѣнно и оба источника воспламенения — двѣ стеклянныя трубочки, наполненныя сѣрною кислотою, съ давящими на нихъ грузиками, соединяются съ взрывчатымъ веществомъ; тонкость исполненія снарядовъ, изобрѣтательность, потраченная на нихъ и возможность при наличности частей, входящихъ въ ихъ составъ, собрать снарядъ одному человѣку и притомъ домашними средствами, также не подлежатъ сомнѣнію. И такъ, совершители злодѣянія и его орудіе обнаружены, но этого мало; и немедленно, вслѣдъ за этимъ, передъ нами встаетъ вопросъ: одни-ли эти двое, Рысаковъ и называвшій себя Ельниковымъ, совершили злодѣяніе, безъ соучастниковъ, дѣйствовали-ли они за свой личный счетъ, по собственнымъ своимъ побужденіямъ, совершили-ли они его какъ Рысаковъ и Ельниковъ, или какъ люди, принадлежащіе къ цѣлому злодѣйскому тайному соединенію. На это намъ отвѣчаетъ категорически простой здравый смыслъ нѣтъ. А если нѣтъ, то нужно найти и руки, державшія концы тѣхъ нитей, которыя двигали Рысаковымъ и Ельниковымъ, нужно найти головы, этими руками владѣвшія, головы, въ которыхъ сложился ужасный замыселъ и безъ которыхъ онъ не былъ-бы и не могъ-бы быть приведенъ въ исполненіе. Одному Рысакову и Ельникову нельзя было совершить злодѣянія ужс по самымъ средствамъ, ими употребленнымъ: кромѣ того, я думаю, что какъ-бы низко ни палъ человѣкъ, какъ-бы не были преступны и гнусны его личныя побужденія — изъ-за однихъ этихъ личныхъ отдѣльныхъ побужденій онъ никогда не рѣшился-бы, онъ содрогнулся-бы и остановился-бы передъ ужасомъ цареубійства. Я утверждаю, что дрогнула-бы рука, вооруженная смертоноснымъ снарядомъ, и остановились-бы и

Ельниковъ, и Рысаковъ, если-бы за спиной ихъ не стоялъ Желябовъ, если-бы за Желябовымъ не стояла преславутая партія. Все—и сущность преступленія, и способъ его совершенія, и личный, далеко не твердый и не закаленный характеръ самаго физическаго виновника преступленія Рысакова наводитъ на мысль, что оно сложилось не въ его головѣ и вышло не изъ одиѣхъ его рукъ, даже не изъ простаго соединенія двухъ или болѣе лицъ, согласившихся между собою; нѣтъ, у всякаго русскаго гражданина готовъ на это другой отвѣтъ. Оно есть дѣло рукъ той-же соціально-революціонной партіи, которая съ февраля 1878 года, въ теченіе трехъ лѣтъ, не перестаетъ ознаменовывать себя крамолою и кровью, которую она проливаетъ на русской землѣ. Да, для насъ всѣхъ очевидно и несомнѣнно, что злодѣяніе 1-го марта совершено тою самою партіею, у которой, по словамъ Желябова, мысль о цареубійствѣ составляетъ общее достояніе, а динамитъ общественную собственность; будемъ-же, слѣдовательно, искать соучастниковъ Ельникова и Рысакова, и для того, чтобы не ошибиться въ этихъ поискахъ, чтобы съ точностью указать на каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, сначала оставимъ въ сторонѣ соединеніе ихъ въ одно будто-бы политическое цѣлое, въ одну партію, и постараемся отмѣтить и изобличить ихъ сначала только какъ отдѣльныхъ дѣятелей общаго преступленія. Слѣдуя шагъ за шагомъ за ходомъ изслѣдованія настоящаго дѣла, въ хронологическомъ порядкѣ розысковъ, мы получимъ рядъ вѣскихъ данныхъ. Какъ наводненіе оставляетъ за собою слѣды, по которымъ можно впослѣдствіи прослѣдить, по какимъ мѣстамъ оно прошло, какія мѣста были покрыты водою, какъ на землѣ остались водоросли, сырость, плѣсень, такъ точно возможно одно за другимъ

прослѣдить мѣста, по которымъ прошелъ заговоръ, отмѣтить лицъ, которыхъ онъ охватилъ собою, констатировать его фактическіе и матеріальные слѣды. Въ этихъ разысканіяхъ, прежде всего, приходится остановиться на подсудимомъ Желябовѣ уже по одному тому, что его вступленіе въ настоящее дѣло предшествуетъ, если такъ можно выразиться, даже самому совершенію злодѣянія: его зачинщикъ и одинъ изъ главнѣйшихъ его виновныхъ, онъ былъ арестованъ за два дня до злодѣянія, 27-го февраля. Разыскиваемый еще съ осени 1879 года, по обвиненію въ совершеніи, посредствомъ взрыва близъ города Александровска, покушенія на жизнь государя императора, онъ долгое время успѣшно скрывался отъ преслѣдованія власти, но энергически веденные еще съ осени прошлаго 1880 года розыски отдали его въ руки правосудія; на слѣды его напали вслѣдствіе ареста въ Петербургѣ, подъ именемъ Поливанова, нѣкоего Александра Михайлова, одного изъ видныхъ участниковъ такъ называемой террористической фракціи. При изслѣдованіи дѣятельности Михайлова было обнаружено, что въ числѣ лицъ, группировавшихся вокругъ него въ Петербургѣ, было и лицо, руководившее александровскимъ покушеніемъ, лицо, уже давно указанное Гольденбергомъ, подъ именемъ Желябова, имѣвшее отношеніе къ одной изъ существовавшихъ въ то-же самое время въ Петербургѣ (будемъ употреблять для краткости характерное названіе, изобрѣтенное подсудимыми) конспиративныхъ квартиръ, а именно въ квартирѣ по Большой Подъяческой, въ д. № 37-й, въ которой помѣщалась динамитная мастерская, другими словами, производилось заготовленіе общественной собственности партіи. Становясь, съ каждымъ шагомъ разслѣдованія, все опредѣленнѣе и точнѣе, свѣдѣнія о Желябовѣ при-

вели 27-го февраля къ аресту его въ квартирѣ одного изъ крупныхъ дѣятелей динамитнаго сообщества, дѣйствительнаго студента новороссійскаго университета, Ергонш. Утромъ, 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до злодѣянія на Екатерининскомъ каналѣ, была обнаружена и квартира самаго Желябова по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и въ ней былъ начатъ обыскъ. Злодѣяніе и энергическія мѣры, имъ вызванныя, пріостановили обыскъ, такъ что онъ былъ окончен только 2-го марта и привелъ къ обнаруженію данныхъ, прямо указывающихъ на Желябова, какъ на лицо, прикосновенность котораго къ злодѣянію 1-го марта представлялась болѣе чѣмъ вѣроятною. Такъ, было найдено пять жестянокъ, изъ которыхъ въ трехъ были явственные остатки чернаго вещества, оказавшагося чернымъ динамитомъ, были найдены нѣкоторыя принадлежности химическихъ опытовъ, получающихъ, при сопоставленіи ихъ съ тутъ-же бывшимъ динамитомъ, весьма краснорѣчивое значеніе, оказались, наконецъ, двѣ каучуковыя трубки, подобныя тѣмъ, которыя употреблялись въ метательныхъ снарядахъ, и простая корзина, наполненная сырами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли клеймо С. А. С. Желябовъ проживалъ на квартирѣ не одинъ, а съ женщиною, называвшеюся Людмилою Антоновой Войновой, которая таинственно исчезла изъ квартиры на другой день послѣ ареста ея сожителя, повидимому, тогда, когда въ этомъ арестѣ она увѣрилась. Такимъ образомъ, вниманіе розыска силою вещей должно было остановиться на Желябовѣ, какъ на вѣроятномъ участникѣ злодѣянія 1-го марта Въ ночь на 3-е марта была открыта еще одна конспиративная квартира, имѣвшая ближайшее непосредственное отношеніе къ злодѣянію, квартира въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ.

Я напомню вкратцѣ обстоятельства этого открытія. Вы, конечно, хорошо помните этотъ ночной пріѣздъ должностныхъ лицъ на спѣшный обыскъ, встрѣтившія ихъ, первоначально, молчаніе и темноту, запертую дверь, за дверью мужской голосъ «кто тамъ?» отвѣтъ: «полиція и прокуроръ». Затѣмъ быстро удаляющіеся шаги, выстрѣлы въ квартирѣ, одинъ за другимъ, всего шесть, за тѣмъ отворившуюся другую маленькую дверь на лѣстницу, гдѣ стояли должностныя лица, и женскій голосъ, сказавшій: «теперь можете входить, мы сдаемся». Сдавалась Геся Гельфманъ. Но задержаніи ея, при входѣ должностныхъ лицъ, въ квартирѣ, во второй комнатѣ, оказался умирающій человѣкъ, повидимому, только что застрѣлившійся, и, не смотря на немедленную медицинскую помощь, тутъ-же умершій. Личность его была обнаружена весьма скоро. Онъ оказался дворяниномъ Саблинымъ, судившимся по дѣлу о 193-хъ, и, такимъ образомъ, имѣвшимъ, подобно Желябову и Гельфманъ, то, чего не имѣлъ Рысаковъ—революціонное прошлое. По обыску, въ квартирѣ былъ найденъ рядъ предметовъ, ясно доказывавшихъ не только то, что это была квартира конспиративная, но и что лица, въ ней жившія, одинъ—умершій Саблинъ, другая—арестованная Геся Гельфманъ, были участниками злодѣянія и хозяевами тайнаго притона, служившаго сборнымъ пунктомъ совершителей злодѣянія. Тамъ были найдены прокламаціи «исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи», отъ 1-го марта, помѣченныя: «Печатано въ типографіи «Народной Воли», 2-го марта, и трактующія о злодѣяніи 1-го марта. Были найдены во множествѣ химическія принадлежности, записка о воспріемѣ въ метательный снарядъ воспламеняющемся составъ изъ бертолетовой соли и сѣрнистой

сурьмы съ сахаромъ, рисунокъ на оборотѣ транспаранта, изображающій какой-то аппаратъ для производства гальваническаго тока, планъ Петербурга съ очевидно подозрительными линіями, такъ какъ онѣ, проходя чрезъ Зимній дворецъ, или черезъ мѣсто событія на Екатерининскомъ каналѣ, по Инженерной улицѣ, къ Михайловскому дворцу, наконецъ, былъ найденъ грубо начерченный карандашемъ планъ на оборотѣ конверта. По сличеніи этого плана съ настоящимъ планомъ Петербурга, оказалось, если отбросить техническіе недостатки, напримѣръ, полное отсутствіе масштаба, что мѣстность, на немъ изображенная, совершенно совпадаетъ съ тою мѣстностью, которая сдѣлалась мѣстомъ злодѣянія. Планъ этотъ, очевидно, былъ планомъ мѣста дѣйствія, это была диспозиція, роздашая соратникамъ передъ тѣмъ, какъ отправлять ихъ на засаду. Кромѣ того, и это было всего важнѣе, были найдены два снаряда, тождественные съ тѣми, которыми были вооружены Рысаковъ и Ельниковъ. На эти снаряды, при входѣ въ комнату, гдѣ они находились, обратила вниманіе должностныхъ лицъ сама Геся Гельфманъ, встрѣтившая ихъ на порогѣ комнаты испуганнымъ восклицаніемъ: «не ходите туда, тамъ взрывчатыя вещества». Едва окончился ночной обыскъ, какъ утромъ, 3-го марта, въ той-же самой квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, совершилось еще происшествіе, давшее новое указаніе и новаго обвиняемаго. Въ квартиру, гдѣ была оставлена полиція, явился неизвѣстный человѣкъ, отказавшійся назвать себя, спутавшійся въ своихъ объясненіяхъ, и вслѣдствіе всего этого задержанный, причемъ, когда его начали обыскивать, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и сдѣлалъ изъ него въ чиновъ полиціи шесть выстрѣловъ, которыми нанесъ контузію

приставу Слуцкому и опасную рану городовому Денисову. Вскорѣ послѣ обыска въ квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, была обнаружена другая конспиративная квартира, находившаяся съ нею въ преемственной связи, квартира въ Троицкомъ переулкѣ, въ которой хозяйка была та-же Геся Гельфманъ, и которую ея хозяева очистили незадолго до 1-го марта, причемъ Гельфманъ прямо переѣхала въ Телѣжную улицу.

Возвращаясь къ событіямъ, происходившимъ въ квартирѣ въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, слѣдуетъ упомянуть, что человѣкъ задержанный въ ней утромъ, 3-го марта, оказался подсудимымъ Тимофеемъ Михайловымъ. Прибытіе его въ конспиративную квартиру, его вооруженное сопротивленіе, его отказъ объявить о своемъ званіи, вся обстановка его задержанія прямо указывали на него, какъ на одного изъ лицъ, которыхъ кругъ, исходящій изъ злодѣянія 1-го марта, долженъ былъ обнимать собою.

4-го марта обнаруженъ подкопъ по Малой Садовой. Вы помните обстоятельство этого обнаруженія. Изъ сырной лавки Кобозева, помѣщающейся въ подвальномъ этажѣ дома графа Менгдена, страшнымъ образомъ 3-го марта исчезли хозяева лавки, навлекавшіе и прежде на себя подозрѣніе. Изъ лавки Кобозевыхъ, какъ оказалось по осмотрѣ, былъ устроенъ подкопъ: пробито было отверстіе подъ окномъ подвальнаго помѣщенія, смежнаго съ лавкою, и отъ этого отверстія проведена минная галлерея, устроенная по всѣмъ правиламъ техническаго дѣла подъ мостовую Малой Садовой. Цѣль подкопа, его назначеніе—по одному даже поверхностному обозрѣнію, представлялись совершенно ясными: по Малой Садовой имѣлъ привычку проѣзжать покойный Государь Императоръ въ Михайлов-

скій манежъ, и проведенная изъ лавки Кобозевыхъ подземная галлерея находилась на его пути, въ ней заложенъ былъ зарядъ чернаго динамита, а въ лавкѣ приготовлена была батарея, посредствомъ которой могъ быть произведенъ взрывъ. На случай если-бы взрывъ не удался, сдѣланы были другія приготовленія для покушенія, къ несчастію, удавшагося. Чтобы не возвращаться болѣе къ подкопу въ Малой Садовой, имѣющему эпизодическое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, я постараюсь въ немногихъ словахъ очертить передъ вами все къ нему относящееся. Вы удержали, конечно, въ памяти, что въ подкопѣ, при его обнаруженіи, все оказалось готовымъ: зарядъ, заключавшій около двухъ пудовъ динамита, былъ положенъ; въ галлереѣ сдѣлана забивка; элементы батареи уже дѣйствовали; концы проволоки были заострены— оставалось только пропзвести токъ и взрывъ послѣдовалъ-бы непремѣнно. Дѣйствіе взрыва, подготовленнаго въ подкопѣ, о которомъ во вчерашнемъ засѣданіи такъ много шло пререканій между экспертизой и подсудимымъ Кибальчичемъ, было-бы, чтобы ни говорилъ подсудимый, убійственное. Образовалась-бы по срединѣ Малой Садовой улицы воронка около трехъ саженъ въ діаметрѣ и все находившееся на мѣстѣ ея и вокругъ должно было погибнуть: погибли-бы экипажъ, люди, его сопровождавшіе, и люди проходившіе по тротуару, въ домахъ обвалилась-бы штукатурка, стѣны могли дать трещины, словомъ, область разрушенія должна была быть велика. Правда, подсудимый Кибальчичъ много говорилъ на судѣ о томъ, что онъ, дававшій техническіе совѣты при устройствѣ подкопа и заложенія мины, старался, не болѣе не менѣе, какъ о минимальномъ количествѣ заряда и о минимальномъ, слѣдовательно, вредѣ отъ взрыва для частныхъ

лицъ. Но если даже онъ старался — старанія эти, какъ удостовѣряютъ эксперты, не увѣнчались-бы успѣхомъ. Не слѣдуетъ далѣе упускать изъ вида, что, по обыску лавки Кобозевыхъ, оказались сыры, на которыхъ, по обозрѣнію и сличенію, найдено, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ то самое клеймо, которое было на сырахъ, найденныхъ въ квартирѣ Желябова. Очевидно, что Желябовъ или продовольствовался этими сырами изъ лавки Кобозева, или поставлялъ ихъ въ лавку. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, между лавкою Кобозева и квартирою Желябова уже устанавливается связь. Затѣмъ, всѣ свѣдѣнія о Кобозевыхъ, которыхъ я не буду повторять, явно ложныя обстоятельства мнимой ихъ торговли, посѣщеніе ихъ подозрительными людьми, наконецъ, исчезновеніе ихъ 3-го марта, послѣ обыска въ Тележной улицѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лицѣ Кобозева и его жены мы имѣемъ прямыхъ участниковъ злодѣянія 1-го марта. Этимъ, впрочемъ, указанія на виновныхъ не исчерпываются.

Черезъ недѣлю послѣ обыска въ Тележной ул., 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, по странной случайности, въ той-же мѣстности событія, противъ Екатерининскаго сквера, околодочнымъ надзирателемъ Широковымъ была задержана женщина, которая съ перваго-же слова захотѣла откупиться взяткою въ 30 р. А когда это не удалось, должна была признать, что она сожительница Желябова, Лидія Войнова, въ дѣйствительности-же — Софья Перовская. У Перовской большое революціонное прошлое. Она розыскивалась по обвиненію въ покушеніи на жизнь усопшаго государя императора 19-го ноября, послѣдовавшаго на другой день послѣ александровскаго покушенія на курской жел. дор. подъ Москвой. Это прошлое, во

всякомъ случаѣ, указывало на нее, какъ на лицо, вѣроятно, принимавшее въ злодѣяніи 1-го марта участіе. Кромѣ того, отношенія ея къ Желябову были также основаніемъ для того, чтобы производящіе изслѣдованіе остановили на ней особое вниманіе. Рядъ свидѣтельскихъ показаній не замедлилъ установить между подсудимыми и обвиняемыми тѣсную связь и близкое знакомство. Такъ, Рысаковъ бывалъ у умершаго Ельникова. Посѣщенія эти удостовѣряются показаніемъ служанки квартиры послѣдняго Смѣлковой, видѣвшей Рысакова у Ельникова еще 26-го февраля, признается самимъ Рысаковымъ и доказывается платкомъ съ мѣткой П. Р., принадлежащимъ Рысакову, и найденнымъ у Ельникова. Подсудимый Желябовъ бывалъ иногда, какъ признаетъ та-же Смѣлкова, у того-же Ельникова вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Перовской. Желябовъ бывалъ и въ лавкѣ Кобозева; это удостовѣряется старшимъ дворникомъ Самойловымъ и его подручнымъ Ульяновымъ, которые, хотя и мелькомъ, но видѣли, замѣтили его и признали, не смотря на то, что Желябовъ, по его словамъ, такъ ловко можетъ измѣнять свою наружность, костюмъ и походку. Свидѣтели признали его здѣсь на судѣ, да и самъ Желябовъ не отвергаетъ того, что онъ былъ въ числѣ почныхъ работниковъ, готовившихъ подкопъ. Намъ всѣмъ памятно, какъ вчера Желябовъ съ особымъ усердіемъ останавливался на показаніи этихъ свидѣтелей, хотѣлъ ихъ сбить, указывалъ на мелкія неточности ихъ показаній, на невозможность имъ повѣрить, на несообразность ихъ вывода. Вѣроятно, у васъ, мм. гг., мелькнулъ въ головѣ вопросъ: «Да почему-же Желябовъ все это дѣлаетъ, когда самъ признаетъ, что бывалъ у Кобозева и работалъ въ подкопѣ?». Отвѣтъ прямой: «Ему это нужно не для самого себя, а для Тимо-

ѳея Михайлова, чтобы, по возможности, его выгородить изъ дѣла и снять съ него обвиненіе, которое надъ нимъ тяготѣетъ». Умершій Саблинъ также бывалъ у Рысакова, по крайней мѣрѣ, въ трунѣ его хозяйка квартиры Ермолина признала сходство съ нимъ лица, посѣщавшаго Рысакова. Далѣе, Геся Гельфманъ также была у Ельникова, три раза, по показанію Смѣлковой, не заставала его дома и оставила ему записку. Подсудимый Михайловъ бывалъ въ лавкѣ Кобозева, по удостовѣренію цѣлаго ряда лицъ. Видѣли подозрительныхъ людей, приходившихъ къ Кобозеву, дворники и сказали о нихъ околоточному Дмитріеву, которому было поручено вообще наблюденіе за лавкой и который одного изъ этихъ лицъ прослѣдилъ по выходѣ его изъ лавки. Онъ видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ вышелъ на улицу и направился къ Невскому. Дмитріевъ, въ этомъ лицѣ, здѣсь на судѣ, положительно призналъ подсудимаго Михайлова. Онъ прослѣдилъ его до извощика, такъ называемаго «лихача», котораго Михайловъ нанялъ къ Вознесенскому мосту, и на другомъ лихачѣ поѣхалъ за нимъ, но потерялъ его изъ виду. Извощикъ Гординъ, показаніе котораго вы слышали и который отвозилъ Михайлова, точно также, по росту и сложенію, призналъ подсудимаго Михайлова за того человѣка, который его нанялъ за рубль къ Вознесенскому мосту, и потомъ велѣлъ отвезти себя въ Измайловскій полкъ. Онъ не призналъ его только по голосу, но голосъ есть признакъ для признанія личности весьма шаткій. Если подсудимый Желябовъ такъ хорошо мѣняетъ походку и наружность, то можно предположить, что и Михайловъ, въ числѣ прочихъ свѣдѣній, имъ въ революціонной партіи добытыхъ, пріобрѣлъ и усвоилъ себѣ свѣдѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ измѣнять свой голосъ, въ особенности, при томъ

условіи, что ему пришлось сказать извощику лишь нѣсколько словъ. На основаніи приведенныхъ мною данныхъ, я считаю удостовѣреннымъ тождество Михайлова съ лицомъ, посѣщавшимъ лавку Кобозева. Затѣмъ, Перовская также бывала у Ельникова вмѣстѣ съ Желябовымъ. Они сошлись 26-го февраля, придя къ Ельникову вмѣстѣ съ Рысаковымъ, и ушли нѣсколько раньше Рысакова. Отсюда выводъ весьма простой и категорическій. Участники злодѣянія 1-го марта обнаружены, ихъ можно пересчитать по одному, можно указать на каждаго въ отдѣльности, безъ всякой ошибки. Это: во-первыхъ -Рысаковъ, во-вторыхъ —умершій Ельниковъ, въ третьихъ — Желябовъ, въ четвертыхъ—Перовская, въ пятыхъ—Кибальчичъ, который былъ арестованъ 17-го марта, и который сознался, что онъ техникъ, упоминавшійся Рысаковымъ, въ шестыхъ—застрѣлившійся Саблинъ, въ седьмыхъ—Геся Гельфманъ, въ восьмыхъ—Тимофей Михайловъ, въ девятыхъ и десятыхъ—называвшіеся Кобозевыми, мужемъ и женою, и, пожалуй, прибавимъ сюда, если вѣрить показанію Рысакова, необнаруженнаго человѣка, видѣннаго Рысаковымъ въ конспиративной квартирѣ подъ именемъ Михаила Ивановича. Изъ этихъ одиннадцати лицъ двое умерли, трое пока не розысканы и шесть находятся здѣсь передъ вами, на лицо. Подсудимый Желябовъ вчера, по поводу свидѣтельскихъ показаній, говорилъ, между прочимъ, что вамъ на этой скамьѣ придется еще видѣть другихъ лицъ. Надежда подсудимаго Желябова, что на этой скамьѣ будутъ прочіе его соучастники —надежда основательная и справедливая. Желябовъ, въ данномъ случаѣ, не ошибается.

Я старался, милостивые государи, доказать данными судебнаго слѣдствія, что всѣ подсудимые, безъ исключе-

нія, фактами, относящимися до каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, изобличаются въ болѣе или менѣе прямомъ соучастіи въ злодѣяніи 1-го марта.

Въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти къ установленію того, что если мы имѣемъ предъ собою, въ лицѣ шести подсудимыхъ, соучастниковъ преступленія. то это соучастники не простые, связанные между собою обыкновеннымъ уголовнымъ соучастіемъ и стеченіемъ виновности, но люди, болѣе крѣпкою связью соединенные въ одно цѣлое, называемое ими «соціально-революціонною партіей». Мнѣ, слѣдовательно, необходимо доказать, что злодѣяніе 1-го марта совершено не только нѣсколькими лицами, на него сговорившимися, но совершено цѣлою группою лицъ, изъ среды которой эти лица вышли и въ интересахъ которой они дѣйствовали. Другими словами, въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти отъ обвиненія каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, какъ человѣка, какъ лица частнаго, лица физическаго, къ обвиненію ихъ, какъ лицъ, входящихъ въ составъ партіи, къ обвиненію этой самой партіи.

Судебною практикою, да и здравымъ смысломъ, установляется рядъ общихъ признаковъ, на основаніи наличности которыхъ въ извѣстныхъ фактахъ, можно судить объ отношеніи этихъ фактовъ и лицъ, факты создавшихъ, къ извѣстному соединенію, преслѣдующему политическую цѣль, т. е. судить о принадлежности тѣхъ или другихъ лицъ къ революціонному движенію. Такими признаками я считаю, во 1-хъ, печатныя произведенія и рукописи, свидѣтельствующія о таковой принадлежности; во 2-хъ, предметныя и иныя указанія революціонной дѣятельности обвиняемыхъ; въ 3-хъ, революціонное ихъ прошлое и, въ 4-хъ, собственныя объясненія обвиняемыхъ

объ ихъ отношеніи къ этому преступному соединенію.

Сообразно этимъ четыремъ признакамъ, я и раздѣлю настоящее свое изложеніе. Рядъ печатныхъ произведеній и рукописей, на которыхъ лежитъ несомнѣнная неизгладимая печать соціально-революціоннаго движенія, которыя громко свидѣтельствуютъ объ этомъ движеніи, какъ о своемъ источникѣ, оказывается у каждаго изъ подсудимыхъ. Останавливаясь на подсудимомъ Рысаковѣ и на вещахъ, найденныхъ у него по обыску, произведенному въ его квартирѣ у Ермолиной, я указываю на нумера «Народной Воли», на найденную у него, очевидно, произведеніе весьма недавнее, «программу рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли» и объяснительную къ ней записку. У него-же найдены: рукопись, написанная его рукою, по всей вѣроятности, списанная съ чего-нибудь, подъ заглавіемъ: «Задачи боевой рабочей организаціи», представляющая какъ-бы введеніе къ объяснительной запискѣ программы, и рукописное стихотвореніе безъ заглавія, содержаніе котораго представляетъ собою фантастическій и удивительный по дикости разсказъ о боѣ съ царемъ. У умершаго Ельникова въ квартирѣ Аргамозовой найдена была та-же самая программа рабочихъ членовъ партіи, которая оказалась у Рысакова. Затѣмъ у подсудимыхъ Желябова и Перовской, жившихъ вмѣстѣ, на квартирѣ ихъ, по первой ротѣ Измайловскаго полка, найдено множество печатныхъ изданій «Земля и Воля» и «Народная Воля», оказались и прокламаціи, между прочимъ, отъ «исполнительнаго комитета» по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го февраля 1880 года. Кромѣ того, найдена гектографированная «программа дѣйствія великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ», съ объяснительной запискою. Я обращаю вниманіе на то, что въ

противоположность другимъ изданіямъ, эта программа не печатная, а гектографированная, вѣроятно, потому, что въ публикѣ было неудобно распространять ее, такъ какъ по самому содержанію своему она отголкнула-бы публику отъ движенія. У подсудимой Перовской, при ней самой, найдена была печатная программа «исполнительнаго комитета». Это руководство партіи — программа, которая должна быть въ карманѣ каждаго члена общества, въ которой написано: чего держаться, какъ поступать, безъ которой онъ не можетъ ступить ни шага и отъ которой отступить не можетъ. У Перовской-же найдено дополненіе къ этой программѣ: два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли», 17 экземпляровъ приложенія къ № 2-му «Рабочей газеты», начавшей издаваться недавно, въ концѣ 1880 г., затѣмъ рукопись весьма замѣчательнаго содержанія: «Подготовительная работа партіи» и, наконецъ, 18 экземпляровъ воззванія, по поводу событія 1-го марта, отъ имени «исполнительнаго комитета» и 14 экземпляровъ отъ рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли». У Саблина и подсудимой Гельфманъ въ квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, найдена масса революціонныхъ изданій и брошюръ, а также прокламація, по поводу злодѣянія 1-го марта, отъ «исполнительнаго комитета». Таковы печатныя произведенія и рукописи, которыя указываютъ на принадлежность подсудимыхъ къ партіи.

Перехожу ко второй группѣ — къ предметнымъ и инымъ указаніямъ на революціонную дѣятельность обвиняемыхъ. Сюда относится оружіе, находимое при подсудимыхъ, подложныя печати, какъ матеріалы для изготовленія подложныхъ паспортовъ, обнаруженныя при обыскѣ записки болѣе или менѣе компрометирующаго

содержанія. Одна изъ нихъ писана на клочкѣ бумаги и найдена въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ. Въ ней говорится о дѣятельности партіи въ настоящемъ и будущемъ и между прочимъ, о подсудимой Гельфманъ. Я приведу вкратцѣ содержаніе записки: Она начинается словами: «наши еще на мѣстѣ», говоритъ объ организаціи провинціальной, о необходимости дѣйствовать насильственно, заключаетъ требованіе присылки револьверовъ и кинжаловъ—я имѣю полное право перевести, такимъ образомъ, эти сокращенія «3 рев. и 2 к.» и оканчивается просьбой доставить фальшивые паспорты, фальшивыя печати, словомъ, весь соціально-революціонный багажъ. Въ этой запискѣ говорится и спеціально о подсудимой Гельфманъ, а именно, слѣдующее: «нужна еврейка на непителлигентную роль. Попросите Гесю, если она откажется, то пусть А. М. (очевидно женщина) пріѣзжаетъ сама, поручивъ ей, Гесѣ, веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ».

За оружіемъ и записками слѣдуютъ подложныя имена и паспорты. Я не стану, впрочемъ, перечислять всѣ имена, которыя носили обвиняемые. Въ прошлой ихъ дѣятельности эти имена такъ и сыплются, и нужно много вниманія для того, чтобы установить преемство этихъ именъ у однихъ и тѣхъ же лицъ. Очевидно, при перемѣнѣ мѣста жительства, при перемѣнѣ сферы дѣятельности—мѣнялись и имена. Вы знаете, что имена мѣняютъ люди, которымъ нужно прятаться, и которые, вслѣдствіе этого, боятся своего собственнаго имени.

Далѣе необходимо остановиться на признакѣ, можетъ быть, мелкомъ, но не чуждомъ интереса и значенія. Онъ заключается въ томъ, что квартиры, которыя занимаютъ члены партіи, имѣютъ характеристическую особенность

мѣста. Всѣ онѣ помѣщены на углу или въ очень глухихъ мѣстахъ.

Напомнивъ лишь вамъ, что почти у всѣхъ подсудимыхъ имѣется революціонное прошлое, я перехожу къ указаніямъ на собственное признаніе подсудимыхъ въ ихъ принадлежности къ партіи. Они спѣшатъ признать ее, спѣшатъ заявить, что они члены партіи, дѣйствовавшіе въ ея интересахъ. Такое признаніе мы слышали отъ всѣхъ подсудимыхъ, даже отъ Гельфманъ и Михайлова. Вы помните, какъ заявлялось это признаніе. На вопросы первоприсутствующаго о занятіяхъ Перовская и Гельфманъ отвѣчали весьма своеобразно: «занимаюсь революціонными дѣлами», а первый отвѣтъ Желябова на вопросъ о занятіяхъ былъ торжественное и велерѣчивое: «служу дѣлу народнаго освобожденія», затѣмъ слѣдуютъ другія, болѣе опредѣленныя, признанія: агенты «исполнительнаго комитета», агенты съ большей или меньшей степенью довѣрія, агенты третьестепенные, такъ и слышится со скамьи подсудимыхъ и т. д. Какъ-бы то ни было, лица, въ настоящее время ее занимающія, спѣшатъ на встрѣчу обвиненію, спѣшатъ провозгласить, что они члены партіи. Такимъ образомъ, принадлежность ихъ къ тайному сообществу, именующему себя «русской соціально-революціонной партіей», не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ сообществѣ я скажу нѣсколько позднѣе, а теперь мнѣ нужно указать на показанія подсудимыхъ и заняться ихъ изслѣдованіемъ потому, во 1-хъ, что въ этихъ показаніяхъ заключается полное безусловное доказательство ихъ виновности, доказательство, которое если-бы оно существовало и одно, было-бы достаточно для ихъ изобличенія и осужденія, впрочемъ, доказательство, хотя и связанное съ другими данными обвиненія,

но отъ котораго эти данныя заимствуютъ лишь немного свѣта, такъ что, не будь этихъ показаній, обвиненіе было-бы также очень сильно, а эти объясненія, въ особенности показаніе Рысакова, дѣлаютъ его еще сильнѣе. Затѣмъ, во 2-хъ, эти показанія важны для насъ въ связи съ другими данными, какъ новыя указанія, которыя даютъ полное, шагъ за шагомъ, раскрытіе заговора во всѣхъ его подробностяхъ, и, что особенно важно, точно распредѣляютъ участіе каждаго изъ подсудимыхъ. Я не стану излагать показанія въ отдѣльности, а постараюсь, на основаніи ихъ содержанія, представить связно картину преступленія такъ, какъ оно было совершено, и только въ извѣстныхъ мѣстахъ буду дополнять картину другими данными. Прежде, впрочемъ, чѣмъ говорить объ этихъ разоблаченіяхъ, я долженъ предпослать имъ общій обзоръ и сказать о силѣ ихъ достовѣрности. Такой пріемъ необходимъ потому, что нужно имѣть извѣстный критеріумъ для того, чтобы въ этихъ показаніяхъ отличить ложь отъ правды и этотъ критеріумъ, съ точки зрѣнія обвиненія, я позволю себѣ предпослать: Вамъ извѣстно, что вообще показанія подсудимыхъ признаются достовѣрными настолько, насколько они вообще представляются искренними и данными лицами, способными давать искреннія показанія, и настолько, насколько онѣ подтверждаются обстоятельствами дѣла, помимо ихъ обнаруженными. Это общее условіе достовѣрности показанія подсудимыхъ. Но есть еще спеціальныя условія, относящіяся спеціально до политическихъ дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ и на этихъ спеціальныхъ условіяхъ я долженъ остановить ваше вниманіе. Специфическій особенный характеръ настоящаго преступленія и другихъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ указы-

ваетъ на то, что показанія подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, можно соединить по ихъ свойству и значенію въ извѣстныя группы. Къ первой группѣ будетъ относиться полное собственное сознаніе, согласное съ обстоятельствами дѣла, связанное съ оговоромъ всѣхъ другихъ участниковъ извѣстныхъ и сознающихся. Такой оговоръ въ государственномъ преступленіи имѣетъ существенное отличіе отъ общаго уголовнаго оговора, дѣлаемаго въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ, и та мѣрка, которую мы примѣняемъ въ общемъ судѣ къ оговору, которому мы вѣримъ или не вѣримъ, сдва-ли примѣнима къ оговору политическому. Въ основаніи политическаго оговора всегда лежатъ извѣстныя принципіальныя причины и на второмъ планѣ—причины личныя или частныя, отдѣльныя побужденія. Сознавался самъ и оговаривая другихъ, виновный въ государственномъ преступленіи, если мы не имѣемъ основанія предположить въ немъ человѣка, у котораго дѣянія идутъ вполнѣ въ разрѣзъ съ его мыслями, достигаетъ извѣстной отвлеченной цѣли. Онъ полагаетъ, что такъ поступить нужно, что такъ слѣдуетъ ему говорить въ интересахъ если не его партіи, къ которой онъ принадлежитъ, то тѣхъ взглядовъ, которые толкнули его на дорогу преступленія и привели къ нему). Такимъ представляется мнѣ показаніе Рысакова, которое я всецѣло отношу къ первой группѣ. Оно представляетъ, во 1-хъ, его полное собственное сознаніе и, во 2-хъ, раскрытіе всего того, что ему, Рысакову, извѣстно объ обстоятельствахъ злодѣянія и всѣхъ приготовленіяхъ къ нему. Справедливость обязываетъ меня заявить, что это сознаніе во всемъ томъ въ чемъ касается Рысакова, есть сознаніе полное и чистосердечное. Оцѣ-

пивая это показаніе, заключающее въ себѣ и сознаніе, и оговоръ, по свойству его и по сопоставленію съ другими обстоятельствами дѣла, которыя вполнѣ его подтверждаютъ, нельзя не признать, что ему вѣрить и можно и должно и по характеру подсудимаго Рысакова, и по причинамъ, обусловливавшимъ вступленіе его въ партію, и по мотивамъ содѣяннаго имъ самимъ преступленія, и по нравственному состоянію, въ которомъ подсудимый находился во время совершенія преступленія, при производствѣ дознанія и, наконецъ, здѣсь, на судѣ. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что онъ говоритъ вполнѣ все то, что знаетъ и безъ утайки. Да и едва-ли ему есть какое-нибудь основаніе скрывать отъ насъ истину, потому что съ той партіей, которая поставила его въ занимаемое имъ, въ настоящее время, положеніе, какъ онъ заявилъ письменно и словесно, по крайней мѣрѣ, въ теперешнемъ своемъ умственномъ и нравственномъ состояніи, онъ солидарности не имѣетъ. Я даже увѣренъ, что въ эти скорбныя торжественныя минуты эта несолидарность простирается такъ далеко, что тяжкія мучительныя угрызенія совѣсти мучаютъ этого человѣка, невидимому, неподвижное лицо котораго вы видите здѣсь предъ собой, а если это такъ, то утаивать отъ суда что-либо касающееся партіи и другихъ лицъ едва-ли есть ему основаніе. Выгораживать своихъ соучастниковъ онъ, очевидно, не хочетъ. Онъ хочетъ говорить то, что ему извѣстно, и говоритъ не смотря на очевидное неодобреніе, съ которымъ партія и вожаки ея во главѣ относятся къ этому оговору и къ раскрытію истины. Вы, конечно, замѣтили, что на судебномъ слѣдствіи центръ тяжести борьбы сосредоточивался на томъ, что Рысаковъ указывалъ на участіе Гельфмана и Тимофея Михайлова, а

Желябовъ и Перовская всѣ свои запоздалыя усилія направляли на то, чтобы выгородить, насколько возможно, изъ дѣла подсудимыхъ Гельфманъ и Тимофея Михайлова. На это я могу замѣтить только одно: если имъ тяжко смотрѣть на то положеніе, въ которомъ находятся подсудимые Тимофей Михайловъ и Гельфманъ, изъ котораго, я думаю, они не могутъ выйти ни въ какомъ случаѣ, то имъ нужно было подумать объ этомъ прежде. Затѣмъ ко второй группѣ показаній я отношу собственное краткое односложное сознаніе подсудимаго въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя касаются его самого, простое краткое сознаніе, съ умолчаніемъ всего, что касается другихъ, все говорить о себѣ или говорить все главное въ общихъ чертахъ, ничего не говорить о другихъ и не давать никакихъ указаній, которыя могутъ навести на какіе-либо слѣды розыскивающую власть. Къ этой второй группѣ относится показаніе подсудимаго Кибальчича. Близко сюда, къ этой-же группѣ съ нѣкоторыми условіями принадлежатъ показанія и другихъ подсудимыхъ. Въ этихъ показаніяхъ къ собственному сознанію, къ старанію умолчать или выгородить другихъ присоединяются два стремленія: во 1-хъ, постараться представить свое дѣло, свою партію, свое, пожалуй, участіе, по главнымъ образомъ, свою партію, въ крайне преувеличенномъ и ложномъ свѣтѣ; постараться увеличить размѣры до фантастичности, постараться, я скажу прямо, напугать кого-либо, было-бы возможно, постараться сказать, что если здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ стоитъ группа сильныхъ дѣятелей партіи, то за ними, тамъ, дальше, на свободѣ, есть еще другіе, которые идутъ по одному и тому-же пути, что такихъ много и что партія располагаетъ могучими силами и средствами. Это стремленіе довольно

понятно въ подсудимыхъ, но, преслѣдуя его, подсудимые не знаютъ мѣры и границъ и переходятъ изъ сферы правдоподобія въ область ничѣмъ неограниченной дикой фантазіи. Къ этому роду показаній, въ которыхъ замѣтно и желаніе выставить себя въ извѣстномъ конспиративномъ партійномъ хорошемъ свѣтѣ, принадлежитъ показаніе Желябова и показаніе его «alter ego», подсудимой Перовской. Далѣе, къ третьей группѣ я отношу нежеланіе показывать, неохоту говорить, или просто довольно грубое категорическое отрицаніе обстоятельствъ, касающихся данпаго подсудимаго, съ нѣкотораго рода ограниченіямп. Такого рода показанія мы слышали отъ подсудимой Гельфманъ и, въ особенности, отъ Тимофея Михайлова.

И такъ, будемъ вѣрить показаніямъ первой группы и, слѣдовательно, показанію Рысакова: вполнѣ будемъ вѣрить показаніямъ второй группы по столько, по сколько они касаются самихъ подсудимыхъ, и не будемъ имъ вѣрить, на основаніи тщательной критики, въ томъ, въ чемъ они идутъ въ разрѣзъ съ обстоятельствами дѣла и окажутся продиктованными личными стремленіями и, наконецъ, не будемъ вѣрить третьей категоріи показаній подсудимыхъ, противопоставляющихъ факту улики голословное его отрицаніе. Резюмируя то, что я сказалъ, и переходя къ частностямъ показаній подсудимыхъ, я, для большаго удобства вашего, для того, чтобы вы могли отмѣтить выводы обвиненія, ограничусь краткимъ перечнемъ сущности показаній подсудимыхъ и скажу, что подсудимый Рысаковъ сознается въ злодѣяніи 1-го марта вполнѣ и въ принадлежности къ соціально-революціонной партіи, съ извѣстными оговорками. Сознаваясь, онъ оговариваетъ прямо подсудимыхъ Желябова, Перовскую и Тимофея

Михайлова и косвенно, но не менѣе сильно,—подсудимую Гесю Гельфманъ. Подсудимые Желябовъ и Перовская сознаются въ тѣхъ-же преступленіяхъ, что и Рысаковъ, и, кромѣ того, Перовская въ другомъ, приписываемомъ ей преступленіи, въ посягательствѣ на священную особу въ Бозѣ почившаго императора, совершенномъ подъ Москвою 19-го ноября 1879 года, а Желябовъ - въ преступленіи подъ Александровскомъ, 18-го ноября 1879 г. Подсудимый Кибальчичъ сознается въ принадлежности къ партіи, въ цареубійствѣ, въ приготовленіяхъ къ одесскому покушенію осенью 1879 года и, наконецъ, въ приготовленіяхъ къ александровскому взрыву. Подсудимый Тимоѳей Михайловъ не сознается въ совершеніи злодѣянія 1-го марта, но сознается вполнѣ въ принадлежности къ соціально-революціонной партіи, къ террористической ея фракціи, а также въ вооруженномъ сопротивленіи 3-го марта властямъ, при арестованіи его въ Телѣжной ул. и, наконецъ, подсудимая Гельфманъ, не сознаваясь въ участіи въ дѣлѣ 1-го марта, сознается въ принадлежности къ террористической фракціи соціально-революціонной партіи или, другими словами, къ партіи «Народной Воли». Болѣе всего показанія Рысакова совпадаютъ съ показаніями Перовской и Кибальчича. На основаніи этихъ показаній подсудимыхъ и на основаніи другихъ данныхъ дѣла, какъ я уже сказалъ, мнѣ предстоитъ воспроизвести предъ вами, по возможности, точную картину того заговора, жертвою котораго 1-го марта палъ въ Бозѣ почившій государь императоръ.

Лѣтомъ 1879 года (я начинаю издалека) въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, происходилъ съѣздъ членовъ революціонной партіи. Вы много слышали объ этомъ съѣздѣ, еще больше васъ слышали о немъ предшествую-

ціе судьи. Съѣздъ этотъ важенъ потому, что имъ устаповляется моментъ систематической рѣшимости совершить цареубійство. На этомъ съѣздѣ, о которомъ упоминалъ здѣсь подсудимый Желябовъ, было рѣшено совершить покушеніе на жизнь усопшаго императора и повторять его, въ случаѣ неудачи, до тѣхъ поръ, пока эти покушенія не увѣнчаются злодѣйскою удачею. Во исполненіе такого рѣшенія съѣзда, которое, какъ вы слышали здѣсь отъ подсудимаго Желябова, было обязательно для всей партіи, и, по его словамъ, вмѣнялось въ законъ, былъ совершенъ рядъ покушеній на жизнь его императорскаго величества. Покушенія подъ Александровскомъ, подъ Москвой и, наконецъ, 5-го февраля въ Зимнемъ Дворцѣ. Для этихъ покушеній нужно было приготовлять взрывчатыя вещества и приготовленіемъ ихъ съ усердіемъ, ревностью и знаніями, достойными лучшаго дѣла, занялся подсудимый Кибальчичъ. Очевидно, еще въ стѣнахъ тюрьмы уже загорѣлось въ немъ нетерпѣливое желаніе вложить и свою лепту въ кровавыя дѣла, ознаменовавшія вступленіе соціально-революціонной партіи на путь политической борьбы и принять въ немъ посильное участіе, такъ что, по освобожденіи, онъ не замедлилъ явиться къ одному изъ главныхъ революціонныхъ дѣятелей, нынѣ осужденному и казненному государственному преступнику Квятковскому и предложилъ свои услуги. Техникъ-динамитчикъ, производитель динамита былъ человѣкъ драгоцѣнный для партіи. Онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и, конечно, работы предстояло ему много. Онъ и занялся этою работою. Вы, конечно, помните его показанія, занесенныя въ обвинительный актъ и подтвержденныя здѣсь. Въ теченіе полутора года онъ изготовлялъ динамитъ въ большомъ количествѣ, когда ему

приказывали, не справляясь о томъ, на что, именно, въ извѣстную минуту нуженъ динамитъ, но всегда зная для какой конечной цѣли онъ будетъ служить. Рядомъ съ приготовленіями, въ которыхъ также видное участіе принималъ Кибальчичъ, съ осени 1880 года, идетъ агитаціонная дѣятельность интеллигентныхъ дѣятелей въ рабочей средѣ. Это вообще пріемъ не новый, практиковавшійся и прежде, но здѣсь, повидимому, на этотъ пріемъ были направлены особыя усилія партіи и партія справедливо (доказательствомъ этому служитъ Тимофей Михайловъ) видѣла въ агитаціи среди рабочихъ способъ пріобрѣтенія новыхъ полезныхъ агентовъ. Между рабочими, по иниціативѣ агитаторовъ, образуются кружки, сходящіеся въ агитаціонную группу рабочихъ. Такіе дѣятели, какъ Рысаковъ, еще не принадлежащіе къ партіи, если можно такъ выразиться, формально и болѣе склонные къ мирной соціалистической дѣятельности среди рабочихъ, убѣждаются изъ агитаціонной дѣятельности въ томъ, что единоличныя усилія ихъ не могутъ принести плодотворныхъ результатовъ въ конспиративномъ смыслѣ. Придя къ такому убѣжденію, они сходятся съ испытанными дѣятелями революціоннаго движенія, подпадаютъ подъ ихъ вліяніе и дѣлаются ядромъ довольно систематически слагающихся небольшихъ организацій среди рабочихъ организацій, приурочиваемыхъ къ террористической системѣ. По тому, что говорятъ о группѣ рабочихъ подсудимые, можно подумать, что она многочисленна, сильна личнымъ составомъ, качественнымъ и количественнымъ, но показаніе Рысакова разсѣваетъ такое предположеніе; по его словамъ, группа состоитъ не болѣе какъ изъ десятковъ двухъ человѣкъ и въ ней настоящихъ рабочихъ очень немного; въ группѣ этой мы

встрѣчаемъ Желябова, — онъ всюдѣ, самого Рысакова, Перовскую, Михаила Ивановича, Ельникова, «Инвалида» и другихъ. На обязанности группы лежала пропаганда среди рабочихъ и руководство рабочимъ движеніемъ. Рядомъ съ нею, выдѣлившись изъ нея, образовался, въ февралѣ 1881 года, такъ называемый террористическій отдѣлъ рабочей группы или, употребляя техническое выраженіе подсудимыхъ, довольно характерное, «боевая рабочая дружина». О боевой рабочей дружинѣ у насъ есть нѣсколько разныхъ варіантовъ объясненій. Одни говорятъ, что подъ «исполнительнымъ комитетомъ» главной группой стояли другія подгруппы и въ распоряженіи этого комитета находилось нѣсколько назначенныхъ для насильственныхъ дѣйствій боевыхъ дружинъ; въ числѣ ихъ была боевая рабочая, такъ что кромѣ нея «исполнительный комитетъ» располагалъ еще и другими такими-же дружинами. Но отъ другихъ мы не слыхали такого объясненія. Тимофей Михайловъ дастъ объясненіе несравненно болѣе скромное и я думаю, что какъ человѣкъ необразованный, умственный кругозоръ котораго не великъ, узокъ, онъ ближе къ истинѣ свидѣтельствуетъ о характерѣ рабочей боевой дружины. На вопросъ о томъ: какое-же она имѣла назначеніе, онъ отвѣчаетъ нѣсколькими очень короткими, но крайне характерными словами: «защищать рабочихъ, т. е. убивать шпіоновъ и избивать нелюбимыхъ рабочими мастеровъ». Вотъ къ чему она была создана, вотъ что могло привлекать въ нее такихъ рабочихъ, которые дошли до такого состоянія, до котораго дошелъ подсудимый Тимофей Михайловъ. Образованная по иниціативѣ Желябова, она состояла изъ незначительнаго числа лицъ: 4, 5, 6 человѣкъ. Вотъ все, что входило въ составъ той боевой дружины, если только

останавливаться на показаніи Рысакова, и кто-же? Все тѣ-же. Опять тотъ-же Желябовъ, тотъ-же Рысаковъ, тотъ-же Михаилъ Ивановичъ, но безъ Перовской и, наконецъ, Тимофей Михайловъ, можетъ быть еще кто-нибудь: и этимъ составомъ боевая рабочая дружина исчерпывается. Органомъ агитаціонной рабочей группы была начавшаяся издаваться въ то время «Рабочая Газета», типографія которой помѣщалась въ конспиративной квартирѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, и которая печаталась при содѣйствіи Геси Гельфманъ. Первый нумеръ ея относится къ сентябрю 1880 г., второй и послѣдній — къ февралю 1881 г.; всего вышло два нумера. Такимъ образомъ, и агитаціонная группа, и рабочая дружина представляются мнѣ не болѣе, какъ способомъ вербовки рабочихъ къ дѣятельности партіи. Вербовка производилась, главнымъ образомъ, Желябовымъ при помощи другихъ лицъ, между прочимъ, и Перовской. Такимъ путемъ былъ имъ заманенъ въ сѣти Тимоѳей Михайловъ. Къ этому-же времени относится внезапный и почти ничѣмъ необъяснимый переходъ Тимофея Михайлова и Рысакова съ законнаго положенія на положеніе нелегальное. Это опять выраженіе техническое, соціально-революціонное. Это значитъ перестать быть прежнимъ человѣкомъ, это значитъ забыть свое крещеное христіанское имя, начать называться ложными именами, бросить свой настоящій видъ на жительство, взять подложный и, такимъ образомъ, скрываться, гдѣ день, гдѣ ночь, отъ преслѣдованія властей.

Хорошо. Для тѣхъ, которыхъ преслѣдуютъ, это необходимо, но для тѣхъ, которые не подвергались этому преслѣдованію, какой смыслъ имѣетъ этотъ переходъ? А между тѣмъ, мы видимъ, что и Рысаковъ и Михайловъ переходятъ на это положеніе въ 1881 году безъ всякаго

основанія и надобности, потому что, по имѣющимся свѣдѣніямъ относительно Рысакова, относительно павшаго на него подозрѣнія, по ихъ неопредѣленности и по отсутствію всякаго указанія на принятіе противъ Рысакова репрессивныхъ мѣръ, нѣтъ основанія полагать, чтобы для Рысакова были причины къ переходу на нелегальное положеніе. Причина та, что Желябовъ переводитъ ихъ на это положеніе. Это положеніе, въ моихъ глазахъ, имѣетъ значеніе посвященія въ члены партіи. Переходя на нелегальное положеніе, человѣкъ переступаетъ рубикошъ: за нимъ есть чужое имя, чужой паспортъ. При такомъ внезапномъ переходѣ отступать ему нечего и остается только идти впередъ, впередъ, туда, куда толкаютъ Желябовы.

Здѣсь мнѣ нужно нѣсколько остановиться на роли подсудимаго Желябова въ самомъ заговорѣ. При этомъ я постараюсь приписать ему только то значеніе, которое онъ въ дѣйствительности имѣлъ, только ту роль, которую въ дѣйствительности исполнялъ, ни больше, ни меньше. Полагаю, что и этого, однако, и для суда, и для оцѣнки дѣятельности Желябова будетъ совершенно достаточно.

Роль моя въ Петербургѣ, говоритъ Желябовъ, была, конечно, менѣе дѣятельна и важна, чѣмъ въ провинціи. Тамъ я дѣйствовалъ самостоятельно, а здѣсь подъ ближайшимъ контролемъ «исполнительнаго комитета», о которомъ такъ часто приходится говорить Желябову. Я былъ только исполнителемъ указаній и вотъ «исполнительный комитетъ», говоритъ онъ, рѣшивъ совершеніе, въ началѣ 1881 года, новаго посягательства на цареубійство, поручилъ ему, Желябову, заняться ближайшей организаціей этого предпріятія, какъ любятъ выражаться подсудимые на своемъ особенномъ специфическомъ языкѣ,

или, другими словами, выражаясь языкомъ Желябова, поручилъ ему учредить атаманство, атаманомъ котораго и былъ подсудимый Желябовъ. Въ старые годы у насъ называли атаманами людей, которые становились во главѣ разбойническихъ соединеній. Я не знаю, это-ли воспоминаніе, или другое, побудило къ воспринятію этого званія, но, тѣмъ не менѣе, Желябовъ былъ атаманомъ и атаманство подъ его начальствомъ образовалось. Выбравъ лицъ, достойныхъ, годныхъ, по его мнѣнію, къ участію въ злодѣяніи, онъ составилъ имъ списокъ и представилъ его на утвержденіе «исполнительнаго комитета». «Исполнительный комитетъ», утвердивъ его, возвратилъ его Желябову, который, затѣмъ, привелъ постановленіе «исполнительнаго комитета» въ исполненіе. Было рѣшено совершить злодѣяніе двумя способами, параллельно другъ съ другомъ идущими и имѣющими тѣсную связь: подкопомъ на Малой Садовой и посредствомъ метательныхъ снарядовъ. Желябовъ и Кибальчичъ указываютъ на то, что между этими двумя способами не было тѣсной связи, что организаторы одного не были организаторами другаго. Я полагаю, что это неосновательно. Все, что мы знаемъ о заговорѣ, что раскрыто показаніями самихъ подсудимыхъ, говоритъ противное, и говоритъ, что оба эти способа были выбраны вмѣстѣ и разработаны совмѣстно, на случай, если не удастся одинъ, то удастся другой. Такимъ образомъ, былъ составленъ планъ.

Главное руководство по этому плану, утверждаетъ Желябовъ, принадлежало не ему, а «исполнительному комитету», этому вездѣсущему, по невидимому таинственному соединенію, которое держитъ въ рукахъ пружины заговора, которое двигаетъ людьми, какъ маріонетками, посылаетъ ихъ на смерть, переставляетъ ихъ; однимъ

словомъ, это душа всего дѣла. Но я позволю себѣ высказать другое мнѣніе и, рискуя подвергнуться недовѣрію и глумленію со стороны подсудимыхъ, позволю просто усомниться въ существованіи «исполнительнаго комитета». Я знаю, что существуетъ не одинъ Желябовъ, а нѣсколько Желябовыхъ, можетъ быть, десятки Желябовыхъ, но я думаю, что данныя судебнаго слѣдствія даютъ мнѣ право отрицать соединеніе этихъ Желябовыхъ въ нѣчто органическое, правильно устроенное, іерархическое распредѣленіе, въ нѣчто соединяющееся въ учрежденіе. Я думаю, что «исполнительный комитетъ», это — вожаки заговора, между собою согласившіеся и его исполняющіе, и я сейчасъ укажу на нѣкоторыя данныя, подтверждающія мое заключеніе. Обвиняемый Гольденбергъ въ показаніяхъ своихъ, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ, говоря объ «исполнительномъ комитетѣ», между прочимъ, объясняетъ, что «исполнительнымъ комитетомъ» называлась наиболѣе дѣятельная городская группа соціально-революціонныхъ дѣятелей, т. е. группа, а не учрежденіе. Въ № 3-мъ «Народной Воли», въ передовой статьѣ, имѣется весьма характерная и весьма знаменательная оцѣнка дѣятельности «исполнительнаго комитета» и указаніе на его необходимость, дающая ключъ къ разгадкѣ. Въ этой статьѣ, написанной въ то время, когда удручающее сознаніе безсилія тяготѣло надъ партіей, говорилось о томъ равнодушіи, которое, къ сожалѣнію для всей партіи, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, о томъ равнодушіи, которое высказывается даже въ томъ, что люди, принадлежащіе къ партіи, не имѣютъ никакой инціативы въ дѣлѣ, не проявляютъ никакой энергіи, и заключается статья такъ: «Русскому человѣку даже въ соціально-революціонномъ

дѣлѣ нужно начальство, и безъ начальства онъ никакъ не можетъ обойтись». И вотъ, для созданія такого фиктивнаго начальства, котораго никто не знаетъ, которое, говорятъ, гдѣ-то тамъ, чуть не подъ землею, и появилась, мнѣ кажется, эта фикція объ «исполнительномъ комитетѣ», какъ объ опредѣленномъ, правильно организованномъ подпольномъ учрежденіи. Я думаю также и потому, что если этотъ «исполнительный комитетъ» такъ правильно организованъ и руководилъ всѣмъ дѣломъ, то неужели, когда былъ арестованъ Желябовъ, организаторъ злодѣянія, неужели у «исполнительнаго комитета» не нашлось болѣе сильной руки, болѣе сильнаго ума, болѣе опытнаго революціонера, чѣмъ Софья Перовская? Неужели слабымъ рукамъ женщины, хотя-бы она была сожительницею Желябова, можно передавать такое дѣло, какъ пресѣченіе по исполненію злодѣянія? Я полагаю, что если «исполнительный комитетъ» существуетъ, организованъ и обладаетъ такими большими средствами, то неужели предъ самымъ совершеніемъ преступленія нужно было-бы прибѣгать къ несчастнымъ 50-ти рублямъ, полученнымъ Рысаковымъ изъ конторы Громова, для средствъ партіи, для фонда ея, за неимѣніемъ такового?

Какъ-бы то ни было, если условиться называть «исполнительнымъ комитетомъ», соединеніе вожаковъ, я допускаю, что комитетъ, а въ составѣ его Желябовъ, занялся разработкой самаго замысла. По словамъ Желябова, изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ, которыхъ, по словамъ Желябова, было много, а я думаю одна, были вызваны добровольцы, и Желябовъ кликнулъ кличъ. На этотъ кличъ отозвалось 47 человѣкъ, изъ которыхъ 19 человѣкъ или условно, только въ томъ случаѣ, если на мѣстѣ совершенія преступленія ихъ будутъ сопровождать

люди опытные съ революціоннымъ прошлымъ, а 28 — или безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ, Желябовъ имѣлъ предъ собою выборъ. Но, по словамъ Рысакова, дѣло было нѣсколько иначе, и совершеніе злодѣянія было, просто-на-просто, предложено рабочей дружинѣ, изъ которой вышли Рысаковъ, Тимоосй Михайловъ, «Михаилъ Ивановичъ», къ этой дружинѣ принадлежащіе. По словамъ Рысакова, на кликъ Желябова отозвалось не 47 человѣкъ, а всего-на-всего 4 человѣка, тѣ самые, которые, вооруженные метательными снарядами, были разставлены близъ Малой Садовой по извѣстнымъ пунктамъ. Послѣ сбора участниковъ начались предварительныя объясненія и разговоры заговорщиковъ о совершеніи преступленія. Этимъ предварительнымъ объясненіямъ предшествовало еще давно предпринятое слѣженіе за государемъ императоромъ. Я не знаю вещи или предмета, внушающаго большее негодованія, какъ воспоминаніе объ обстановкѣ этого преступленія. Вездѣ на проѣздѣ государя императора, куда-бы ни выѣхалъ государь императоръ, таясь во тьмѣ, слѣдуя за нимъ, стояли эти люди, выжидающіе, высматривающіе, слѣдящіе за его привычками, за направленіемъ, которое онъ приметъ при проѣздѣ, для того, чтобы потомъ изъ этихъ опытовъ, сдѣлать кровавое употребленіе: а когда приходится себѣ представить, что это слѣженіе и наблюденіе было организовано женщиной, подсудимою Перовской, то становится еще ужаснѣе, еще болѣе душа содрогается. Да, между тѣмъ, это такъ. Мы слышали отъ Рысакова и отъ самой Перовской, которая сознается, что она, вмѣстѣ съ другими лицами, давно слѣдила за государемъ императоромъ въ теченіе всей зимы, и самая выработка плана была результатомъ опытовъ, приведенныхъ изъ

наблюденій. Сдѣлалось извѣстнымъ, въ какомъ часу проѣзжаетъ государь императоръ, по какому направленію, гдѣ онъ останавливается, и на этомъ былъ построенъ планъ.

Затѣмъ послѣдовали предварительные разговоры въ квартирѣ Рысакова, занимаемой у Ермолиной, и здѣсь я остановлю ваше вниманіе на томъ, что хозяйка Рысакова, Ермолина, въ этой квартирѣ его, въ то время, которое относится къ этимъ разговорамъ, увидѣла и Тимофея Михайлова. Слѣдовательно, въ предварительныхъ разговорахъ о цареубійствѣ принималъ участіе и при нихъ присутствовалъ и подсудимый Тимофей Михайловъ. Мѣсто ли оказалось неудобнымъ, или по другимъ причинамъ, но только эти разговоры перешли въ другое помѣщеніе, въ настоящую конспиративную квартиру, по Тропцкому пер., гдѣ хозяйкою была подсудимая Гельфманъ; здѣсь происходили разговоры. Параллельно съ этими разговорами, въ другомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстномъ, можетъ быть въ Подъяческой, можетъ быть въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изысканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самыхъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать, нужно было выработать ихъ идею, систему снаряда, нужно было подавать техническіе совѣты для устройства мины и, въ то-же время, заботиться и о разрушительномъ, и о спасительномъ дѣйствіи этой мины, нужно было заботиться о минимальномъ количествѣ динамита, чтобы онъ поражалъ только того, кого нужно, и не поражалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ.

По этому поводу я остановлю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельствѣ, которое подробно изло-

жено въ обвинительномъ актѣ, не опровергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ, прежде всего, заявилъ: «Да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, мой типъ, я, я его одинъ изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ, это мой секретъ; а вы знаете—это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрѣно, такъ что онъ своей цѣли не достигнуть не можетъ». Затѣмъ прошло немного времени, пришлось перечитывать это показаніе, и является уже другая мысль. «Да, но если я сказалъ, что это идея моя, то она умретъ вмѣстѣ со мной, она никому не будетъ передана». Тутъ явилось другое объясненіе, тутъ интересы партіи оказались сильнѣе интересовъ начинать, тутъ въ Кибальчичѣ заговорилъ членъ соціально-революціонной партіи, и явилось діаметрально-противоположное объясненіе. Пошелъ разговоръ, что не я одинъ, что еще есть двое—они на свободѣ, они могутъ продолжать.

Помощники были — это не подлежитъ сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло оставитъ за собой идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и началася, мало-по-малу, слагаться и опредѣленный планъ. Сначала мысль о злодѣяніи, говоритъ Рысаковъ, представлялась отдаленною ему самому, но о совершеніи злодѣянія уже думали. Нужно спѣшить, сказалъ Желябовъ, время не терпитъ — и поспѣшили. Поспѣшность сказалась во всѣхъ дѣйствіяхъ партіи и причина ея на лицо. Дѣятельность власти, осенью 1880 года, по обнаруженію членовъ партіи, въ частности тер-

рористовъ и лицъ, принадлежащихъ къ группѣ, въ которой было задумано злодѣяніе, была особенно энергична и успѣшна. Власти удалось напасть на слѣды, были произведены аресты, были арестованы многіе видные дѣятели прежнихъ террористическихъ преступленій, были задержаны Тригони и Желябовъ. Громъ уже гремѣлъ надъ партіей, уже была протянута рука, которая была готова схватить членовъ ея, нужно было спѣшить. Этимъ и объясняется поспѣшность, особенно сильно сказывающаяся въ томъ, что, какъ только арестовали Желябова 27-го февраля, тотчасъ-же 28-го Перовская исчезаетъ, дѣлается руководительницей заговора и приводитъ его въ исполненіе, немедля ни минуты. Снаряды еще не готовы, ночь посвящается на ихъ приготовленіе. Утромъ Перовская приноситъ снаряды на квартиру въ Телѣжную улицу и говоритъ: «Вотъ все, что успѣли сдѣлать, нужно довольствоваться и малымъ, больше не успѣли». Я возвращаюсь къ показанію Рысакова.

За полторы недѣли до 1-го марта, когда былъ крикнутъ Желябовымъ кличъ, вызывались четверо: Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ» (Ельниковъ), Тимоѳей Михайловъ и неизвѣстный Михаилъ [1]). Вызвавшимся былъ данъ доступъ на другую конспиративную квартиру, помѣщающуюся въ Телѣжной улицѣ. Туда они были введены Желябовымъ. Тутъ, вмѣстѣ съ Желябовымъ, появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи — я употребляю подлинное выраженіе Рысакова — лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привыкъ къ объясненію научныхъ

1) Лицо это также было вскорѣ арестовано, вслѣдствіе показаній Рысакова. То былъ [illegible] Преклоненный въ 1882 г. по процессу Алек. Михайлова и др., онъ былъ приговоренъ къ смертной казни замѣненной [illegible]. Впослѣдствіи будучи на Карѣ, онъ въ 1889 г. подалъ прошеніе о помилованіи и нынѣ проживаетъ въ г. Хабаровскѣ. *Прим. Л. Д.*

предметовъ. Мы слышали здѣсь отъ него весьма обстоятельный, весьма связный разсказъ объ этомъ: поэтому мы можемъ заключить, что и его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились не снаряды, но отдѣльныя части его. Кибальчичъ читалъ участникамъ будущаго злодѣянія техническія наставленія и дѣлалъ пробы. На эти пробы указываютъ предметы, найденные въ квартирѣ по Тележной улицѣ: модель, осмотрѣнная экспертомъ Ѳедоровымъ, бертолетовая соль, колбы, реторты и записка о смѣси, которая вошла въ снаряды. Лекціи эти происходили въ квартирѣ, хозяйкою которой была подсудимая Гельфманъ. Правда, говоритъ, что она отъ лекцій уходила, но вѣдь она знала, что на нихъ преподается и какой онъ будутъ имѣть результатъ. 28-го февраля, наканунѣ злодѣянія, неудовлетворившись лекціями, участники произвели и опытъ. Отправились, по словамъ Рысакова, далеко за городъ, подъ Смольный монастырь, четверо: Рысаковъ, Кибальчичъ-техникъ, Михаилъ Ивановичъ и Тимофей Михайловъ, и здѣсь пробный снарядъ былъ брошенъ Тимофеемъ Михайловымъ. Снарядъ разорвался удачно, проба была успѣшна. Участники возвратились на квартиру и стали ждать Желябова, но онъ не приходилъ, и Геся Гельфманъ сказала, что если онъ не приходитъ, значитъ не можетъ придти, что нибудь его задержало,—а задержало его то, что онъ былъ арестованъ. Когда, 28-го февраля, сдѣлалось извѣстно объ арестѣ Желябова, были сдѣланы спѣшныя послѣднія приготовленія. Утромъ 1-го марта былъ назначенъ сборъ въ конспиративной квартирѣ. Обязанность Желябова приняла на себя Перовская Рано утромъ Перовская привезла въ Тележную улицу, какъ я уже сказалъ, два снаряда. Такимъ образомъ, снарядовъ оказа-

лось четыре, по числу участниковъ, и между ними снаряды были распредѣлены. По предъ тѣмъ, чтобы выходить на злодѣяніе, нужно было сообщить участникамъ въ точности время, мѣсто и способъ дѣйствія, нужно было нарисовать планъ, нужно было разставить бойцовъ, и это послѣднее дѣло приняла на себя Перовская. Съ карандашомъ въ рукѣ, на первомъ попавшемся конвертѣ, она начертила планъ, на которомъ точками указала мѣста, гдѣ должны были стоять участники. Планъ былъ такой: государь императоръ, по всей вѣроятности, долженъ проѣхать по Малой Садовой: проѣздъ этотъ уже ждутъ. понятно кто—Кобозевы. Тутъ-же по обѣимъ сторонамъ стоятъ метальщики: одинъ—у Екатерининскаго сквера, другой -на углу Невскаго и Малой Садовой—:то посты Рысакова и Михаила: другія мѣста на углу Большой Итальянской, близъ Манежной площади – занимаютъ Тимофей Михайловъ и Котикъ». Въ тоже время Перовская стоитъ на углу Михайловской площади и Большой Итальянской. близъ кондитерской Кочкурова, стоитъ безъ всякаго оружія, съ планомъ въ головѣ. для того, чтобы наблюдать за исполненіемъ и подавать сигналы. Произошелъ, положимъ, взрывъ, но оказался неудачнымъ—метальщики собираются на Малой Садовой и здѣсь доканчиваютъ дѣло смерти, бросая свои орудія; если-же произойдетъ иначе, если государь императоръ не поѣдетъ по Малой Садовой, то тогда Перовская подастъ имъ сигналъ и измѣнитъ диспозицію. Произошло послѣднее. Его императорское величество, выѣхавъ изъ Зимняго дворца, проѣхалъ по Инженерной улицѣ, прямо въ манежъ. Перовская убѣдилась, что на Малой Садовой взрыва не послѣдовало, и дала условный сигналъ, по которому метальщики, оставивъ прежніе посты, собрались на Михайлов-

ской улицѣ и оттуда пошли на Екатерининскій каналъ, разсчитывая, что обратный путь государя будетъ по Екатерининскому каналу. И вотъ, металыцики отправляются на Екатерининскій каналъ. Перовская продолжаетъ путь на Невскій, поворачиваетъ направо, переходитъ чрезъ Казанскій мостъ, огибаетъ Екатерининскій каналъ и останавливается какъ разъ напротивъ мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, для того, чтобы наблюдать за его совершеніемъ. Государь императоръ проѣзжаетъ по Екатерининскому каналу, металыцики встрѣчаютъ его. Рысаковъ первый, Михаилъ Ивановичъ второй. Планъ приведенъ въ исполненіе, и подкопъ въ Малой Садовой оказывается ненужнымъ.

Такимъ образомъ, милостивые государи, точно, фактически и юридически, распредѣляется участіе подсудимыхъ, и каждому изъ нихъ присвоивается особая роль. Какъ во всякомъ дѣйствіи вытекающемъ изъ совмѣстнаго обсужденія, изъ совмѣстнаго соглашенія, какъ во всякомъ дѣйствіи и предпріятіи невинномъ, такъ и въ злодѣяніи нужно отличать руководителей и исполнителей, которые, въ свою очередь, раздѣляются: на исполнителей по технической части и, если можно выразиться, — исполнителей по части физической. Руководителями злодѣянія 1-го марта были Желябовъ и Перовская; техникомъ, лицомъ изобрѣвшимъ и составившимъ снаряды, былъ Кибальчичъ; агентами-исполнителями были: Тимоѳей Михайловъ, Рысаковъ и умершій Ельниковъ; хозяйкой мѣста сборища— Гельфманъ. Это участіе фактическое совпадаетъ и съ участіемъ юридическимъ. Такъ, Желябовъ задумалъ злодѣяніе 1-го марта и согласилъ на него Тимоѳея Михайлова и Рысакова, а затѣмъ управлялъ всѣми приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями. Желябовъ, напрасно

толкуя выраженіе, помѣщенное въ обвинительномъ актѣ: «уяснивъ злодѣяніе» въ томъ смыслѣ, что ему, Желябову, первому принадлежитъ мысль о цареубійцѣ, находитъ его неправильнымъ. О, нѣтъ! Мысль эта составляла достояніе всей партіи, какъ мысль о дѣлѣ, задуманномъ и рѣшенномъ еще на липецкомъ съѣздѣ. Но Желябову принадлежитъ мысль о самомъ злодѣяніи 1-го марта со всею его обстановкой, о томъ, что составляетъ юридическій составъ преступленія. И такъ, Желябовъ, говоря языкомъ закона, есть главный виновникъ — зачинщикъ. Перовская, по ея собственному показанію, управляла приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями и руководила, находясь на мѣстѣ преступленія, самымъ его совершеніемъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ Желябовымъ, соединенная съ нимъ прямыми и крѣпкими узами стоитъ Перовская, зачинщица и главная виновница, такая-же, какъ и онъ. Роль зачинщика, по закону, выпадаетъ и на Рысакова, потому что хотя не ему принадлежали мысль и планъ совершенія злодѣянія, но онъ первый приступилъ къ совершенію преступленія, а такое участіе законъ приравниваетъ къ понятію о зачинщикахъ. Затѣмъ сообщниками являются Кибальчичъ и Тимоѳей Михайловъ. Первый изъ нихъ давалъ указанія на устройство мины въ Малой Садовой и относительно количества необходимаго для нея динамита; онъ изобрѣлъ и сдѣлалъ убійственный метательный снарядъ; безъ Кибальчича, не смотря на второстепенную роль его съ юридической точки зрѣнія, быть можетъ не было бы преступленія. За Кибальчичемъ слѣдуетъ Тимоѳей Михайловъ. Онъ согласился на совершеніе цареубійства, онъ былъ въ числѣ прочихъ рабочихъ-дружинниковъ, вызвавшихся совершить его и отозвавшихся на кличъ Желябова, онъ, вмѣстѣ съ другими,

въ квартиръ, по Тележной улицѣ, слушалъ лекціи Кибальчича, онъ участвовалъ въ пробѣ снарядовъ, онъ самъ бросилъ пробный снарядъ, своими руками сотворилъ опытъ, наконецъ, онъ вооруженный снарядомъ, былъ на мѣстѣ злодѣянія метальщикомъ. Пособница и является Гельфманъ, потому что она завѣдывала первою конспиративною квартирою въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ происходили совѣщанія, потому что она завѣдывала второю конспиративной квартирой, гдѣ эти совѣщанія привели къ желаннымъ цѣлямъ, потому что при ней происходили приготовленія для злодѣянія. Если она уходила изъ квартиры въ нѣкоторые моменты этихъ приготовленій, то нѣтъ сомнѣнія, что она о нихъ знала и не могла не знать. Въ немногихъ словахъ я повторю все то, что касается Гельфманъ, такъ какъ она, по своему участію, стоитъ нѣсколько отдѣльно отъ всѣхъ подсудимыхъ, хотя изобличена и не менѣе твердо. Вамъ извѣстно ея прошлое, извѣстна ея роль въ первой конспиративной квартирѣ, ея показаніе о принадлежности къ партіи «народной воли ,—фракціи, поставившей цѣлью совершить цареубійство: вамъ извѣстна ея роль во второй конспиративной квартирѣ, гдѣ происходили совѣщанія, откуда утромъ 1-го марта участники сообщества, въ присутствіи Гельфманъ, пошли на кровавое дѣло; вамъ извѣстно содержаніе записки, указывающее на нее, какъ на видную дѣятельницу партіи въ Петербургѣ. Вспомните, наконецъ, близость ея со всѣми участниками преступленія —подсудимыми и суду не преданными: вспомните показанія свидѣтелей Ребиндьда и Сергѣева, удостовѣряющія, что Гельфманъ знала о присутствіи въ ея квартирѣ взрывчатыхъ веществъ, такъ какъ, по словамъ свидѣтелей, когда они пришли съ обыскомъ, то первая Гельфманъ

сказала: «Тамъ взрывчатыя вещества, не ходите туда, тамъ снаряды». А снаряды эти были подобны тѣмъ, которыми совершено злодѣяніе. Если она знала, какіе это снаряды, то она не могла не знать, для чего они сдѣланы, а если она знала это, то предварительное соглашеніе и составъ преступленія, въ которомъ она участвовала, установленъ по закону и ничѣмъ не отличается отъ состава преступленія, въ которомъ изобличены всѣ остальные подсудимые.

Покончивъ, милостивые государи, съ уликами, изобличающими подсудимыхъ, съ разоблаченіемъ составленнаго ими заговора, мнѣ предстоитъ остановиться на личности каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности. Если въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ прошлое подсудимаго, его свойства настолько, насколько они на судѣ раскрываются, насколько они могутъ служить мѣриломъ для его нравственной личной характеристики, насколько они освѣщаютъ его внутреннее, а не внѣшнее только участіе въ дѣлѣ, имѣютъ значеніе, то судите-же сами, насколько больше это прошлое подсудимыхъ имѣетъ значеніе для суда въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, въ дѣлѣ о тягчайшемъ государственномъ преступленіи. Намъ важно знать и опредѣлить, какимъ путемъ подсудимые дошли до этого злодѣянія, какія условія благопріятствовали этому покатому пути, и наконецъ, какую степень злой воли проявили обвиняемые во время совершенія преступленія. Матеріаломъ для сужденій объ этихъ вопросахъ первостепенной важности служатъ, во 1-хъ, фактическія свѣдѣнія о прошломъ каждаго изъ подсудимыхъ; во 2-хъ, свѣдѣнія объ отношеніи его къ доказанному злодѣянію въ моментъ самаго злодѣянія и, наконецъ, въ 3-хъ, отношеніе его къ суду, образъ дѣйствій и поведеніе его на судѣ.

Я начну съ подсудимаго Рысакова и не скрою ни отъ васъ, ни отъ себя всей трудности предстоящей мнѣ по отношенію къ Рысакову задачи. Между тѣмъ какъ никакихъ затрудненій не представляетъ характеристика Кибальчича, тѣмъ болѣе Перовской, Гельфманъ и Михайлова, передъ личностью Рысакова и его злодѣяніемъ я останавливаюсь и изъ массы имѣющихся у меня данныхъ съ большою осторожностью выбираю тѣ, которыя, хотя до нѣкоторой степени, могутъ объяснить намъ неразрѣшимыя, съ перваго взгляда, противорѣчія, возникающія при изученіи свѣдѣній объ его личности. Мы убѣдились въ томъ, что Рысаковъ первый, а не кто другой, совершилъ злодѣяніе 1-го марта, а между тѣмъ, ему всего 19 лѣтъ, онъ даже не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія, онъ еще юноша, но на этомъ юношѣ тяготѣетъ обвиненіе въ цареубійствѣ, имя этого юноши навѣки связано съ злодѣяніемъ 1 го марта. Сынъ скромной и честной семьи, сынъ отца, занимающаго мѣсто управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, онъ рано оставилъ родную семью. Помѣщенный въ череповецкое реальное училище въ 1874 году, онъ пробылъ тамъ, вдали отъ родной семьи, четыре года, по 1878 годъ. Проживалъ онъ на квартирѣ у свидѣтельницы Енько-Даровской, показаніе которой у васъ, конечно, сохранилось въ памяти, и оставилъ въ Череповцѣ за это время, страшно вымолвить, самое лучшее воспоминаніе. Учился отлично, аттестатъ его наполненъ хорошими отмѣтками и свидѣтельствуетъ о хорошемъ поведеніи. Енько-Даровская не нахвалится имъ. И тогда она выдѣлила его изъ среды другихъ товарищей его, и теперь не можетъ придти въ себя отъ изумленія, видя его на скамьѣ подсудимыхъ по

обвиненію въ страшномъ злодѣяніи. Вы помните ту характеристику, которую свидѣтельница дала о Рысаковѣ и которую подтвердила еще ея племянница Кулаковская. Мягкій по характеру (на это я прошу обратить особенное вниманіе), довольно набожный, не склонный къ сопротивленію, къ спорамъ, доступный воздѣйствію на него, если оно направляется на его умъ, разсудокъ и чувство, легко поддающійся ласкѣ, онъ въ это далекое теперь время отрицалъ даже мысль о возможности сдѣлаться соціалистомъ. Когда Даровская, эта почтенная старушка, до слуха которой доходили извѣстія о вольныхъ мысляхъ, говорила Рысакову: «вотъ и вы кончите курсъ здѣсь, переѣдете въ Петербургъ, заразитесь тамъ этими-же мыслями», онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, я много читалъ, я не пойду на это». Далеко это время отъ насъ, далеко оно теперь и отъ Рысакова, и какъ хотѣлось-бы, я увѣренъ, Рысакову вернуться къ этому далекому, невозвратному прошлому. Въ 1876 году онъ кончилъ курсъ въ черновецкомъ училищѣ, переѣхалъ въ Петербургъ съ надеждами, которыя неразлучны съ возрастомъ юности, пріѣхалъ для того, чтобы работать и учиться, и дѣйствительно, началъ работать. Вступивъ въ горный институтъ, онъ принялся серьезно за занятія. Это удостовѣрено инспекторомъ института г. Бекомъ, который показалъ, что первое время Рысаковъ не манкировалъ лекціями, постоянно бывалъ на практическихъ занятіяхъ, занимался въ библіотекѣ. Такъ проходила его жизнь въ Петербургѣ въ 1878 и 1879 годахъ. За это время у насъ является вопросъ: въ какомъ положеніи находилась связь подсудимаго съ его семьею? Этому я придаю особое значеніе. Я уже говорилъ, что свидѣтели, знавшіе его въ Черновцѣ, удостовѣряютъ, что отца онъ любилъ, связь его съ семьей

не рерывалась и поддерживалась поѣздками домой на каникулы; не обнаружилось въ его семейныхъ отношеніяхъ никакой перемѣны, не было перемѣны и въ его мысляхъ. Но затѣмъ, за послѣднее время, въ этой связи, что не подлежитъ сомнѣнію, совершилась какая-то перемѣна, и доказательство ея, доказательство едва уловимое, но, тѣмъ не менѣе, неопровержимое, я вижу въ письмѣ, на которое я обратилъ ваше вниманіе во время судебнаго слѣдствія. Это письмо было найдено у Рысакова запечатаннымъ въ конвертѣ, съ адресомъ на имя отца. Очевидно, онъ сѣлилъ отправить его. Въ письмѣ трактуется о весьма простыхъ житейскихъ вещахъ, словомъ— обыкновенное письмо сына къ отцу. Но если вы вникните въ тонъ письма, если сличите его со всѣмъ прошлымъ Рысакова, то оно представляется изумительнымъ. Конечно, если останавливаться, такъ сказать, на внѣшнемъ содержаніи этого письма, на словахъ—оно не поразитъ читателя: въ немъ говорится, что отецъ послалъ сыну посылку, которою сынъ остался не доволенъ, потому что она была неудачна—и только. Но если вы прислушаетесь къ тону этого письма, если вы прислушаетесь къ сердцу писавшаго, то поймете, что въ немъ есть нѣчто натянутое, жестокое, что такъ не пишетъ любящій сынъ къ своему отцу, если эта любовь чѣмъ-нибудь не затуманилась, если она не исчезла, если ее съ корнемъ не вырвали изъ сердца сыновняго. Мы, далѣе, имѣемъ фактическія свѣдѣнія о томъ, что къ концу 1879 года Рысаковъ начинаетъ чѣмъ-то волноваться. Около этого времени, послѣ ареста Ширяева, замѣшаннаго въ дѣлѣ террористовъ, онъ является вмѣстѣ съ товарищемъ на его квартиру и требуетъ выдачи вещей арестованнаго. Здѣсь Рысаковъ уже не тотъ скромный, набожный, усердно

учащійся, прекрасный молодой человѣкъ, хорошій сынъ, нѣтъ - это другое лицо, лицо, завязавшее уже сношенія съ террористами, живущими на одной квартирѣ, вмѣстѣ съ женщиной, близкой къ одному изъ вожаковъ ихъ. Нельзя въ этомъ не видѣть туманнаго указанія на то, что гдѣ-то раскрыты сѣти, а въ сѣтяхъ бьется несчастный юноша. Проходитъ 1879 г., лекціи имъ еще посѣщаются, но что онъ дѣлаетъ дома, какъ относится къ ученію — неизвѣстно. Институтъ не знаетъ домашней жизни питомцевъ, не наблюдаетъ за ними внѣ стѣнъ своихъ. Въ декабрѣ 1880 года, у хозяина квартиры, которую нанималъ Рысаковъ, Гаврилова, производится обыскъ, вслѣдствіе несомнѣнныхъ свѣдѣній о его политической неблагонадежности. Обыскъ не коснулся Рысакова, но, по словамъ Рысакова побудилъ его перейти прямо на нелегальное положеніе, а нелегальное положеніе есть клеймо человѣка, принадлежащаго къ соціально-революціонной партіи. Обращаюсь къ собственнымъ указаніямъ подсудимаго Рысакова. Онъ самъ не пріурочиваетъ себя къ опредѣленному революціонному движенію, и только въ послѣднее время рѣшился примкнуть къ числу его дѣятелей. Какими, однако, странными, маловажными обстоятельствами объясняетъ онъ первыя свои побужденія къ содѣйствію партіи, и какъ эти обстоятельства далеки отъ его образа жизни, отъ его обстановки. Вы помните эти громкія фразы: страданіе народа—и соціальная революція, какъ исходъ изъ него. Страданіе народа: эпидеміи, жучокъ—жучокъ, даже и не появлявшійся въ Черновецкомъ уѣздѣ. Какъ-бы то ни было, въ декабрѣ 1880 года, онъ изъ состоянія пассивнаго переходитъ въ активное. и мы видимъ его агитирующимъ среди рабочихъ, сначала отдѣльно, а потомъ подъ руководствомъ Желябова.

Вотъ здѣсь-то, въ этомъ моментѣ, милостивые государи и находится ключъ къ разрѣшенію загадки. Здѣсь мы видимъ руку, которая толкнула юношу на настоящее злодѣяніе, мы видимъ имя Рысакова, его дѣятельность, его роль постоянно рядомъ съ именемъ, дѣятельностью, ролью Желябова. Онъ познакомился съ Желябовымъ, видится съ нимъ у себя на квартирѣ и на чужихъ квартирахъ, Желябовъ вводитъ его въ агитаціонную группу, указываетъ на неудобство единоличнаго дѣйствія, дѣлаетъ членомъ этой группы, а потомъ и членомъ «боевой дружины». Рысаковъ, объясняя отношенія свои къ Желябову, какъ бу то-бы отстаиваетъ свою самостоятельность: такъ поступаютъ, впрочемъ, всѣ слабохарактерные люди, но попытку отстоять свое «я» Рысаковъ дѣлаетъ не особенно рѣшительно. Онъ самъ говоритъ: «вліяніе Желябова на меня несомнѣнно». Какъ лицо, имѣвшее революціонное прошлое,—а Рысаковъ тогда былъ въ такомъ состояніи, что благовѣлъ предъ этимъ революціоннымъ прошлымъ,—какъ человѣкъ закаленный, Желябовъ долженъ былъ имѣть вліяніе и вліяніе сильное—на Рысакова. Желябовъ былъ учителемъ, Рысаковъ—ученикомъ. Пусть учитель любуется на плоды ученія: они падутъ всецѣло на его голову. Продолжаю.

Въ поведеніи Рысакова тотчасъ по совершеніи злодѣянія мы видимъ рядъ противорѣчій. Съ одной стороны, онъ посылаетъ злобную фразу, злодѣйскую угрозу: «еще слава-ли Богу», и говоритъ свидѣтелю Горохову, спросившему, зачѣмъ онъ совершилъ злодѣяніе: «вы этого не поймете, послѣ узнаете»—не свои слова, а слова, навѣянныя другими; съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ боязнь предъ народомъ, боится, что народъ изобьетъ его, истерзаетъ, разорветъ своими руками, раздѣ-

лается съ цареубійцей. Первая просьба, обращенная къ задержавшимъ его лицамъ, была о томъ, чтобы оградить его: за просьбой послѣдовала благодарность тѣмъ, кто просьбу исполнилъ. По доставленіи Рысакова въ градоначальство, явилось немедленно сознаніе въ совершеніи злодѣянія, за сознаніемъ — развитіе его и, наконецъ, открытіе всего. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ одинъ выводъ: Рысаковъ сталъ на преступную дорогу не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ данныхъ, не подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ своей жизни, не вслѣдствіе логическаго процесса мысли, а вслѣдствіе того, что эту мысль —можетъ быть, насильственно - вложили въ него, вслѣдствіе того, что на него, слабаго характеромъ, подѣйствовали люди характера сильнаго, вслѣдствіе того, что его революціонизировали и довели до настоящаго состоянія. Вы видѣли его предъ собой въ теченіе трехъ дней и могли судить объ этой личности. Нѣсколько грустный, апатичный, растерянный, весьма молчаливый и сдержанный—вотъ какимъ намъ представляется Рысаковъ. Такая совокупность противорѣчій дастъ мнѣ основаніе формулировать общій о немъ выводъ. Слабый характеромъ, доступный вліянію, въ особенности, когда оно дѣйствуетъ логикой на разсудокъ и лаской на чувства, увлеченный пестрою шумихою фразъ о страданіяхъ народа, увлеченный умными людьми, пріобрѣвшими надъ нимъ вліяніе и воспользовавшимися его молодостью и не вполнѣ яснымъ пониманіемъ его окружающаго—вотъ тѣ условія, которыя сдѣлали его тѣмъ человѣкомъ, какимъ мы видимъ его теперь предъ собою. Какъ-бы то ни было, онъ не мальчикъ, онъ не дитя, онъ человѣкъ разумный, и собственное его показаніе, связное, логичное, послѣдовательное, свидѣтельствуетъ о

томъ, что въ его сознаніи была возможность сопротивляться этому вліянію. Онъ не сопротивлялся, напротивъ того, поддавался ему, дошелъ до настоящаго положенія,— такъ пусть онъ несетъ за него отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что совершенное злодѣяніе далеко оставляетъ за собой все то, что въ личности Рысакова, въ его прошломъ, могло-бы представить его въ другомъ свѣтѣ, нежели остальныхъ подсудимыхъ.

Затѣмъ, я, прямо отъ Рысакова, отъ ученика перехожу къ учителю. Если-бы я захотѣлъ охарактеризировать личность подсудимаго Желябова такъ, какъ она выступаетъ изъ дѣла, изъ его показаній, изъ всего того, что мы видѣли и слышали здѣсь о немъ на судѣ, то я прямо сказалъ-бы, что это необычайно типическій конспираторъ, притомъ заботящійся о цѣльности и сохраненіи типа, о томъ, чтобы все: жесты, мимика, движеніе, мысль, слово — все было конспиративное, все было соціально-революціонное. Это типъ агитатора, типъ не чуждый театральныхъ эффектовъ, желающій до послѣдней минуты драпироваться въ свою конспиративную тогу. Въ умѣ, бойкости, ловкости — подсудимому Желябову, несомнѣнно, отказать нельзя. Конечно, мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который въ своемъ увлеченіи называлъ Желябова личностью высоко развитою и геніальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ настоящемъ дѣлѣ. Желябовъ происхожденія крестьянскаго, вслѣдствіе: вышедшій изъ крестьянства, самъ себѣ проложившій дорогу, онъ учится, доходитъ до университета. Я долженъ оговориться: въ жизни Желябова

есть большіе пробѣлы, которые, конечно, придется проходить молчаніемъ, но логическая связь мысли, цѣльность представленія о дѣйствительной личности Желябова отъ этого нисколько не теряетъ. Въ 1872 году мы видимъ его уже исключеннаго изъ числа студентовъ университета за безпорядки — фактъ знаменательный: направленіе подсудимаго опредѣлилось, а послѣдующее показываетъ, что исключеніе изъ университета было болѣе чѣмъ правильно. Мы видимъ Желябова исключеннымъ 21-го года, и затѣмъ, съ этого момента, онъ исчезаетъ, пропадая въ морѣ агитаціи оно покрываетъ его совсѣмъ; только чрезъ извѣстные промежутки времени онъ появляется мѣстами на поверхности этого моря, то подъ однимъ именемъ, то подъ другимъ, такъ что на вопросъ о занятіяхъ онъ дѣйствительно имѣетъ право отвѣчать: «занимаюсь революціонными дѣлами». Въ теченіе девяти лѣтъ *) продолжается агитаціонная дѣятельность подсудимаго. Проживая въ разныхъ мѣстностяхъ, подъ разными именами и съ подложными паспортами, онъ заботится и думаетъ объ одномъ—служить интересамъ соціально-революціоннаго движенія: когда совершилось его вступленіе въ партію — это для насъ безразлично. Вѣроятно, оно наступило одновременно съ тѣмъ моментомъ, когда партія сложилась въ тайное сообщество съ его настоящими цѣлями; какъ только появились террористы — въ числѣ ихъ оказался подсудимый Желябовъ. Что остается за нимъ въ прошедшемъ—мы не знаемъ, намъ лишь извѣстно, что дома у него брошенная жена и дѣти, что процессъ

*) Это не вѣрно: изъ 9 л. Желябовъ 1 года 2 3 провелъ въ тюрьмѣ; затѣмъ, будучи оправданнымъ по проц. 193 хъ (въ 1877 и 1878 гг.), онъ нѣкоторое время жилъ въ деревнѣ вдали отъ всякой революц. дѣятельности. Лишь съ весны 1879 г. онъ примкнулъ къ террору. *Л. Д.*

193-хъ застаетъ его на скамьѣ подсудимыхъ предъ особымъ присутствіемъ. Изъ суда Желябовъ выходитъ оправданный, по недостатку уличающихъ его фактовъ, выходитъ и исчезаетъ. Проходитъ много времени — съ 1877 по 1879 г., но уже липецкій съѣздъ, лѣтомъ 1879 г., въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ видитъ и Желябова. Прямо со съѣзда онъ отправляется въ Харьковъ и здѣсь въ сентябрѣ 1879 года руководитъ сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи извѣстнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій. Смыслъ-же и революціонное значеніе этихъ дѣйствій опредѣляются присланнымъ въ Харьковъ изъ Петербурга динамитомъ. Въ ноябрѣ 1879 г. устраняется взрывъ полотна желѣзной дороги близъ города Александровска, и день неудавшагося взрыва, 18-е ноября 1879 года, застаетъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ цареубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этой цѣлью злодѣйскихъ приготовленій.

Я не буду въ подробностяхъ излагать обстоятельства александровскаго покушенія: онѣ весьма подробно изложены въ обвинительномъ актѣ, фактическую часть котораго, за исключеніемъ немногихъ подробностей, не имѣющихъ особеннаго значенія, подтвердилъ самъ подсудимый Желябовъ: я только въ нѣсколькихъ словахъ напомню, что въ Александровскъ Желябовъ пріѣхалъ подъ именемъ Черемисова: тутъ присоединилась къ нему неизвѣстная женщина, подъ видомъ жены его; они взяли въ аренду мѣсто для кожевеннаго завода и поселились у нѣкихъ Бовенко съ другими участниками преступленія. Вы, конечно, помните и обвинительный актъ, помните и

картину, нарисованную самимъ Желябовымъ, помните эту телѣгу въ стени, на которой помѣщалась батарея для взрыва снаряда, заложеннаго съ тяжкимъ трудомъ подъ линію желѣзной дороги, помните проходъ императорскаго поѣзда, о приближеніи котораго Пресняковъ заранѣе оповѣстилъ своихъ участниковъ, помните, наконецъ, этотъ характерный сигналъ одного изъ злодѣевъ: «жарь», по которому долженъ былъ произойти взрывъ. Въ 1880 г. мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента «исполнительнаго комитета». Агенты «исполнительнаго комитета», какъ намъ было заявлено, распредѣляются на нѣсколько степеней, есть агенты первой, второй и третьей степени: Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ, ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе «исполнительнаго комитета», то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову, и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе злодѣянія 1-го марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ «исполнительнаго комитета». Понятно, впрочемъ, что сознаться въ принадлежности къ «исполнительному комитету», значитъ сказать: вы имѣете предъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключите изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу, одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи.

Въ обвинительный актъ внесено заявленіе подсудимаго Желябова, поданное имъ на имя прокурора судебной палаты; сущность этого заявленія заключается въ томъ, что когда возникло настоящее дѣло и когда, 1-го марта,—а заявленіе это было послано 2-го марта,—по-

казаніемъ Рысакова выяснилось, что обвиненіе должно падать и на Желябова, то Желябовъ, не зная еще объ этомъ указаніи, но, зная за собой динамитъ, оказавшійся у него на квартирѣ, прямо заявляетъ, что онъ участникъ всякаго покушенія на жизнь государя императора, слѣдовательно, и участникъ послѣдняго; что онъ проситъ присоединить его къ дѣлу 1 го марта и что было-бы вопіющей несправедливостью не привлекать къ дѣлу его, ветерана революціи. Эта справедливость Желябову оказана. Такимъ образомъ, онъ прямо призналъ себя нравственнымъ, первымъ и главнымъ отвѣтчикомъ. На судѣ и во время предварительнаго изслѣдованія дѣла въ показаніяхъ Желябова, содержаніе которыхъ помѣщено въ обвинительномъ актѣ, замѣтна одна черта, на которую я уже указывалъ, эта черта -желаніе представить свое дѣло въ преувеличенномъ свѣтѣ, желаніе его расширить, желаніе придать организаціи характеръ, котораго она не имѣла, желаніе, скажу прямо, и порисоваться значеніемъ партіи, и отчасти попробовать запугать. Но ни первое, ни второе не удается подсудимому. Бѣлыми нитками сшиты всѣ эти заявленія о революціонномъ геройствѣ: судъ видитъ чрезъ нихъ насквозь неприглядную истину, и совсѣмъ не въ такомъ свѣтѣ предстанетъ Желябовъ въ воспоминаніяхъ, которыя останутся отъ настоящаго грустнаго дѣла... Когда я составлялъ себѣ, на основаніи данныхъ дѣла, общее мнѣніе, общее впечатлѣніе о Желябовѣ, онъ представлялся мнѣ человѣкомъ, весьма много заботящимся о внѣшней сторонѣ, о внѣшности своего положенія. Когда-же на судѣ, съ напускною гордостью онъ сказалъ, что пользуется довѣріемъ «исполнительнаго комитета , я вполнѣ убѣдился, что мы имѣемъ предъ собой типъ революціоннаго честолюбца... Но довольно съ Желябовымъ, перейдемъ къ Перовской.

О Перовской слѣдуетъ говорить вслѣдъ за Желябовымъ потому, что обстоятельства тѣсно связываютъ ихъ между собой. Въ прошломъ Перовской есть многое такое, чего не имѣютъ за собою другіе подсудимые и о чемъ необходимо сказать нѣсколько словъ въ настоящее время. Подсудимая Перовская имѣетъ 27 лѣтъ, происхожденія она дворянскаго, родомъ она изъ хорошей семьи, дочь родителей, занимавшихъ въ обществѣ почетное мѣсто, женщина, имѣвшая полную возможность получить хорошее образованіе и видѣть кругомъ себя хорошій примѣръ. О ней мы знаемъ, что уже въ 1870 году, будучи 16-ти лѣтъ отъ роду, она, пройдя чрезъ женскіе курсы, тогда учрежденные при пятой гимназіи, оставляетъ домъ своихъ родителей и поступаетъ въ народныя учительницы. Въ 1871 году, когда ей было 17 лѣтъ, мы видимъ ее привлекающеюся къ дознанію о государственномъ преступникѣ Гончаровѣ, а въ слѣдующемъ 1872 году, 18-ти лѣтъ, она, по ея собственному показанію, примкнула къ соціально-революціонному движенію, въ волнахъ котораго пребываетъ, безъ малаго, девять лѣтъ. Почти въ дѣтскомъ возрастѣ застигла ее эта волна, быстро катила ее за собой и принесла въ процессъ 193-хъ, изъ котораго она, по недостаточности уликъ, вышла оправданной. Въ 1878 году, вслѣдствіе доказаннаго ея противоправительственнаго направленія, признано было не обходимымъ удалить ее изъ Петербурга *) административнымъ порядкомъ и выслать въ Олонецкую губернію. Дорогой она совершаетъ побѣгъ, исчезаетъ, и мы получаемъ возможность констатировать дѣятельность ея въ революціонной

*) Не вѣрно: Перовская мирно жила со своей матерью лѣтомъ 1878 г. въ Крыму, когда ее вновь арестовали. *Л. Д.*

средѣ только во время московскаго взрыва, въ которомъ она участвуетъ въ качествѣ фиктивной жены Сухорукова-Гартмана, въ качествѣ хозяйки конспиративнаго дома, изъ котораго была проведена мина. Мы видимъ ее здѣсь непосредственной участницей преступленія и изъ показанія Гольденберга знаемъ, что этимъ участіемъ, той ролью въ преступленіи, которая ей досталась, Перовская очень гордилась. Было чѣмъ гордиться: ей была предоставлена почетная въ революціонномъ смыслѣ роль: она должна была наблюдать за приближеніемъ императорскаго поѣзда и дать сигналъ, по которому должна была быть замкнута убійственная цѣпь гальванической батареи другимъ лицомъ. Въ 1880 году мы находимъ ее въ сожительствѣ съ Желябовымъ, на квартирѣ въ домѣ № 17/19, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и на основаніи этого сожительства, на основаніи участія ея въ послѣднемъ заговорѣ, мы имѣемъ основаніе предложить, что и она находилась подъ вліяніемъ Желябова, заставлявшимъ ее идти по стопамъ Желябова и дѣлавшимъ изъ нея слѣпое орудіе его. Несомнѣнно, Перовская получила больное соціально-революціонное развитіе. Въ настоящее время она умѣетъ говорить слова, на которыхъ лежитъ печать этой науки, она складно излагаетъ теорію соціально-революціоннаго ученія—этому нечего удивляться: она прошла хорошую школу. Я не могу перейти къ прочимъ подсудимымъ, не указавъ на то, что въ участіи въ преступленіи Перовской есть черта, которую выбросить нѣтъ возможности. Мы можемъ представить себѣ политическій заговоръ; можемъ представить, что этотъ заговоръ употребляетъ средства самыя жестокія самыя возмутительныя; мы можемъ представить, что женщина участвуетъ въ этомъ заговорѣ. Но чтобы женщина ста-

повилась во главѣ заговора, чтобы она принимала на себя распоряженіе всѣми подробностями убійства, чтобы она съ циническимъ хладнокровіемъ разставляла мастеровщиковъ, чертила планъ и показывала, гдѣ имъ становиться, чтобы женщина, сдѣлавшись душой заговора, бѣжала смотрѣть на его послѣдствія, становилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста злодѣянія и любовалась дѣломъ рукъ своихъ, — такую роль женщины обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать.

За Перовскою слѣдуетъ подсудимый Кибальчичъ. Судя по его объясненіямъ, онъ представляется спеціалистомъ-техникомъ, посвятившимъ себя на служеніе наукѣ, и, притомъ, спеціалистомъ, усвоившимъ себѣ соціально-революціонныя убѣжденія, человѣкомъ мягкаго характера, мягкаго даже образа дѣйствій, если это возможно. Онъ говорилъ намъ, что лично онъ неспособенъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Когда, однако, на судѣ слышишь мягкую, спокойную, ни на минуту не прерывавшуюся, обстоятельную, тихую рѣчь Кибальчича, невольно приходитъ въ голову мысль: «Мягко стелетъ, да жестко спать». Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ, не окончивши *) курса наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, а оттуда, въ 1873 году, перешелъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ, по собственному показанію, и пріобрѣлъ соціальныя убѣжденія. Въ это время ему было, по моему приблизительному разсчету, безъ малаго 20-ть лѣтъ. Между 1873 и 1875 г. Кибальчичъ слушаетъ лекціи въ академіи; занимался-ли онъ тамъ — этого мы не знаемъ, но въ 1875 году, лѣ-

*) Наоборотъ, Кибальчичъ окончилъ гимназію съ медалью. *Л. Д.*

томъ, мы застаемъ его живущимъ въ Кіевской губ., въ имѣніи своего брата. Здѣсь онъ передастъ рядовому Притулѣ революціонную книжку, подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ». Производятъ у него обыскъ, — находятъ цѣлый тюкъ революціонныхъ изданій и собраніе подложныхъ паспортовъ. Его заключаютъ подъ стражу и возбуждаютъ дѣло, оконченное приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената 1-го мая 1878 года, присудившимъ Кибальчича за храненіе запрещенныхъ изданій къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ, съ 1875 по 1878 годъ Кибальчичъ не дѣйствуетъ: онъ находится въ заключеніи. Но тюрьма еще болѣе утверждаетъ Кибальчича въ соціальныхъ убѣжденіяхъ, такъ что, по освобожденіи, онъ выходитъ съ окрѣпшими революціонными воззрѣніями и осенью, послѣ арестовъ, произведенныхъ въ Петербургѣ, послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова, переходитъ на нелегальное положеніе. До осени 1879 года онъ, впрочемъ, повидимому, въ революціонной дѣятельности не принимаетъ активнаго участія, и объясняется это тѣмъ, что онъ не имѣлъ связей съ партіей, а связи были нужны въ партіи и въ ней нельзя было обойтись безъ соціально-революціонной протекціи *). Вскорѣ, все болѣе и болѣе присоединяясь къ партіи внутренно, Кибальчичъ, еще до формальнаго къ ней присоединенія, предвидя, что партіи придется вступить въ борьбу съ правительствомъ и употреблять въ борьбѣ такія вещества, какъ динамитъ, начинаетъ изучать все относящееся къ производству динамита, и изучаетъ, нужно отдать ему справедливость,

*) Совершенно невѣрно: связи у Кибальчича были и ни въ какой протекціи онъ не нуждался. До 1879 г. онъ не примыкалъ къ террористамъ по личнымъ причинамъ. *Л. Д.*

съ научной добросовѣстностью, изучаетъ такъ, что дѣйствительно могъ сдѣлаться изобрѣтателемъ и составителемъ метательныхъ снарядовъ. Мы слышали, что онъ владѣетъ и, можетъ быть только по этому случаю, овладѣлъ языками, что онъ перечиталъ все, что могъ найти по литературѣ предмета, предмета: какъ страшно звучитъ это слово, когда говоришь о динамитѣ, метательныхъ снарядахъ и другихъ орудіяхъ разрушенія. Весною 1879 года Кибальчичъ прямо, съ цѣлью предложить свои услуги партіи, знакомится съ Квятковскимъ и начинаетъ готовить динамитъ, какъ общественное достояніе партіи. Лѣтомъ 1879 года общіе революціонные интересы сводятъ его съ Желябовымъ, а въ 1880 году онъ оказывается въ Петербургѣ и, проживая въ разныхъ квартирахъ, подъ разными именами, посвящаетъ все свое время мастерскимъ, гдѣ приготовляется динамитъ, и, наконецъ, является предъ вами обвиняемыхъ въ злодѣяніи съ извѣстнымъ вамъ участіемъ.

Немного придется мнѣ говорить о Тимоѳеѣ Михайловѣ. Грубый, неразвитой, малограмотный, едва умѣющій подписать фамилію, простой рабочій, онъ вышелъ изъ простой крестьянской семьи Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Въ молодомъ возрастѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь прямо поступилъ на фабрику. Городская порча, растлѣвающее вліяніе фабричной жизни сразу коснулись его. Петербургская рабочая среда, антагонизмъ съ мастерами и хозяевами фабрикъ, столкновеніе съ агитаторами, которые издавна избрали фабрики мѣстомъ своей пропаганды, толкнули Михайлова на настоящую его дорогу. Здѣсь, говоря о пути, пройденномъ Михайловымъ, о вступленіи его на этотъ путь, опять приходится встрѣчаться съ Желябовымъ. Вы помните,

какъ характерно выразился Михайловъ въ своемъ показаніи. Желябовъ, говоритъ онъ, прикомандировалъ меня къ боевой дружинѣ, и вотъ, прикомандированный Желябовымъ, Михайловъ дѣлается не только соціалистомъ-революціонеромъ, но и террористомъ, а 3-го марта оказываетъ вооруженное сопротивленіе, думая при этомъ только одно: я не дамъ себя даромъ первому своему врагу. Слѣдуетъ заключить изъ объясненія самого Михайлова, что онъ первоначально вступилъ въ рабочую дружину для того, чтобы защищать рабочихъ отъ враговъ, отъ шпіоновъ и нелюбимыхъ мастеровъ, но затѣмъ его революціонныя задачи и развитіе, благодаря вліянію Желябова, расширились. Развитіе это сказывается въ тѣхъ фразахъ, которыя мы слышали отъ него здѣсь. Онъ сказалъ: «Трудъ поглощается капиталистами, вездѣ рабочіе эксплоатируются, земля, орудія труда, фабрики должны принадлежать рабочимъ». Послѣднее Михайловъ хорошо себѣ усвоилъ, и, вѣроятно, только это одно онъ и понялъ изъ соціально-революціоннаго ученія; онъ постигъ, что хорошо, если заводъ Вакферсона будетъ принадлежать ему, въ качествѣ найщика или дольщика; онъ постигъ это и, побуждаемый этими стремленіями, пошелъ, чрезъ Желябова, съ метательнымъ снарядомъ на Екатерининскій каналъ.

Что сказать мнѣ о Гельфманъ? «Неинтеллигентная» еврейка, какъ описываетъ ее записка, прочитанная здѣсь, хозяйка конспиративной квартиры въ Телѣжной улицѣ. Но эта неинтеллигентная еврейка способна, во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ, для нея доступныхъ, на сознательную роль въ злодѣяніи, а ея прошлое таково, что оно подготовило ее къ такой роли. Участница въ процессѣ такъ называемомъ «московскихъ соціалистовъ пяти-

десяти», признавшая еще тогда виновною въ принадлежности къ партіи, она была приговорена къ двухлѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ и освобождена въ маѣ 1879 года, — освободилась и немедленно принялась за старое, опять пошла туда-же, откуда вышла, и стала примѣнять свои посильныя знанія къ дѣлу, которому она служитъ. Она, въ одно и то-же время и наборщица «Рабочей Газеты», и исполняетъ непителлигентныя обязанности, являясь хозяйкой конспиративной квартиры, имѣющей такое роковое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ.

Затѣмъ, если изъ всего того, что я сказалъ о каждомъ изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, мы пожелаемъ выдѣлить нѣкоторыя общія родовыя черты, которыя если намъ и не объяснятъ причину злодѣянія, то, по крайней мѣрѣ, дадутъ указаніе на то, какъ подсудимые дошли до него, то мы получимъ поучительный и грустный отвѣтъ: отсутствіе и слабость въ жизни большинства подсудимыхъ семейныхъ связей, плохое вліяніе школы, допускающей, что, во время пребыванія въ школѣ, юноши, пришедшіе въ нее за полезными знаніями, направляются не на ученіе, не на занятія, а въ сторону—на политику, на агитацію, на идеи, которыхъ человѣкъ, еще въ школѣ находящійся, не можетъ усвоить себѣ сознательно, вотъ тѣ грустныя явленія въ жизни нашей молодежи, которыя даютъ намъ Рысаковыхъ, Кибальчичей даже Желябовыхъ, готовыхъ на все безнравственное и ужасное, лишь-бы этимъ достигались соціально-революціонныя цѣли.

Фактическая сторона обвиненія, насколько было возможно, исчерпана. Установлены обстоятельства какъ злодѣянія 1-го марта, такъ и другихъ предметовъ обвиненія, выяснено совершеніе ихъ подсудимыми и точно распре-

дѣлены между ними доли соучастія; наконецъ, доказано и совершеніе злодѣянія путемъ заговора, составленнаго тайнымъ сообществомъ, которое называетъ себя вообще русской соціально-революціонной партіей, а въ частности партіей «Народной Воли». Но я не исполнилъ-бы своей обязанности, если-бы ограничилъ ее указанными мною предѣлами: уже самая наличность тайнаго революціоннаго сообщества, какъ предмета обвиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ источника злодѣянія 1-го марта, обязываетъ меня войти въ разсмотрѣніе его взглядовъ, цѣлей и преступной дѣятельности. Я могу сдѣлать это лишь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, на основаніи, однако-же, вполнѣ достовѣрнаго и богатаго матеріала, который заключается въ оффиціально опубликованныхъ отчетахъ о политическихъ процессахъ за послѣднее десятилѣтіе и въ имѣющихся при настоящемъ дѣлѣ вещественныхъ доказательствахъ. Я позволяю себѣ надѣяться, что вы, милостивые государи, вмѣстѣ со мною признаете, что пора-же, наконецъ, привести въ извѣстную систему наиболѣе выпуклыя и яркія черты пресловутой «партіи», познакомиться съ ея дѣйствительнымъ значеніемъ и тенденціями; пора сорвать маску съ этихъ непрошеныхъ благодѣтелей человѣчества, стремящихся добыть осуществленіе излюбленной ими химеры кровью и гибелью всего, что съ нею не согласно...

Глубоко убѣжденный въ томъ, что между истинно честными людьми не найдется и не можетъ найтись ни одного, сколько-нибудь сочувствующаго имъ человѣка, я думаю, что при изслѣдованіи ихъ ученія мы не вправѣ оказывать имъ ни малѣйшаго снисхожденія, такъ какъ снисхожденіе могло-бы быть объяснимо только пагубно-ложными представленіями объ ихъ ошибочныхъ, но, будто-

бы, въ концѣ концовъ, идеальныхъ намѣреніяхъ. Русскому обществу нужно знать разоблаченную на судѣ правду о заразѣ, разносимой соціально-революціонною партіею, и я хотѣлъ-бы сказать эту правду теперь серьезно и возможно спокойно, безъ рѣзкихъ словъ и натяжекъ, побивая врага его-же оружіемъ, изображая его у него-же взятыми красками, его-же мыслями и дѣйствіями. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о болѣе или менѣе извѣстномъ и для суда прямаго значенія не имѣющемъ происхожденіи и постепенномъ развитіи соціально-революціоннаго движенія, я обращусь непосредственно къ тѣмъ обстоятельствамъ и условіямъ, при которыхъ оно приняло свое теперешнее кровавое террористическое направленіе. Мы знаемъ изъ процесса шестнадцати террористовъ, разсмотрѣннаго петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что еще въ 1878 году, не раздѣляя воззрѣній, рекомендовавшихъ постепенное революціонное воспитаніе народа въ борьбѣ съ существующимъ экономическимъ строемъ, нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые члены за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ образовавшагося тайнаго сообщества, принявшаго наименованіе «русской соціально-революціонной партіи», озлобленные неудачами и преслѣдованіемъ, порѣшили, что для защиты ихъ дѣла противъ правительства нужны политическія убійства, и если окажется возможнымъ,— посягательство на цареубійство. Кромѣ своеобразнаго пониманія партійныхъ интересовъ, здѣсь, кажется, дѣйствовало и революціонное честолюбіе—репутаціи Геделя, Нобилинга и другихъ не давали спать русскимъ ихъ единомышленникамъ. И вотъ потянулись длиннымъ рядомъ всѣмъ намъ еще хорошо памятныя преступленія, начавшіяся выстрѣломъ Вѣры Засуличъ и дошедшія до покушенія

2-го апрѣля 1879 года. То были глухіе удары, раскаты приближающагося землетрясенія,—говорится въ одномъ изъ подпольныхъ листковъ: то были пробные взмахи расходившейся руки убійцы, предвкушеніе кровожаднаго инстинкта, почуявшаго запахъ крови, — скажемъ мы. Новое направленіе оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ настроенію извѣстной части партіи и повлекло за собою расколъ между ея членами. Одни не хотѣли прибавлять крови и прямаго бунта къ своей преступной дѣятельности, другіе-же, напротивъ, видѣли весь успѣхъ своего дѣла въ политической борьбѣ и разумѣли подъ нею тайныя убійства, цареубійство и затѣмъ открытое возстаніе, съ цѣлью создать новый государственный строй, котораго требуетъ будто-бы народная воля. Для разъясненія этого раскола и составленія обусловленной имъ новой программы дѣйствій, для того, чтобы разобраться, сосчитаться и сговориться между собой, лѣтомъ 1879 года, въ городѣ Липецкѣ состоялся съѣздъ дѣятелей партіи, получающей въ настоящее время особенно преступное гибельное значеніе, такъ какъ на немъ и вслѣдствіе его совѣщаній окончательно сформировалась фракція террористовъ и былъ рѣшенъ тотъ образъ дѣйствій, который завершился злодѣяніемъ 1-го марта. На липецкомъ съѣздѣ послѣдователи новаго революціоннаго направленія круто поставили вопросъ о политической борьбѣ, какъ о единственномъ средствѣ для достиженія цѣлей партіи. Центръ тяжести политической борьбы, гласитъ далѣе террористическое рѣшеніе, лежитъ въ цареубійствѣ, поэтому на него-то и должны быть направлены всѣ усилія партіи. Но совершать его нужно уже не по-прежнему. Револьверъ и кинжалъ дискредитированы и забракованы: на сцену выступаютъ динамитъ и разрушительные взрывы.

Таковы были рѣшенія липецкаго съѣзда, а вмѣстѣ и исходная точка террористовъ-цареубійцъ, водрузившихъ свой кровавый красный флагъ надъ новою подпольною газетой «Народной Волей». Вслѣдъ затѣмъ террористы принялись за работу, и послѣдовательными результатами ихъ систематической дѣятельности были три, одно за другимъ совершенныя покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго государя императора: 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, 19-го того-же ноября близъ Москвы и 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ дворцѣ и неудавшіяся приготовленія къ четвертому такому-же покушенію близъ города Одессы. Четыре взрыва не удались стали готовить пятый, достигній, по волѣ Провидѣнія, своей ужасной цѣли. Таково было развитіе злодѣйскаго сообщества и воздвигшей его злодѣйской мысли. Посмотримъ-же дѣятелей этого сообщества поближе, въ ихъ проявленіяхъ и собственныхъ о себѣ свидѣтельствахъ. Останавливаясь, прежде всего, на внѣшней и наиболѣе рельефной сторонѣ дѣятельности террористическаго направленія, я хотѣлъ-бы подвести перечневый итогъ ея трехлѣтнимъ подвигамъ. Онъ знаменателенъ: рядъ убійствъ должностныхъ лицъ и нападеній на нихъ, гибель и изувѣченіе множества лицъ, случайно стоявшихъ на дорогѣ злодѣянія. Въ этомъ морѣ пролитой крови, конечно, тонутъ и безконечно умаляются всѣ общія уголовныя преступленія, членами партіи совершенныя. Но, увы, мы знаемъ, что этимъ не исчерпывается злодѣйскій списокъ: огненными клеймами сверкаютъ на его страницахъ пять посягательствъ на жизнь усопшаго монарха и завершающее ихъ цареубійство. Во имя чего-же совершены всѣ эти злодѣянія, чего хотятъ, или, лучше сказать, хотѣли подсудимые, вооружась на политическую борьбу или, точ-

нѣс, на политическія убійства? Въ найденной у Рысакова и у Ельникова программѣ «рабочихъ членовъ партіи Народной Воли» категорически указаны основанія ихъ политическаго идеала, въ его новѣйшемъ исправленномъ, повидимому, въ самомъ послѣднемъ его изданіи. Судите о немъ сами (прокуроръ читаетъ выдержки изъ указанной имъ программы). Таковъ ихъ идеалъ, выросшій по образцамъ крайнихъ теорій западнаго соціализма и сулящій, по мнѣнію партіи, общее благополучіе. Но для того, чтобы его провозглашать и стремиться къ его осуществленію, необходимо своеобразное, съ нимъ согласное отношеніе и къ окружающимъ началамъ существующаго строя, и русскіе соціалисты въ этомъ оказываются послѣдовательными. Существующій народный строй вѣритъ въ Бога Всемогущаго и Всеблагаго, исповѣдуетъ Христа-Спасителя, въ религіи ищетъ и находитъ утѣшеніе, силы и спасеніе. Какое это наивное, опасное заблужденіе въ глазахъ террористовъ, и какъ спѣшатъ они, все упраздняя, упразднить и эту вредную имъ религію. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, устами Желябова, произнесшаго, въ отвѣтъ на вопросъ первоприсутствующаго объ его вѣроисповѣданіи, подготовленную и бьющую на эффектъ фразу, и заявляютъ, что, снисходительно относясь къ религіи, они отводятъ ей мѣсто въ ряду нравственныхъ убѣжденій, исповѣдуя, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Теперь я спрошу Желябова: какія это дѣла, безъ которыхъ вѣра мертва? Тѣ-ли, которыя совершены 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ: тѣ-ли, которыя совершаются кровью, убійствомъ, посягательствомъ на преступленіе? Относясь отрицательно къ современному государственному строю и его религіи, террористы столь-же безпощадны по отношенію къ нравственности, исторіи и обществу.

За то о себѣ самой соціально-революціонная партія — мнѣнія самаго высокаго, и не устаетъ превозносить себя, свои подвиги, свое значеніе. Герои, мученики, свѣточи народа, провозвѣстники свободы -это наиболѣе скромные эпитеты изъ тѣхъ, которыми они любятъ надѣлять себя Но они идутъ и дальше, а дальше можно далеко оставить за собою геркулесовы столбы безсмыслія и наглости.

Познакомившись со взглядами стоящихъ передъ нами террористовъ, перейдемъ къ ихъ мыслямъ о формѣ, путяхъ и средствахъ предпринятой ими политической борьбы. Мы уже знаемъ, что форма эта терроръ, пути—политическія убійства, а средство—динамитъ и цѣлая система взрывовъ и взрывчатыхъ приспособленій. Но мы должны знать еще и то, что это терроръ не простой, а возведенный въ политическую теорію, пути эти не случайные, а строго выработанные и обдуманные, средства не общеупотребительныя, а усовершенствованныя наукой и практическимъ упражненіемъ. Вотъ та изумительная террористическая теорія, какъ она выражена въ брошюрѣ нѣкого Морозова: «Террористическая борьба», которую, не обинуясь, можно назвать краткимъ руководствомъ, настольною книжкою террориста. Террористическая борьба, по словамъ брошюры, представляетъ собою совершенно новый пріемъ борьбы; она справедлива потому, что убиваетъ только тѣхъ, которые этого заслуживаютъ и виновны. И потому террористическая революція представляетъ собою самую справедливую изъ всѣхъ формъ революціи. Въ Россіи, говорятъ они, дѣло террора значительно усложнится. оно потребуетъ, можетъ быть, цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и цареубійствъ. Но не въ одномъ этомъ должна заключаться его цѣль. Оно должно

сдѣлать свой способъ борьбы популярнымъ, историческимъ, традиціоннымъ, должно ввести его въ жизнь. Наступитъ время, говорятъ террористы, когда несистематическія попытки террористовъ сольются въ общій потокъ, противъ котораго не устоять тогда никому. Задача русскихъ террористовъ — только обобщить и систематизировать на практикѣ ту форму революціонной борьбы, которая ведется давно, борьбу посредствомъ политическихъ убійствъ. Вотъ перспектива, которую обѣщаютъ террористы. Нельзя пожаловаться на неясность программы, нельзя отказать ей въ своеобразности и новизнѣ. Осуществится ей не суждено, но авторы ея могутъ все-таки гордиться: ихъ не забудетъ думающій міръ. Онъ слышалъ до сихъ поръ много самыхъ разнообразныхъ, самыхъ несбыточныхъ и странныхъ системъ, теорій и ученій. Но онъ еще не слышалъ системы цареубійства, теоріи кровопролитія, ученія рѣзни: это могло быть только новымъ словомъ, и это новое слово повѣдали изумленному міру русскіе террористы. Но чего-же другаго ожидать отъ нихъ, когда, говоря печатно о новыхъ формахъ покушеній на цареубійство, они восторгаются въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ тщательностью отдѣлки всѣхъ деталей, съ гордостью заявляютъ, что это прогрессивное усовершенствованіе способовъ борьбы составляетъ чрезвычайно утѣшительный фактъ, и останавливаются съ умиленіемъ на томъ, что въ настоящее время возможность совершенія цареубійства связывается съ возможностью спасенія для убійцъ. Злодѣяніе совершается, но его исполнители могутъ остаться живы. Возможность уцѣлѣть — есть. Мы знаемъ, что многіе изъ участниковъ перваго покушенія уцѣлѣли, и еще теперь, предъ глазами каждаго изъ нихъ, на основаніи этой теоріи, стоитъ въ перспективѣ побѣгъ за границу,

и это знаменитое право убѣжища, которое гораздо правильнѣе и точнѣе назвать, если можно, правомъ укрывательства и безнаказанности убійцъ. И такъ, милостивые государи, въ такомъ видѣ представляется дѣятельность соціалистовъ, но то, что я имѣлъ честь изложить передъ вами, еще не все. Кромѣ убійствъ и крови, надъ соціально-революціонной партіей тяготѣетъ и еще одинъ великій тяжкій грѣхъ. Она признаетъ сама,—а настоящее состояніе и недавнее прошлое русскаго общества горько подтверждаютъ,—что важную и существенную отрасль ея агитаторской работы составляютъ возможно широкое раскидываніе сѣтей и ловля въ нихъ добычи. И въ этомъ дѣлѣ нужно отдать имъ справедливость: они достигли значительной степени совершенства, почти такого-же какъ и въ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ и рытьѣ подкоповъ. Только славы для нихъ отъ этого немного, потому что добыча попадается имъ слабая и беззащитная, дающая имъ мало пользы и лишь сама себя ни за-что, ни про-что губящая. Я говорю о той злополучной русской юности, среди которой рыскаютъ тайные агенты и эмиссары партіи, жадно высматривая свою добычу. Окле-ветанная партіей, которая, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, выставляетъ ее своей союзницей или, по крайней мѣрѣ, сочувствующею ей силой, русская молодежь страдаетъ отъ нея больше всѣхъ другихъ сферъ общества. Еще не окрѣпшая, къ строгой критикѣ не привыкшая, нерѣдко получающая неправильное направленіе, которое отклоняетъ ее отъ ученья, она естественно представляетъ для соціально-революціонныхъ ловцовъ меньше сопротивленія, чѣмъ всѣ другія сферы. Молодость воспріимчива, податлива, увлекается, и вотъ зараза ядовитою змѣею извивается въ ея средѣ. Одного ужалитъ, дру-

гаго занятиаетъ, а третьяго совсѣмъ охватитъ въ свои кольца, и жертвы падаютъ, гибнутъ молодыя силы, нужныя родной землѣ.

Теперь, отдавая на вашъ судъ, гг. сенаторы, гг. сословные представители, взгляды и стремленія подсудимыхъ и ихъ партіи, я, само-собою разумѣется, весьма далекъ отъ мысли ихъ опровергать, съ ними полемизировать. Не говоря уже о томъ, что это было-бы несогласно съ достоинствомъ государственнаго обвиненія, которое призвано лишь изобразить злодѣяніе въ его настоящемъ видѣ, ученія соціально-революціонной партіи такъ очевидны въ мысляхъ и дѣлахъ ея, что изобличеніе ихъ едва-ли и нужно для суда, тѣмъ болѣе, что и оружіе у насъ неравное: у нихъ -софизмъ и цинизмъ, у обвиненія — неотразимые, еще дымящіеся кровью факты, простое человѣческое чувство и безхитростный здравый смыслъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу оставить безъ вниманія рядъ общихъ выводовъ, который грозно, самою очевидностью и правдой выдвигается изъ всего того, что совершилось, что мы знали прежде и узнали вновь. Не смотря на весь ужасъ и всю боль изслѣдованной язвы, въ данныхъ этого изслѣдованія есть мнѣ кажется, и нѣкоторые задатки горькаго утѣшенія, насколько оно для насъ еще возможно. Сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ —язва неорганическая, недугъ наносный, пришлый, преходящій, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный. Русской почвѣ чужды и ложучія соціально революціонной партіи, и ея злодѣйства, и она сама. Не изъ условій русской почвы чужды и ложучія соціально-революціонной партіи, и ея злодѣйства, и она сама. Не изъ условій русской дѣйствительности заимствовала она исходныя точки и основанія свой доктрины. Соціализмъ

выросъ на Западѣ и составляетъ уже давно его историческую бѣду. У насъ ему неоткуда было взяться, у насъ не было и, слава Богу, нѣтъ до сихъ поръ ни антагонизма между сословіями, ни преобладанія буржуазіи, ни традиціонной розни и борьбы общества съ властью. Многомилліонная масса русскаго народа не воспріметъ соціалистическихъ идей. Пропагандисты 1874 года знаютъ, какимъ непониманіемъ, смѣхомъ или враждою встрѣчали ихъ въ любой избѣ. Сторонниками новаго ученія являются у насъ люди, которымъ безъ соціализма некуда было-бы преклонить голову, нечѣмъ заниматься, нечего ѣсть, нео чемъ думать. Огромное движеніе, умственное, общественное и экономическое движеніе, вызванное великими реформами великаго царя-мученика, подняло и передвинуло всѣ элементы русской жизни, взволновавъ ее со дна и до поверхности. Но, процѣживаясь и осѣдая, движеніе дало никуда негодные отбросы, отъ стараго отставшіе, къ новому неприставшіе, и на все готовые. Явились люди безъ нравственнаго устоя и собственнаго внутренняго содержанія, но воспріимчивые къ чужому, постороннему вліянію, только-бы оно сулило поприще обширное, заманчивое, легкое, льстящее самолюбію, скромнаго неблагодарнаго труда нетребующее. Явились люди, могущіе, за неимѣніемъ или нежеланіемъ другаго дѣла — только «дѣлать» революцію. А западныя лжеученія дали имъ нѣчто готовое, съ виду красивое, звонкими фразами обставленное, страсти будящее, разжигающее... Слабыя головы закружились въ вихрѣ соціально-революціонныхъ примановъ и перспективъ и, не оглядываясь, бросились на скользкій, покатый путь. А ни на немъ, ни въ собственномъ умѣ и сердцѣ ухватиться было не за что, и вотъ стали блѣднѣть и исчезать, какъ дымъ, остатки здраваго

смысла, совѣсти, человѣчности, стыда... все стало у этихъ людей свое, особенное, не русское, даже, какъ будто, не человѣческое, а какое-то —да будетъ позволено мнѣ такъ выразиться—соціально-революціонное... У нихъ выработалось одно - закалъ и энергія, но этотъ закалъ и эта энергія способны только на мрачное, для всѣхъ другихъ людей преступное, дурное. На Россію они стали смотрѣть не какъ на отечество, а какъ на объектъ соціально-революціонныхъ мѣропріятій, для которыхъ всѣ средства хороши. Но для Россіи, которая смотритъ на нихъ не ихъ, а своими собственными, не отведенными глазами, они не могутъ не представляться отверженцами, достойными безпощаднѣйшаго осужденія.

Подведемъ послѣдній, окончательный итогъ. Что сдѣлала соціально-революціонная партія за нѣсколько лѣтъ ея полезной дѣятельности для блага того народа, польза и счастье котораго у нея не сходитъ съ языка? Она написала и распространила горы бумаги, наполненной фантазіями и софизмами, отъ которыхъ ни одному бѣдняку жить не стало легче. Она совратила и погубила множество поддавшихся ей людей, убила въ нихъ вѣру въ себя и въ будущее, оторвала ихъ отъ близкихъ, отъ родины, отъ честнаго труда. Что-же сдѣлалъ дѣйствующій передовой отрядъ этой соціально-революціонной партіи, ея боевая дружина, открывшая активную борьбу, ея надежда и единственная дѣятельная сила - террористы? Они убили и изувѣчили нѣсколько десятковъ вѣрныхъ слугъ престола и отечества, вызывая тѣмъ временную панику среди мирныхъ гражданъ: они прорыли нѣсколько подкоповъ, взвели нѣсколько пудовъ динамиту и, при его посредствѣ, усовершенствовали способы уничтоженія беззащитныхъ людей: они выработали и написали цѣлую

доктрину такого уничтоженія, связавъ ее на вѣки съ своею памятью: они заставили Россію и весь цивилизованный міръ говорить о себѣ, какъ о новой общественной формаціи организованныхъ, систематическихъ, интеллигентныхъ убійцъ. Наконецъ, 1-го марта нынѣшняго года они достигли завѣтной цѣли своихъ желаній и апогея своихъ дѣяній: они предательски убили великаго монарха, освободителя и реформатора новой Россіи. По-видимому, соціально-революціонная партія, въ лицѣ подсудимыхъ, думаетъ, что 1-го марта она одержала огромную кровавую побѣду и достигла своей ближайшей и труднѣйшей цѣли. Она ошибается, она въ этотъ день своими руками нанесла себѣ смертельный ударъ, она сама произнесла надъ собою свой приговоръ. Отнынѣ глубокое мучительное отвращеніе всего, въ чемъ бьется человѣческое сердце и мыслитъ умъ, еще способный мыслить—ея единственный удѣлъ. И стоютъ-ли ея исчадія другаго къ себѣ отношенія? Сомнѣвается-ли кто-нибудь въ томъ, что ихъ явно заявленная цѣль — разрушить существующій міръ и на мѣсто его возвести міръ соціалистическій,—есть химера, недостижимая и безумная? А вѣдь за этою химерою, кичащеюся своимъ идеализмомъ, таятся во тьмѣ, прикрытые ея гостепріимнымъ знаменемъ, тысячи мелкихъ, личныхъ, совсѣмъ не идеальныхъ побужденій и интересовъ: зависть бѣднаго къ достаточному, бѣдствующаго тунеядца къ процвѣтающему труженику, порыванія разнузданныхъ инстинктовъ къ дикому разгулу, честолюбіе и властолюбіе вожаковъ партіи.

Моя задача приходитъ къ концу. Скоро настанетъ торжественный часъ исполненія вашей великой судебной обязанности, и въ совѣщательной комнатѣ передъ вашимъ

умственнымъ взоромъ вновь предстанетъ все, что послужитъ основаніемъ вашего приговора, все, что вы видѣли и слышали на судѣ. Не мнѣ говорить, не вамъ слушать о необходимомъ значеніи того рѣшенія вопросовъ виновности, которые изрекутъ вашими устами высшая человѣческая справедливость и законъ, ея совершеннѣйшій выразитель. Вы знаете и безъ моихъ указаній, что совѣсть Россіи ждетъ этого рѣшенія и, возмущенная, успокоится только тогда, когда услышитъ его властный голосъ. Но чрезвычайный, грозный смыслъ вашего согласія съ выводами обвиненія—а въ этомъ согласіи я не хотѣлъ-бы сомнѣваться—такъ чутко отзывается въ человѣческомъ сердцѣ, такъ настойчиво требуетъ примиренія чувствъ съ разсудкомъ, что я прошу позволенія именно объ этомъ конечномъ нравственно-юридическомъ смыслѣ предстоящаго вамъ сужденія сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

На основаніи всей совокупности данныхъ судебнаго слѣдствія, на основаніи приведенныхъ мною доказательствъ виновности подсудимыхъ, я имѣю честь предложить вамъ произнести о нихъ безусловно обвинительный приговоръ. Только такой приговоръ вытекаетъ изъ представленныхъ вамъ доказательствъ, только его карательныя послѣдствія соразмѣрны съ злодѣяніемъ 1-го марта и виною всѣхъ шести изобличенныхъ въ этомъ злодѣяніи подсудимыхъ. Безпощадно суровы и тяжки эти послѣдствія, опредѣляющія ту высшую кару, которая отнимаетъ у преступника самое дорогое изъ человѣческихъ благъ—жизнь. Но она законна, необходима, она должна поразить преступниковъ цареубійства. Она законна, а въ неуклонномъ примѣненіи дѣйствующихъ законовъ, въ благоговѣйномъ преклоненіи передъ ними, въ строжайшемъ охраненіи установ-

леннаго ими правильнаго гражданскаго строя—вся наша гражданская сила въ настоящее трудное время, все наше спасеніе. Она необходима потому, что противъ цареубійцъ и крамольниковъ нѣтъ другаго средства государственной самозащиты. Человѣческое правосудіе съ ужасомъ останавливается передъ ихъ преступленіями и съ содроганіемъ убѣждается, что тѣмъ, кого оно заклеймило, не можетъ быть мѣста среди божьяго міра. Отрицатели вѣры, бойцы всемірнаго разрушенія и всеобщаго дикаго безначалія, противники нравственности, безпощадные развратители молодости, всюду несутъ они свою страшную проповѣдь бунта и крови, отмѣчая убійствами свой отвратительный слѣдъ. Дальше имъ идти некуда: 1-го марта они переполнили мѣру злодѣйствъ. Довольно выстрадала изъ-за нихъ наша родина, которую они запятнали драгоцѣнною царскою кровью, -и въ вашемъ лицѣ Россія свершитъ надъ ними свой судъ. Да будетъ-же убіеніе величайшаго изъ монарховъ послѣднимъ дѣяніемъ ихъ земнаго преступнаго поприща. Людьми отвергнутые, отечествомъ проклятые, передъ правосудіемъ всевышняго Бога пусть дадутъ они отвѣтъ въ своихъ злодѣяніяхъ и потрясенной Россіи возвратятъ ея миръ и спокойствіе. Россія раздавитъ крамолу и, смирясь передъ волею промысла, пославшаго ей тяжкое испытаніе, въ пережитой борьбѣ почерпнетъ новыя силы, новую горячую вѣру въ свѣтлое будущее. Не того хотѣли мрачные заговорщики 1-го марта. Но всѣ ихъ кровавые замыслы и злодѣйства разобьются о вѣрную русскую грудь, разлетятся въ прахъ передъ яснымъ разумомъ, волею и любовью русскихъ людей. Крамола могла тайнымъ ударомъ пресѣчь преходящее теченіе хрупкой человѣческой жизни, хотя-бы, по божьей волѣ, та была жизнь великаго государя Россіи,

но крамола была и всегда будетъ безсильна поколебать вѣковую русскую преданность престолу и существующему государственному порядку. Съ корнемъ вырветъ русскій народъ адскіе плевелы русской земли и тѣсно, дружно сомкнувшись несчетными рядами благомыслящихъ гражданъ, бодро послѣдуетъ за своею несокрушимою, единою священной надеждой, за своимъ нынѣ вступившимъ на царство августѣйшимъ вождемъ.

Затѣмъ первоприсутствующій предоставилъ слово защитникамъ подсудимыхъ.

Присяжный повѣренный Утковскій (защитникъ подсудимаго Рысакова). Гг. сенаторы, гг. сословные представители. Приступая къ исполненію возложенной на меня тяжелой обязанности, я прежде всего долженъ просить у васъ о снисхожденіи къ себѣ, такъ какъ задача эта выше моихъ силъ и средствъ. Нужно-ли говорить о трудности защиты по настоящему дѣлу, когда еще находишься подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта, о которомъ такъ подробно и хорошо говорилъ г. оберъ-прокуроръ. Я понимаю, что очень многимъ приходитъ въ голову то, что защита по настоящему дѣлу совершенно невозможна, что защиты быть не можетъ. И дѣйствительно, обстоятельства настоящаго дѣла таковы, что подобная мысль можетъ придти въ голову. Но, во всякомъ случаѣ, обязанность защитниковъ, назначенныхъ отъ суда, священна. Мы обязаны исполнить эту задачу уже потому, что великій составитель судебныхъ уставовъ, на основаніи которыхъ происходитъ въ настоящее время судъ надъ подсудимыми, сказалъ въ изданномъ имъ законѣ, что никто не можетъ быть обвиненъ за преступленіе иначе, какъ на основаніи этихъ уставовъ, въ которыхъ защита является такимъ-же факторомъ правосудія,

какъ и обвиненіе. Само собою разумѣется, я не являюсь здѣсь защитникомъ совершеннаго злодѣянія, я защищаю только лицо, которое его совершило. Я долженъ отдать справедливость обвинителю; обдумавъ въ подробностяхъ его рѣчь, я долженъ заявить, что въ ней исчислены подробно всѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу подсудимаго, защита коего поручена мнѣ судомъ, и если я могу прибавить что-либо къ сказанному имъ, то лишь потому, что обвинитель смотритъ на преступника не совсѣмъ такими глазами, какъ смотритъ на него защита. Защитникъ, ознакомившись частнымъ образомъ съ подсудимымъ, какъ-бы ни было гнусно совершенное имъ злодѣяніе, скорѣе можетъ отыскать въ немъ черты, которыя объясняютъ совершенное имъ преступленіе. Я полагаю, что, пользуясь тѣми-же чертами подсудимаго, которыя уже замѣчены г. прокуроромъ, я могу вывести изъ нихъ нѣсколько иное заключеніе. Я не говорю объ ужасѣ совершеннаго преступленія, но полагаю, что, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ обращать этого дѣла въ дѣло мести, хотя-бы изъ благословенія къ священной памяти царя, погибшаго отъ рукъ убійцъ, находящихся въ настоящее время предъ судомъ. Я думаю, что они должны пользоваться всѣми гарантіями правосудія, которыя установлены покойнымъ государемъ императоромъ. А потому я считаю долгомъ изложить все то, что могу сказать въ пользу подсудимаго Рысакова. Самъ обвинитель уже объяснилъ вамъ, что Рысаковъ, участвовавшій въ злодѣяніи 1-го марта, едва вышелъ изъ отроческаго возраста, имѣетъ за собой хорошее прошлое, извѣстенъ своею хорошею нравственностью и былъ вовлеченъ въ это преступленіе примѣромъ и убѣжденіями другихъ лицъ. Я полагаю, что едва-ли въ этомъ можно сомнѣваться. Я напомню вамъ

показанія, которыя дали набожная старушка, пріѣхавшая изъ Череповца, и ея племянница. Онѣ удостовѣряли предъ вами, что въ теченіе пяти лѣтъ, которыя прожилъ подсудимый вмѣстѣ съ ними въ одномъ домѣ, онъ былъ извѣстенъ имъ за мальчика хорошей нравственности и самаго мягкаго характера. Само собой разумѣется, что общая мѣрка нравственности не можетъ быть приложима къ политическимъ преступленіямъ, и что лицо, извѣстное за честнаго человѣка и даже благоразумнаго, будучи увлечено политическими заблужденіями, можетъ совершить подобное злодѣяніе. Но въ настоящее время мы имѣемъ дѣло не только съ человѣкомъ хорошей нравственности, но даже и съ человѣкомъ мягкаго характера. Когда защита этого лица была поручена мнѣ и когда я удостовѣрился изъ производства дѣла въ томъ, что въ Череповцѣ и вообще въ Новгородской губ., откуда онъ появился сюда въ 1879 г., всѣ знали его за мальчика мягкаго характера, я пришелъ въ совершенное недоумѣніе и полагалъ, что преступленіе совершено было имъ подъ вліяніемъ какого-нибудь испуга. Я искалъ, нѣтъ-ли въ немъ какой-нибудь органической болѣзни, которая могла-бы дѣйствовать на мозгъ, и вслѣдствіе этого просилъ объ экспертизѣ. Мое ходатайство было уважено судомъ, но такой болѣзни въ подсудимомъ Рысаковѣ не найдено. Поэтому я остался въ совершенномъ недоразумѣніи, но въ настоящее время судебное слѣдствіе отчасти разъяснило, какимъ образомъ этотъ человѣкъ дошелъ до того злодѣянія, которое онъ совершилъ 1-го марта текущаго года. Изъ объясненій моихъ съ подсудимымъ оказывается, что онъ прибылъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1879 года. Я прошу васъ, господа судьи, припомнить, что въ то время Петербургъ кишѣлъ людьми, принадле-

жавшими къ революціонной партіи, что это было самое горячее время ихъ дѣятельности, когда приготовлялись имя покушенія. Такимъ былъ именно конецъ 1879 года. Затѣмъ Рысаковъ, какъ объяснилъ уже прокуроръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года былъ арестованъ по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, вслѣдствіе того, что онъ приходилъ на квартиру государственнаго преступника Ширяева за его вещами и что онъ жилъ тогда съ сожительницею этого Ширяева (Долгорукою), на одной квартирѣ. Я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что это было совершенною случайностью. Рысаковъ вовсе не помѣщался на одной квартирѣ съ Долгорукою, но онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ случайно жила и Долгорукая, и познакомился съ нею, вслѣдствіе отношеній, которыя обыкновенно бываютъ между жильцами сосѣднихъ комнатъ. Притомъ она была тогда въ болѣзненномъ положеніи. Поэтому знакомство съ нею и всякая услуга, оказанная ей Рысаковымъ, совершенно понятны и вполнѣ объясняются независимо отъ политическаго значенія Ширяева: Кромѣ того, я еще долженъ замѣтить, что подсудимый Рысаковъ никогда не видѣлъ Ширяева и что вся услуга Долгорукой, съ его стороны, заключалась лишь въ томъ, что онъ ходилъ, по ея просьбѣ, на квартиру Ширяева, за ея вещами, и такимъ образомъ, этотъ случай объясняется весьма просто. По этой только причинѣ подсудимый Рысаковъ былъ арестованъ въ квартирѣ Ширяева, но затѣмъ его дня черезъ два или три освободили. Очевидно, что это незначительное, само по себѣ, обстоятельство могло его случайно познакомить и завязать у него сношенія съ лицами, принадлежащими къ революціонной партіи. Но съ его стороны не было къ тому ни малѣйшаго повода.

Такимъ образомъ, ясно, что онъ совершенно случайно попалъ въ ту среду, въ которой и заразился, какъ говоритъ господинъ прокуроръ, революціонными идеями. Когда всмотришься въ характеръ этого мальчика и вспомнишь злодѣяніе, совершенное имъ 1-го марта, то приходишь къ совершенному убѣжденію, что преступленіе Рысакова можетъ быть объяснено случайнымъ стеченіемъ печальныхъ обстоятельствъ и что одно лишь знакомство его съ Долгорукою, съ которой онъ жилъ въ сосѣдствѣ, случайно привело его въ сношенія съ нѣкоторыми изъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемой революціонной партіи. Такимъ образомъ, очевидно, что скорѣе эта партія увлекала Рысакова, а не онъ искалъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ вовлеченъ въ революціонную дѣятельность другими болѣе сильными людьми и, конечно, вовлеченъ помимо его воли. Я думаю что едва-ли нужно доказывать это. Изъ судебнаго слѣдствія видно, что люди, съ которыми онъ встрѣтился, обладали такою энергіей, такимъ характеромъ, что всякое сопротивленіе ихъ волѣ со стороны всякаго мальчика едва-ли было возможно, а тѣмъ болѣе со стороны такого, какимъ представляется, по удостовѣренію свидѣтелей, Рысаковъ. Одно уже это обстоятельство говоритъ въ его пользу. Наконецъ, я долженъ привести и то соображеніе, что изъ самой рѣчи г. прокурора ясно видно, что корнемъ всего зла въ настоящее время является отсутствіе въ обществѣ нравственныхъ принциповъ, отсутствіе въ немъ семейныхъ началъ и другія, подобныя тому, общія причины. Нельзя же ставить эти общественные недостатки въ вину подсудимому, котораго я защищаю. Конечно, если-бы въ той средѣ, къ которой принадлежалъ Рысаковъ, существовали болѣе твердые нравственные принципы, то не могло-бы

случиться то печальное событіе, о которомъ идетъ дѣло. Тогда-бы и Рысаковъ могъ оказать сопротивленіе тому вліянію, которое имѣли на него вожаки революціонной партіи. Однимъ словомъ, его участіе въ преступленіи было чистою случайностью. Поэтому, признаюсь, меня поразило заключеніе г. прокурора, что въ настоящемъ случаѣ этому человѣку, являющемуся лишь физическимъ виновникомъ событія 1-го марта, не можетъ быть оказано никакого снисхожденія что онъ долженъ быть подведенъ подъ ту-же мѣрку, подъ какую подходятъ остальные подсудимые. Я полагаю, что съ этимъ нельзя согласиться. Нашъ законъ въ числѣ обстоятельствъ, умеьшающихъ вину, а слѣдовательно, и мѣру наказанія, прямо ставитъ тотъ случай, когда преступленіе совершено по легкомыслію и убѣжденію другихъ лицъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что законъ даетъ мнѣ юридическую почву для того, чтобы просить судъ, при обсужденіи виновности Рысакова, принять это обстоятельство во вниманіе. Наконецъ, я думаю, что свѣтлый образъ царя освободителя, погибшаго отъ рукъ подсудимыхъ, даетъ мнѣ право просить о снисхожденіи, такъ какъ настоящее дѣло, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ подсудимому Рысакову, живо напоминаетъ случай, въ которомъ Спаситель сказалъ: «Господи, прости имъ—не вѣдятъ бо что творятъ».

Присяжный повѣренный Хартулари (защитникъ подсудимаго Михайлова). Гг. сенаторы и гг. сословные представители. Кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что защита подсудимыхъ есть данъ несчастью, не заплатить которую,—значитъ не исполнить своей профессіональной обязанности, значитъ извратить смыслъ и назначеніе одного изъ тѣхъ учрежденій, вызванныхъ къ жизни судебными уставами 20-го ноября 1864 года, которые, въ

числѣ другихъ, составляютъ славу и величіе минувшаго царствованія. Только сознаніе этого долга и та благоговѣйная признательность, съ какою каждый изъ насъ, какъ члены одной и той-же судебной семьи долженъ отнестись къ державной власти за распространеніе ею дѣйствія общаго процессуальнаго закона на преступленіе, далеко выходящее изъ ряда обыкновеннаго,—только эти два чувства, повторяю я, долга и признательности, должны раскрыть защитѣ уста, нѣмѣющія при одномъ воспоминаніи о страшномъ событіи 1-го марта, безпримѣромъ въ исторіи русскаго народа. Къ сожалѣнію, мы не призваны ко всесторонней оцѣнкѣ упомянутаго прискорбнаго факта, глубоко возмутившаго общественную совѣсть. Подъ тяжелымъ гнетомъ того общаго намъ всѣмъ впечатлѣнія, отъ котораго невозможно отрѣшиться ни на одну минуту, защитѣ предстоитъ ограничить свою дѣятельность въ болѣе скромныхъ предначертанныхъ ей рамкахъ силою закона и обстоятельствами настоящаго дѣла, а именно: заняться охраненіемъ законныхъ правъ обвиняемыхъ здѣсь на судѣ и содѣйствіемъ правосудію къ болѣе правильному освѣщенію совершеннаго преступленія со всѣми его активными и пассивными участниками. И вотъ, приступая къ исполненію этой обязанности, защита подсудимаго Михайлова считаетъ необходимымъ оговориться, что девизомъ для своихъ предстоящихъ объясненій она избрала тотъ всемірный законъ, который управляетъ судьбами всѣхъ государствъ, обществъ и отдѣльнаго человѣка. На основаніи приведеннаго закона, всякій человѣкъ отвѣчаетъ предъ своею совѣстью и передъ людьми только за одни свои дѣйствія, если они при этомъ обнаружены, доказаны и имѣютъ прямую и непосредственную связь съ предметомъ направленнаго противъ

него обвиненія. Между тѣмъ, опираясь на этотъ законъ и сопоставляя между собою обвиненіе Михайлова и тѣ факты, на которыхъ оно основано, я долженъ замѣтить, соединяя глубокое уваженіе къ суду съ таковымъ-же уваженіемъ къ правдѣ, что намѣренъ оспаривать основательность той части обвиненія моего кліента, которая приписываетъ ему, между прочимъ, участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для совершенія извѣстнаго злодѣянія. Обращаясь съ этою цѣлью къ обстоятельствамъ дѣла или, выражаясь точнѣе, къ отвѣтамъ, данными подсудимымъ особому присутствію на предложенные ему вопросы объ отношеніяхъ его къ настоящему обвиненію, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе, что въ этихъ отвѣтахъ подсудимый Михайловъ обрисовался, по мнѣнію моему, человѣкомъ, пожелавшимъ говорить на судѣ одну только правду, безъ хвастовства и безъ всякихъ опасеній за послѣдствія, заранѣе имъ предвидѣнныя. 3-го марта настоящаго года, въ $10^{1}/_{2}$ часовъ утра, какъ гласитъ обвинительный актъ, въ домъ № 5-й, по Телѣжной ул., вошелъ подсудимый Михайловъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во 2-й этажъ, гдѣ находилась квартира № 5-й, былъ встрѣченъ дворникомъ означеннаго дома Мирономъ Сергѣевымъ и на вопросъ сего послѣдняго, куда онъ идетъ, отвѣтилъ: «въ квартиру № 12-й. Вслѣдствіе сего, Михайловъ, показавшійся дворнику подозрительнымъ, былъ приглашенъ имъ и городовымъ, стоявшимъ на одной изъ площадокъ лѣстницы, въ квартиру № 5-й, гдѣ и былъ задержанъ, а во время обыска его, выхвативъ изъ кармана револьверъ, произвелъ шесть послѣдовательныхъ, одинъ за другимъ, выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ. Таковъ прологъ обвиненія, за которымъ послѣдовало убѣжденіе слѣдственной власти о при-

надлежности Михайлова къ той-же преступной ассоціаціи, къ которой принадлежали ранѣе уже заарестованные въ той-же квартирѣ лица и которая имѣла цѣлью, посредствомъ насильственнаго переворота, ниспровергнуть существующій въ Россіи государственный и общественный строй. Однако же, добытыя розыскомъ и дознаніемъ данныя ничего не прибавили къ тому, что уже было выяснено собственнымъ сознаніемъ Михайлова относительно его личности и той роли, какую онъ игралъ въ означенномъ преступномъ сообществѣ. Тѣмъ не менѣе, прокурорская власть признала возможнымъ обвинять подсудимаго Михайлова и въ участіи въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для покушенія на жизнь священной особы Богомъ почившаго государя императора, ссылаясь при этомъ, частью, на обнаруженный дознаніемъ фактъ знакомства подсудимаго со всѣми остальными обвиняемыми по дѣлу, соединенными, по словамъ прокуратуры, другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, частью-же, на оговоръ подсудимаго Рысакова. Но прежде, нежели мы разсмотримъ приведенныя основанія съ цѣлью доказать виновность подсудимаго Михайлова, да позволено намъ будетъ, предварительно, исполнить желаніе обвиняемаго — приведеніемъ краткаго его біографическаго очерка, на что онъ имѣетъ неотъемлемое право, такъ какъ, обвиняясь въ столь важномъ государственномъ преступленіи, онъ можетъ сказать своимъ обвинителямъ и судьямъ: «прослѣдите мою жизнь и подумайте, кто я». Крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гавриляково, Тимоѳей Михайловъ родился 22 го января 1859 г. До пятнадцатилѣтняго возраста, т. е. до 1874 года, онъ занимался сельскими работами и, какъ самъ выразился,

воспитывался около сохи и бороны, и, такимъ образомъ, трудъ пахаря былъ первою его школою, которая пробудила въ немъ самосознаніе и указала на полную несоотвѣтственность примѣняемаго труда съ его плодами. Обстоятельство это побудило Михайлова отправиться на заработки въ Петербургъ въ 1874 г., и съ этого времени, въ теченіе почти 6½ лѣтъ, начинается, если можно такъ выразиться, скитаніе подсудимаго по фабрикамъ и заводамъ Петербурга и Кронштадта, работы на которыхъ привели его къ новому убѣжденію о непроизводительности личнаго труда и въ этой сферѣ дѣятельности рабочаго сословія. Онъ замѣтилъ здѣсь, что личный трудъ является предметомъ неограниченной эксплоатаціи со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ. 19-ти лѣтъ отъ роду, подсудимый сталъ учиться грамотѣ подъ руководствомъ одного изъ своихъ товарищей въ свободныя отъ тяжелаго труда минуты, назначенныя для отдыха. Наставникъ его, вмѣстѣ съ грамотою, при бесѣдахъ съ нимъ сталъ впервые преподавать ему соціальныя идеи въ примѣненіи ихъ къ рабочему сословію, и идеи эти, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшія наболѣвшему въ его жизни мѣсту, въ такой степени охватили подсудимаго, что онъ вскорѣ не только сталъ членомъ соціально-революціонной партіи, но даже сдѣлался апостоломъ ея среди фабричнаго населенія, и впослѣдствіи, когда распространился слухъ, что пропаганда, такъ успѣшно начатая среди рабочаго населенія, обнаруживается, то онъ, по предложенію своихъ руководителей —членовъ центральной агитаціонной партіи соціально-революціоннаго движенія, къ которой принадлежали, между прочимъ, и всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, принялъ участіе въ организаціи боевой рабочей дружины, представлявшей собой террористическую фрак-

цію рабочей организаціи, имѣвшую исключительною цѣлью охраненіе рабочихъ отъ шпіоновъ и нелюбимыхъ мастеровъ. При таковыхъ условіяхъ и при той органической связи, какая, по объясненію подсудимаго Желябова, данному здѣсь на судѣ, существовала между членами рабочаго движенія, какъ видоваго учрежденія, и агитаціонною партіею соціально-революціоннаго сообщества, къ которой принадлежали онъ, Желябовъ, и всѣ остальные обвиняемые, можетъ-ли представляться фактъ знакомства Михайлова съ Желябовымъ и другими обвиняемыми какою-либо уликою противъ Михайлова въ такомъ преступленіи, какъ цареубійство, бывшее дѣломъ одной только агитаціонной партіи? Не думаю. Этимъ-же отношеніемъ рабочаго движенія къ центральной агитаціонной партіи, которая, по объясненію Желябова, не переставала слѣдить и руководить рабочимъ движеніемъ, объясняется посѣщеніе Михайловымъ своихъ руководителей на ихъ квартирахъ, на одной изъ которыхъ онъ и былъ задержанъ 3-го марта. Справедливость сказаннаго нами относительно личности обвиняемаго и той роли, какую онъ игралъ въ общемъ дѣлѣ агитаціонной партіи, подтверждается не только актами дознанія, но и тѣмъ вполнѣ изолированнымъ положеніемъ, какое онъ занимаетъ на судѣ въ кругу остальныхъ обвиняемыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, обвиненіе Михайлова въ знаніи, а также и въ участіи въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для покушенія на жизнь священной особы государя императора тогда имѣло бы мѣсто, если-бы хотя однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, выслушаннымъ нами здѣсь на судѣ, или хотя однимъ вещественнымъ доказательствомъ, найденнымъ у него при обыскѣ, можно было-бы установить тотъ фактъ, что подсудимый принималъ если не прямое,

то косвенное участіе въ означенномъ преступленіи. Затѣмъ, какое-же еще другое обстоятельство выставлено прокурорскою властью въ подтвержденіе того, что подсудимый Михайловъ принималъ участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію, совершенному 1-го марта? Такимъ доказательствомъ оказывается оговоръ подсудимаго Рысакова. Не говоря уже о томъ, что оговоръ однимъ изъ подсудимыхъ другаго представляетъ собою самое несовершенное доказательство виновности и едва-ли можетъ быть принятъ во вниманіе судомъ, если онъ не подкрѣпляется другими данными слѣдственнаго производства, тѣмъ болѣе при обвиненіи въ такомъ преступленіи, которымъ человѣкъ поставленъ между жизнью и смертью. Но если даже разсматривать показаніе Рысакова безотносительно, то и тогда, по смыслу своему, оно представляется болѣе гадательнымъ, нежели положительнымъ. Такъ, напримѣръ, упоминая о томъ или другомъ изъ приготовительныхъ дѣйствій къ совершенію извѣстнаго преступленія относительное участіе Михайлова, онъ выражается словами: «кажется, былъ и Тимоосй Михайловъ», или: «кажется, былъ Тимоосй Михайловъ, если онъ того не отрицаетъ». Вотъ почему при оцѣнкѣ подобнаго показанія представляется необходимымъ сопоставить его и съ показаніями другихъ подсудимыхъ, которыя заслуживаютъ, по мнѣнію моему, безусловнаго довѣрія, вслѣдствіе отсутствія у нихъ какого-либо интереса извращать факты, относящіеся къ подсудимому Михайлову. Но есть еще одно соображеніе, есть еще болѣе положительное доказательство невиновности Михайлова въ преступленіи 1-го марта, на которое я прошу особое присутствіе правительствующаго сената обратить свое вниманіе. Въ то время, когда производились обыски въ различныхъ

квартирахъ, въ которыхъ проживали обвиняемые, почти у всѣхъ, какъ это видно изъ актовъ дознанія, найдены были тѣ или другія вещественныя доказательства, обнаружившія приготовленія къ совершенію настоящаго преступленія. Между тѣмъ, при обыскѣ въ квартирѣ Михайлова, актъ котораго находится въ слѣдственномъ производствѣ, не обнаружено никакихъ доказательствъ прикосновенности обвиняемаго къ тому-же преступленію. Идемъ далѣе. Ни одна изъ хозяекъ тѣхъ квартиръ, въ которыхъ проживали прикосновенныя къ преступленію лица, не признали въ Михайловѣ сходства съ тѣми, которыя посѣщали ихъ жильцовъ. Таковы тѣ немногіе доводы и соображенія, которые защита подсудимаго Михайлова признала необходимымъ представить на усмотрѣніе особаго присутствія правительствующаго сената для доказательства исключительной виновности обвиняемаго только въ такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, въ совершеніи которыхъ онъ сознался и которыя соотвѣтствуютъ 2-му отд. ст. 250 и ст. 1,459 улож. о наказ.

Первоприсутствующій. Это уже вы касаетесь вопроса о наказаніи, о которомъ въ настоящее время не можетъ быть еще рѣчи, такъ какъ вопросъ разбирается еще по существу.

Прис. пов. Халтулари. Но если-бы особое присутствіе правительствующаго сената пришло къ какому-нибудь иному заключенію относительно виновности подсудимаго Михайлова, то я прошу васъ, гг. судьи, предварительно вникните строго-аналитически въ обстоятельства дѣла: касающіяся личности обвиняемаго, и если, затѣмъ, какъ я надѣюсь, вы убѣдитесь въ томъ, что, при нѣкоторой неразвитости, подсудимый едва-ли могъ представлять, собою того грознаго агента соціально-рево-

люціоннаго кружка и того яркаго пропагандиста соціальныхъ идей среди рабочаго населенія, какимъ старалась выставить его прокурорская власть, и что обвиняемый скорѣе дѣйствовалъ подъ какимъ-то неотразимо фатальнымъ вліяніемъ, то вы не примѣните къ дѣйствіямъ его наказанія, о которомъ я даже не рѣшаюсь упомянуть. Я полагаю, что особое присутствіе правительствующаго сената согласится со мною, что недостаточно еще, чтобы наказаніе послужило назидательнымъ примѣромъ для другихъ, недостаточно и того что оно наведетъ ужасъ и содраганіе на массу общества. Нѣтъ, мм. гг., необходимо, чтобы наказаніе отомстило за общество, чтобы оно лишило виновнаго того, чѣмъ онъ наболѣе всего дорожитъ на свѣтѣ. Но развѣ обвиняемые дорожатъ своею жизнью? Развѣ вы не замѣтили, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ они ожидаютъ вашего приговора? Развѣ показаніямъ своими, которыми они сами себя обличаютъ въ преступленіи, они не напоминаютъ вамъ тѣхъ самоубійцъ, которые хладнокровно осматриваютъ оружіе долженствующее лишить ихъ жизни? Вотъ почему, если вы, гг. судьи, желаете, чтобы наказаніе Михайлова соотвѣтствовало своей цѣли, то приговорите его именно къ жизни, къ этому лучшему реформатору нравственнаго направленія человѣка и его прошлыхъ юныхъ заблужденій.

Присяжный повѣренный Герке 1-й (защитникъ подсудимой Гельфманъ). Гг. сенаторы, гг. сословные представители. Въ большомъ смущеніи приступаю къ исполненію возложенной на меня тяжкой обязанности представить защиту подсудимой Геси Гельфманъ. Я боюсь, что не справлюсь съ задачей этой обязанности. Во всякомъ случаѣ я не въ состояніи представить такой защиты, которая по силѣ и по подробностямъ отвѣчала бы

сильной и подробной обвинительной рѣчи. Статья 566 уст. угол. суд. предписываетъ, по просьбѣ подсудимаго, назначить ему защитника преимущественно изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ въ мотивахъ къ этому закону объяснено, что назначенные отъ суда защитники должны исполнять свои обязанности усердно, добросовѣстно и помнить, что назначеніе ихъ судомъ замѣняетъ личное довѣріе, которое имѣютъ подсудимые къ защитникамъ, избраннымъ ими самими. Посему, чтобы служить защитѣ подсудимаго, первою задачею защитника должно быть уясненіе себѣ и суду всего того, что говоритъ въ свое оправданіе самъ подсудимый. Но этимъ не исчерпывается защита: защитникъ, обязанный по ст. 744-й уст. угол. суд. объяснить всѣ обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется взведенное противъ подсудимаго обвиненіе всецѣло или въ части долженъ дѣйствовать не только отъ имени и какъ представитель подсудимаго, но и вполнѣ самостоятельно, съ своей точки зрѣнія, отъ своего лица. Что-же могу я прежде всего представить въ защиту подсудимой Геси Гельфманъ, становясь на ея точку зрѣнія, стараясь говорить ея языкомъ? Она признаетъ, что занималась революціонными дѣлами, принадлежала по убѣжденіямъ къ революціонной соціалистической партіи, программу раздѣляла «Народной воли», была хозяйкою конспиративныхъ квартиръ, гдѣ, между прочимъ, завѣдомо для нея, бывали собранія лицъ, принадлежащихъ къ террористической фракціи, и гдѣ говорилось о цареубійствѣ. Но по заявленію Гельфманъ, она въ собраніяхъ этихъ не участвовала и активнаго участія въ цареубійствѣ не принимала. Это отрицаніе Геси Гельфманъ вполнѣ правдиво и согласно съ обстоятельствами

дѣла. Прокуроръ не вѣритъ этому признанію и говоритъ, что Гельфманъ утаиваетъ нѣкоторую часть виновности своей, измѣняетъ нѣсколько свое признаніе, что она не все признаетъ за собою изъ того, что на нее возводитъ обвинительная власть. Но я полагаю, что въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ, которыя опорочивали-бы ея показанія. Никто изъ свидѣтелей не утверждаетъ, чтобы Гельфманъ принимала какое-либо активное участіе въ совѣщаніяхъ о цареубійствѣ или чтобы она была участницею въ собраніяхъ, на которыхъ разбирались, обсуждались и рѣшались вопросы о цареубійствѣ. Напротивъ, подсудимый Рысаковъ объяснилъ здѣсь, на судѣ, что когда въ квартирѣ были собранія, то Гельфманъ надѣвала пальто и уходила изъ квартиры, подсудимый Кибальчичъ заявилъ на судѣ, что Гельфманъ была хозяйкой конспиративной квартиры, но вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Гельфманъ показаніями своими прямо старается объяснить, что она имѣла въ революціонной организаціи свою опредѣленную, такъ сказать, должность, которую исполняла вслѣдствіе своихъ убѣжденій, но должность эта не имѣла первенствующаго рѣшительнаго значенія при приведеніи въ исполненіе заговора о цареубійствѣ . На вопросы мои, какъ сложились обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ Гельфманъ приняла участіе въ революціонной дѣятельности, она указала на то, что первоначально занималась мирною пропагандою среди народа, на югѣ Россіи, въ сентябрѣ 1875 года была подвергнута предварительному аресту по обвиненію въ принадлежности къ противозаконному политичсекому сообществу по 2-й половинѣ ст. 250-й улож. о наказ., она была привлечена тогда къ такъ называемому дѣлу о 50-ти лицахъ. Почти два года она провела въ предвари-

тельномъ заключеніи и затѣмъ была приговорена къ 2-хъ годичному заключенію въ рабочемъ домѣ и по отбытіи наказанія, освобождена въ маѣ 1879 г. Какъ этотъ четырехлѣтній арестъ, такъ и послѣдствіе его—полицейскій надзоръ въ Старой Руси, куда подсудимая была въ 1879 г. выслана по этапу, значительно повліяли на жизнь и настроеніе Гельфманъ. Она не могла ни съ кѣмъ познакомиться, не могла жить такъ свободно, какъ-бы ей того хотѣлось. Она старалась найти работу, шить на швейной машинѣ, но магазины не хотѣли войти съ нею въ соглашеніе; всѣ знакомые старались отвернуться отъ нея. Она скрылась отъ полицейскаго надзора и вновь примкнула къ дѣятельности революціонной партіи. Съ своей точки зрѣнія Гельфманъ, на вопросъ о виновности, отвѣчала суду, что она не признаетъ себя виновною, но Гельфманъ вполнѣ понимаетъ, что особое присутствіе, руководствуясь законами, не можетъ принять за смягчающее обстоятельство ни то, что она дѣйствовала по убѣжденію, ни то, что она исполняла обязанности, возложенныя на нее ея партіею. Прокуроръ обвиняетъ ее какъ пособницу въ цареубійствѣ, но изъ сопоставленія этого обвиненія съ сознаніемъ Гельфманъ слѣдуетъ, что будетъ-ли судомъ признана та мѣра виновности Гельфманъ, которую указываетъ прокуроръ, или другая, согласно ея сознанію, по которой виновность Гельфманъ выиграетъ, можетъ быть, качественно, но по послѣдствіямъ своимъ, едва-ли будетъ какая-нибудь разница. Покончивъ съ изложеніемъ защиты Гельфманъ съ ея точки зрѣнія, я перейду къ объясненіямъ, которыя считаю себя обязаннымъ представить лично отъ себя. Прежде всего, не оспаривая фактической стороны дѣла, установленной обвиненіемъ, скажу два слова о запискѣ, найденной въ квартирѣ

Гельфманъ. Г. прокуроръ говоритъ, что въ ней значится слѣдующее: «нужно лицо на неинтеллигентную роль, попросите интеллигентную Гельфманъ пріѣхать для этого; если она не согласна, то пусть завѣдуетъ всѣми дѣлами и пусть пріѣдетъ А. М.». Но это мѣсто записки можетъ быть истолковано и не такъ, какъ толкуетъ его г. прокуроръ; можно сдѣлать выводъ о томъ, что нужно было лицо неинтеллигентное, и вотъ просили, чтобы пріѣхала Гельфманъ, считая ее неинтеллигентною; на случай нежеланія ея пріѣхать, предлагали оставить въ Петербургѣ на ея попеченіе всѣ дѣла, но какія?— можетъ быть, такія-же второстепенныя дѣла, какъ-то содержаніе квартиръ, которыми она занималась; но отнюдь подъ всѣми дѣлами нельзя понимать заговоръ и его исполненіе. Сверхъ того, я просилъ-бы васъ, гг. судьи, такъ какъ вы судите лицъ, противъ которыхъ возводится общее обвиненіе, подробно взвѣсить, что относительно каждаго подсудимаго въ дѣлѣ доказано, и не признавать каждаго отдѣльнаго подсудимаго виновнымъ лишь въ виду общей цѣли, которою связываетъ ихъ обвиненіе. Съ своей стороны, я полагаю, что Гельфманъ содержала конспиративныя квартиры, на которыхъ происходили собранія для установленія плана цареубійства. Если она не знала, какъ я предполагаю, подробностей совѣщаній, то, тѣмъ не менѣе, очевидно, она была единомышленницею тѣхъ, кто составлялъ заговоръ и приводилъ его въ исполненіе. Я считаю долгомъ обратить вниманіе суда на ту первоначальную побудительную причину, по которой Гельфманъ дѣйствовала такъ, а не иначе; на ту обстановку жизни Гельфманъ, которая, по моему мнѣнію, много способствовала къ установленію воззрѣній, вѣрованій и убѣжденій ея, настолько односторонних, что,

быть можетъ, нѣкоторые люди признаютъ ихъ граничащими съ аффектомъ. Мнѣ разрѣшено ссылаться на прежнее дѣло, по которому судилась Гельфманъ. Изъ производства кіевскаго жандармскаго управленія по тому дѣлу видно, что Геся Гельфманъ родилась въ 1854 году, въ небольшомъ городкѣ Мозырѣ, Минской губ. Городъ этотъ, какъ кажется, считаетъ Кіевъ болѣе близкимъ для себя городомъ, чѣмъ свой губернскій городъ Минскъ. Отецъ Геси Гельфманъ, мѣщанинъ города Мозыря, кромѣ нея, имѣлъ еще четырехъ дочерей. Мать Геси Гельфманъ умерла когда подсудимая была двухлѣтнимъ ребенкомъ. Воспитаніе Гельфманъ получила домашнее, въ городѣ Мозырѣ. Въ 1872 году, 18-ти лѣтъ, Геся Гельфманъ переѣхала въ Кіевъ, чтобы тамъ заняться изученіемъ акушерства; въ 1874 году выдержала экзаменъ и уѣхала въ гор. Мозырь; оттуда возвратилась въ Кіевъ въ январѣ 1875 года, съ цѣлью пріискать себѣ мѣсто. Въ сентябрѣ 1875 года, когда ея документы были въ Гадячѣ, когда она хотѣла пристроиться акушеркою, она была арестована въ Кіевѣ по обвиненію въ содержаніи квартиры, въ которую приходили письма на имена разныхъ лицъ, принадлежавшихъ, къ тайному сообществу пропаганды въ народѣ и въ которой собирались подобныя лица. Въ то время о цареубійствѣ и даже о терроръ не было еще рѣчи. Съ 1875 по 1877 годъ Гельфманъ была подъ предварительнымъ арестомъ; въ 1877 г. была приговорена къ двухлѣтнему содержанію въ рабочемъ домѣ за принадлежность къ помянутому противозаконному сообществу. Такимъ образомъ, изъ этого очерка молодости Гельфманъ вы видите обстоятельство, которое толкнуло Гельфманъ на преступную дорогу. Оно заключалось въ побужденіи, собственно говоря, весьма благо-

родномъ. Вступивъ въ противозаконное сообщество, Гельфманъ едва-ли всецѣло въ началѣ понимала, что она идетъ на скользкій путь. Она вступила въ сообщество съ тѣмъ чувствомъ любви къ народу, которое само по себѣ похвально. Этой любви къ народу наше поколѣніе научилось отъ того великаго преобразователя, царя-освободителя, который далъ примѣръ своимъ подданнымъ, какъ слѣдуетъ любить народъ, который самъ даровалъ свободу народу. Въ манифестѣ 19-го февраля 1861 года покойный государь императоръ указалъ тотъ путь, который онъ считалъ для народа лучшимъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго». Въ томъ-же манифестѣ государь императоръ указалъ, на то, что «свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ обязанностей. Всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ, воздавать всѣмъ должное, и, въ особенности, кому должно урокъ, дань, страхъ, честь». Если таково значеніе свободы, которую долженъ имѣть народъ, если государь находилъ, что народъ прежде всего долженъ трудиться и трудомъ развивать свое благосостояніе, то многія лица, которыя желали помочь народу, думали о возможности помочь народу не устройствомъ его труда, а насильственною перемѣною тѣхъ исторически сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ жилъ народъ и которыя были неустранимы иначе, какъ естественнымъ ходомъ жизни. Очень многіе молодые люди, шедшіе въ народъ, были увлечены совершенно безсознательно революціонными соціальными идеями. Они, все болѣе и болѣе, желали приблизиться къ народу, между тѣмъ какъ сами

отъ него постоянно удалялись, такъ что между ними и народомъ образовалась цѣлая пропасть. Они, желавшіе быть помощниками народу, сдѣлались отвержеными имъ. Въ то время, когда Гесся Гельфманъ вступила въ сообщество, за которое была судима, она не была подготовлена къ ясному пониманію политическихъ правъ и обязанностей: ни Мозырь, ни Кіевъ не объяснили ей достаточно серьезно этихъ правъ и обязанностей. Этому отсутствію пониманія политическихъ правъ и обязанностей и слѣдуетъ приписать зародышъ тѣхъ убѣжденій Гельфманъ, которыя привели ее на скамью подсудимыхъ сначала по дѣлу о 50-ти лицахъ и которыя, продолжаясь безъ измѣненія во время четырехлѣтняго ареста, привели ее и послѣ того къ участію въ соціально-революціонной партіи. Покойный государь императоръ въ высочайшемъ рескриптѣ отъ 13-го мая 1866 года, на имя князя П. П. Гагарина, по поводу каракозовскаго дѣла, указалъ, между прочимъ, что «Провидѣнію благоугодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истины, религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка»,—и далѣе: «Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло-бы всей ожидаемой отъ него пользы, если-бы въ частной семейной жизни проводились ученія, не согласныя съ

правилами благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія». Очевидно, здѣсь государь императоръ обращается ко всему русскому обществу, а не только къ правительственнымъ воспитательно-образовательнымъ учрежденіямъ, которыя были подъ непосредственнымъ начальствомъ лицъ, имъ избранныхъ; онъ обращался къ тому обществу, къ той средѣ семейной, надъ которой начальства нѣтъ. Государь желалъ, чтобы само русское общество болѣе принимало участія въ разъясненіи своимъ сочленамъ возникающихъ заблужденій. Между тѣмъ, это общество не вполнѣ оправдало ожиданія государя. Дѣйствительно, мы видимъ, что семейная жизнь у насъ не особенно крѣпка, общество, съ своей стороны, чуждается многихъ своихъ членовъ, которые стоятъ особнякомъ. Мнѣ кажется, что вовсе не такое отношеніе между сочленами общества желательно. Государь императоръ указалъ, что общество должно обращаться съ любовью къ своимъ сочленамъ и если-бы этою любовью были проникнуты и общество, и семья, то тогда и школы болѣе любовно обращались-бы къ своимъ питомцамъ, тогда не было бы тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя мы такъ часто видимъ именно въ политическихъ процессахъ. Мы видимъ много оторванныхъ отъ семьи членовъ ея: она не знаетъ, гдѣ ея члены, что эти послѣдніе дѣлаютъ? А отпосдніе отъ семьи члены ея совершенно забываютъ свою семью. Если-бы общество болѣе заботилось о себѣ, не было-бы тѣхъ прискорбныхъ случаевъ, что лица, пріѣзжающія изъ провинціи въ большіе университетскіе города и желающія учиться, становятся совершенно раздѣльно, уединяются. Такое равно-

душіе семьи и общества, особенно къ молодежи, лишаетъ ее правильнаго, естественнаго сообщества, дѣлаетъ ее одичалою съ нашей точки зрѣнія, неуживчивою въ убѣжденіяхъ, легко поддающеюся призрачнымъ, несбыточнымъ надеждамъ. Въ этомъ равнодушіи общества и семьи можно видѣть отчасти обстоятельство, которое повліяло и на подсудимыхъ, теперь сидящихъ передъ вами, гг. судьи. Четыре года, проведенные въ арестѣ, не исправили политическихъ убѣжденій Гельфманъ; по самому устройству рабочихъ домовъ, не приспособленныхъ вполнѣ къ роли исправленія политическаго образованія, они не могли имѣть того относительнаго вліянія, которое требуется отъ уголовнаго наказанія и которое могло-бы имѣть мѣсто при другомъ устройствѣ наказаній за политическія преступленія. Гельфманъ, такъ или иначе, вышла послѣ ареста не только съ убѣжденіями перерожденными или исправленными, но, какъ видно, вышла еще и озлобленною. Въ настоящее время Гельфманъ обвиняется въ дѣяніяхъ, совершенно похожихъ на тѣ, въ которыхъ она обвинялась въ 1875 году: она и тогда была содержательницею квартиры съ запрещенною закономъ цѣлью. Заканчивая свои объясненія, я прошу судъ отдѣлить Гесю Гельфманъ отъ главныхъ виновниковъ. Она не можетъ быть подведена подъ разрядъ главныхъ обвиняемыхъ. Гельфманъ еще не окончательно испорченная личность: она можетъ быть возвращена обществу, изъ котораго первоначально вышла. Вы слышали господа судьи, что когда пришли ее арестовать, то она предохранила пришедшихъ лицъ отъ могущаго произойти несчастія, которое, вѣроятно, случилось-бы, если-бы эти лица безъ осторожности вошли въ слѣдующую комнату. Вотъ всѣ тѣ соображенія, которыя я

считалъ необходимымъ представить суду, какъ защитникъ Гельфманъ.

Прис. пов. Герардъ (защ. подс. Кибальчича). Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Громадность и важность того преступленія, о которомъ вы произнесете вашъ приговоръ, близость дня, въ который совершилось событіе 1-го марта съ сегодняшнимъ днемъ суда надъ нимъ, вполнѣ объясняютъ— въ моихъ по крайней мѣрѣ, глазахъ—ту страстность, съ которою все общество ждетъ вашего суда, ту страстность, благодаря которой люди, весьма серьезно относящіеся къ событіямъ, встрѣчающимся имъ въ жизни, привыкшіе анализировать причины и послѣдствія этихъ событій, не могутъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ события 1-го марта поступить въ данномъ случаѣ такъ, какъ они поступаютъ обыкновенно. Они видятъ предъ собою только ужасающій фактъ смерти усопшаго государя отъ руки убійцъ и далѣе этого ни впередъ, ни назадъ не идутъ. Мнѣ понятна и та страстность, съ которой была сказана обвинительная рѣчь. Я вполнѣ понимаю, что съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ г. прокуроръ на самое событіе и съ которой, повторяю, смотритъ все общество, нельзя къ нему относиться иначе. Но вы, гг. судьи, должны отрѣшиться отъ всякой страстности; судъ не можетъ дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ страсти, не можетъ судить одно происшествіе: онъ долженъ взвѣсить и причины. Судя подсудимыхъ, онъ не можетъ останавливаться только передъ дѣйствіями преступника, онъ долженъ непремѣнно углубиться въ то, что могло его привести съ пути законности къ преступленію, и чѣмъ оно важнѣе, чѣмъ дальше путь отъ этой законности къ совершенному преступленію, тѣмъ строже вы должны исполнить эту вашу

обязанность. Въ этомъ отношеніи исторія подсудимаго Кибальчича весьма, на мой взглядъ, назидательна. Кибальчичу теперь 27 лѣтъ. Въ 1871 году, слѣдовательно 17-ти лѣтъ, онъ окончилъ курсъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Если онъ кончилъ курсъ 17-ти лѣтъ, то это уже указываетъ на человѣка, который былъ одаренъ отъ природы прилежаніемъ и способностями, выходящими изъ ряда. Въ этомъ возрастѣ рѣдко оканчиваютъ курсъ. Итакъ, въ 1871 году онъ окончилъ курсъ гимназіи съ медалью и явился въ Петербургъ для полученія высшаго образованія. Мы видимъ, что до 1873 года онъ воспитывается въ институтѣ путей сообщенія, но затѣмъ въ 1873 году онъ переходитъ въ медико-хирургическую академію. До 1875 года, когда, помимо его воли, теченіе ученія прекратилось, онъ не бездѣйствовалъ въ академіи. Въ 1875 году онъ былъ на 3-мъ курсѣ, слѣдовательно, онъ въ теченіе этого времени аккуратно переходилъ изъ курса въ курсъ. Занятія шли успѣшно, но въ октябрѣ 1875 года были прерваны его арестомъ. Дѣло о прежней судимости Кибальчича передъ нами, и я считаю своею обязанностью указать на это дѣло, какъ указано и въ обвинительномъ актѣ, но только съ большею подробностью. За что-же былъ арестованъ въ 1875 году Кибальчичъ и за что онъ судился въ 1878 году? Лѣтомъ 1875 года онъ провелъ каникулы въ имѣніи своего брата, въ Кіевской губерніи, Липецкаго уѣзда. Намъ говорятъ, онъ сближался съ крестьянами. Да, но потому, что тамъ другаго-то общества не было, и понятное дѣло, что желаніе познакомиться съ народомъ,—я не стану этого отрицать,—желаніе сблизиться съ нимъ было у Кибальчича и тогда. При этомъ общеніи съ народомъ онъ никому не говорилъ ничего противозаконнаго, ничего

такого, что могло-бы быть поставлено ему въ упрекъ на судѣ. Онъ многимъ крестьянамъ раздавалъ большое количество разныхъ книгъ, и всѣ, за исключеніемъ одной, оказались дозволенными къ чтенію. Только одному крестьянину Притулѣ онъ передалъ книжку подъ названіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ», книжку противозаконнаго содержанія. Вотъ, гг. судьи, эта-то книжка поступила къ этому свидѣтелю съ такими предисловіями и указаніями, что свидѣтель, передавъ ее другому, не вынесъ изъ чтенія ея ничего противозаконнаго. У него не осталось впечатлѣнія, что это была книга запрещенная. То же самое было и съ тѣмъ крестьяниномъ, которому онъ ее передалъ, а затѣмъ и третьему, но, наконецъ, получилъ эту книжку священникъ и представилъ ее по начальству. Началось дознаніе, которое выяснило именно то, что я сейчасъ изложилъ. Кибальчичъ тѣмъ временемъ продолжалъ учиться въ медико-хирургической академіи. Въ одно утро въ академіи къ нему обращается инспекторъ и говоритъ, что приходила полиція и спрашивала его. Кибальчичъ до такой степени чувствовалъ себя невиннымъ передъ закономъ и правительствомъ, что немедленно отправился въ полицію и спросилъ, зачѣмъ его искали. Тутъ онъ былъ арестованъ, причемъ былъ сдѣланъ обыскъ въ его квартирѣ, и дѣйствительно въ этой квартирѣ, которую посѣщала масса болѣе или менѣе знакомыхъ ему людей, нашли тюкъ съ запрещенными книгами и разными паспортами, тюкъ совершенно задѣланный, котораго за два или за три дня передъ тѣмъ, по показанію квартирной хозяйки, не было у Кибальчича. Когда онъ былъ спрошенъ, то заявилъ, что тюкъ этотъ принесенъ ему однимъ знакомымъ, котораго онъ не назвалъ, и объяснилъ, что онъ не зналъ, что находится

въ тюкъ, и надо думать, онъ сказалъ правду, потому что, если-бы онъ зналъ, что въ немъ находится, то неужели, узнавъ, что его ищетъ полиція, онъ не побѣжалъ-бы прежде въ квартиру, чтобы скрыть этотъ тюкъ. Итакъ, 11-го октября 1875 года онъ былъ арестованъ по обвиненію въ передачѣ запрещенной книжки крестьянину Притулѣ, былъ арестованъ и препровожденъ въ кіевскій тюремный замокъ, но сначала произведено дознаніе въ Петербургѣ, продолжавшееся до іюня 1876 года: Кибальчичъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ и приступлено было къ производству формальнаго слѣдствія черезъ члена судебной палаты.

Первоприсутствующій. Я пригласилъ-бы васъ, г. защитникъ, эту часть вашей рѣчи сократить, такъ какъ особое присутствіе, разрѣшившее вамъ ссылаться на производство дѣла о Кибальчичѣ, находящееся въ виду присутствія, тѣмъ самымъ считаетъ своею обязанностью ознакомиться съ нимъ во всей подробности.

Прис. пов. Герардъ. Я прошу только позволенія хронологически повторить ходъ этого дѣла, потому что, по моему глубокому убѣжденію, то направленіе, которое отъ 1874 до 1878 года наша судебная администрація давала политическимъ процессамъ, играетъ громадную роль при разъясненіи всего настоящаго дѣла. Въ виду исключительной важности настоящаго дѣла я и прошу разрѣшить мнѣ только бѣгло указать вамъ въ хронологическомъ порядкѣ главные фазисы того дѣла.

Первоприсутствующій. Къ этому я васъ и приглашаю.

Прис. пов. Герардъ. Въ ноябрѣ 1876 г. слѣдствіе было кончено и представлено въ министерство юстиціи. Въ февралѣ 1878 года оно внесено въ особое

присутствіе правительствующаго сената, разбиравшее тогда дѣла по политическимъ преступленіямъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, но въ него вкралась ошибка, вслѣдствіе чего особое присутствіе, въ февралѣ 1877 года, возвратило обвинительный актъ товарищу оберъ-прокурора для исправленія этой ошибки. Ошибка была исправлена въ декабрѣ; наконецъ, 1-го мая 1878 г., состоялся судъ надъ Кибальчичемъ, т. е. чрезъ 2 года и 8 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Особое присутствіе правительствующаго сената не признала возможнымъ обвинить Кибальчича въ томъ грозномъ обвиненіи, которое было выставлено противъ него. Оно признало, что въ данныхъ дѣйствіяхъ Кибальчича нѣтъ признака этого преступленія. Когда сегодня представитель обвинительной власти говорилъ о прежнихъ приговорахъ особаго присутствія, онъ указывалъ на то, что на судѣ противъ такого-то подсудимаго улики оказались недостаточными для обвиненія во взведенномъ на него преступленіи. Но вѣдь это не такъ. Улики на судѣ въ особомъ присутствіи всегда одни и тѣ-же, которыя имѣются на дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи Особое присутствіе — не судъ присяжныхъ засѣдателей, предъ вами открыты всѣ акты и дознанія предварительнаго слѣдствія, такъ какъ особому присутствію эти производства открыты. Они, конечно, провѣряются на судѣ, и эта провѣрка можетъ ихъ поколебать, опровергнуть, но не дѣлаетъ пробѣла въ уликахъ. И такъ, Кибальчичъ былъ признанъ виновнымъ только въ такомъ преступленіи, которое можетъ влечь за собою лишь дисциплинарное взысканіе. Онъ и подвергся одномѣсячному тюремному заключенію, которое и отбылъ. Въ началѣ іюня 1878 г. онъ вышелъ изъ тюрьмы почти послѣ трехлѣтняго заключенія,до суда и одномѣсячнаго

заключенія по приговору суда. Выйдя, такимъ образомъ, на свободу, Кибальчичъ подалъ прошеніе въ медико-хирургическую академію о поступленіи въ нее вновь и сталъ хлопотать объ этомъ, но, къ сожалѣнію, въ это время революціонная партія вступила уже на террористическій путь... Въ августѣ 1878 года въ Петербургѣ было совершено убійство генералъ-адъютанта Мезенцова, и вслѣдствіе этого одною изъ первыхъ административныхъ мѣръ была высылка изъ Петербурга всѣхъ лицъ, которыя когда-либо привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ по политическимъ процессамъ, независимо отъ того, были-ли они обвинены, или оправданы. Эта мѣра должна была постигнуть и Кибальчича, потому что у него еще не было опредѣленныхъ занятій, онъ еще хлопоталъ о поступленіи въ академію. Можетъ быть, если-бы онъ поступилъ, то, по заступничеству начальства академіи, его могли-бы оставить, но тутъ онъ зналъ навѣрное, что будетъ выславъ административнымъ порядкомъ... Я не буду говорить о несправедливости этой мѣры, полагая, что она уже осуждена...

Первоприс. Это не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я укажу только на практическую непригодность этой мѣры, какъ приказали всѣ процессы.

Первоприс. Этотъ предметъ не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я хотѣлъ только сказать, что людей энергическихъ, которые готовы рѣшиться на дѣйствительно дѣятельную борьбу, съ правительствомъ, эта мѣра никогда почти не касается: имъ открывается сейчасъ-же путь нелегальнаго положенія, и вотъ это-то нелегальное положеніе поставило Кибальчича на то мѣсто,

на которомъ вы его видите. Разъ вступивъ на путь нелегальнаго человѣка, тутъ уже до всякихъ крайнихъ теорій, даже до терроризма одинъ только шагъ, а однажды человѣкъ вступаетъ на путь терроризма, то, само собой разумѣется, человѣкъ уже погибшій. Гг. судьи, г. прокуроръ часть своей рѣчи посвятилъ на изысканіе причинъ, откуда можетъ являться террористическая партія въ Россіи. Конечно, къ изысканію этихъ причинъ, я въ этомъ убѣжденъ, г. прокурора привела мысль о томъ, да какъ-же избавиться отъ той тревоги, въ которой террористическая партія держитъ цѣлую Россію. Я совершенно также постоянно мыслилъ объ этомъ предметѣ: онъ постоянно меня тревожилъ и тревожитъ, и много разъ, слѣдя за прежними процессами, участвуя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ защитника, я старался понять, откуда можетъ произойти у насъ подобное явленіе, и прихожу къ тому заключенію, что въ тѣхъ мѣрахъ, съ которыми прежде относилась къ преслѣдуемымъ по политическимъ процессамъ наша судебная администрація, много таится. Мнѣ скажутъ: но вѣдь эти случаи единичны. Нѣтъ, вглядитесь въ процессъ 193-хъ, и вы увидите, что по оному было привлекаемо по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ болѣе 1,000 человѣкъ.

Первоприс. Вы отвлекаетесь отъ предмета защиты, отъ фактовъ настоящаго дѣла. Вы можете указывать на это въ общихъ чертахъ, но возбуждать вопросъ о дѣлахъ давно минувшихъ, разбирать ихъ, входить почти въ существо производства—не представляется надобности. Я уже указывалъ вамъ, что, во-первыхъ, особое присутствіе будетъ имѣть въ виду эти производства, и, во-вторыхъ, вы утомляете вниманіе особаго присутствія вещами, не подлежащими его сужденію, такъ какъ оно

жесть и, конечно, будетъ неутомимо для всего серьезнаго, какъ въ интересахъ обвиненія, такъ и въ интересахъ защиты по настоящему дѣлу, но только по настоящему дѣлу. Поэтому я приглашаю васъ освободить особое присутствіе отъ излишнихъ подробностей, по моему мнѣнію, не имѣющихъ для настоящаго дѣла никакого вліянія и весьма мало разъясняющихъ его.

Герардъ. Я думалъ, что если-бы я могъ указать на факты, хотя мало разъясняющіе это важное дѣло, то мнѣ не будетъ это поставлено въ упрекъ...

Первоприс. Конечно, это вліяніе будетъ имѣть значеніе, если вы обратите вниманіе особаго присутствія на процессъ о 193-хъ по отношенію къ настоящему дѣлу...

Герардъ. Я въ этомъ отношеніи и прошу васъ обратить вниманіе на процессъ 193-хъ. Изъ этого процесса вы почерпнете очень много данныхъ для сужденія о причинахъ появленія у насъ террористической партіи. Затѣмъ, обращаюсь къ подсудимому Кибальчичу. Я прошу васъ прежде всего замѣтить, что г. прокуроръ, выставляя одно общее положеніе, что у всѣхъ обвиняемыхъ одинаковая программа дѣйствій, одинаковыя задачи, одинаковыя мысли, одинаковыя эмблемы, которыя доказываютъ принадлежность ихъ къ соціально-революціонной партіи, ничего не могъ указать въ этомъ смыслѣ по отношенію къ Кибальчичу. Свои указанія на принадлежность къ террористической партіи г. прокуроръ раздѣлилъ на двѣ части: на революціонное прошлое и на тѣ предметы, которые оказались по обыску, какъ имъ принадлежащіе. Относительно революціоннаго прошлаго я уже сказалъ. Что могу я сказать относительно того, что у Кибальчича было найдено? Печатныя и рукописныя изданія и за-

мѣтки. Я считаю своей обязанностью обратить вниманіе особаго присутствія на книги и рукописи, найденныя у подсудимаго. У него не было найдено ничего такого, на что указывалъ г. прокуроръ, какъ на признакъ дѣйствительной принадлежности къ террористической партіи. Напротивъ того, я прошу обратить вниманіе на рукопись, озаглавленную: «Переходное положеніе для земства». Кибальчичъ писалъ эту рукопись, очевидно, въ самое послѣднее время, даже, какъ видно, онъ перебѣлялъ ее уже послѣ 1-го марта. Само собою разумѣется, что если вамъ говорятъ, что террористъ занимался вопросомъ о положеніи земства, то вамъ прежде всего представляется слѣдующая картина: что долженъ былъ писать этотъ террористъ? Онъ долженъ былъ писать уже никакъ не объ отношеніяхъ земства и администраціи, потому что для террориста никакой администраціи не нужно: для него нужна полная нивеллировка всего. Такъ, дѣйствительно, и проповѣдуется въ программѣ террористической партіи. Я прошу васъ прочесть хотя три, четыре страницы этой рукописи Кибальчича, и вы увидите, что онъ задается самыми скромными идеалами о большей самостоятельности земства по отношенію къ администраціи. Напримѣръ, онъ находитъ, что земство не имѣетъ достаточно самостоятельности, и онъ желаетъ, чтобы оно имѣло ее болѣе. Такимъ образомъ, я думаю, что въ самомъ участіи Кибальчича въ этомъ дѣлѣ есть громадное недоразумѣніе. Когда я явился къ Кибальчичу, какъ назначенный ему защитникъ, меня прежде всего поразило, что онъ былъ занятъ совершенно инымъ дѣломъ, ничуть не касающимся настоящаго процесса. Онъ былъ погруженъ въ изысканіе, которое онъ дѣлалъ о какомъ-то воздухоплавательномъ снарядѣ; онъ жаждалъ, чтобы ему дали воз-

можность написать свои математическія изысканія объ этомъ изобрѣтеніи. Онъ ихъ написалъ и представилъ по начальству. Вотъ съ какимъ человѣкомъ вы имѣете дѣло. Я далекъ отъ мысли сказать какое-нибудь слово въ оправданіе цареубійства, сказать слово въ оправданіе террора — нѣтъ, какъ то, такъ и другое вполнѣ отвратительно, но я долженъ вамъ сказать, господа, что то наказаніе, назначить которое вамъ предлагаетъ г. прокуроръ...

Первоприс. О наказаніи вы будете говорить въ свое время.

Герардъ. Но за обвиненіемъ слѣдуетъ наказаніе, и я говорю объ обвиненіи. Г. прокуроръ, требуя наказанія, видитъ въ немъ лѣченіе отъ того зла, съ которымъ намъ всѣмъ нужно бороться, а я говорю, что это наказаніе только и будетъ наказаніемъ, а не лѣченьемъ.

Присяжный повѣренный Кедринъ (защитникъ подсудимой Перовской). Гг. сенаторы и гг. сословные представители. Не безъ волненія приступаю я къ исполненію своей тяжелой обязанности. Я должень сознаться, что нахожусь подъ впечатлѣніемъ рѣчи прокурора, и передо мною рисуется та картина, которую онъ съ такимъ талантомъ нарисовалъ; эта тяжелая картина можетъ, по моему мнѣнію, спокойному, безпристрастному отношенію къ дѣлу: самъ прокуроръ, который обѣщалъ въ началѣ своей рѣчи хладнокровно обсудить всѣ обстоятельства дѣла,—перешелъ къ нѣсколько страстной формѣ. Я постараюсь отвлечь ваше вниманіе отъ этой тяжелой картины къ другой картинѣ: обратить ваши мысли къ личности подсудимой. Я просилъ-бы васъ забыть объ этомъ преступленіи, насколько это окажется мыслимо, и прослѣдить за моею жизнь подсудимой. Когда вы усты-

шали въ первый разъ, что въ этомъ преступленіи участвуетъ женщина, то у васъ, вѣроятно, родилась мысль, что эта женщина является какимъ-то извергомъ, неслыханною злодѣйкою. Когда-же вы встрѣтились съ нею на судѣ, то это впечатлѣніе, я думаю, оказалось діаметрально противоположнымъ. По крайней мѣрѣ, подсудимая на меня произвела совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ то, которое у меня до встрѣчи съ нею составилось. Я увидѣлъ скромную дѣвушку, съ такими манерами, которыя не напоминали ничего звѣрскаго, ничего ужаснаго. Гдѣ-же причина этому явленію? Можетъ быть, она желаетъ порисоваться, представить себя въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ? Я этого не думаю. Я полагаю, что то признаніе, которое она предъ вами сдѣлала, не выгораживая себя нисколько, шло впередъ на встрѣчу обвиненію, которое надъ ней тяготѣетъ, прямо говоритъ за то, что въ ней нѣтъ и тѣни лицемѣрія. Какая-же причина, гдѣ корень того, что въ этомъ дѣлѣ являются Перовская и Рысаковъ, лица ранѣе безукоризненнаго поведенія? Чтобы обсудить этотъ вопросъ, намъ необходимо познакомиться съ жизнью подсудимой, и эту задачу я считаю для себя обязанностью выполнить предъ вами. Изъ рѣчи господина прокурора извѣстно, что Перовская привлекалась къ дѣлу въ 1871 году: революціонное ея прошлое, по мнѣнію обвиненія велико: но я не раздѣляю этого убѣжденія и думаю, что ея революціонное прошлое начинается очень недавно. Правда, въ 1871 году она привлекалась къ дознанію о какомъ-то тайномъ сообществѣ, имѣвшемъ связь съ революціонной дѣятельностью, но въ послѣдствіи оказалось, что это сообщество преслѣдовало благотворительныя цѣли, почему и слѣдствіе надъ Перовской было, по Высочайшей волѣ, прекращено. Въ 1874 году Перов-

ская привлекалась по дѣлу о 193 лицахъ. Слѣдствіе тянулось четыре года, но улик собрано противъ нея не было. Правительствующій сенатъ оправдалъ ее: это даетъ полное основаніе утверждать, что подсудимая была невиновна. Если состоялось судебное рѣшеніе, оправдывающее подсудимую, то прежде всего слѣдуетъ остановиться на предположеніи о невиновности, и на обязанности прокурора лежитъ доказать противное. Такимъ образомъ, я полагаю, что Перовская дѣйствительно была невиновна въ томъ преступленіи, которое ей приписывалось, и совершенно правильно была оправдана правительствующимъ сенатомъ.

До суда о 193 лицахъ подсудимая жила въ Симферополѣ, съ своей матерью. Подъ ея вѣдѣніемъ и управленіемъ находилось два барака общества «Краснаго Креста». Послѣ оправданія особымъ присутствіемъ правительствующаго сената уѣхала Перовская къ матери въ Симферополь и снова начала заниматься дѣломъ, которому она осталась-бы преданною и посвятила ему всю жизнь, если-бы не случилось одного обстоятельства. Она была арестована и административнымъ порядкомъ сослана, но дорогою ей удалось бѣжать, и вотъ Перовская очутилась въ положеніи «нелегальномъ». Ѣхать къ роднымъ ей было нельзя, такъ какъ паспортъ выдавали ее вездѣ, и вотъ она должна была попасть въ среду лицъ, которыя находились въ такомъ-же положеніи, т. е. въ положеніи нелегальномъ: это состояніе, въ которомъ каждый шагъ, каждый часъ, каждую минуту должно наблюдать за собою, бояться и дрожать за свою судьбу. Такое состояніе неотразимо дѣйствуетъ на нравственное чувство человѣка и невольно возбуждаетъ въ немъ инстинкты, которыхъ слѣдовало-бы избѣгать. Вспомнимъ, что между такими

нелегальными людьми соціально-революціонныя идеи необходимо получаютъ громадную силу. Члены революціонныхъ кружковъ, сталкиваясь только между собою, не слыша безпристрастной научной критики ихъ идей, естественно все болѣе и болѣе проникаются ими и доходятъ до самыхъ разрушительныхъ теорій. Такимъ образомъ, и идеи Перовской постепенно принимали болѣе и болѣе красный оттѣнокъ, все болѣе и болѣе побуждали ее идти по дорогѣ революціи... Если только вы согласитесь со мной, что дѣйствительно первымъ толчкомъ, который побудилъ Перовскую идти по этому скользкому пути, была административная ссылка и что благодаря этой ссылкѣ и той интенсивности идей, замкнутыхъ въ средѣ небольшаго кружка, которая мѣшала строгой ихъ критикѣ, подсудимая дошла до настоящаго положенія, то въ этихъ обстоятельствахъ вы должны усмотрѣть данныя, которыя до извѣстной степени объясняютъ судьбу Перовской. Вслѣдствіе сего я ходатайствую предъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената о возможно болѣе снисходительномъ отношеніи къ участи подсудимой.

Подсудимый Желябовъ (не пожелавшій имѣть защитника). Гг. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ. Обвинительная рѣчь, по мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ-же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Иногдашняя набочихъ послужила основаніемъ для г. проку-

рора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники, и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты - это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать поскольку будутъ существовать общіе интересы. Я, впрочемъ, желаю знать впередъ, могу-ли я касаться принципіальной стороны дѣла или нѣтъ?

Первоприс. Нѣтъ. Вы имѣете только предоставленное вамъ закономъ право оспаривать тѣ фактическія данныя, которыя прокурорскою властью выставлены противъ васъ и которыя вы признаете неточными и невѣрными.

Подсудимый Желябовъ. И такъ, я буду разбирать по пунктамъ обвиненіе. Мы не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средства для достиженія такого строя — мы рекомендуемъ очень опредѣленныя учрежденія. Можно-ли насъ считать анархистами? Далѣе, мы критикуемъ существующій экономическій строй и утверждаемъ....

Присяжный. Я долженъ васъ остановить. Пользуясь правомъ возражать противъ обвиненія, вы излагаете теоретическія воззрѣнія. Я заявляю вамъ, что особое присутствіе будетъ имѣть въ виду всѣ тѣ сочиненія, брошюры и изданія, на которыя стороны указывали: но выслушиваніе теоретическихъ разсужденій о достоинствахъ того или другаго государственнаго и экономическаго строя оно не считаетъ своею обязанностью, полагая, что не въ этомъ состоитъ задача суда.

Подсудимый Желябовъ. Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступ-

леніе - событіе 1-го марта нужно разматривать какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно... Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ, и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи.

Первоприс. Злодѣяніе 1-го марта—фактъ дѣйствительно принадлежащій исторіи, но судъ не можетъ заниматься оцѣнкой ужаснаго событія съ этой стороны: намъ необходимо знать ваше личное въ немъ участіе, поэтому о вашемъ къ нему отношеніи, и только о вашемъ, можете вы давать объясненія.

Подс. Желябовъ. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое событіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ...

Первоприс. Вотъ тутъ-то вы и вступаете на ошибочный путь, на что я вамъ указывалъ. Вы имѣете право объяснить свое участіе въ злодѣяніи 1-го марта, а вы стремитесь къ тому, чтобы войти въ объясненіе отношенія къ этому злодѣянію партіи. Не забудьте, что вы собственно не представляете для особаго присутствія лицо, уполномоченное говорить за партію, и эта партія для особаго присутствія, при обсужденіи вопроса о вашей виновности, представляется несуществующею. Я долженъ ограничить вашу защиту тѣми предѣлами, которые указаны для этого въ законѣ, т.-е. предѣлами фактическаго и вашего нравственнаго участія въ данномъ событіи, и только вашего. Въ виду того, однако, что прокурорская власть обрисовала партію, вы имѣете право

объяснить суду, что ваше отношеніе къ извѣстнымъ вопросамъ было иное, чѣмъ указанное обвиненіемъ отношеніе партіи. Въ этомъ я вамъ не откажу, но, выслушивая васъ, я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы засѣданіе особаго присутствія не сдѣлалось мѣстомъ для теоретическихъ обсужденій вопросовъ политическаго свойства, чтобы на обсужденіе особаго присутствія не предлагались обстоятельства, прямо къ настоящему дѣлу не относящіяся, и главное, чтобы не было сказано ничего такого, что нарушаетъ уваженіе къ закону, властямъ и религіи. Эта обязанность лежитъ на мнѣ, какъ на предсѣдателѣ,—я исполню ее.

Подс. Желябовъ. Первоначальный планъ защиты былъ совершенно не тотъ, котораго я теперь держусь. Я полагалъ быть краткимъ и сказать только нѣсколько словъ. Но, въ виду того, что прокуроръ пять часовъ употребилъ на извращеніе того самаго вопроса, который я уже считалъ выясненнымъ, мнѣ приходится считаться съ этимъ фактомъ, и я полагаю, что защита въ тѣхъ рамкахъ, какія вы мнѣ теперь опредѣляете, не можетъ пользоваться тою свободою, какая была предоставлена раньше прокурору.

Первоприс. Такое положеніе создано вамъ существомъ предъявленнаго къ вамъ обвиненія и характеромъ того преступленія, въ которомъ вы обвиняетесь. Настолько однако, насколько представляется вамъ возможность, не нарушая уваженія къ закону и существующему порядку, пользоваться свободой преній, вы можете ею воспользоваться.

Подс. Желябовъ. Чтобы не выйти изъ рамокъ, вами опредѣленныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставить свое дѣло несбороненнымъ, я долженъ остановиться на

тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыя здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разныя брошюры, напримѣръ на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во 1-хъ, литографированная программа соціалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства находятся въ данный моментъ у прокурора. Имѣю-ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахожденія литографированной программы у меня свидѣтельствуетъ о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во 2-хъ, нѣкій Морозовъ написалъ брошюру. Я ее не читалъ: сущность ея я знаю: къ ней, какъ партіи, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденія о задачѣ русской соціально-революціонной партіи, пока они за границей, пока они безпочвенники. Насъ дѣлаютъ отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути чрезъ частыя политическія убійства. Для насъ, въ настоящее время, отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно изъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни. Я тоже имѣю право сказать, что я русскій человѣкъ, какъ сказалъ о себѣ прокуроръ. (Въ публикѣ движеніе, ропотъ негодованія и шиканье. Желябовъ на нѣсколько мгновеній останавливается. Затѣмъ продолжаетъ). Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ-бы предпослать прежде малень-

кій историческій очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шелъ прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣетъ немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною.

Первоприс. Подсудимый, вы выходите изъ тѣхъ рамокъ, которыя я указалъ. Говорите только о своемъ отношеніи къ дѣлу.

Подс. Желябовъ. Я возвращаюсь. Итакъ, мы, перепытавъ разные способы дѣйствовать на пользу народа, въ началѣ 70-хъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго человѣка, съ цѣлью мирной пропаганды соціалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное—было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснить характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моей защитѣ.

Первоприс. Но вы были тогда оправданы.

Подс. Желябовъ. [illegible] прокуроръ [illegible] по процессу 193-хъ.

Первоприс. Говорите въ такомъ случаѣ только о фактахъ, прямо относящихся къ дѣлу.

Подс. Желябовъ. Я хочу сказать, что въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду соціалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности, взятое частичками — правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, а затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ...

Первоприс. Это по отношенію къ вамъ?

Подс. Желябовъ. По отношенію ко мнѣ.. Я говорю, что всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народъ, тѣмъ не менѣе, я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перехожу ко второму періоду соціалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но, по всей вѣроятности, я долженъ буду отказаться отъ мысли принципіальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержанія: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы. Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ хожденія нашего въ народъ показалъ всю книжность, всю доктри-

неверство нашихъ стремленій, а съ другой стороны — убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Сознавая, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознаніе соціалистическіе идеалы цѣликомъ, соціалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы: это основная черта народничества. Далѣе. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы. — Пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды соціалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанію. Вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству наличныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшились пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ было до 1878 г. Въ 1878 г. впервые, насколько мнѣ извѣстно, является мысль о борьбѣ болѣе радикальной, являются попытки разсѣчь Гордіевъ узелъ. Такъ что событіе 1-го марта по замыслу нужно отнести прямо къ зимѣ 1877—1878 г. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напр. прокламаціи: «Смерть за смерть». Партія не успѣла еще себѣ выяснить значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа. И хотя всѣ усилія партіи вели ее на борьбу съ политическою системою...

Первопрес. Вы опять говорите о партіи...

Неде. Желябовъ. Я принималъ участіе въ ней...

Первопрес. Говорите только о себѣ.

Неде. Желябовъ. Все голосало меня, въ томъ числѣ, на борьбу съ правительственною системой. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 г. находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 г. положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною вновь въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи объ этомъ тѣмъ-же, въ особенности на сѣверѣ, что на съѣздѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ нашемъ обществѣ, въ организаціи Земли и Воли; что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно въ задачу, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ слитіе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть югянъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздъ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основныя положенія новой программы были таковы: политическій строй...

Первопрес. Подсудимый, я рѣшительно лишу васъ слова, потому что вы не хотите слѣдовать моимъ указаніямъ. Вы постоянно вникаете въ изложеніе теоріи.

Желябовъ. Я обвиняюсь за участіе на Липецкомъ съѣздѣ...

Первопрес. Нѣтъ, вы обвиняетесь въ совершеніи покушенія подъ Александровскомъ, которое, какъ объяснитъ обвинительная власть, составляетъ послѣдствіе Липецкаго съѣзда.

Желябовъ. Если только я обвиняюсь въ событіи 1-го марта и затѣмъ въ покушеніи подъ Александровскомъ, то въ такомъ случаѣ мое заявленіе сводится къ заявленію: да, такъ какъ фактически это подтверждено. Голое признаніе факта не есть злодѣяніе.

Первоприс. Отношеніе вашей воли къ этому факту...

Подс. Желябовъ. Я полагаю, что уясненіе того пути, какимъ развивалось мое сознаніе, и цѣли, взятыя въ это предпріятіе...

Первоприс. Объясненіе этихъ убѣжденій, вашего личнаго отношенія къ этому дѣлу я допускаю. Но объясненія убѣжденій и взглядовъ партіи не допущу.

Подс. Желябовъ. Я этой грани не понимаю.

Первоприс. Я прошу васъ говорить о себѣ, о своемъ личномъ отношеніи къ факту, о его фактической, такъ и нравственной, объ участіи вашей воли, о вашихъ убѣжденіяхъ.

Подс. Желябовъ. На эти вопросы кратко я отвѣчалъ въ началѣ судебнаго засѣданія. Если теперь будетъ мнѣ предоставлено говорить только такъ кратко, значитъ тогда повторяться и обременять вниманіе суда...

Первоприс. Если вы болѣе ничего прибавить не имѣете...

Подс. Желябовъ. Я думаю, что я всѣмъ сообщилъ сказать. Теперь желалъ-бы я извлечь душу...

Первоприс. Вашу душу, но не душу партіи.

Подс. Желябовъ. Да, мою. Я участвовалъ на Липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ

рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній, и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что-бы то ни стало. Задачи, на Липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что соціально-революціонная партія—и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе—должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практическій путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, и для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ соціалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную инціативу, на личную предпріимчивость, на личное умѣнье. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь: организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ Липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ Исполнительный Комитетъ, и содѣйствовалъ расширенію этой организаціи: въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ,

по дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ-бы эту форму борьбы насильственной, если-бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ-бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, напримѣръ, отказался-бы, если-бы измѣнились внѣшнія условія...

Первоприс. Болѣе ничего не имѣете сказать въ свою защиту?

Подс. Желябовъ. Въ защиту свою ничего не имѣю. Но я долженъ сдѣлать маленькую поправку къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя я дѣлалъ во время судебнаго слѣдствія. Я позволилъ себѣ увлечься чувствомъ справедливости, обращалъ вниманіе гг. судей на участіе Тимоѳея Михайлова во всѣхъ этихъ дѣлахъ, именно, что онъ не имѣлъ никакого отношенія ни къ метательнымъ снарядамъ, ни къ подкопу на Малой Садовой. Я теперь почти убѣжденъ, что, предупреждая гг. судей отъ возможности поступить ошибочно по отношенію къ Михайлову, я повредилъ Тимоѳею Михайлову, и если-бы мнѣ вторично пришлось участвовать на судебномъ слѣдствіи, то я воздержался-бы отъ такого заявленія, видя, что прокуроръ и мы, подсудимые, взаимно своихъ нравственныхъ побужденій не понимаемъ.

Первоприс. Объявляю прения сторонъ прекращенными.

Затѣмъ первоприсутствующій обратился къ подсудимымъ съ вопросомъ, не желаютъ-ли они воспользоваться правомъ послѣдняго слова.

Подс. Рысаковъ. Я воспользуюсь этимъ правомъ для того, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу рѣчи прокурора, въ которой онъ, не смотря на мое заявленіе, старался сдѣлать меня членомъ террористической фракціи. Я не знаю, можно-ли мнѣ отказаться голословно, всецѣло и безусловно, отъ принадлежности къ террористической фракціи, или-же я имѣю право подтвердить это какими-нибудь доказательствами, чисто научнаго свойства.

Первоприс. Теперь судебное слѣдствіе уже окончено. Вы должны основываться на данныхъ, которыя были провѣряемы во время судебнаго слѣдствія: никакихъ новыхъ данныхъ, не провѣренныхъ на судебномъ слѣдствіи, теперь приводить нельзя. Но въ послѣднемъ вашемъ словѣ вы можете сказать все, что находите нужнымъ о вашемъ отношеніи къ преступленію, въ которомъ вы обвиняетесь.

Подс. Рысаковъ. Я пользуюсь словомъ для того, чтобы сказать, что я не принадлежу къ террористической фракціи такъ всецѣло, какъ указано г. прокуроромъ. Я отрицаю свою принадлежность всецѣло къ террористической фракціи, такъ какъ партія Народной Воли не есть террористическая партія. Я отрицаю свое сочастіе съ этой фракціей на слѣдующихъ основаніяхъ. Терроръ, какъ постоянному средству борьбы, я не сочувствую. Я только здѣсь услышалъ и узналъ о систематической террористической борьбѣ, объ ея организаціи,

противъ чего я въ настоящую минуту протестую. Я не сочувствую террору, даже исходя изъ интересовъ соціально-революціонной партіи, потому что извѣстно, что терроръ лишаетъ почвы умѣренныхъ соціалистовъ.

Первоприсутствующій. Это не имѣетъ отношенія къ дѣлу. Вы объясняете значеніе террора, что представляется совершенно излишнимъ. Вы объясните намъ свое отношеніе къ дѣлу. Васъ обвиняютъ въ принадлежности къ террористической фракціи. Вы и объясните, почему вы находите, что не принадлежали къ этой фракціи: но въ изложеніи относительныхъ достоинствъ того или другого взгляда, той или другой фракціи — не представляется надобности.

Подс. Рысаковъ. Я иначе не могу объяснить... Слѣдовательно, я не могу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ...

Первоприс. О себѣ, о своемъ убѣжденіи вы можете сказать. Вы говорите, что не принадлежали къ этой фракціи...

Подс. Рысаковъ. Но это будетъ голословное заявленіе.

Первоприс. Впрочемъ, говорите такъ, какъ знаете, я вижу, что вы затрудняетесь, а это ваше послѣднее слово.

Подс. Рысаковъ. Я могу указать на то, что говорилось въ нумерахъ «Народной Воли», что говорилось въ послѣднемъ 5-мъ нумерѣ о террористическихъ дѣйствіяхъ, о враждебномъ отношеніи къ верховной власти. Этому положенію, по моему убѣжденію, по моему взгляду, я тоже не сочувствую. Я убѣжденъ, что явное возстаніе не можетъ привести къ цѣли... Террористическія дѣйствія, систематизированный терроръ я всецѣло отрицаю. Затѣмъ

относительно рѣчи прокурора я высказать ничего не могу. Прибавлю только, что мой голосъ противъ террора не одинъ: второй голосъ—Гольденберга.

Подс. Михайловъ. Такъ какъ мое развитіе недостаточно, то я могу заявить на указаніе г. прокурора, что онъ показываетъ, что я принадлежу къ соціально-революціонной партіи... Я сознаюсь, что я принадлежу, но къ той партіи, которая защищаетъ среду рабочихъ, а не къ той, которая достигаетъ цѣли переворота, потому что если я не достаточно развитъ, я даже не имѣть объ этомъ никакого понятія. Я это отрицаю. Кромѣ того, я могу сказать г. прокурору одно: онъ заявилъ, что эта идея заблужденіе. Но я не могу разсѣять ее, потому что я не могу ее опредѣлить по недостатку образованія.

Подсудимая Гельфманъ. Въ защиту себя я ничего не желаю говорить. Но я хочу исправить нѣкоторыя указанія защитника, въ которыхъ онъ высказалъ какъ будто-бы мои слова. Онъ дѣйствительно разсказалъ мою прошлую жизнь, объяснилъ, почему я была арестована, сколько лѣтъ просидѣла. Это вѣрно. Но онъ сказалъ, что послѣ ареста я была сослана въ Старую Русу, и только вслѣдствіе преслѣдованія полиціи я должна была оставить Старую Русу и примкнуть въ партіи «Народной Воли». Я только разсказала ему о своей прошлой жизни, о прошломъ арестѣ, что дѣйствительно я была арестована въ 1875 году за то, что на моей квартирѣ были получены письма, что у меня, по наказанію хозяйки, собирались молодые люди. Вотъ въ улики, которыя существовали противъ меня въ 1875 году. Я была арестована, просидѣла до 1879 года и была сослана въ Старую Русу. Онъ меня спрашивалъ, почему я послѣ тюремнаго заключенія поспѣшила въ Петербургъ. Я ему говорила, что

когда я была освобождена отъ тюремнаго заключенія и когда меня привезли въ Старую-Русу, я нѣсколько времени пробовала жить: послѣ четырехлѣтняго заключенія я хотѣла нѣсколько осмотрѣться, — по никакой возможности не было жить. Черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія, я уѣхала и пріѣхала въ Петербургъ, но не потому, что полиція преслѣдовала, а потому, что, когда меня освободили, я задалась цѣлью служить тому дѣлу, которому служила.

Подсудимый Кибальчичъ. О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ представленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ соціалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственныя дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что они насильственныя... Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилію и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса.

Первопрес. Я приглашаю васъ касаться только вашей защиты.

Кибальчичъ. Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, и имѣю за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ-же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство — имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать: но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату. Затѣмъ, уже по частному вопросу, я имѣю сдѣлать заявленіе на счетъ одной вещи, о которой уже говорилъ мой защитникъ. Я написалъ проектъ воздухоплавательнаго аппарата. Я полагаю, что этотъ аппаратъ вполнѣ осуществимъ. Я представилъ подробное изложеніе этого проекта съ рѣсунками и вычисленіями. Такъ какъ, вѣроятно, я уже не буду имѣть возможности выслушать взгляда экспертовъ на этотъ проектъ и вообще не буду имѣть возможности слѣдить

за его судьбою, и возможно предусмотрѣть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этимъ моимъ проектомъ, то я теперь публично заявляю, что проектъ мой и эскизъ его, составленный мною, находятся у г. Герарда.

Подсудимая Перовская. Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить, —я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возражать и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости.

Подсудимый Желябовъ. Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратокъ, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалѣю и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ. Больше ничего.

Первоприс. Особое присутствіе удаляется для постановки вопросовъ.

Въ 3 часа ночи особое присутствіе возвратилось изъ совѣщательной комнаты въ залу засѣданія, и г. первоприсутствующій прочелъ проектъ вопросовъ (которые приведены ниже вмѣстѣ съ отвѣтами). Стороны противъ этого проекта вопросовъ возраженій не представили. Особое присутствіе, утвердивъ вопросы, вновь удалилось въ совѣщательную комнату для разрѣшенія вопросовъ.

По возвращеніи особаго присутствія въ залу засѣда-

нія, г. первоприсутствующій прочелъ слѣдующіе вопросы и отвѣты на нихъ особаго присутствія:

1. Виновенъ-ли крестьянинъ Таврической губерніи, Осодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ, въ томъ, что принадлежалъ къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ имперіи государственный и общественный строй и предпринявшему для достиженія этой цѣли рядъ посягательствъ на жизнь священной особы его императорскаго величества государя императора Александра Николаевича, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ? Отв. Да, виновенъ.

2. Виновна-ли въ томъ же преступленіи дворянка Софья Львова Перовская, 27 лѣтъ?—О. «Да, виновна».

3. Виновенъ-ли въ томъ-же преступленіи сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, 27 лѣтъ?—О. «Да, виновенъ».

4. Виновенъ-ли въ томъ-же преступленіи тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ?—О. «Да, виновенъ».

5. Виновна-ли въ томъ-же преступленіи мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Гельфманъ, 26 лѣтъ?—О. «Да, виновна».

6. Виновенъ-ли въ томъ-же преступленіи крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимофей Михайловъ, 21 года?—О. «Да, виновенъ».

7. Если подсудимый Тимофей Михайловъ не виновенъ въ принадлежности къ сообществу, указанному въ 1-мъ вопросѣ, то не виновенъ-ли онъ въ томъ, что

принадлежа къ сообществу, имѣющему цѣлью возбуж-дать раздоры между хозяевами и рабочими и стачки между послѣдними, причемъ означенное сообщество возбуждало рабочихъ къ избіенію частныхъ лицъ, признаваемыхъ ими враждебными рабочему сословію? — Не требуется разрѣшенія.

8. Виновенъ-ли подсудимый Николай Рысаковъ въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому въ 1-мъ вопросѣ сообществу, согласился съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Михайловымъ, Гельфманъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича 1-го марта 1881 года, посредствомъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, однимъ изъ которыхъ, брошенный въ этотъ день другимъ соучастникомъ злодѣянія, причинилъ государю императору тяжкія раны, повлекшія за собою кончину его величества, причемъ самъ Рысаковъ бросилъ передъ тѣмъ подъ карету его императорскаго величества метательный взрывчатый снарядъ, произведшій подъ тою каретой взрывъ? **Отв. «Да, виновенъ».**

9. Виновенъ-ли подсудимый Андрей Желябовъ въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому въ первомъ вопросѣ сообществу и умысливъ посягательство на жизнь государя императора Александра Николаевича, согласилъ на дѣло Рысакова и другихъ лицъ, приготовительными дѣйствіями которыхъ руководилъ до своего ареста 27-го февраля 1881 года, сводя ихъ между собою на особо предназначенныхъ для подобныхъ сходокъ квартирахъ, для совѣщаній объ означенномъ злодѣяніи? — Отв. «Да, виновенъ».

10. Виновна-ли подсудимая Софья Перовская въ томъ, что, принадлежа къ тому-же преступному сообще-

ству и согласившись въ цѣляхъ онаго съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Рысаковымъ, Михайловымъ, Гесею Гельфманъ, или съ нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, руководила дѣйствіями исполнителей и самымъ совершеніемъ злодѣянія 1-го марта сего года, а именно: устроила постоянное наблюденіе за выѣздами государя императора Александра Николаевича, въ день злодѣянія 1-го марта принесла въ подготовленную для собранія соучастниковъ онаго квартиру два, предназначенныхъ для злодѣянія, взрывчатыхъ метательныхъ снаряда, которые и передала злоумышленникамъ, начертила планъ мѣстности и указала собравшимся въ квартирѣ злоумышленникамъ назначенный каждому изъ нихъ пунктъ и затѣмъ на Михайловской улицѣ подала знакъ, по которому злоумышленники должны были идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать проѣзда государя императора Александра Николаевича, для приведенія въ исполненіе своего злодѣйскаго умысла?— Отв. «Да, виновна».

11. Виновенъ-ли подсудимый Николай Кибальчичъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному въ первомъ вопросѣ сообществу и согласившись, въ цѣляхъ онаго, съ Желябовымъ, Перовской, Рысаковымъ, Михайловымъ и Гельфманъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, онъ изготовилъ и приспособилъ для этой цѣли четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1-го марта 1881 года злодѣйское посягательство на жизнь его императорскаго величества, причемъ однимъ изъ этихъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій его вели-

ществу тяжкія раны, отъ которыхъ того же 1-го марта государь императоръ скончался?—Отв. «Да, виновенъ».

12. Виновенъ-ли подсудимый Тимофей Михайловъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному сообществу и согласившись, въ цѣляхъ онаго, съ Желябовымъ, Перовской, Кибальчичемъ, Рысаковымъ и Гессю Гельфманъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами, лишить 1-го марта 1881 года жизни государя императора Александра Николаевича, участвовалъ въ приготовительныхъ къ сему злодѣянію дѣйствіяхъ пробою 28-го февраля предназначеннаго для этой цѣли метательнаго взрывчатаго снаряда, и затѣмъ 1-го марта, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія злодѣянія для принятія въ немъ участія? — Отв. «Да, виновенъ, но на мѣстѣ совершенія преступленія не былъ».

13. Виновна-ли подсудимая Геся Гельфманъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному въ первомъ вопросѣ сообществу и согласившись, въ цѣляхъ онаго, съ Желябовымъ, Перовской, Кибальчичемъ, Рысаковымъ и Михайловымъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами на лишеніе жизни 1-го марта 1881 г. государя императора Александра Николаевича, она завѣдывала, въ качествѣ хозяйки, служащими для сбора злоумышленниковъ квартирами, въ которыхъ происходили, съ ея вѣдома, совѣщанія о семъ злодѣяніи, и въ одну изъ которыхъ, съ ея-же вѣдома, принесены были 1-го марта взрывчатые метательные снаряды, предназначенные для сего злодѣянія? -Отв. «Да, виновна».

14. Виновенъ-ли подсудимый Андрей Желябовъ въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому сообществу и дѣйствуя въ его цѣляхъ, согласился съ другими лицами

лишить жизни государя императора Александра Николаевича, для чего принимать непосредственно участіе въ земляныхъ работахъ по устройству подкопа, окончательно устроеннаго и проведеннаго изъ подвальной лавки въ домъ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, со снарядомъ для взрыва полотна улицы при проѣздѣ государя императора Александра Николаевича? Отв. «Да, виновенъ».

15. Виновенъ-ли подсудимый Николай Кибальчичъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному сообществу и дѣйствуя въ его цѣляхъ, согласился съ прочими лицами лишить жизни его императорское величество государя императора Александра Николаевича и принимать участіе техническими указаніями и изготовленіемъ запала для взрыва въ устройствѣ вышепомянутаго въ предыдущемъ вопросѣ подкопа?—Отв. «Да, виновенъ».

16. Виновна-ли подсудимая Софья Перовская въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому сообществу и дѣйствуя въ его цѣляхъ, согласилась съ другими лицами лишить жизни его императорское величество государя императора Александра Николаевича, для чего, вопреки завѣдомо для Перовской, устроенъ былъ вышеупомянутый подкопъ?—Отв. «Да, виновна».

17. Виновенъ-ли въ преступленіи, изложенномъ въ 16-мъ вопросѣ, подсудимый Николай Рысаковъ?—Отв. «Нѣтъ, не виновенъ».

18. Виновенъ-ли въ преступленіи, изложенномъ въ 16-мъ вопросѣ, подсудимый Тимофей Михайловъ? — Отв. «Нѣтъ, не виновенъ».

19. Виновна-ли въ преступленіи, изложенномъ въ 16-мъ вопросѣ, подсудимая Геся Гельфманъ? Отв. «Нѣтъ, не виновна».

20. Виновенъ-ли подсудимый Андрей Желябовъ въ томъ, что, принадлежа къ тому-же названному преступному сообществу, 18-го ноября 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ другими лицами, съ цѣлью лишить жизни государя императора Александра Николаевича устроилъ подъ полотномъ желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться его императорское величество, и при проходѣ означеннаго поѣзда замкнулъ проведенные чрезъ мину проводники гальваническаго тока, причемъ, однако-же, по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ подсудимаго Желябова, взрыва не послѣдовало? —Отв. «Да, виновенъ».

21. Виновна-ли подсудимая Софья Перовская въ томъ, что, принадлежа къ тому-же преступному сообществу и съ тою-же цѣлью лишенія жизни государя императора Александра Николаевича, принимала, вмѣстѣ съ другими лицами, непосредственное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ города Москвы, при прохожденіи императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія, 19-го ноября 1879 года, наблюдала за приближеніемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ, однако-же, по обстоятельствамъ, отъ подсудимой не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ поѣздѣ? Отв. «Да, виновна».

22. Виновенъ-ли подсудимый Николай Кибальчичъ въ томъ, что, принадлежа къ тому-же преступному сообществу и сговорившись съ другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича,

принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву 18-го ноября 1879 года полотна желѣзной дороги при проходѣ императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Желябову, необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа? — Отв. «Да, виновенъ».

23. Виновенъ-ли подсудимый Николай Кибальчичъ въ томъ, что, принадлежа къ тому-же преступному сообществу и согласившись съ другими лицами лишить жизни государя императора Александра Николаевича, принималъ участіе въ приготовленіяхъ въ 1879 году взрыва на одесской желѣзной дорогѣ близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и, между прочимъ, посредствомъ пріобрѣтенія спиралей Румкорфа? — Отв. «Да, виновенъ».

24. Виновенъ-ли подсудимый Тимофей Михайловъ въ томъ, что 3-го марта 1881 года, при задержаніи его въ квартирѣ № 5-й, дома № 5-й, по Телѣжной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузію помощнику участковаго пристава Слуцкому?—Отв. «Да, виновенъ».

Затѣмъ первоприсутствующій предложилъ прокурору дать заключеніе по вопросу о томъ, какому, по закону, подсудимые подлежатъ наказанію за состоявшимся рѣшеніемъ суда.

Прокуроръ. Приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената, всѣ подсудимые признаны виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 241, 242

и 249 ст. улож. о наказ., а Михайловъ, кромѣ того въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1,459 улож. о наказ. За эти преступленія наказаніе по закону опредѣляется по 1 степ. 17 ст. улож. о наказ., причемъ несовершеннолѣтній подсудимый Рысаковъ долженъ быть, согласно ст. 139 улож. о наказ., подвергнутъ наказанію за преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ, какъ совершеннолѣтній. На основаніи изложеннаго, подсудимые: Желябовъ, Рысаковъ, Кибальчичъ, Гельфманъ, Перовская и Михайловъ должны быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни.

Прис. пов. Уяковскій. Я, съ своей стороны, не могу согласиться съ заключеніемъ г. прокурора касательно примѣненія къ Рысакову смертной казни, по слѣдующимъ соображеніямъ: 139 ст. улож. о наказ., говорящая о несовершеннолѣтнихъ болѣе 14 лѣтъ, но недостигшихъ еще 21-лѣтняго возраста, подвергаетъ ихъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія,—наказанію какъ и совершеннолѣтнихъ, но съ тою разницею, что время работъ сокращается на одну треть, а высшимъ наказаніемъ устанавливаетъ для нихъ каторжныя работы лишь на 20 лѣтъ. Едва-ли смыслъ этой статьи можетъ подлежать спору и сомнѣнію, ибо хотя въ ней не упомянуто о непримѣненіи къ ней смертной казни, но изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущею 139-ю статьею, а также и потому, что въ ней не упоминается о смертной казни, слѣдуетъ заключить, что законодатель вовсе не имѣлъ въ виду допустить примѣненіе смертной казни къ лицамъ несовершеннолѣтнимъ. Такое толкованіе этого закона совершенно согласно не только съ буквальнымъ его содержаніемъ и съ предыдущею статьею, но и со всѣми кодексами европей-

скихъ странъ, которые не допускаетъ примѣненія къ несовершеннолѣтнимъ ни смертной казни, ни наказаній свыше 20-лѣтняго срока, и которыя имѣлись въ виду при редакціи нашего уложенія о наказаніяхъ. Если-же толковать эту статью иначе, т. е. такимъ образомъ, что въ ней не говорится о смертной казни, то о смягченіи этого наказанія не можетъ быть рѣчи и для лицъ, не достигшихъ 14-лѣтняго возраста, ибо въ 138-й ст., относящейся къ малолѣтнимъ, о смертной казни также не говорится. Всѣмъ извѣстно, что въ нашей странѣ человѣческій организмъ развивается гораздо медленнѣе, нежели въ большей части европейскихъ государствъ; обязательное ученіе въ Германіи начинается съ шести лѣтъ, тогда какъ у насъ мальчики, въ особенности изъ крестьянскаго сословія, еще и въ 8 или 9 лѣтъ недостаточно развиты для того, чтобы посѣщать школы. Очень многіе женатые крестьяне наши имѣютъ видъ несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ. Между тѣмъ, во всѣхъ извѣстныхъ кодексахъ европейскихъ государствъ смертная казнь къ лицамъ, не достигшимъ извѣстнаго возраста, вовсе не примѣняется. Во Франціи, напримѣръ, для лицъ, не достигшихъ 16 лѣтъ, не полагается вовсе ни казни, ни пожизненнаго наказанія, ни даже ссылки, и высшимъ наказаніемъ установляется заключеніе на 20 лѣтъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ «Code Pénal» (ст. 67 и 68). Въ уложеніи баварскомъ (ст. 61), также въ уложеніяхъ бельгійскомъ и португальскомъ примѣненіе смертной казни къ несовершеннолѣтнимъ не дозволяется: въ Баваріи до 21 года, въ Бельгіи — до 18, а въ Португаліи до 19 лѣтъ. Въ новомъ германскомъ уложеніи 1872 года, въ ст. 57 говорится, что лица, не достигшія 18-тилѣтняго возраста,

за дѣяніи. влекущія за собою смертную казнь или пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), подвергаются заключенію отъ 3-хъ до 15-ти лѣтъ.

Въ австрійскомъ уложеніи 1852 года въ § 52. въ тѣхъ-же случаяхъ, несовершеннолѣтніе до 20-ти лѣтъ подвергаются лишь заключенію отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ. Такимъ образомъ, очевидно, что, сопоставляя приведенную мною ст. 139 улож. о наказ., изд. 1876 г., со всѣми европейскими кодексами, ясно, что нашъ законодатель, не упоминая въ ней о смертной казни, не могъ имѣть даже и мысли примѣненія этого наказанія къ лицамъ отъ 14-ти до 21-ти-лѣтняго возраста, ибо, въ противномъ случаѣ, нужно предположить, что нашъ законъ допускаетъ эту кару для 14-ти-лѣтнихъ, т. е. для лицъ, не достигшихъ ни одного изъ возрастовъ, опредѣленныхъ для примѣненія ея въ другихъ государствахъ, въ которыхъ человѣческій организмъ развивается гораздо ранѣе. Вслѣдствіе всего этого, я считаю долгомъ просить о примѣненіи къ Рыбакову высшаго наказанія, опредѣленнаго 139 ст. улож., для несовершеннолѣтнихъ.

Прис. пов. Хартулари. Я ничего не имѣю заявить.

Прис. пов. Герке 1-й. Если судъ найдетъ возможнымъ, я прошу принять во вниманіе то обстоятельство, что подсудимая играла второстепенную роль, и примѣнить къ ней ст. 134 п. 6 и ст. 135 улож. и смягчить наказаніе; а если это будетъ признано выходящимъ за предѣлы милости, которую судъ можетъ оказать, то я прошу: не будетъ-ли признано возможнымъ ходатайствовать объ этомъ.

Остальные защитники и подсудимый Желѣзовъ никакого заявленія не предъявили.

Тов. прок. Муравьевъ. Въ интересахъ закона и справедливости, я считаю долгомъ возразить защитнику подсудимаго Рысакова. Онъ ссылается на ст. 139 улож. о нак., по соображенія защиты лишены, по моему мнѣнію, законнаго основанія. Защита, прежде всего, указываетъ на то, что если по ст. 139 должна быть примѣнена къ подсудимому 1 степ. 17-й ст., то, слѣдовательно, и предыдущая, ст. 138-я, опредѣляетъ то же наказаніе ошибочно потому, что въ разъясненіе 138 ст. имѣется извѣстное особому присутствію высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, въ которомъ относительно случаевъ примѣненія 1-й степени 17-й ст. допускается смягченіе наказанія лишь для малолѣтнихъ, т. е. недостигшихъ 14-ти-лѣтняго возраста. Что-же касается до совершеннолѣтнихъ въ возрастѣ, упомянутомъ 139-ю ст., то, по сопоставленіи этой статьи съ ст. 140-ю и послѣдующими, слѣдуетъ признать, что на основаніи точнаго смысла закона, исключающаго всякія сомнѣнія, признаніе несовершеннолѣтняго виновнымъ въ такомъ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, устраняетъ, за силою этого послѣдняго карательнаго признака, всякое смягченіе наказанія вслѣдствіе несовершеннолѣтія. Слѣдовательно, наказаніе должно быть назначено Рысакову, на точномъ основаніи 139 ст., какъ совершеннолѣтнему. Затѣмъ, едва-ли нужно упоминать о томъ, что ссылка защиты на иностранные кодексы, изданные до нашего уложенія и содержаніе въ себѣ правило о желаемомъ имъ смягченіи наказанія, не можетъ имѣть для особаго присутствія никакого юридическаго значенія.

Прис. пов. Хиковскій. Едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ прокурора. Я не приводилъ иностранныхъ

уложеній для того, чтобы правительствующій сенатъ могъ на нихъ основать свое рѣшеніе. Я приводилъ ихъ лишь въ доказательство того, что составители уложенія 1876 г. имѣли многіе изъ этихъ кодексовъ въ виду, и если-бъ они допускали примѣненіе смертной казни къ лицамъ, не достигшимъ 21-го-лѣтняго возраста то они упомянули-бы объ этомъ. Между тѣмъ, въ 139 ст. говорится о несовершеннолѣтнихъ, начиная съ 14-ти-лѣтняго возраста. но о смертной казни не сказано ни слова. Упомянутое г. прокуроромъ мнѣніе государственнаго совѣта, не вошедшее въ законъ -мнѣ вовсе неизвѣстно, и я вовсе не понимаю, почему по ст. 139, относящейся ко всѣмъ случаямъ совершенія лицами, не достигшими 21 года. преступленій, влекущихъ за собою наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, съ 17-ти-лѣтняго возраста должны быть примѣняемы всѣ виды наказаній, изложенные въ ст. 17 улож., а въ томъ числѣ и первый видъ, т. е. лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь, которой для лицъ, недостигшихъ полнаго совершеннолѣтія вовсе не установлено. Очевидно, что такое толкованіе несогласно съ истиннымъ смысломъ этой статьи. На этомъ основаніи я ходатайствую о замѣнѣ для несовершеннолѣтняго Рысакова смертной казни другимъ наказаніемъ.

Затѣмъ особое присутствіе правительствующаго сената постановило на свое разрѣшеніе вопросъ: какому подлежатъ наказанію, за состоявшимся рѣшеніемъ, подсудимые: Желябовъ, Перовская, Кибальчичъ, Рысаковъ, Михайловъ и Гельфманъ, послѣ чего удалилось для совѣщанія по постановленію приговора.

Въ 6 часовъ 20 минутъ утра, 29-го марта. особое присутствіе правительствующаго сената вышло въ залу

засѣданія, и г. первоприсутствующій провозгласилъ слѣдующую резолюцію:

«По указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30-ти лѣтъ; дворянку Софью Львову Перовскую, 27-ми лѣтъ; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27-ми лѣтъ; тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19-ти лѣтъ; мозырскую, Минской губерніи, мѣщанку Гесю Мирову Гельфманъ, 26-ти лѣтъ, и крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилково, Тимоѳея Михайлова, 21-го года, на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 279 и 1459-й (по продолж. 1876 года), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на основаніи 945-й ст. уст. угол. судопр. (на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства) представить чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе его императорскаго величества.

30-го марта, въ 4 часа пополудни, осужденнымъ по дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи 1-го марта былъ объявленъ, въ присутствіи сенатора А. И. Синицына, и товарища прокурора Н. В. Муравьева, при оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ, приговоръ особаго присутствія правительствующаго сената слѣдующаго содержанія:

ПРИГОВОРЪ

1881 года марта 26-го—29-го дня.

По указу его императорскаго величества правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ слѣдующемъ составѣ: г. первоприсутствующій Е. Я. Фуксъ; гг. сенаторы: Н. П. Биппенъ, Н. С. Писаревъ, Н. Н. Орловъ, А. И. Синицынъ, А. В. Бѣлостоцкій; предводители дворянства: с.-петербургскій губернскій, графъ А. А. Бобринскій, петергофскій уѣздный, баронъ М. Н. Корфъ, московскій городской голова С. М. Третьяковъ и волостной старшина А. А. Гелькеръ, при оберъ секретарѣ В. В. Поповѣ, въ присутствіи исполняющаго обязанности прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената Н. В. Муравьевѣ, разсматривалъ дѣло о мѣщанинѣ Николаѣ Рысаковѣ, крестьянахъ Андреѣ Желябовѣ, Тимоѳеѣ Михайловѣ, сынѣ священника Николаѣ Кибальчичѣ, дво-

рянкѣ Софьѣ Перовской и мѣщанкѣ Гесѣ Гельфманъ, преданныхъ суду особаго присутствія на основ. 1032-й и 1052-й ст. уст. угол. суд., по прод. 1879 г., и особыхъ высочайшихъ повелѣній отъ 6-го и 13-го марта 1881 г. по обвиненію ихъ въ злодѣяніи, жертвою коего палъ въ бозѣ почившій государь императоръ Александръ Николаевичъ, и въ другихъ преступленіяхъ.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа пополудни, въ С.-Петербургѣ совершено было величайшее злодѣяніе, поразившее Россію роковымъ ударомъ, положившимъ безвременно предѣлъ драгоцѣнной жизни возлюбленнаго монарха, благодѣтеля отечества, государя императора Александра Николаевича. Въ тотъ день его императорское величество изволилъ присутствовать на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, посѣтить Михайловскій дворецъ, откуда и возвращался по Инженерной улицѣ и затѣмъ направо изъ оной, по набережной Екатерининскаго канала. Когда карета государя, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, проѣзжала мимо сада Михайловскаго дворца, на разстояніи около 50-ти саженъ отъ угла Инженерной улицы, подъ лошадей кареты былъ брошенъ разрывной снарядъ. Взрывомъ этого снаряда были ранены нѣкоторыя лица и разрушена задняя стѣнка императорской кареты, но самъ государь остался невредимъ. Человѣкъ, бросившій снарядъ, хотя и побѣжалъ по набережной канала, по направленію къ Невскому проспекту, но въ нѣсколькихъ саженяхъ былъ задержанъ и назвался первоначально мѣщаниномъ Глазовымъ, а затѣмъ показалъ, что онъ мѣщанинъ Рысаковъ. Между тѣмъ, государь, приказавъ кучеру остановить лошадей, изволилъ выйти изъ кареты и направиться къ задержанному преступнику. Когда-же его величество возвращался на-

задъ, къ мѣсту взрыва, по панели канала, послѣдовалъ второй взрывъ, ужаснымъ послѣдствіемъ котораго было нанесеніе государю крайне тяжелыхъ ранъ съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ. Вѣнценосный страдалецъ былъ доставленъ въ Зимній дворецъ почти уже въ безсознательномъ состояніи, и въ тотъ-же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ бозѣ почилъ. По осмотру мѣстности злодѣянія и по даннымъ, обнаруженнымъ дознаніемъ эксперты пришли къ заключенію, что означенные взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки и состоявшими изъ ударнаго состава и взрывчатаго вещества въ количествѣ до 5-ти фунтовъ въ каждомъ снарядѣ. На лицо, бросившее къ ногамъ почившаго государя второй разрывной снарядъ, прямыхъ указаній сначала не было. Только крестьянинъ Петръ Павловъ при первоначальномъ дознаніи показалъ, что когда государь, отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то неизвѣстный человѣкъ, стоявшій прислонившись къ рѣшеткѣ набережной, выждалъ приближенія государя на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ и бросилъ что-то на панель, отъ чего и послѣдовалъ второй взрывъ. Показаніе это, повторенное Павловымъ и на судебномъ слѣдствіи, вполнѣ подтвердилось слѣдующими данными: указанный Павловымъ человѣкъ былъ поднятъ на мѣстѣ преступленія въ безсознательномъ состояніи и, по доставленіи въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, умеръ тамъ чрезъ 8 часовъ. По судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа этого лица, на немъ оказалось множество поврежденій, причиненныхъ взрывомъ, который, по мнѣнію экспертовъ, и долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи, не далѣе какъ

на три шага отъ умершаго. Этотъ человѣкъ, придя предъ смертью нѣсколько въ себя и отвѣтивъ на вопросъ о своемъ имени—«не знаю», проживалъ, какъ обнаружено дознаніемъ и судебнымъ слѣдствіемъ, по подложному паспорту на имя виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, и между своими соумышленниками назывался «Михаломъ Ивановичемъ» и «Котикомъ». Изъ свиты и конвоя покойнаго государя при означенныхъ взрывахъ было ранено девять человѣкъ, изъ которыхъ одинъ умеръ, а изъ числа чиновъ полиціи и посторонникъ лицъ, находившихся на мѣстѣ злодѣянія, ранено десять, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ одинъ.

Обстоятельства, относящіяся до страшнаго злодѣянія 1-го марта, а равно и стоящія въ непосредственной съ нимъ связи, какъ они установлены судебнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по настоящему дѣлу, представляются въ слѣдующихъ чертахъ.

I.

Нѣкоторыя изъ лицъ, принадлежащихъ къ тайному сообществу, называемому одними подсудимыми «русской соціально-революціонной партіей», а другими партіею «Народной Воли», поставившему себѣ задачею измѣненіе и ниспроверженіе, посредствомъ насильственнаго переворота, существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, имѣли, въ іюнѣ 1879 года, въ городѣ Липецкѣ, съѣздъ, въ числѣ около 15-ти человѣкъ, для пересмотра программы партіи и для обсужденія дальнѣй-

нихъ мѣръ къ достиженію цѣли ихъ сообщества. Результатомъ такого совѣщанія было рѣшеніе предпринять цѣлый рядъ покушеній на жизнь въ бозѣ почившаго государя посредствомъ взрывовъ динамитомъ императорскихъ поѣздовъ. Въ съѣздѣ принималъ участіе подсудимый Желябовъ, подъ именемъ Черняевскаго, и затѣмъ онъ-же, подъ именемъ Борисова, принималъ участіе въ сходкахъ, въ сентябрѣ того-же года, въ городѣ Харьковѣ, гдѣ обсуждались вопросы о ближайшихъ способахъ послѣдовательнаго осуществленія посягательствъ на жизнь государя, причемъ было рѣшено: Желябову, Тихонову и Окладскому (послѣдніе двое уже осуждены за это преступленіе приговоромъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, состоявшимся 31-го октября 1880 года) произвести взрывъ близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, во время слѣдованія императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма, а другимъ лицамъ произвести таковой-же взрывъ близъ гор. Одессы, въ случаѣ, если государь императоръ изволитъ проѣзжать изъ Крыма въ Одессу. Съ этою цѣлью Желябовъ прибылъ, въ октябрѣ 1879 года, въ Александровскъ, назвавшись ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, подъ предлогомъ устройства кожевеннаго завода, и поселился вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной, называвшей себя его женой, въ домѣ мѣщанина Бовенко. На 4-й верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой, преступниками были заложены подъ шпалы желѣзной дороги два мѣдныхъ цилиндра съ динамитомъ на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобы, по показанію Желябова на судебномъ слѣдствіи по настоящему дѣлу, взрывъ могъ обнять поѣздъ съ обоихъ концовъ, и къ нимъ прикрѣплена проволока, ведшая къ ближайшему шпиковому листу, который, въ свою очередь, сообщался со

вторымъ листомъ, уложеннымъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ проѣзжей дороги. Отъ сего послѣдняго листа мѣдныя проволоки спускались по насыпи желѣзнодорожнаго пути и оврагу и выходили на грунтовую дорогу, гдѣ и должны были имѣть соединеніе съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ. Когда-же сдѣлалось извѣстнымъ, что государь императоръ послѣдуетъ черезъ городъ Александровскъ 18-го ноября, то утромъ въ этотъ день Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Пресняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены мѣдныя проволоки, и здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли концы проволоки, передалъ ихъ Желябову. Какъ только императорскій поѣздъ вышелъ со станціи и нѣсколько вагоновъ его прошли то мѣсто, гдѣ была заложена мина, Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но взрыва не произошло и императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ подъ шпалами, экспертъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженныя магнезіальнымъ динамитомъ и снабженныя электрическими запалами, причемъ одинъ цилиндръ сполна наполненъ динамитомъ, а другой только до половины.

II.

Одновременно съ этимъ подготовлялись взрывы императорскихъ поѣздовъ въ Одессѣ и подъ Москвою. Обстоятельства приготовленія къ взрыву на желѣзной дорогѣ близъ Одессы, насколько они относятся до лицъ, преданныхъ суду особаго присутствія, состоятъ въ слѣдующемъ: подсудимый Николай Кибальчичъ, предложивъ, весною

1879 года, чрезъ Квятковскаго (казненный уже государственный преступникъ), свои услуги революціонной партіи и полагая, что ей придется, по его объясненію, въ ея борьбѣ съ правительствомъ прибѣгнуть къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, рѣшился изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ и для того перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ этого предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество, такъ равно динамитъ и гремучій студень домашними средствами и съ того времени постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи взрывчатыхъ веществъ. Послѣ Липецкаго съѣзда онъ, Кибальчичъ, поселился въ Одессѣ, подъ именемъ коллежскаго регистратора Максима Петрова Иваницкаго съ женою Елизаветою. Получая свѣдѣнія о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь государя императора, предпринятыхъ осенью 1879 года, Кибальчичъ принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву императорскаго поѣзда близъ Одессы, причемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва. Съ этою цѣлью онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была исправлена неудовлетворительно, купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя. Когда-же узналъ, что государь на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ чрезъ Одессу, счелъ нужнымъ отвезти одну изъ спиралей въ городъ Александровскъ, гдѣ имѣвшаяся у сообщниковъ его спираль была въ неудовлетворительномъ видѣ.

III.

19-го ноября 1879 года, въ одиннадцатомъ часу вечера, на третьей верстѣ отъ московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ императорскою свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники предполагали присутствіе въ бозѣ почившаго государя. Входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ перевернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни посторонніе лица не понесли никакихъ поврежденій. При осмотрѣ мѣста взрыва было обнаружено, что онъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20-ти сажен. отъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ нижняго этажа этого дома была выведена, имѣвшая видъ трехгранной призмы, галлерея, обшитая въ основаніи и по бокамъ досками. При осмотрѣ упомянутаго дома оказалось, что взрывъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гавальванической батареи помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоемъ земли, шли отъ батареи по двору, до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плиту-

самъ во второй этажъ, гдѣ они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, заложенной на глубинѣ около двухъ саженъ подъ рельсами. Около батареи въ сараѣ имѣлось отверстіе, черезъ которое можно было наблюдать за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, причемъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе чѣмъ двумя а скорѣе, и большимъ числомъ лицъ. Самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ. Помянутый Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября 1879 года съ женщиною, именовавшеюся его женою, и 13-го сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мѣщанина Кононова; 19-го сентября переѣхалъ въ этотъ домъ и, удаливъ оттуда жильцовъ, подъ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ, какъ онъ объяснилъ, къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ того, окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденныя, впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ вмѣстѣ съ жившею съ нимъ женщиною до взрыва императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись. По подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывающійся въ настоящее время за границей. Проживавшая-же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была дворянка Софья Львова Перовская. Въ устройствѣ подкопа и мины принимали участіе, между прочимъ, Гартманъ и Софья Перовская.

Сообщниками этого преступленія было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова—Ширяевъ и Перовская, а остальныя участники должны выѣхать оттуда наканунѣ прибытія въ Москву императорскаго поѣзда. Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда и дать знать о его приближеніи, а Ширяеву сомкнуть цѣпь по сигналу, даннаму Перовской. Передъ самымъ проѣздомъ государя состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, причемъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

IV.

Преступная дѣятельность упомянутаго выше тайнаго сообщества и послѣ того не прекращалась, и многіе изъ его членовъ переселившись въ С.-Петербургъ, продолжали здѣсь составлять новые планы для дальнѣйшихъ посягательствъ на жизнь въ бозѣ почившаго императора. Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ такъ называемаго Исполнительнаго Комитета», появлявшихся послѣ каждаго изъ означенныхъ покушеній, а равно и послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 года, злоумышленники не только признавали ихъ совершеніе дѣломъ своей партіи, но и дерзостно бросали въ лицо русскаго народа заявленіе о намѣреніи своемъ продолжать свою злодѣйскую дѣятельность. Кибальчичъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1879 года и проживалъ подъ именемъ Агаѳескулова, сперва по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10-й, въ Сарашской гостинницѣ, послѣ по Но-

дольской улицѣ, домъ № 11-й, съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою, гдѣ у него въ квартирѣ помѣщалась и тайная типографія, по Невскому проспекту, домъ № 124-п, и, наконецъ, въ концѣ января 1881 года, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Ланскаго, по Лиговкѣ, въ домѣ № 83-й, въ квартирѣ № 2-й. Перовская, подъ именемъ вдовы землемѣра Лидіи Антоповой Войновой, съ осени 1879 года проживала въ Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерской улицъ, домъ № 32-й—4-й, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ (еще не разысканною), а въ іюнѣ 1880 года переѣхала въ домъ № 17-й—18-й, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, гдѣ съ октября того-же года, по отъѣздѣ Сиповичъ, поселился и Желябовъ, подъ именемъ брата Войновой, Николая Златопольскаго. Независимо отъ этого, обнаружены и особыя квартиры, долженствовавшія служить общимъ цѣлямъ сообщества, называемыя подсудимыми «конспиративными», по Большой Подъяческой улицѣ-домъ № 37-й, гдѣ изготовлялся динамитъ, въ чемъ непосредственное участіе принималъ Кибальчичъ; по Тропицкому переулку, домъ № 27-й—1-й, кв. № 25-й, гдѣ до 17-го февраля 1881 года проживалъ неизвѣстный человѣкъ, называвшійся московскимъ мѣщаниномъ Андреемъ Николаевымъ, съ женою Елизаветою Андреевою, оказавшеюся Гельфманъ, и по Телѣжной улицѣ, домъ № 5-й, кв. № 5-й, гдѣ, по переѣздѣ изъ Тропицкаго переулка, проживала та-же Гельфманъ вмѣстѣ съ осужденнымъ въ государственномъ преступленіи Саблинымъ, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Павроцкихъ.

Новое посягательство на священную особу государя императора Александра Николаевича злоумышленники рѣ-

шили осуществить посредствомъ мины подъ Малой Садовой и метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Желябовъ, умысливъ это злодѣяніе, согласилъ на совершеніе онаго Рысакова, Михайлова, лицо, называемое Михаиломъ Ивановичемъ, и другихъ и распоряжался приготовительными ихъ къ этому злодѣянію дѣйствіями. Другіе злоумышленники, между ними и Желябовъ, принимавшій непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ, устроили мину; Кибальчичъ занялся изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ; Перовская образовала постоянное наблюденіе за выѣздами государя, въ чемъ принимали участіе Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ» и другія лица. Помянутыя лица сходились для совѣщаній о приготовленіяхъ къ злодѣянію 1-го марта преимущественно въ квартирѣ въ Тележной улицѣ, предназначенной исключительно для подготовленій къ цареубійству, хозяевами которой были Гельфманъ и Саблинъ, подъ именемъ жены и мужа Фесенко-Навроцкихъ. Эту квартиру посѣщали Желябовъ, Рысаковъ, Перовская, называвшійся «Михаиломъ Ивановичемъ», Михайловъ и Кибальчичъ, который, по принесеннымъ имъ образцамъ, объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ. 28-го февраля Рысаковъ, Кибальчичъ, Михайловъ и «Михаилъ Ивановичъ» ходили за городъ, въ пустынное мѣсто, пробовать образецъ снаряда. Хотя Желябовъ и былъ арестованъ 27-го февраля, тѣмъ не менѣе, участники задуманнаго злодѣянія, въ числѣ ихъ Рысаковъ, помянутый «Михаилъ Ивановичъ» и Михайловъ, собрались, согласно состоявшемуся уговору, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, на квартирѣ въ Тележной улицѣ, куда вскорѣ прибыли Перовская и Кибальчичъ, принесшіе каждый по два метательныхъ снаряда, изготовленныхъ послѣднимъ въ ночь на 1-е марта. Перовская начертила на конвертѣ планъ

мѣстности, обозначивъ на немъ пункты для каждаго изъ участниковъ, и далъ всѣ указанія для совершенія злодѣянія. Указанія эти состояли въ слѣдующемъ: при проѣздѣ государя въ Михайловскій манежъ по Малой Садовой, долженъ былъ произойти взрывъ мины; но на случай неудачнаго взрыва, на обоихъ концахъ Малой Садовой должны были находиться лица, вооруженныя метательными снарядами, которыми и были снабжены: Рысаковъ, прозывавшійся «Михаиломъ Ивановичемъ» и двое другихъ лицъ. Если-же государь не послѣдуетъ по Малой Садовой, то метальщикамъ, по условленному съ Перовскою сигналу, слѣдовало идти на Екатерининскій каналъ и тамъ ждать возвращенія государя въ Зимній дворецъ послѣ обычнаго посѣщенія имъ Михайловскаго дворца. Когда-же оказалось, что его величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и, такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ съ миной, направился изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, Перовская находившаяся все время вблизи для наблюденій за направленіемъ пути государя, подала на Михайловской улицѣ лицамъ, имѣвшимъ снаряды, условленный знакъ, указывавшій, что они должны идти для дѣйствій на Екатерининскій каналъ, гдѣ и произошло то роковое событіе, которое оплакиваетъ нынѣ русскій народъ.

V.

Рысаковъ, какъ упомянуто выше, былъ схваченъ на мѣстѣ злодѣянія. Прозывавшійся «Михаиломъ Ивановичемъ» (онъ-же «Котикъ» и Ельниковъ) умеръ отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ втораго сна-

рядъ. Желябовъ задержанъ былъ еще 27-го февраля. Въ квартирѣ, гдѣ проживалъ Желябовъ, подъ именемъ Златовинскаго, вмѣстѣ съ женщиной, именовавшею себя Лидіею Войновою, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки съ остатками чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя грубки. По заключенію экспертовъ, означенное вещество оказалось чернымъ динамитомъ, а каучуковыя трубки подобными тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Женщина-же, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ, подъ именемъ Войновой, и скрывшаяся изъ вышеуказанной квартиры на другой-же день его ареста, 28-го февраля, вечеромъ, была задержана лишь 10-го марта и оказалась дворянкою Софьей Львовой Перовскою. По обыску у нея были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи по поводу злодѣянія 1-го марта.

VI.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу, о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5-й, находится квартира, въ которой собирались злоумышленники и производились приготовленія къ злодѣянію 1-го марта, въ означенной квартирѣ № 5-й сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о ихъ прибытіи лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квар-

тиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ они нашли лежащимъ на полу окровавленнымъ, только-что, повидимому, застрѣлившагося человѣка. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный вскорѣ умеръ. По осмотру домовой книги, оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5-й, вмѣстѣ съ упомянутой задержанной въ ней женщиной, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту. Застрѣлившійся мужчина былъ дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, а женщина оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. Послѣдняя, въ виду предстоявшаго обыска, предупредила, что со многими находящимися въ ея квартирѣ вещами слѣдуетъ обращаться крайне осторожно, такъ какъ онѣ наполнены взрывчатыми веществами. По обыску въ означенной квартирѣ, найдены вещественныя доказательства, имѣющія непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1-го марта, въ числѣ коихъ: 1) двѣ жестянки съ метательными снарядами, взрывающимися отъ удара при паденіи, заключающими въ себѣ взрывчатый аппаратъ по системѣ особыхъ сообщающихся другъ съ другомъ частей снарядовъ; 2) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 3) планъ г. С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ на зданіи Зимняго дворца и со слабыми карандашными-же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу, и 4) сдѣланный карандашемъ на оборотѣ конверта планъ безъ соблюденія масштаба, пред-

ставляющій, по сличенію его съ планомъ города С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ посреди Малой Садовой. 3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, когда въ квартирѣ той были оставлены чины полиціи для задержанія лицъ, имѣющихъ туда придти, явился человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго: «куда онъ идетъ?» неизвѣстный, спросивъ какого-то кучера, указалъ на квартиру № 12-й, которая была не занята, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ на квартиру № 5-й, гдѣ и задержанъ. Когда-же было приступлено къ производству у него обыска, но онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, причемъ нанесъ городовому Денисову опасную рану, а помощнику пристава 1-го участка, Александро-Невской части, Слуцкому, контузію. Означенный человѣкъ оказался крестьяниномъ Тимоѳеемъ Михайловымъ, проживающимъ подъ именемъ черниговскаго мѣщанина Сергѣя Іанина.

VII.

4-го марта 1881 г., вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома графа Менгденъ, находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, о томъ, что содержатель сыр-

ной лавки въ подвальномъ этажѣ того-же дома крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своей Еленою Ѳедоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, произведенъ былъ осмотръ означенной лавки, причемъ изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры; въ стоящихъ здѣсь-же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянной обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, а равно въ смежномъ жильѣ и подвалахъ сложена земля и въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопательные и минные инструменты. Въ жильѣ стѣна подъ окномъ пробита, и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы. Въ отверстіи оказалась стклянка съ жидкостью для заряженія гальванической баттареи, элементы которой найдены тутъ-же въ корзинѣ, а отъ баттареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся снарядомъ, состоявшимъ изъ чернаго динамита, количествомъ около двухъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такое устройство снаряда, по отзыву экспертовъ, вполнѣ обезпечивало взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2^1/_2$ саженъ въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были-бы вышиблены оконныя рамы и, вѣроятно, обвалились-бы печи и потолки. Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгденъ въ декабрѣ 1880 года, и, переѣхавъ въ январѣ настоящаго года, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила

на себя вниманіе многихъ, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и вѣрованіямъ обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ.

Обсудивъ изложенныя обстоятельства дѣла и предъявленныя противъ подсудимыхъ обвиненія, особое присутствіе останавливается прежде всего на обвиненіи всѣхъ ихъ въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе, посредствомъ насильственнаго переворота, существующаго въ имперіи государственнаго и общественнаго строя и предпринявшему съ сею цѣлью рядъ посягательствъ на жизнь священной особы государя императора Александра Николаевича, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ, и въ этомъ отношеніи находитъ, что самими подсудимыми Желѣбовымъ, Кибальчичемъ и Перовскою дерзостно провозглашаются не только принадлежность ихъ къ такому сообществу, именуемому ими «соціально-революціонною партіею» или партіею «Народной Воли» и въ частности «террористическимъ отдѣломъ», но и всѣ злодѣянія, совершенныя ими, выставляются заслугою ихъ предъ этимъ сообществомъ: что подсудимая Гельфманъ также заявляетъ о своей принадлежности къ этому сообществу, и что хотя подсудимые Рысаковъ и Тимоѳей Михайловъ, сознаваясь въ принадлежности къ особому, организованному Желѣбовымъ и имъ направляемому, тайному сообществу, и даютъ отличныя отъ прочихъ подсудимыхъ объясненія, какъ о цѣляхъ этого сообщества, такъ и о средствахъ, примѣняемыхъ онымъ для достиженія этихъ цѣлей, но объясненія эти не заслуживаютъ уваженія, и по удостовѣреннымъ даннымъ о близкихъ связяхъ Рысакова и Михайлова съ прочими подсудимыми и по прочимъ обстоятельствамъ

дѣла, особое присутствіе приходитъ къ убѣжденію о принадлежности и ихъ, Рысакова и Михайлова, къ тому-же сообществу, преступными принципами котораго руководились и прочіе подсудимые. Переходя къ обвиненію подсудимыхъ въ страшномъ злодѣяніи 1-го марта, особое присутствіе находитъ, что независимо отъ сознанія самихъ подсудимыхъ, всѣми несомнѣнными данными дѣла всѣ они вмѣстѣ изобличаются въ предварительномъ, какъ между собою, такъ и съ другими обнаруженными (застрѣлившійся Саблинъ и умершій 1-го марта человѣкъ, проживавшій подъ ложнымъ именемъ Ельникова) и необнаруженными по дѣлу лицами, соглашеніи лишить жизни государя императора Александра Николаевича 1-го сего марта, имѣвшемъ своимъ ужаснымъ послѣдствіемъ причиненіе его императорскому величеству, посредствомъ метательнаго снаряда, тяжкихъ ранъ и затѣмъ страдальческую кончину его величества. Что-же касается до различнаго соучастія подсудимыхъ въ приведеніи этого соглашенія въ исполненіе, то оказываются виновными: 1) Желябовъ—въ томъ, что, умысливъ это посягательство на священную жизнь монарха, согласилъ на него Рысакова и другихъ лицъ, руководилъ приготовительными ихъ дѣйствіями до своего ареста (27-го февраля 1881 года), сводя ихъ для совѣщанія объ этомъ между собой на особо предназначенныхъ для подобныхъ сходокъ квартирахъ, и принялъ непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ по устройству подкопа, проведеннаго изъ подвальной лавки подъ Малую Садовую улицу, со снарядомъ для взрыва полотна улицы, при проѣздѣ государя. 2) Перовская—въ томъ, что руководила дѣйствіями исполнителей и самымъ совершеніемъ злодѣянія, именно: устроила передъ тѣмъ постоянное наблюденіе за выѣздами его им-

ператорскаго величества, а 1-го марта принесла въ подготовленную для собранія соучастниковъ квартиру, два предназначенныхъ для сего злодѣянія взрывчатыхъ метательныхъ снаряда и, зная о вышеупомянутомъ подкопѣ на Малой Садовой, начертила планъ мѣстности и, передавъ принесенныя сю два метательныхъ снаряда злоумышленникамъ, указала каждому изъ нихъ пунктъ и затѣмъ на Михайловской улицѣ подала знакъ, по которому злоумышленники должны были идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать проѣзда государя для приведенія своего умысла въ исполненіе. 3) Кибальчичъ—въ томъ, что техническими указаніями и приготовленіями запала для взрыва принялъ участіе въ убійствѣ въ устройствѣ подкопа подъ Малой Садовой улицей, а затѣмъ изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, одинимъ изъ которыхъ и былъ произведенъ тотъ взрывъ, который повлекъ за собой кончину его величества. 4) Рысаковъ—въ томъ, что бросилъ подъ карету государя первый метательный взрывчатый снарядъ, произведшій подъ той каретой взрывъ. 5) Гельфманъ—въ томъ, что завѣдывала въ качествѣ хозяйки квартирами, которыя служили для сбора злоумышленниковъ и въ которыхъ происходили съ вѣдома ея, Гельфманъ, совѣщанія о приготовляемомся злодѣяніи и въ одну изъ которыхъ съ ея-же вѣдома, были 1-го марта принесены взрывчатые метательные снаряды, предназначенные для злодѣянія, и 6) Михайловъ—въ томъ, что участвовалъ при приготовительныхъ къ злодѣянію 1-го марта дѣйствіяхъ, предварительною, наканунѣ онаго, пробою предназначавшагося для злодѣянія метательнаго взрывчатаго снаряда. Затѣмъ, по предъявленнымъ противъ подсудимыхъ Желябова, Кибальчича и Перовской обвиненіямъ въ другихъ посягатель-

ствахъ на священную особу государя императора Александра Николаевича, они, по несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла, въ связи и съ ихъ собственнымъ сознаніемъ, должны быть признаны виновными: Желябовъ — въ устройствѣ, вмѣстѣ съ другими лицами, въ ноябрѣ 1879 г., подъ полотномъ желѣзной дороги, близъ города Александровска, мины для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться его императорское величество, причемъ при проходѣ 18-го того-же ноября означеннаго поѣзда, онъ, Желябовъ, сомкнулъ проведенные черезъ мину проводники гальваническаго тока, но взрыва не послѣдовало по обстоятельствамъ, отъ Желябова независѣвшимъ; Кибальчичъ—въ принятіи участія въ приготовленіяхъ какъ къ взрыву императорскаго поѣзда на одесской желѣзной дорогѣ, близъ Одессы, въ томъ-же ноябрѣ 1879 года, храненіемъ у себя всѣхъ нужныхъ для сего снарядовъ и пріобрѣтеніемъ и приспособленіемъ спиралей Румкорфа, такъ и къ означенному выше взрыву 18-го ноября 1879 года, близъ города Александровска, посредствомъ доставленія Желябову необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа, и Перовская—въ принятіи, по соглашенію съ другими лицами, непосредственнаго участія въ приготовленіяхъ къ взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги, близъ Москвы, при проѣздѣ императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія, 19-го ноября 1879 года, наблюдала за прибытіемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ, однакоже, по обстоятельствамъ, отъ нея Перовской, независѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, въ поѣздѣ находившимся. Наконецъ, Тимофей Михайловъ, по показаніямъ свидѣтелей и другимъ обстоятельствамъ дѣла,

долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ, что при задержаніи его, 3-го марта 1881 года, въ квартирѣ № 5-й, домъ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузію помощнику пристава Слуцкому. Законныя послѣдствія установленныхъ такимъ образомъ фактовъ виновности подсудимыхъ должны быть слѣдующія: 1) за принадлежность къ означенному выше тайному сообществу и за злоумышленное соучастіе въ посягательствахъ на священную особу государя императора подсудимые по основанію 241, 242, 243 и 249 ст. улож. о наказ., должны подлежать лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, видъ которой опредѣляется судомъ (18 ст. улож.); 2) тому-же наказанію долженъ подлежать и подсудимый Рысаковъ, несмотря на его несовершеннолѣтіе, по точной силѣ 139 ст. улож., на основаніи которой несовершеннолѣтніе, отъ 14-ти до 21 года, за учиненіе преступленій, влекущихъ за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, подвергаются тѣмъ-же наказаніямъ, какъ и совершеннолѣтніе, съ сокращеніемъ лишь срока каторжныхъ работъ, если они подлежатъ таковымъ, и 3) что вооруженное сопротивленіе, оказанное Тимоѳеемъ Михайловымъ, при задержаніи его 3-го марта 1881 года, должно быть подведено подъ дѣйствіе 1,459 ст. улож., по продолженію 1876 г. Посему особое присутствіе правительствующаго сената опредѣляетъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30-ти лѣтъ, дворянку Софью Львову Перовскую, 27-ми лѣтъ, сына священника Николая Ива-

новича Кибальчича. 27-ми лѣтъ, тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19-ти лѣтъ. мозырскую, Минской губ., мѣщанку Гесю Мирову Гельфманъ, 26-ти лѣтъ, и крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоѳея Михайлова, 21-го года, на основ. ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1,459 (по прод. 1876 года), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на осн. 945 ст. уст. угол. суд., представить чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе его императорскаго величества.

Сенаторъ А. П. Спицынъ, объяснивъ осужденнымъ порядокъ обжалованія настоящаго приговора, объявилъ, что особое присутствіе правительствующаго сената опредѣлило для принесенія кассаціонныхъ жалобъ суточный срокъ, истекающій 31-го марта, въ 5-ть часовъ пополудни.

31-го марта, въ пять часовъ пополудни, истекъ суточный срокъ, опредѣленный осужденнымъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената по дѣлу о злодѣяніи 1-го марта, на обжалованіе состоявшагося о нихъ приговора. Въ теченіе означеннаго срока кассаціонныхъ жалобъ осужденными принесено не было, но двумя изъ нихъ, Рысаковымъ и Михайловымъ, поданы были всеподданѣйшія на имя государя императора просьбы о помилованіи, предложенныя, на точномъ основаніи ст. 1,069-й уст. угол. суд., ч. 2-й т. XV-го (изд. 1876 г.),

особому присутствію правительствующаго сената. Особое присутствіе нашло, что хотя изъ несомнѣнныхъ данныхъ дѣла усматривается, что Рысаковъ имѣетъ отъ роду 19 лѣтъ, что въ прошломъ, весьма близкомъ къ совершенію злодѣянія 1-го марта, онъ былъ безупречнаго поведенія, усердно занимался ученіемъ и не былъ заражень преступными мыслями, что въ послѣднее время онъ подпалъ подъ сильное вліяніе одного изъ главныхъ виновныхъ по настоящему дѣлу—Желябова, что Михайловъ, недавно достигшій 21-го года стоитъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія и не могъ вполнѣ сознавать всѣхъ преступныхъ цѣлей, преслѣдовавшихся тайнымъ сообществомъ, къ которому онъ примкнулъ,— тѣмъ не менѣе, всѣ изложенныя обстоятельства могли-бы имѣть значеніе и быть приняты судомъ въ соображеніе по всякому иному преступленію, но не по злодѣянію, жертвою коего палъ въ бозѣ почившій императоръ. Законъ (241 ст. улож. о наказ.). карающій одинаково всѣхъ участниковъ злоумышленія и преступнаго дѣйствія противъ жизни государя императора и даже только умыслившихъ оныя, не допускаетъ между ними никакого различія. Злодѣяніе лишившее отечество его вѣнценоснаго вождя, всю жизнь свою посвящавшаго заботамъ о благѣ государства и благополучія его вѣрноподданныхъ, такъ противоестественно, такъ ужасно, омрачило русскую землю такимъ потрясающимъ горемъ, такъ неслыханно въ лѣтописяхъ русскаго народа, что и самая малая доля участія въ такомъ злодѣяніи должна въ убѣжденіи русскаго суда стоять выше величайшихъ злодѣяній на землѣ. Посему, считая невозможнымъ, при исполненіи возложенной на него ст. 1069-й уст. угол. судопр. (изд. 1876 г.) обязанности воспользоваться представляющимися

по дѣлу данными, имѣющими въ общемъ смыслѣ значеніе уменьшающихъ вину обстоятельствъ, особое присутствіе правительствующаго сената полагало, что всеподданнѣйшія просьбы Рысакова и Михайлова о помилованіи представляются незаслуживающими уваженія. По всеподданнѣйшему о семъ докладу министра юстиціи, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: «Поступить сообразно заключенію особаго присутствія».

Затѣмъ особое присутствіе опредѣленіемъ, состоявшимся 1-го апрѣля, признавъ, что приговоръ его относительно всѣхъ осужденныхъ вступилъ въ законную силу, постановило: обратить оный къ исполненію. Вслѣдъ за симъ исполняющій обязанность прокурора довелъ, на основаніи 955-й и 2-го п. 959-й ст. уст. уг. суд., т. V-го, ч. 2-й св. зак. (изд. 1876 года), до свѣдѣнія правительствующаго сената, что, вслѣдствіе заявленія осужденной Геси Гельфманъ о ея беременности, она была освидѣтельствована 31-го марта, въ присутствіи лицъ прокурорскаго надзора и с.-петербургскаго градоначальника, врачами экспертами: директоромъ повивальнаго института Баландинымъ, экстраординарнымъ профессоромъ медико-хирургической академіи Славянскимъ, доцентомъ той же академіи Сутугинымъ и докторомъ дома предварительнаго заключенія Гарфинкелемъ и признана находящеюся въ состояніи беременности на четвертомъ лунномъ мѣсяцѣ. Въ разрѣшеніе помянутаго затрудненія, встрѣченнаго прокуроромъ при исполненіи приговора особое присутствіе постановило, на основаніи 2-й ч. т. XV-го (изд. 1876 г.), уст. угол. суд. ст. 959-й п. 2-го, и въ виду законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ ст. 518-й, исполненіе надъ Гельфманъ состоявшагося 26-го—29-го минувшаго марта

приговора особаго присутствія отложить. Копіи съ указанныхъ опредѣленій переданы въ 8 часовъ вечера того же 1-го апрѣля прокурору судебной палаты, которымъ и препровождены въ 11 часовъ вечера с.-петербургскому градоначальнику для надлежащихъ съ его стороны распоряженій.

3-го апрѣля, въ 9 час. 50 мин. утра, состоявшійся 29-го марта и вошедшій въ законную силу приговоръ особаго присутствія правительствующаго сената приведенъ въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу, установленнымъ ст. 963-й устава уголовнаго судопроизводства порядкомъ, совершеніемъ на эшафотѣ смертной казни черезъ повѣшеніе надъ государственными преступниками: Николаемъ Рысаковымъ, Андреемъ Желябовымъ, Тимоѳеемъ Михайловымъ, Николаемъ Кибальчичемъ и Софьею Перовскою.

Замѣтки по поводу правительственнаго отчета.

Событіе, произошедшее 1-го марта 1881 г. на набережной Екатерининскаго канала въ Петербургѣ, является однимъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ въ русской исторіи, вовсе не потому, какъ заявилъ въ своей рѣчи на судѣ тов. прокурора Муравьевъ, что «подобнаго преступленія не знаетъ исторія человѣчества». Не только «исторія человѣчества», но и наша, русская, знаетъ не одно «подобное преступленіе»: достаточно вспомнить лишь судьбу цесаревича Алексѣя Петровича и императоровъ Петра III и Павла. О всѣхъ этихъ и имъ «подобныхъ преступленіяхъ» не могъ не знать г. Муравьевъ и, если въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своей рѣчи, онъ дѣлалъ заявленія, нисколько несоотвѣтствовавшія дѣйствительности, то это можно объяснить лишь чрезмѣрнымъ увлеченіемъ его, пылкостью его воображенія.

Въ началѣ своей рѣчи г. Муравьевъ говорилъ о необходимости сохранить полное спокойствіе и безпристрастіе при обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ событіе 1-го марта. Но, по прочтеніи ея, едва-ли кто-либо признаетъ, что онъ соблюлъ это похвальное намѣреніе. Не будемъ пока останавливаться на рѣшеніи вопроса, чѣмъ обусловливалась, наоборотъ, крайне неспокойная и пристрастная рѣчь представителя закона.—мо-

жетъ быть въ тотъ моментъ, когда она была произнесена, прокуроръ, какъ человѣкъ, не могъ совладать со своими чувствами и настроеніемъ. Но теперь, по прошествіи четверти вѣка, истекшаго со времени 1-го марта 1881 г., читатель вправѣ ждать вполнѣ безпристрастнаго отношенія къ этому событію. Втеченіе цѣлыхъ 25-ти лѣтъ у насъ можно было касаться этого, какъ и всѣхъ другихъ политическихъ процессовъ, только съ одной отрицательной стороны, — позволялось лишь походя ругать, обливать потоками всевозможной брани ихъ участниковъ. Нисколько не выясняя данныхъ событій, такое отношеніе было, конечно, очень далеко отъ истины. Только теперь, въ самые послѣдніе мѣсяцы, приподнялась завѣса, скрывавшая, втеченіе многихъ поколѣній отъ читающей публики наше прошлое, только теперь есть возможность вполнѣ объективно отнестись къ крупнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи.

Какъ современникъ описанныхъ въ дѣлѣ 1-го марта событій, лично знавшій четырехъ изъ его участниковъ, я намѣренъ подѣлиться съ читателемъ своими свѣдѣніями и взглядами, нисколько не претендуя исчерпать эту чрезвычайно сложную и важную тему. Начну съ рѣчи тов. прокурора Муравьева, такъ какъ она дастъ намъ неисчерпаемый матеріалъ.

* *
*

«Призванный быть на судѣ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній, совершившихся на русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ лежащей на мнѣ задачи»,—такъ началъ г. Муравьевъ свою рѣчь.

Мы уже знаемъ, что убійство отцомъ-царемъ собствен-

наго сына, а также участіе жены въ насильственной смерти мужа и сына—въ смерти роднаго отца, тогда и эти факты должны быть причислены къ «величайшимъ изъ злодѣяній, совершившихся на русской землѣ».

«При одномъ воспоминаніи о событіи 1-го марта,—продолжалъ г. Муравьевъ,—неудержимыя слезы подступаютъ къ глазамъ, и дрожатъ въ голосѣ, когда все, что есть честнаго и вѣрнаго своему долгу, громко вопіетъ объ отомщеніи».

Оставляя въ сторонѣ патетическія восклицанія о слезахъ, я долженъ замѣтить, что утвержденіе г. тов. прокурора, будто все честное и вѣрное своему долгу вопіяло объ отомщеніи», являлось также плодомъ возбужденнаго его воображенія: только люди, совершенно потерявшіе голову, хулиганы и черносотенцы могли «громко вопіять объ отомщеніи». Но «все честное и вѣрное своему долгу» тогда, какъ и теперь, вовсе не принадлежало къ этимъ подонкамъ общества, а, слѣдовательно, не могло предъявлять такое жестокое требованіе.

Варіируя напыщенныя фразы о впечатлѣніи, произведенномъ событіемъ 1-го марта,—«обрывается голосъ, цѣпенѣетъ языкъ и спираетъ дыханіе»,—г. Муравьевъ отъ имени «всей пораженной Россіи» восклицаетъ: «кто же виновники страшнаго дѣла, на кого должны пасть народныя проклятія и пролитая кровь... Россія хочетъ ихъ знать и голосами всѣхъ истинныхъ сыновъ своихъ требуетъ имъ достойной кары!.. Имъ угодно величать себя нынѣшнимъ названіемъ партіи... а здравомыслящіе, честные, но возмущенные русскіе люди зовутъ (ихъ) подпольною бандою, шайкой политическихъ убійцъ».

«Вся Россія», отъ имени которой бралъ на себя смѣлость говорить тов. прокурора, не представляла даже всего

оффиціальнаго міра. Не только значительная часть интеллигентнаго общества, но и многія должностныя лица, чиновники и военные, активно помогали террористамъ, а нѣкоторые и сами примыкали къ нимъ, за что впослѣдствіе многіе изъ нихъ были казнены или заключены въ Шлиссельбургской крѣпости и отправлены въ Сибирь. Обо всемъ этомъ также не могъ не знать г. Муравьевъ, но, повидимому, онъ до того увлекся потокомъ собственнаго краснорѣчія, что рѣшительно все забылъ. Въ своемъ увлеченіи онъ зашелъ такъ далеко, что, напр., склонность къ революціонной дѣятельности объяснилъ слѣдующимъ достопримѣчательнымъ образомъ: «являются у насъ люди, которымъ безъ соціализма некуда было-бы преклонить голову, нечѣмъ заниматься, нечего ѣсть»... Объясненіе это столь очевидно нелѣпо и дико, что я оставляю его пока безъ всякихъ возраженій. Столь-же глубокомысленны и вмѣстѣ правдивы аналогичныя фразы нашего ученаго тов. прокурора: «движеніе (вызванное реформами императора Александра II),—говоритъ онъ,—дало никуда негодные отбросы, отъ стараго отставшіе, къ новому неприставшіе, и на все готовые. Явились люди безъ «нравственныхъ устоевъ... могущіе, за неимѣніемъ или нежеланіемъ другого дѣла, только «дѣлать» революцію. А западныя лжеученія дали имъ нѣчто готовое»...

Конечно, куда людямъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, Чернышевскому, М. Михайлову, Мышкину, Рогачеву и имъ подобнымъ, сравниться въ нравственномъ отношеніи съ г. Муравьевымъ, безкорыстнѣйшимъ и честнѣйшимъ мужемъ. Доказывать «лживость западныхъ ученій» онъ, конечно, считаетъ совершенно излишнимъ, такъ какъ «они столь очевидны, что изобличеніе ихъ

сдва-ли нужно . А жаль изъ устъ столь просвѣщеннаго человѣка, какъ г. Муравьевъ, было-бы очень любопытно услышать критику этихъ «лжеученій». Но за то онъ обстоятельно анализируетъ взгляды русскихъ соціалистовъ: «ихъ явно (?) заявленная (!) цѣль разрушить существующій строй и на его мѣсто возвести міръ соціальный есть химера, недостижимая и безумная»,—заявляетъ онъ. «А вѣдь за этою химерою, кичащеюся своимъ идеализмомъ, таятся во тмѣ, прикрытыя ея гостепріимнымъ знаменемъ, тысячи мелкихъ личныхъ, совсѣмъ не идеальныхъ побужденій и интересовъ: зависть бѣднаго къ достаточному, бѣдствующаго тунеядца къ процвѣтающему труженику, порывания разнузданныхъ инстинктовъ къ дикому разгулу, честолюбіе и властолюбіе вожаковъ партіи».

Оставляя пока безъ возраженій столь строгое и нелестное сужденіе г. Муравьева о русскихъ соціалистахъ, какъ о лицахъ, одержимыхъ всевозможными пороками, замѣчу лишь, что всякій мало-мальски безпристрастный человѣкъ не найдетъ удовлетворительной эту критику «явно заявленной цѣли» русскихъ революціонеровъ. Недостижимой и безумной химерой» нашъ ученый мужъ, надо полагать, считаетъ эту цѣль потому, что «соціализмъ выросъ на западѣ... у насъ ему не откуда было взяться... нѣтъ... ни антагонизма между сословіями ни преобладанія буржуазіи, ни традиціонной розни и борьбы общества съ властью».

На сколько вѣрно это заявленіе, знаетъ теперь всякій развитой человѣкъ. Г. Муравьевъ, впрочемъ, самъ чувствуетъ, что его доводы не убѣдительны, потому что онъ спѣшитъ прибавить: «я думаю, что, при изслѣдованіи ихъ ученія, мы не въ правѣ оказывать имъ ни-

малѣйшаго снисхожденія, такъ какъ снисхожденіе могло бы быть объяснено только пагубно ложнымъ представленіемъ объ ихъ ошибочныхъ, но будто бы, въ концѣ-концовъ, идеальныхъ намѣреніяхъ».

Вникните, читатель, въ этотъ силлогизмъ, и, если вы поняли его, то вы счастливѣе меня.

Мы уже видѣли, какъ вѣрно и основательно г. Муравьевъ объяснилъ происхожденіе революціоннаго и соціалистическаго движенія въ Россіи. Не менѣе глубокомысленно его объясненіе возникновенія террористическаго направленія.

«Кромѣ своеобразнаго пониманія партійныхъ интересовъ,—говоритъ нашъ ученый и объективный изслѣдователь,—здѣсь, кажется, дѣйствовало и революціонное честолюбіе: репутація Геделя, Нобелинга и др. не давала спать русскимъ ихъ единомышленникамъ. И вотъ потянулись преступленія, начавшіяся съ выстрѣла Вѣры Засуличъ».

По конструкціи этого періода всякій здравомыслящій человѣкъ, даже и необучавшійся въ семинаріи, заключитъ, что Вѣра Засуличъ, обуреваемая «честолюбіемъ, недававшимъ ей спать», стрѣляла въ Трепова, послѣ покушеній Геделя и Нобелинга, между тѣмъ, въ дѣйствительности было какъ разъ обратно.

Объяснивши, какъ мы видѣли, «революціоннымъ честолюбіемъ», иначе говоря — завистью къ славѣ Геделя и Нобелинга,—происхожденіе террора, нашъ безпристрастный изслѣдователь продолжаетъ такъ:

«Новое направленіе... оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ настроенію извѣстной части партіи и повело за собой расколъ между ея членами», такъ какъ одни, будто-бы, «не хотѣли прибавлять крови и прямого бунта

къ своей преступной дѣятельности, другіе же, напротивъ, видѣли весь успѣхъ своего дѣла въ политической борьбѣ и разумѣли подъ нею тайныя убійства, цареубійства, а затѣмъ открытое возстаніе съ цѣлью создать новый государственный строй, котораго требуетъ, будто-бы, народная воля... таковы рѣшенія Липецкаго съѣзда».

Такимъ образомъ, по изображенію тов. прокурора, лица, разошедшіяся съ террористами, «не желали прибавлять крови и пр. . Въ его устахъ это, конечно, похвала по адресу, такъ называемыхъ, «деревенщиковъ» или «черноперодѣльцевъ». Между прочимъ, я лично и мои близкіе товарищи принадлежали къ послѣднимъ; но я долженъ разочаровать г. тов. прокурора: совсѣмъ не по этой причинѣ разошлись мы. Наоборотъ, именно мы, народники-черноперодѣльцы, настаивали на необходимости подготовлять крестьянъ къ «прямому бунту». Мы также вовсе не были противъ «тайныхъ убійствъ», такъ какъ самооборона входила въ задачу всѣхъ народническихъ кружковъ. Въ принципѣ мы не отрицали и цареубійства», но ставили этотъ фактъ въ зависимости отъ достаточной подготовки организаціи среди трудящагося населенія, въ частности — среди крестьянъ. Ниже мы увидимъ, что насъ въ дѣйствительности разъединяло.

Такимъ образомъ, до чего не коснется нашъ безупречный тов. прокурора, о чемъ не заговоритъ, — онъ непремѣнно напутаетъ, наговоритъ небылицы. Поэтому, оставивъ его въ покоѣ, попытаюсь насколько позволяютъ размѣры статьи, изложить причины, вызвавшія указанное выше происшествіе. Само собою, думаю, понятно, что я лишь въ самыхъ общихъ чертахъ коснусь причинъ, вызвавшихъ событіе 1-го марта.

* *
*

Всѣмъ извѣстно, какія надежды возлагались на императора Александра II въ первые годы его царствованія, съ какимъ восторгомъ привѣтствовали всякій шагъ его на пути реформъ. Не говоря уже о либеральной части нашего общества, крайне подавленнаго и угнетеннаго въ предшествовавшее царствованіе,—даже извѣстный революціонеръ много лѣтъ проведшій въ разныхъ крѣпостяхъ и затѣмъ бѣжавшій въ 1860 г. изъ Сибири въ Лондонъ, -Михаилъ Бакунинъ въ своей извѣстной брошюрѣ «Романовъ, Пестель или Пугачевъ?», отдавалъ предпочтеніе царю, если онъ дѣйствительно станетъ на сторону крестьянскихъ интересовъ. Всѣ образованные люди помнятъ также извѣстное восклицаніе А. Герцена по адресу новаго царя: «ты побѣдилъ галилеянинъ!»

Но не долго длилось столь восторженное отношеніе къ реформамъ императора Александра II. Очень скоро оказалось, что важнѣйшая изъ нихъ - не удовлетворила ни самихъ крестьянъ, ни передовой части общества. Какъ заранѣе предсказалъ Н. Чернышевскій, эта реформа лишь разорила крестьянъ, поставивъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, во многихъ мѣстностяхъ, въ условія, болѣе тяжелыя, чѣмъ въ каковыхъ они находились даже при крѣпостномъ правѣ.

Теперь, по прошествіи сорока пяти лѣтъ, со времени провозглашенія «воли», мы наглядно убѣждаемся, до чего дальновиднымъ оказался нашъ великій писатель и мученикъ, предсказавшій полное разореніе крестьянъ, наступленіе хроническихъ голодовокъ и пр., если освобожденіе отъ крѣпостной зависимости будетъ совершено на началахъ, предпринятыхъ правительствомъ.

Въ большей или меньшей степени приходится тоже самое сказать и о всѣхъ другихъ реформахъ Александра II, т. е., что они не оправдали ожиданій и надеждъ общества. Объясняется это отчасти тѣмъ, что во главѣ правительства, въ большинствѣ случаевъ, стояли самые отчаянные ретрограды, стремившіеся довести до минимума давно назрѣвшія реформы. Словомъ, происходило то же самое, что мы наблюдаемъ у насъ и въ настоящее время, полъ столѣтія спустя, послѣ вступленія на престолъ императора Александра II.

Отличаясь крайней непослѣдовательностью и невыдержанностью, предпринятыя тогда реформы возбуждали въ передовой части общества чувства неудовлетворенности и недовольства. Малѣйшія же проявленія этихъ чувствъ тогда, какъ это и теперь еще повторяется, карались самымъ безпощаднымъ образомъ. Достаточно напомнить объ осужденіи на каторгу, рѣшительно безъ какихъ бы то ни было уликъ, Н. Чернышевскаго, не говоря уже объ М. Михайловѣ и многихъ другихъ. Такое отношеніе правительства къ лучшимъ представителямъ общества, въ свою очередь, вызывало въ послѣднемъ еще большее раздраженіе, сѣяло недовѣріе къ благимъ намѣреніямъ властей, возбуждало вражду къ нимъ. Хотя такія отношенія начали устанавливаться задолго до польскаго возстанія, но это все же не мѣшало реакціоннымъ элементамъ видѣть причину всѣхъ бѣдъ въ «польской интригѣ». Это неосновательное обвиненіе повторяетъ и г. Татищевъ въ своей біографіи императора Александра II, несмотря не собственное его указаніе, что «чрезвычайно энергичныя репрессивныя мѣры» вызваны были распространеніемъ всего-на-всего одного подпольнаго листка! «Произведенъ былъ,—говоритъ онъ,—рядъ обысковъ и многочисленные

аресты. «Лица, изобличенныя (?) въ преступныхъ дѣяніяхъ, преданы были суду Сената, присудившему главнѣйшихъ изъ нихъ, въ томъ числѣ писателя Чернышевскаго, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь, въ каторжныя работы на продолжительные сроки, а менѣе виновныхъ —къ поселенію въ Сибири же (стр. 855).

Задуманныя императоромъ Александромъ II реформы вначалѣ вызвали въ лучшей части нашего общества искреннюю готовность чѣмъ-нибудь послужить на пользу угнетенныхъ массъ и тѣмъ хоть отчасти искупить все то зло, которое втеченіе многихъ вѣковъ причиняли народу привилегированныя сословія. Какой-нибудь «дворянинъ» не былъ выдуманъ тѣмъ или другимъ изъ нашихъ писателей,— онъ существовалъ въ дѣйствительности, обозначивъ собою опредѣленный типъ во второй половинѣ минувшаго столѣтія.

Польское возстаніе, подавленное въ морѣ крови лютымъ звѣремъ —Муравьевымъ-вѣшателемъ, возбудило въ правительствѣ еще большее, чѣмъ раньше, недовѣріе къ обществу. Въ самыхъ мирныхъ, культурныхъ предпріятіяхъ видѣло оно уже подготовку къ революціи. Богатую пищу его подозрительности дало покушеніе Каракозова, несмотря на то, что слѣдствіе, руководимое тѣмъ же Муравьевымъ-вѣшателемъ, неопровержимо установило, что эта попытка не истекала изъ заговора, а зародилась въ головѣ одного лишь автора ея. Тѣмъ не менѣе, это покушеніе послужило для правительства достаточнымъ основаніемъ, чтобы обрушиться на все общество цѣлымъ рядомъ самыхъ несправедливыхъ и жестокихъ мѣръ, изъ которыхъ наиболѣе тяжелой явилось назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія извѣстнаго обскуранта гр. Д. Толстого. Уже цитированный мною біографъ импе-

ратора Александра II Татищевъ, котораго никто не заподозритъ въ пристрастіи къ либерализму слѣдующимъ образомъ характеризуетъ дѣятельность этого министра.

Вниманіе гр. Д. Толстого обращено было... на усугубленіе суровыхъ мѣръ противъ студенческихъ сходокъ въ стѣнахъ университета и внѣ его; студенты лишены были права распоряжаться кассою взаимопомощи, устраивать въ ея пользу спектакли и концерты, собирать пожертвованія для неимущихъ товарищей и заводить собственныя библіотеки. Распоряженія эти вызывали въ университетской молодежи крайнюю раздражительность, выражавшуюся въ непрерывныхъ волненіяхъ и попыткахъ сопротивляться ближайшему начальству. Весной 1869 г. волненія эти приняли обширные размѣры. Безпорядки начались въ Спб. университетѣ и быстро распространились на прочія высшія учебныя заведенія столицы... а затѣмъ и на провинціальныя. Послѣдствіемъ ихъ были массовыя увольненія студентовъ изъ заведеній, высылка ихъ изъ столицъ и университетскихъ городовъ и водвореніе, въ качествѣ подозрѣнныхъ, въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Въ гимназіяхъ, введенная въ 1871 г., такъ называемая, классическая реформа дала не менѣе горькіе плоды» (стр. 857).

Такимъ образомъ, мѣры, долженствовавшія, по мнѣнію реакціонеровъ съ Катковымъ во главѣ, убить всякіе зародыши недовольства, привели къ обратнымъ результатамъ. Уже съ школьной скамьи юноши проникались къ правительству непріязнью, которая росла и увеличивалась у нихъ, когда, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, по тѣмъ или инымъ причинамъ, они вступали на практическое поприще и запавались цѣлью хотя бы са-

мымъ мирнымъ способомъ чѣмъ-нибудь служить на благо обездоленныхъ.

Здѣсь, конечно, не мѣсто излагать печальный мартирологъ нашей передовой интеллигенціи: къ тому же онъ достаточно извѣстенъ. Одно скажу лишь,—не вслѣдствіе страсти къ «подпольной противоправительственной дѣятельности», не изъ противоестественной страсти попасть въ тюрьму, угодить въ ссылку и на каторгу, русская передовая интеллигенція оставляла легальное поприще, а потому только, что мирнымъ путемъ ей рѣшительно не дозволяли дѣлать что-либо, кромѣ присоединенія къ безчисленнымъ легіонамъ всякаго рода народныхъ эксплуататоровъ и тунеядцевъ. Даже такое, казалось бы, невиннѣйшее занятіе, какъ обученіе грамотѣ нѣкоторой части изъ нашей многомилліонной невѣжественной массы считалось «государственнымъ преступленіемъ» и преслѣдовалось самымъ жестокимъ образомъ.

Не могу припомнить никого изъ сколько-нибудь извѣстныхъ революціонеровъ, который-бы не началъ своей дѣятельности на легальномъ поприщѣ. Только личнымъ опытомъ убѣдившись въ полной невозможности принести населенію хотя бы незначительную пользу на мирномъ пути, люди семидесятыхъ годовъ рѣшились, наконецъ, перейти на революціонный. Ставъ на этотъ путь, они, конечно, воспользовались западно-европейскими теоріями и опытомъ. Но, какъ признаетъ въ своей рѣчи даже г. Муравьевъ, наше соціалистическое движеніе, начавшееся въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ въ 1873-74 гг.,- -только со времени покушенія Вѣры Засуличъ, т. е. съ января 1878 г. приступило къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Прибѣгнуть къ этимъ

пріемамъ вынудили мирныхъ соціалистовъ все тѣ же жестокія преслѣдованія правительства.

Здѣсь, конечно, не буду, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, излагать развитіе террористическаго направленія. Одно скажу лишь, что за нѣсколько лѣтъ до покушенія Вѣры Засуличъ въ программу дѣятельности нѣкоторыхъ нашихъ революціонныхъ кружковъ входило давать отпоръ жестокимъ пріемамъ преслѣдованій мирныхъ соціалистовъ,—оказывать сопротивленіе при арестахъ, расправляться съ наиболѣе вредными правительственными агентами, убивать доносчиковъ, ренегатовъ и пр. Но всѣ эти пункты программы оставались безъ всякаго практическаго примѣненія, такъ какъ мирнымъ пропагандистамъ очень трудно было выступить на путь насилія. Нуженъ былъ особенно сильный импульсъ, чтобы рѣшиться на это: таковымъ явилась расправа градоначальника Трепова съ несчастнымъ Боголюбовымъ,—расправа до того возмутительная, что судъ общественной совѣсти не счелъ возможнымъ обвинить Вѣру Засуличъ, отомстившую за нее.

Такимъ образомъ, если уже разыскивать причину того, что, по выраженію г. Муравьева, „не давало спать“ русскимъ революціонерамъ, то ее надо искать не въ завистн къ покушеніямъ Геделя и Нобелинга на императора Вильгельма I, а въ издѣвательствахъ правительства и въ неимовѣрныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергались у насъ невинныя лица.

Но, начавъ, наконецъ, въ 1878 г. отвѣчать насиліемъ на насиліе, русскіе соціалисты,—по тогдашней нашей терминологіи,—«народники», не сразу стали террористами, т. е. они не только не признавали террора исключительнымъ, но и главнымъ способомъ своей дѣятель-

ности. Нѣкоторое время они продолжали считать насильственные пріемы лишь средствомъ самообороны въ исключительныхъ случаяхъ. Но вновь само-же правительство содѣйствовало тому, что-бы случайные акты стали систематическими: оно же само вынудило значительную часть народниковъ сосредоточить главное, а вскорѣ затѣмъ, исключительное свое вниманіе на террористической борьбѣ. Достаточно напомнить, что оправданіе Вѣры Засуличъ явилось причиной изъятія всѣхъ дѣлъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и передачи ихъ судебной палатѣ съ сословными представителями. Затѣмъ, убійство шефа жандармовъ Мезенцева было поводомъ къ введенію военныхъ судовъ, а покушеніе Соловьева вызвало учрежденіе нѣсколькихъ новыхъ генералъ-губернаторствъ.

Не трудно заранѣе представить себѣ, сколько злоупотребленій, несправедливостей и ужасныхъ несчастій приносили всѣ эти исключительныя мѣры, вызванныя изолированными, отдѣльными фактами, въ совершеніи которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, принимало участіе лишь нѣсколько человѣкъ. Сколько вполнѣ невинныхъ жизней было загублено и какія жестокости совершали генералъ-губернаторы, пользовавшіеся почти неограниченной властью, легко представить себѣ по тѣмъ фактамъ изъ дѣятельности такихъ администраторовъ, которые практикуются ими даже теперь, въ наше время, т. е. тридцать лѣтъ спустя!

Нежеланіе назвать имя лица, снабдившаго прокламаціей, влекло за собою многолѣтнюю каторгу, а то и смертную казнь, какъ это, напр., было въ Кіевѣ съ несовершеннолѣтнимъ студентомъ Розовскимъ. Десятки, а то и сотни самыхъ мирныхъ жителей высылались адми-

нистративнымъ порядкомъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири просто потому, что они чѣмъ-нибудь не понравились или только бросились въ глаза мѣстному сатрапу. О невѣроятныхъ неистовствахъ Панютина, правителя дѣлъ у Одесскаго ген.-губерн. Тотлебена, говорила, конечно, не потомъ,—вся просвѣщенная Россія *).

Все вниманіе правительства сосредоточено было на борьбѣ съ революціонерами, словно не было у него никакихъ другихъ задачъ. Неоднократно самъ императоръ обращался къ обществу и къ должностнымъ лицамъ съ призывомъ «уничтожать крамолу». Такъ, въ отвѣтъ на поздравленіе одесскаго ген.-губ. гр. Тотлебена съ счастливымъ избавленіемъ отъ покушенія на Московской жел. дорогѣ (19-го Ноября 1879 г.), имъ получена была телеграмма, заканчивавшаяся повелѣніемъ: «уничтожай крамолу»! Исполняя это приказаніе, кровожадные звѣри Тотлебенъ съ Панютинымъ немедленно повѣсили трехъ невинныхъ людей — Дробязгина, Малинку и Майданскаго. Хотя эти лица арестованы были за *два года* до выступленія революціонеровъ на путь насилія.

Одновременно со столь возмутительной расправой, оправдывавшейся будто-бы грозившей странѣ опасностью, правительственные органы, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не переставали твердить, что революціонеровъ «ничтожная кучка», что они представляютъ лишь «шайку политическихъ убійцъ». Если это было такъ, то зачѣмъ же населеніе всего государства ставили въ исключительныя условія, подводили его подъ драконовскіе законы и пр.?

*) [illegible] Пафнутьева [illegible] Шестидесятыхъ [illegible] рубежомъ.

Такъ, 2-го апрѣля 1879 года А. Соловьевъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ императора Александра II, оставшагося невредимымъ. Какъ потомъ установлено было политическими процессами, а также чистосердечными показаніями Гольденберга, только пять человѣкъ знали о намѣреніи Соловьева, преобладающее же большинство самой обширной въ то время революціонной организаціи — Земля и Воля самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывалось противъ этого плана. Хорошо помню, какъ такія лица, среди которыхъ были Вѣра Засуличъ и Сергѣй Кравчинскій, сами принимавшіе участіе въ насильственныхъ актахъ, пришли въ ужасъ, когда узнали о покушеніи Соловьева, они предвидѣли, что правительство своей системой мести за это покушеніе отвлечетъ революціонеровъ отъ ихъ настоящихъ задачъ и заставитъ, въ свою очередь, и ихъ сосредоточить все вниманіе на мщеніи. Такъ въ дѣйствительности и случилось: въ разныхъ концахъ Россіи произведены были казни лицъ, непмѣвшихъ никакого отношенія къ покушенію Соловьева.

Всѣ такія жестокія расправы имѣли исключительно характеръ мести, варварской, недостойной сколько нибудь культурнаго европейскаго государства, такъ какъ въ нихъ не было никакой цѣлесообразности и смысла. Покушеніе Соловьева, крайне не популярное даже среди большинства соціалистовъ, сдѣлалось благодаря репрессіямъ, чуть-ли не общимъ лозунгомъ многихъ передовыхъ элементовъ съ осени и зимы того же года. Въ описываемое время, при встрѣчахъ съ лицами разныхъ слоевъ населенія, нерѣдко приходилось слышать таинственнымъ тономъ задаваемый шепотомъ вопросъ: «не знаете-ли когда случится ?..

Намѣреніе Исполнительнаго Комитета Народной Воли повторить попытку Соловьева несомнѣнно находило тогда

сочувствіе въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего общества. Это сочувствіе было, между прочимъ, одной изъ причинъ гибели народническаго направленія. Такимъ образомъ, событіе 1-го Марта вовсе не являлось совсѣмъ неожиданнымъ, и у всѣхъ честныхъ и т. п. людей оно уже по одному этому не могло вызвать волны негодованія, какъ это старался изобразить въ своей рѣчи прокуроръ Муравьевъ.

Чѣмъ же инымъ, какъ не жестокими мѣрами самаго правительства можно объяснить столь быструю перемѣну въ воззрѣніяхъ людей, всего нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ вполнѣ мирно настроенныхъ? Предлагая на Липецкомъ съѣздѣ заняться организаціей покушенія на царя, Желябовъ являлся лишь выразителемъ уже довольно популярнаго среди либеральной части нашего общества желанія, хотя-бы путемъ террора, измѣнить самодержавный строй Россіи: они сознавали свою собственную слабость и, не видя никакого сколько-нибудь значительнаго и сильнаго слоя, который могъ-бы инымъ путемъ добиться политической свободы, возлагали всѣ свои надежды на революціонеровъ.

Мнѣ живо припоминается, какъ осенью описываемаго года еще до покушенія на Московской ж. д. сочувствующіе, въ отвѣтъ на предложеніе помогать народникамъ, говорили: на терроръ согласны, а на деревенскія ваши затѣи нѣтъ.

Если таково было отношеніе людей изъ общества, то неудивительно, что вся лучшая, наиболѣе энергичная и революціонная молодежь прямо рвалась на террористическіе акты, съ безпредѣльнымъ самопожертвованіемъ отдавала себя въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета. Какъ дѣти своего времени, революціонеры явились тогда у насъ,

какъ всегда и вездѣ это было и въ другихъ странахъ, лишь выразителями стремленій и желаній современнаго имъ общества.

По порученію только что возникшей организаціи «Чернаго Передѣла», къ которой и я принадлежалъ, мнѣ пришлось осенью и зимой 1879 г. побывать въ нѣсколькихъ городахъ. Вступая на собраніяхъ въ бесѣды съ молодежью, я убѣдился, что симпатіи ея находятся на сторонѣ террористовъ. Она охотно соглашалась съ тѣмъ, что соціалисты должны посвящать всѣ свои силы работѣ среди трудящихся, вѣрнѣе среди крестьянскихъ массъ. Будучи, по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, склонными къ народничеству, революціонеры не признавали террористическую дѣятельность, въ качествѣ способа борьбы, необходимаго для измѣненія политическаго строя страны, такъ какъ подобная дѣятельность строго на строго запрещалась тогда нашей программой: они, поэтому, не умѣли послѣдовательно и логично доказать правоту своихъ симпатій къ террору и готовы были даже видѣть въ террористической дѣятельности отступленіе отъ соціализма. Но, тѣмъ не менѣе, ихъ влекло именно къ ней.

Изъ этой поѣздки, помню, я вынесъ впечатлѣніе, что дѣло народничества, по крайней мѣрѣ на довольно продолжительное время, проиграно. Я высказывался тогда за необходимость переждать съ дѣятельностью въ средѣ крестьянъ, пока не пройдетъ увлеченіе терроромъ, казавшееся мнѣ временнымъ.

Такимъ образомъ, утвержденіе г. Муравьева, будто вся Россія пришла въ ужасъ отъ дѣла 1-го марта и требовала жестокой мести, является не болѣе, какъ прокурорскимъ преувеличеніемъ. Въ рядахъ передовой части общества, сочувствовавшей террористамъ, нахо-

лись, какъ извѣстно, и лица, состоявшія на царской службѣ, — офицеры, чины судебнаго и другихъ вѣдомствъ.

Что революціонеры не составляли лишь «шальную банду», «шайку политическихъ убійцъ», какъ выразился прокуроръ, а являлись, наоборотъ, довольно значительнымъ слоемъ, пользовавшимся большимъ сочувствіемъ общества, это сознало и само правительство послѣ покушенія, произведеннаго Халтуринымъ 5-го февраля въ Зимнемъ Дворцѣ. Гр. Лорисъ-Меликовъ, назначенный впослѣдствіемъ верховной распорядительной комиссіи, поставивъ себѣ цѣлью привлечь на свою сторону общество, лишь расточалъ обѣщанія.

* * *

Анализируя теперь прошлое, мнѣ кажется, раздѣлить революціонную среду того времени на три категоріи: на лицъ, охваченныхъ чувствомъ возмущенія и негодованія противъ правительственнаго террора, на сторонниковъ краснаго террора, какъ наиболѣе цѣлесообразнаго, при данныхъ условіяхъ, способа для измѣненія политическаго строя Россіи, и, наконецъ, на любителей таинственной обстановки, сильныхъ ощущеній и т. п. Представители этихъ категорій были, конечно, и среди членовъ Партіи Народной Воли и Исполнительнаго ея Комитета.

Когда я въ концѣ лѣта 1879 г., пріѣхавъ въ Петербургъ, встрѣтился съ Софьей Перовской, то нашелъ въ ней самую яркую представительницу первой изъ указанныхъ выше категорій. Она олицетворяла собою возмущенное чувство русскаго передового человѣка: она

всегда повторяла, что нельзя оставлять безъ отвѣта преслѣдованія правительства.

Небольшого роста, съ очень выразительнымъ лицомъ, проникнутая безконечной симпатіей ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, Софья Львовна никогда не выражала рѣзкими эпитетами своихъ чувствъ и взглядовъ. Тихимъ, мягкимъ, почти дѣтскимъ тономъ отстаивала она необходимость террора. Но въ этомъ тонѣ чувствовалось твердое убѣжденіе, непоколебимая рѣшимость.

Въ теченіе нѣкотораго времени она не присоединялась ни къ организаціи «Черн. Передѣла», ни Народной Воли, такъ какъ раздѣляла воззрѣнія первой относительно необходимости дѣйствовать въ крестьянской средѣ, но, съ другой стороны, желала принимать личное участіе въ терроръ.

Къ этому же времени относится и мое знакомство съ Желябовымъ. Это была очень сложная и богато одаренная отъ природы натура. Сынъ крестьянина, онъ унаслѣдовалъ физическія свойства своихъ родителей-земледѣльцевъ. Высокаго роста, прекрасно сложенный, съ широкой грудью и крупными чертами лица, Желябовъ, которому тогда было подъ тридцать лѣтъ, на видъ казался значительно старше этого. Уже одной выѣшностью онъ выдѣлялся въ нашей средѣ и при первомъ взглядѣ обращалъ на себя вниманіе.

Моя первая встрѣча съ нимъ произошла у Перовской. Насъ было десять человѣкъ; кромѣ Перовской и ея сожительницы Сергѣевой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго Льва Тихомірова, въ тотъ памятный для меня вечеръ были такіе: Засуличъ, Зунделевичъ, Александръ Квятковскій, Александръ Михайловъ, Желябовъ,

Плехановъ и Стефановичъ. Шелъ оживленный, горячій споръ о терроръ и его значеніи. Громче всѣхъ другихъ раздавались голоса Желябова и Плеханова. Первый нѣсколько глухимъ, но очень яснымъ, если не ошибаюсь, басомъ, спокойно, но убѣжденно и рѣшительно доказывалъ необходимость сосредоточить главное вниманіе на терроръ. Не считая въ то время возможной дѣятельность въ крестьянской средѣ, онъ, на ряду съ терроромъ, признавалъ тогда только дѣятельность среди прогрессивной части общества. Довольно опредѣленно отстаивалъ онъ необходимость добиваться политической свободы, что, какъ извѣстно, отрицалось нами, народниками.

Во время этой бесѣды, а также и другихъ, происходившихъ у меня съ нимъ потомъ въ Харьковѣ и затѣмъ вновь въ Петербургѣ, онъ производилъ впечатлѣніе политическаго радикала, стремящагося объединить, или по крайней мѣрѣ, привлечь на сторону революціонеровъ либеральные элементы общества. Онъ любилъ ссылаться на газетныя извѣстія и сообщенія, подтверждавшія его мысль, что въ нашемъ обществѣ уже въ достаточной степени назрѣла потребность въ политической свободѣ: а революціонеры, по его мнѣнію, обязаны были явиться застрѣльщиками въ борьбѣ за нее. «Не можетъ быть,— говорилъ онъ,- чтобы наше общество, терпящее отъ гнета самодержавія, задавленное и приниженное, не отозвалось энергично, если-бы увидѣло, что его дѣти, не отрываясь отъ него несутъ все, включая и жизнь свою, на дѣло освобожденія Россіи отъ самодержавнаго гнета, на дѣло борьбы за политическую свободу».

Желябовъ говорилъ убѣжденно, плавно и красиво, но на многихъ изъ насъ его товарищей аргументы его не производили желаемаго имъ впечатлѣнія: чувствовалось

что-то чуждое, первобытное нашим богатящим взглядам. Не удивительно поэтому, что не менее его красноречивому, но к тому же обаятельному больной эрудиции, находчивости и остроумию оратору, — Плеханову легко удавалось разбивать аргументы Желябова.

В спорах Желябов никогда не прибегал к резкостям и не становился на личную почву. Несомненно, он был искренно убежденным человеком, не боявшимся нареканий в отступлении от социализма. Но время нужно было обладать значительной долей смелости, чтобы проповедывать необходимость борьбы за политическую свободу. Если в течение всего нескольких месяцев довольно резко изменились взгляды значительной части сторонников революционной молодежи, то в этом, кроме внешних условий, главную роль играл, несомненно, Желябов.

Он обладал почти всеми данными, необходимыми для крупного политического деятеля, ему недоставало только большей теоретической подготовки, обязательной для руководителя политической партии. К сожалению, время и условия, при которых пришлось жить этому выдающемуся человеку, не дали ему возможности развернуться вполне.

Вслед за уже выше замеченным покушением Соловьева возбудило крупные споры по поводу значения террористических актов. Вскоре после этого покушения, в № 5 „Листка Земли и Воли" появилась статья, в которой доказывалась необходимость добиваться политической свободы. В связи с покушением Соловьева, упомянутая статья вызвала в среде членов организации „Земли и Воли" довольно возбужденную полемику, которая спустя нескольких месяцев, после Липецкого и Воронежского

съѣздовъ. привела, какъ извѣстно, къ раздѣленію этой организаціи на двѣ: на Черный Переділъ и «Народную волю».

Покушеніе же Соловьева вызвало въ Желябовѣ стремленіе вновь помѣститься въ рядахъ активныхъ борцовъ. Оправданный по процессу 193-хъ въ началѣ 1878 г., онъ уѣзжаетъ въ Крымъ, гдѣ живетъ нѣкоторое время съ своей семьей, женой и дѣтьми, вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ. Но весной слѣдующаго года Желябовъ прерываетъ связи съ семьей и цѣликомъ отдается политической дѣятельности. У него, повидимому, давно уже выработались довольно опредѣленныя политическія воззрѣнія, встрѣтившія большое сочувствіе среди нѣкоторой части организаціи Земли и Воли, а также и у нѣсколькихъ отдѣльныхъ, не входившихъ въ ея составъ революціонеровъ, —Тольденберга, Ширяева, Ольшанской и др. Всѣ эти лица, до очереднаго съѣзда организаціи «Земли и Воли», устроили предварительный сборъ въ городѣ Липецкѣ, на которомъ рѣшили продолжать начатую Соловьевымъ попытку, сосредоточивъ на ней главное, если не исключительное, вниманіе. Это рѣшеніе повело къ выводу, что дѣятельность среди крестьянства въ то время должна быть совершенно оставлена. Этимъ и объясняется много разъ цитированная фраза, появившаяся въ № 1 Народной Воли», вышедшей осенью 1879 года, что работать въ народѣ значитъ биться, какъ рыба объ ледъ».

Желябовъ игралъ самую крупную, выдающуюся роль въ новомъ направленіи, возникшемъ среди русскихъ революціонеровъ послѣ покушенія Соловьева. Его огромной энергіи и умственнымъ его способностямъ обязаны были сторонники политической борьбы тѣмъ, что это направ-

леніе быстро сдѣлалось господствующимъ. Онъ былъ неутомимъ, необыкновенно предпріимчивъ и иниціативенъ. Ему же принадлежала мысль организовать покушеніе на царя посредствомъ подкоповъ съ динамитомъ въ разныхъ мѣстахъ по желѣзнодорожному пути, по которому императоръ Александръ II долженъ былъ возвращаться осенью того года изъ Ливадіи въ Петербургъ. Желябовъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, организуя ряды этихъ покушеній, тутъ же по пути велъ онъ усиленную пропаганду необходимости политической борьбы, завязывалъ сношенія съ представителями общества и пр. Но то не была лихорадочная дѣятельность, а болѣе или менѣе планомѣрная, настойчивая и рѣшительная тактика. Только съ присоединеніемъ Желябова къ революціонной дѣятельности, терроръ принялъ систематическій характеръ. Но въ первое время онъ, повторяю, смотрѣлъ на него, какъ на главное средство, возможное у насъ для измѣненія политическаго строя Россіи.

* * *

Съ Николаемъ Ивановичемъ Кибальчичемъ мое знакомство было болѣе продолжительно, чѣмъ съ вышеназванными двумя участниками въ дѣлѣ 1-го марта. Онъ былъ олицетвореніемъ простоты, скромности и доброты. Кибальчичъ вовсе не былъ завзятымъ революціонеромъ и менѣе всего походилъ на фанатика. Терроръ онъ признавалъ лишь какъ неизбѣжное для русскихъ революціонеровъ зло въ данную эпоху. Спокойный кабинетный ученый, до изумительности способный увлечься любой специальной наукой, Кибальчичъ былъ мирнымъ соціалистомъ-пропагандистомъ и, какъ это видно изъ сдѣланныхъ имъ на судѣ заявленій, онъ, по основнымъ своимъ воззрѣніямъ,

остался таковымъ до послѣдняго момента жизни. Если онъ примкнулъ къ террору, то лишь потому, что убѣдился въ невозможности инымъ путемъ принести пользу своей родинѣ. На самомъ себѣ онъ испыталъ весь ужасъ господствовавшихъ у насъ, благодаря самодержавію, порядковъ.

Кибальчичъ видѣлъ, что для честнаго человѣка совершенно закрыты всѣ пути къ мирной общественной дѣятельности. Уже одинъ тотъ фактъ, что такой миролюбивый и скромный человѣкъ примкнулъ къ террору служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что послѣдній былъ неизбѣженъ. Въ другой странѣ Кибальчичъ несомнѣнно сталъ бы выдающимся ученымъ. Развѣ не въ высшей степени характерно, что даже въ тотъ моментъ, когда возвышалась для него висѣлица, онъ въ послѣднемъ словѣ на судѣ говорилъ о чертежахъ и выкладкахъ, касающихся изобрѣтеннаго имъ летательнаго снаряда. Но истинѣ ужасенъ тотъ строй, въ которомъ такихъ людей возводятъ на эшафотъ!

Я зналъ также, съ давнихъ временъ — съ весны 1875 года—и Сосю Гельфманъ. Она жила тогда въ Кіевѣ, занимаясь шитьемъ, и оказывала намъ, пропагандистамъ, разныя мелкія услуги. Простая, малообразованная дѣвушка, она, конечно, больше по чувству, чѣмъ вслѣдствіе теоретическаго пониманія тяготѣла къ соціализму. Затѣмъ, я потерялъ ее изъ виду: будучи арестованной по дѣлу 50-ти, она приговорена была на два года заключенія въ рабочемъ домѣ. Преслѣдованія правительства сдѣлали и ее, скромную, тихую дѣвушку, террористкой. О безграничной преданности ея революціонному дѣлу, о ея готовности на всякія самопожертвованія, свидѣтель-

ствуетъ вся ея жизнь, полная всевозможныхъ мученій и страданій.

* * *

Изъ моего краткаго очерка развитія террора у насъ и характеристикъ главныхъ участниковъ процесса 1-10 марта можно уже отчасти видѣть, насколько правильно изобразилъ это дѣло прокуроръ Муравьевъ.

Выше я упомянулъ о томъ, что, убѣдившись, послѣ покушенія въ Зимнемъ дворцѣ, въ безплодности репрессивныхъ и исполнительныхъ мѣръ, правительство снабдило графа Лорисъ-Меликова неограниченной властью. Онъ, какъ извѣстно, объявилъ «диктатуру сердца», т. е., призвавъ на помощь для борьбы съ крамолой, общество, онъ обѣщалъ послѣднему всякія блага. Но, втеченіе 13-ти мѣсячнаго своего неограниченнаго господства, онъ ограничился лишь снаряженіемъ въ нѣкоторыя губерніи сенаторскихъ ревизій, не обнародованію. Кромѣ ничего не давшихъ, онъ назначилъ комиссію для разсмотрѣнія дѣлъ административно-ссыльныхъ, удалилъ всѣми ненавистнаго министра народ. просвѣщ. гр. Д. А. Толстого и переименовалъ знаменитое III отдѣленіе въ департаментъ государственной и общей, благополучно существующій и понынѣ.

Со стороны нѣкоторыхъ земствъ послѣдовали благодарственныя адреса либеральному графу съ выраженіемъ готовности развивать крамолу; разъ только представители общества будутъ призваны къ участію въ управленіи страной.

Въ теченіе всего періода «диктатуры сердца», Исполнительный Комитетъ Народ. Воли не совершилъ ни единаго террористическаго акта. Направленный противъ Ло-

рись-Меликова сыстрѣль Млодецкаго, за каковое покушеніе послѣдній поплатился жизнью, было предпринято имъ одинмъ на свой личный страхъ, вић всякой связи съ какой-либо организаціей, что неопровержимо было установлено во время слѣдствія и суда.

Но, расточая направо и налѣво обѣщанія, всемогущій диктаторъ спѣшилъ репрессіи по отношенію къ революціонерамъ. Обыски и аресты производились безпрерывно, и очень многіе изъ крупнѣйшихъ членовъ Народной Воли были захвачены. Не придавая самъ значенія обѣщаніямъ графа Лорисъ-Меликова, Исполнительный Комитетъ, тѣмъ не менѣе, до извѣстной степени считался съ надеждами, которыя общество возлагало на ловкаго царедворца. Отчасти поэтому до конца 1880 года террористы не предпринимали никакихъ новыхъ актовъ. Но съ января слѣдующаго года снова начинается интенсивная работа по подготовкѣ покушенія.

Изложеніе, думаю, касаться здѣсь самаго акта покушенія 1-го марта, столь подробно извѣстнаго, я предполагаю отнести на одно лишь обстоятельство обращающее вниманіе читателей.—Желябовъ, какъ извѣстно, арестованъ былъ наканунѣ покушенія на царя, но узнавъ о немъ, онъ самъ подалъ заявленіе въ которомъ требуетъ, чтобы его привлекли къ этому дѣлу, иначе говоря, онъ самъ требовалъ для себя смертной казни. Съ его стороны это, конечно, не былъ актъ отчаянія, а безусловно, самообладающій, героическій поступокъ. Н. Щегуровъ Муравьевъ старается умалить этотъ актъ, представляя его такъ, словно для Желябова онъ былъ неизбѣженъ: зная за собой динамитъ, оказавшійся у него на квартирѣ,—говоритъ г. Муравьевъ,—Желябовъ прямо заявляетъ, что онъ участникъ всякаго покушенія

на жизнь государя императора, слѣдовательно и участникъ послѣдняго». (стр. 275).

Едва-ли нужно упоминать о томъ, что все поведеніе Желябова на судѣ отличается необыкновеннымъ геройствомъ. Онъ самъ разсказываетъ о своемъ участіи въ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ никто не предполагаетъ его обвинять. Даже прокуроръ Муравьевъ не отказываетъ ему «въ умѣ, бойкости, ловкости». онъ, по словамъ обвинителя, «былъ созданъ для вождя — злодѣя въ настоящемъ дѣлѣ, это типъ агитатора». Но, какъ мы уже знаемъ, прокуроръ никакъ не желаетъ признать въ немъ героя. По его мнѣнію совсѣмъ не въ такомъ свѣтѣ предстаетъ Желябовъ въ воспоминаніяхъ, которыя останутся отъ этого грустнаго дѣла» (стр. 275).

Несмотря на возмутительныя, ничѣмъ не оправдываемыя придирки и притѣсненія Желябова предсѣдателемъ суда, рѣшительно не дававшаго ему возможности сколько-нибудь обстоятельно изложить свои мысли, онъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно искусно и умѣло велъ процессъ. Одинъ, безъ защитника, на каждомъ шагу останавливаемый и прерываемый предсѣдателемъ, Желябовъ, выступая на судъ, какъ чрезвычайно крупная, мощная фигура.

Замѣчу, однако, слѣдующее. Въ исторіи революціонныхъ движеній всѣхъ странъ происходило такъ, что вожаки этихъ движеній, въ періодъ неразвитости послѣднихъ, старались представить ихъ значительно болѣе сильными и могучими, чѣмъ они бывали въ дѣйствительности. Такія преувеличенія, дѣлавшіяся преднамѣренно, вскорѣ обнаруживались и, раскрывая слабость данныхъ организацій, приводили къ результатамъ

обратнымъ ожиданіямъ: слушатели и читатели подобныхъ заявленій не только не проникались благоговѣніемъ и страхомъ, будто-бы, къ могучимъ силамъ тайныхъ, подпольныхъ кружковъ, но, наоборотъ, умаляли и то значеніе и силы, каковыя имъ бывали присущи.

Совершенно аналогичное случилось и съ Желябовымъ во время суда. Ошибочнымъ его расчетомъ на сильное впечатлѣніе слѣдуетъ объяснить его заявленія на судѣ о «сорока семи лицахъ, будто бы, вызвавшихся участвовать въ дѣлѣ 1-го марта», о томъ, что онъ лишь «агентъ третьей степени Исполнительнаго Комитета», что послѣдній «поручилъ ему организовать покушеніе и т. п.». А между тѣмъ, безъ всѣхъ этихъ преувеличеній, небольшая горсть отважныхъ борцовъ, отдавшихъ всѣ свои силы и способности дѣлу освобожденія своей родины отъ неимовѣрнаго гнета, способна была вызывать изумленіе, а то и преклоненіе.

Нужно ли говорить, что Перовская и на судѣ выступаетъ столь же замѣчательной въ своей простотѣ и скромности женщиной, какой была на волѣ, въ практической своей дѣятельности. Ея послѣднее слово хватаетъ за душу: «кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходилось дѣйствовать,—сказала она,—не броситъ въ насъ ни обвиненія въ жестокости, ни обвиненія въ безнравственности» (стр. 349).

Но прокуроръ Муравьевъ счелъ возможнымъ и въ эту женщину бросить обвиненіе въ жестокости, цинизмъ и т. п. Что его «нравственное чувство» отказывалось понимать роль, которую Перовская играла въ дѣлѣ 1-го марта, вполнѣ понятно, такъ какъ было-бы въ высшей степени странно, если бы столь добродѣтельный

человѣкъ, какъ Муравьевъ, могъ понять Софью Перовскую. Одна изъ лучшихъ русскихъ женщинъ, беззавѣтно преданная дѣлу освобожденія своей родины, способная на безграничное самопожертвованіе, она, конечно, даже по мнѣнію Муравьева, не могла подходить подъ число тѣхъ, которыхъ нужда и голодъ гнали въ ряды революціонеровъ. Матеріально вполнѣ обезпеченная, прекрасно воспитанная, Софья Перовская, тѣмъ не менѣе, все же вступила въ ряды самыхъ рѣшительныхъ и отчаянныхъ борцовъ. Какъ объяснить такое явленіе прокурору, подходящему къ анализу мотивовъ, толкнувшихъ революціонеровъ къ ихъ дѣятельности, съ шаблонными указаніями на «нищету» или невоспитанность? Ему поэтому остается лишь, бросивъ нѣсколько инсинуацій, сослаться на свою неспособность понять столь ужасную женщину. Но, чтобы ни измышлялъ прокуроръ, образъ Софьи Перовской останется незапятнаннымъ въ исторіи Россіи, также памятнымъ останется и имя оскорбляющаго ее на судѣ обвинителя.

Строгъ, но несправедливъ Муравьевъ, въ большей или меньшей степени, и ко всѣмъ остальнымъ подсудимымъ. Такъ, о рабочемъ Тимоѳеѣ Михайловѣ онъ говоритъ, что тотъ «хорошо себѣ усвоилъ,.. что фабрики должны принадлежать рабочимъ... и что... хорошо, если заводъ Макферсона будетъ ему принадлежать, въ качествѣ пайщика или дольщика: онъ постигъ это,—говоритъ неумолимый представитель закона, — и, побуждаемый этимъ стремленіемъ, Михайловъ пошелъ, черезъ руки Желябова, съ метательнымъ снарядомъ на Екатерининскій каналъ».

Какая изумительная логика! Тимоѳей Михайловъ желалъ сдѣлаться «пайщикомъ или дольщикомъ» завода

Макферсона, поэтому онъ отправился съ «метательнымъ снарядомъ», отлично при томъ зная, что ему за это дѣлаетъ грозитъ смертная казнь!

Несмотря на сдѣланную прокуроромъ характеристику Михайлова, какъ «грубаго, неразвитаго, малограматнаго и т. д.», этотъ подсудимый производитъ впечатлѣніе убѣжденнаго, стойкаго человѣка. Онъ, правда, не въ состояніи послѣдовательно и красноорѣчиво изложить свои воззрѣнія,—въ этомъ отношеніи чувствуется даже нѣкоторая неясность и неопредѣленность. Такъ, свое присоединеніе къ террористамъ Т. Михайловъ объясняетъ тѣмъ, что, когда онъ развивалъ своихъ рабочихъ товарищей, предлагалъ дѣлать забастовки на заводахъ, группировалъ ихъ въ артели, чтобы они работали не на однихъ капиталистовъ», то за нимъ поставили шпіоновъ. «Вотъ тогда,—говоритъ онъ,—я отказался отъ заводской работы и заявилъ Желябову, что я буду террористомъ: онъ меня прикомандировалъ къ группѣ, которая принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, къ боевой дружинѣ, которая защищаетъ рабочаго человѣка. Къ ней я дѣйствительно принадлежу (84—85).

Изъ этого не совсѣмъ связнаго изложенія все же можно понять, что лишь преслѣдованія правительства заставили Тимоѳея Михайлова отказаться отъ своей мирной дѣятельности среди товарищей-рабочихъ и перейти въ ряды террористовъ. Вступивъ въ послѣдніе, онъ, подобно другимъ рабочимъ-террористамъ того времени, Ивѣнякову, Халтурину, Окладскому, Тихонову и др.,—цѣликомъ, беззавѣтно отдастся дѣлу освобожденія рабочаго класса, при помощи 1-го средства, которое въ то время казалось наиболѣе для этого цѣлесообразнымъ. Неясностью и непродуманностью воззрѣній относительно

путей для достиженія указанной цѣли. Въ большей или меньшей степени, страдали не одни только рабочіе, но и мы -соціалисты изъ интеллигенціи. Поэтому грѣшно винить ихъ за это.

Изъ отчета къ настоящему дѣлу, видно, что Желябовъ и Перовская входили въ Группу Рабочихъ Партіи «Народной Воли». Уже одно это ясно показываетъ, что на рабочихъ члены Народной Воли смотрѣли не какъ на самостоятельный классъ, который долженъ вести борьбу за свое освобожденіе, а какъ на подчиненную группу, могущую лишь содѣйствовать Партіи Народной Воли въ поставленной ею себѣ цѣли. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что названныя лица придавали пропагандѣ среди рабочихъ лишь постольку значенія, поскольку имъ удавалось привлечь изъ среды рабочихъ отдѣльныхъ лицъ, способныхъ посвятить себя террору. Иной можетъ по этому поводу замѣтить, что въ описываемое время, благодаря отсталости нашей промышленности и незначительности у насъ рабочаго класса, немыслима была задача развитія классового самосознанія пролетаріата. Но такое замѣчаніе было бы совершенно невѣрно. Еще въ 1873 –74 гг. пропагандисты, также не придававшіе особеннаго значенія рабочему классу, какъ таковому, а смотрѣвшіе на него лишь, какъ на посредствующее звѣно для проведенія соціалистическихъ идей въ среду крестьянъ,—тѣмъ не менѣе, все же имѣли относительно большой успѣхъ, и нѣкоторые изъ спропагандированныхъ ими рабочихъ стали вполнѣ сознательными дѣятелями. Въ концѣ же 1878 года мы видимъ уже попытку со стороны нѣкоторыхъ рабочихъ Петербурга и Москвы основать «Сѣверный Рабочій Союзъ» и издавать свою подпольную газету. Отчасти правительственныя преслѣ-

дованія, но также и ошибочный взглядъ самихъ революціонеровъ изъ интеллигентной среды, были причиной того, что союзъ этотъ просуществовалъ недолго, а затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, немногіе рабочіе примыкавшіе къ „Народной Волѣ“, главнымъ образомъ, занялись террористической дѣятельностью.

* * *

Поведеніе на судѣ Кибальчича и Гесси Гельфманъ отличалось такой же стойкостью и рѣшимостью, какъ и остальныхъ подсудимыхъ. Не буду останавливаться на нихъ, а перейду къ Николаю Рысакову. По несчастному стеченію обстоятельствъ, ему на долю выпала одна изъ первыхъ ролей въ дѣлѣ 1-го марта, и по обвинительному акту, онъ является главнымъ подсудимымъ, такъ какъ изъ двухъ лицъ, бросившихъ бомбы, онъ одинъ остался въ живыхъ.

Судьба этого юноши по истинѣ ужасна и полна трагизма. Рѣшившись на столь отчаянное предпріятіе, какъ цареубійство, Рысаковъ, вскорѣ послѣ совершеннаго имъ покушенія, малодушничалъ и выдалъ всѣхъ своихъ товарищей. Намъ до сихъ поръ неизвѣстно, играли-ли какую либо роль въ этомъ малодушіи какіе-нибудь специальные пріемы воздѣйствія со стороны лицъ, которыя вели дознаніе. Я сомнѣваюсь въ этомъ, — такъ или иначе, въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, протекшихъ съ того времени, стало-бы извѣстно о такихъ пріемахъ. Мнѣ кажется, что и безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія искуснымъ слѣдователямъ не трудно было склонить этого неустановившагося юношу къ чистосердечному раскаянію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно внимательно прочитать данныя имъ показанія, болѣе обнявшихъ,

безсвязныхъ и нелогичныхъ трудно - себѣ представить. Порой онѣ кажутся просто наборомъ словъ. Я увѣренъ, что онъ самъ не могъ бы объяснить значенія такой, напримѣръ, его фразы: «воззрѣнія «Народной Воли» я считалъ не знаменемъ, а партіей» (стр. 41). Къ числу такого же набора словъ нужно отнести и слѣдующія: «соціалистъ, если образно выразиться, носилъ свое право въ дулѣ револьвера», (стр. 46). Или, что и «чистый соціалистъ-революціонеръ долженъ воздержаться отъ революціонной борьбы, и я скорѣй принадлежу къ партіи „Черпаго Передѣла“ (стр. 81) и т. д. Но нѣкоторыя изъ апалогичныхъ заявленій Рысакова можно было бы принять даже за злостную клевету, если бы не ясно было, что они—результатъ его неразвитости и полнаго непониманія того, что онъ самъ говоритъ.

Такъ, по его словамъ, въ удачномъ цареубійствѣ онъ, между прочимъ, видѣлъ «средство устраненія экономическихъ причинъ, могущихъ вызвать кровавый деревенскій аграрный терроръ, направленный противъ ближайшихъ враговъ крестьянства, или безформенный народный бунтъ, недоступный руководству партіи и притомъ столь страшный, по своимъ послѣдствіямъ, что, даже *мы закоренѣлые злодѣи и не пугались его*» (стр. 46).

Въ послѣдней, подчеркнутой въ подлинникѣ, фразѣ заключаются два вздорныхъ утвержденія: при всей своей строгости къ русскимъ революціонерамъ, даже прокуроръ Муравьевъ не счелъ возможнымъ величать ихъ «закоренѣлыми злодѣями»; затѣмъ, они вовсе не пугались и не могли пугаться «народнаго бунта».

Рысаковъ, несомнѣнно, былъ вполнѣ неустановившимся юношей. Куда лучше было-бы, если-бы Желябовъ не принялъ его предложенія участвовать въ дѣлѣ 1-го

марта. Невыразимо тяжелое впечатлѣніе производитъ все его поведеніе. Но тѣмъ ужаснѣе отношеніе къ нему прокурора.

«Справедливость обязываетъ меня заявить ,—сказалъ Муравьевъ,— что сознаніе во всемъ томъ, что касается Рысакова, есть сознаніе полное и чистосердечное». «Я даже увѣренъ, —продолжалъ онъ,—что въ эти скорбныя торжественныя минуты его несолидарность простирается такъ далеко, что тяжкія мучительныя угрызенія совѣсти мучаютъ его». «Мягкій по характеру (на это я прошу обратить особенное вниманіе), довольно набожный, несклонный къ сопротивленію, къ спорамъ, доступный воздѣйствіямъ на него»... «Онъ указываетъ на участіе Гельфманъ и Тимофея Михайлова... Сознаваясь онъ оговариваетъ прямо подсудимыхъ»... «Рысаковъ сталъ на преступную дорогу... не вслѣдствіе логическаго процесса мысли, а вслѣдствіе того, что эту мысль, можетъ быть насильственно, вложили въ него; вслѣдствіе того, что на него, слабаго характеромъ, подѣйствовали люди, характера сильнаго, вслѣдствіе того, что его революціонизировали и довели до настоящаго состоянія... Нѣсколько грустный, апатичный, растерянный, весьма молчаливый и сдержанный, вотъ какимъ намъ представляется Рысаковъ» (стр. 270).

Я нарочно привелъ эту длинную выдержку, чтобы читатель увидѣлъ, въ какомъ выгодномъ свѣтѣ, съ точки зрѣнія правительства, самъ прокуроръ изобразилъ Рысакова. Напомнимъ, что этому подсудимому было всего 19 лѣтъ и что всѣ свидѣтели на судѣ отзывались о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Послѣ всего вышеприведеннаго, естественно было ожидать, что даже

нашъ строгій прокуроръ потребуетъ снисхожденія для этого подсудимаго. Но, по логикѣ добродѣтельнаго г. Муравьева, выходило иное.

«Какъ бы то ни было, закончилъ онъ, Рысаковъ не мальчикъ, онъ не дитя, онъ человѣкъ разумный и собственное его сознаніе, связное и послѣдовательное, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ его сознаніи была возможность сопротивляться этому вліянію. Онъ не сопротивлялся, напротивъ того, поддался ему, дошелъ до настоящаго положенія, — такъ пусть онъ несетъ за него отвѣтъ».

Итакъ. 19-лѣтній юноша, котораго даже мучаютъ мучительныя (!) угрызенія совѣсти», по мнѣнію прокурора, заслуживаетъ смерти только потому, что онъ не сопротивлялся вліянію на него болѣе сильныхъ людей.

Нечего, полагаю, доказывать, насколько нелогиченъ и вмѣстѣ возмутителенъ этотъ доводъ. Даже съ точки зрѣнія сторонниковъ самодержавія, Рысакова нельзя было казнить. Прокуроръ Муравьевъ обнаружилъ, въ этомъ случаѣ, ничѣмъ не могущую быть оправданной жестокость.

Требуя для всѣхъ безъ различія подсудимыхъ смертной казни, блюститель правосудія только на Рысакова не возвелъ обвиненій во всякихъ преступленіяхъ противъ морали.

Конечно, г. Муравьевъ прекрасно понималъ, что ни въ чистотѣ побужденій, ни въ любви къ родинѣ, какъ самихъ подсудимыхъ, такъ и ихъ товарищей и единомышленниковъ, нельзя было сомнѣваться. На заподозрѣваніе ихъ честности и искренности способны были лишь официальные обвинители по политическимъ процессамъ

и ихъ ближайшіе сообщники—чины жандармскаго вѣдомства.

Для чего нужно было г. Муравьеву взводить на революціонеровъ всевозможныя обвиненія, думаю, очевидно, для каждаго: онъ желалъ лишь унизить лицъ, сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ, оскорбить связанныхъ плѣнниковъ. Онъ, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что ихъ всѣхъ казнятъ, но ему мало было этого.

Г. Муравьевъ зналъ, что, чѣмъ искуснѣе онъ очернитъ подсудимыхъ, тѣмъ большее одобренія заслужитъ онъ отъ начальства, тѣмъ скорѣе доберется онъ до высокихъ чиновъ и большихъ окладовъ. Какъ извѣстно расчеты его вполнѣ оправдались: спустя нѣсколько лѣтъ, онъ сталъ министромъ, а нынѣ состоитъ посланникомъ съ окладомъ въ 70.000 руб. въ годъ. Лица же, шедшія въ революціонные ряды, потому что имъ нечего было ѣсть, давно поплатились жизнью за свои убѣжденія. У безкорыстнаго слуги самодержавія, стоившаго свое благополучіе на трупахъ борцовъ за свободу, хватало смѣлости бросать обвиненія въ самыхъ низменныхъ мотивахъ и побужденіяхъ тѣмъ, имена которыхъ всѣми честными людьми произносятся съ благоговѣніемъ.

* * *

Дѣло 1-го марта, какъ я уже упоминалъ, ни для кого не было неожиданнымъ. Нѣкоторые находили только выбранный для него моментъ неудачнымъ. Припоминаю свой разговоръ по этому поводу съ П. Л. Лавровымъ.

Крупная ошибка! Политическая ошибка! воскликнулъ онъ и затѣмъ сталъ доказывать, что террористы должны были выждать, пока общество окончательно потеряетъ надежду на обѣщанныя гр. Лорисъ-Меликовымъ реформы,

«а теперь, говорилъ онъ,—оно во всемъ будетъ винить революціонеровъ».

Старый эмигрантъ оказался правымъ. Въ иностранныхъ газетахъ, вскорѣ послѣ 1-го марта, появился текстъ манифеста о созывѣ незначительнаго контингента дворянъ съ совѣщательнымъ голосомъ, подписанный императоромъ Александромъ II, утромъ 1-го же марта. Какъ ни была ничтожна эта «конституція», но въ то время общество и ею готово было удовлетвориться. Когда же, вмѣсто этого акта, опубликованъ былъ первый манифестъ новаго царя, объявлявшій незыблемыми всѣ основы самодержавія и затѣмъ началась реакція, то многіе, даже изъ тѣхъ, которые еще недавно одобряли террористовъ, стали обвинять ихъ за дѣло 1-го марта: побѣжденный, какъ извѣстно, всегда оказывается во всемъ виноватымъ.

Дальнѣйшія событія самымъ жестокимъ образомъ разбили надежды, которыя члены организаціи «Народной Воли» возлагали на событіе 1-го марта; оно не только не способствовало политическому перерожденію нашей страны, какъ они предполагали, но, наоборотъ, съ этого момента начался періодъ самой жестокой реакціи, длившійся полтора десятилѣтія.

Можемъ-ли мы осуждать ихъ за это?

При существующихъ тогда условіяхъ, какъ мы видѣли, терроръ былъ неизбѣженъ и, разъ начавшись, онъ долженъ былъ закончиться актомъ 1-го марта.

Событіе это важно тѣмъ, что оно является кульминаціоннымъ пунктомъ длиннаго періода нашего революціоннаго движенія; оно является завершеніемъ геройской борьбы кучки интеллигентовъ, отдававшихъ всѣ свои

силы, способности и самую жизнь дѣлу освобожденія своей родины. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, событіе 1-го марта наглядно показало, что какъ-бы ни была велика самоотверженность и беззавѣтная преданность отдѣльныхъ героевъ, сколь ни были-бы возвышены поставленныя ими себѣ цѣли, — всѣ ихъ усилія и жертвы не могутъ привести къ осуществленію ихъ стремленій, разъ отсутствуютъ необходимыя для этого внѣшнія условія.

Нерѣдко приходится слышать: «если-бы общество и массы поддержали народовольцевъ, результатомъ ихъ геройской борьбы давно уже была-бы у насъ политическая свобода». Утверждающіе это, очевидно, не задаются вопросомъ, чѣмъ же обусловливалось отсутствіе этой поддержки? Несомнѣнно, только тѣмъ, что названные слои тогда не сознавали еще необходимости оказать ее; поэтому, они и не были способны на энергичную борьбу и на неизбѣжныя при ней жертвы. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ событія послѣднихъ лѣтъ. Выдвинутый развившеюся у насъ съ тѣхъ временъ промышленностью рабочій классъ взялъ въ свои руки борьбу за политическую свободу, проявивъ при этомъ безпримѣрное во всемірной исторіи геройство; за нимъ пошли общество и другіе слои населенія, и, хотя пока не удалось еще окончательно свергнуть самодержавіе, но, — что ясно теперь для всякаго, — дни послѣдняго, несомнѣнно, уже сочтены.

Геройскія усилія народовольцевъ не остались, однако, напрасными. Они были первыми рѣшительными застрѣльщиками въ борьбѣ за свободную Россію, они первые сдѣлали серьезный вызовъ абсолютизму. Правда, самодержавному правительству удалось сразить отважныхъ борцовъ, но то было лишь временная его побѣда: на

смѣну павшимъ героямъ пришли другіе, новые, которыхъ воодушевлялъ примѣръ погибшихъ. Среди послѣднихъ самое почтенное мѣсто, безспорно, принадлежитъ Желябову, Перовской и ихъ товарищамъ.

Левъ Дейчъ.

2007237434